

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

5 (35) 2014

Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:

Северо-Западного федерального округа

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включён в базы данных ВИНИТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (СЕМИ) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Максимцев И.А. – д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Шишкин А.И., д.т.н., проф., гл. н. с. Института экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия)

Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

5 (35) 2014

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

Editorial Council:

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Shishkin A.I., Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of the RAS (Petrozavodsk, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Необходимость нового цикла развития 9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 16

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Осипов Г.В.* Метафора социума (социологическое эссе) 22

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

- Шабунова А.А., Кондакова Н.А.* Здоровье и развитие детей: итоги
20-летнего мониторинга 33
Анисимов Р.И. Экономическая трансформация России в период 1990–2012 годов
и ее отражение в сознании россиян 55
Аксенова О.В. Особенности модернизации в регионах России 69
Морев М.В., Короленко А.В. Субъективный фактор общественного развития
как ключевой ресурс консолидации российского общества 78
Ласточкина М.А. Мониторинг социокультурного развития региона
как компонент повышения эффективности социального управления 99
Головчин М.А., Леонидова Г.В. Социокультурные характеристики современной
молодёжи: некоторые результаты пилотного исследования 113
Козлова О.А., Величковский Б.Т., Дерстуганова Т.М. Методические вопросы
измерения последствий социального неравенства в регионах России ... 127
Маркин В.В. Региональная социология и управление: «дорожная карта»
взаимодействия 135
Соловьев А.К. Проблема преодоления бедности пенсионеров – ключевая
задача государства и общества современной России 143
Гужавина Т.А. Доверие и его роль в модернизационном развитии региона 156

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- Афанасьев Д.В.* Общество и власть: поиск путей формирования
взаимного доверия 173
Маршак А.Л. Культурная идентичность как фактор укрепления
целостности России 179

Егорышев С.В. Социологический анализ эффективности социального взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом и населением на уровне региона 184

Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста 188

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Лебедева-Несевря Н.А., Цинкер М.Ю., Чигвинцев В.М. Макросоциальные детерминанты и риски здоровью населения регионов России 193

Рапаков Г.Г., Банщиков Г.Т. Эффективность реализации областной целевой программы лечения пациентов с артериальной гипертензией на региональном уровне (опыт Вологодской области) 206

Касимов Р.А., Разварина И.Н. Апробация модели формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства на муниципальном уровне 222

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Иванова Г.Н., Андросенко Н.В. Применение инструментов стандартизации для совершенствования деятельности органов исполнительной власти 238

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Куратова Э.С. Методология оценки транспортной обеспеченности территории для целей доступности социальных услуг 251

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Россошанский А.И., Белехова Г.В. Благополучие населения как показатель модернизационного потенциала территории 260

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ускова Т.В. О роли эволюционной и институциональной теории в решении проблем региональной экономики (IV Всероссийская летняя школа молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики) 276

Требования к оформлению статей 283

Информация о подписке 288

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> The necessity of a new development cycle	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....	16

THEORETICAL ISSUES

<i>Osipov G.V.</i> Metaphor of society (a sociological essay)	22
---	----

SOCIOLOGY AND SOCIAL PRACTICE

<i>Shabunova A.A., Kondakova N.A.</i> Children's health and development: results of a 20-year monitoring	33
<i>Anisimov R.I.</i> Economic transformation in Russia in 1990–2012 and its reflection in the consciousness of the Russians	55
<i>Aksenova O.V.</i> Specifics of modernization in Russia's regions	69
<i>Morev M.V., Korolenko A.V.</i> Subjective factor in social development as a key resource for the consolidation of the Russian society	78
<i>Lastochkina M.A.</i> Monitoring of the region's socio-cultural development as a component to enhance the effectiveness of social administration	99
<i>Golovchin M.A., Leonidova G.V.</i> Socio-cultural characteristics of the modern youth: some results of the pilot study	113
<i>Kozlova O.A., Velichkovskii B.T., Derstuganova T.M.</i> Methodological issues of assessing the effects of social inequality in Russia's regions	127
<i>Markin V.V.</i> Regional sociology and management: a "roadmap" for interaction	135
<i>Solov'ev A.K.</i> Alleviation of pensioners' poverty – a key task for the state and society in contemporary Russia	143
<i>Guzhavina T.A.</i> Trust and its role in the modernization development of the region.....	156

ROUND TABLE: SOCIETY AND SOCIOLOGY IN MODERN RUSSIA

<i>Afanas'ev D.V.</i> Power and society: search for the ways of formation of mutual trust.....	173
<i>Marshak A.L.</i> Cultural identity as a factor in strengthening the integrity of Russia	179

<i>Egoryshev S.V.</i> Sociological analysis of the efficiency of social interaction between law enforcement agencies, civil society and population at the regional level	184
<i>Shukhatovich V.R.</i> Professional vocation: on the subject of non-economic factors in economic growth	188

PUBLIC HEALTH AND HEALTH CARE

<i>Lebedeva-Nesevrya N.A., Tsinker M.Yu., Chigvintsev V.M.</i> Macro-social determinants and public health risks in Russia's regions	193
<i>Rapakov G.G., Banshchikov G.T.</i> Efficiency of implementation of the regional target program for the treatment of patients with arterial hypertension at the regional level (experience of the Vologda Oblast)	206
<i>Kasimov R.A., Razvarina I.N.</i> Evaluation of the efficiency of regional health-preserving educational space formation	222

MANAGEMENT ISSUES

<i>Ivanova G.N., Androsenko N.V.</i> Application of standardization tools to improve the performance of executive authorities	238
---	-----

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Kuratova E.S.</i> Methodology for assessing the transport security of the territory for the availability of social services	251
--	-----

YOUNG RESEARCHERS

<i>Rossoshanskii A.I., Belekhova G.V.</i> Welfare of the population as an indicator of modernization potential of the territory	260
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Uskova T.V.</i> On the role of the evolutionary and institutional theory in the solution of regional economic issues (the 4th all-Russian summer school of young researchers specializing in evolutionary and institutional economics)	276
Requirements to manuscripts	283
Subscription information	288

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.1

Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Vladimir Aleksandrovich ILYIN

Doctor of Economics,
Professor, Honoured
Scientist of the Russian
Federation,
ISEDТ RAS Director
ilin@vscc.ac.ru

Необходимость нового цикла развития

13–15 ноября 2014 года в Вологде состоится Всероссийская научно-практическая конференция «Общество и социология в современной России». Её организаторами выступают Институт социологии РАН, Институт социально-политических исследований РАН, Институт социально-экономического развития территорий РАН и Правительство Вологодской области.

Содержательная цель конференции состоит в обсуждении проблем, связанных с возрастанием роли социологической науки в обеспечении перехода нашей страны на траекторию устойчивого и сбалансированного развития, гарантирующего непрерывное увеличение производства благ и услуг и достижение на этой основе более высокого качества жизни населения.

Настоящий выпуск нашего журнала почти целиком отдан исследовательским продуктам, рассматривающим ту или иную сторону проблем, выносимых на конференцию; расширена тематика, затронутая в предыдущих номерах издания¹.

¹ В выпуске 2 (32) 2014 г. см.: *Ильин В.А., Шабунова А.А.* Социологическое измерение эффективности государственного управления. В выпуске 3 (33) 2014 г. опубликованы: *Горшков М.К.* Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост; *Локосов В.В.* Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике; *Шабунова А.А., Ласточкина М.А.* Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации; *Леонидова Г.В., Попов А.В.* Удовлетворенность трудом как индикатор эффективного государственного управления (социологический анализ); *Панов А.М.* Гендерный анализ российского рынка труда. В выпуске 4 (34) 2014 г. размещены работы: *Осипов Г.В.* Политический шантаж — преддверие глобальной катастрофы; *Тощенко Ж.Т.* Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012); *Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н.* Оценка влияния процесса социального воспроизводства на экономическое развитие региона (на примере Свердловской области); *Попова Л.А., Баращикова А.С.* Развитие брачно-семейных отношений в северных регионах России; *Базуева Е.В.* Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как фактор институциональных изменений; а также материалы под рубрикой «Круглый стол: Общество и социология в современной России».

Современное российское общество является прежде всего результатом реформ, преобразовавших иерархически-централизованную советскую экономическую систему в рыночную. Осталась в прошлом монополия государственной собственности, собственнические отношения приобрели многоукладный характер. В результате массовой приватизации бывших социалистических предприятий появился класс собственников капитала. С конца 1990-х — начала 2000-х годов сформировались основные институты, присущие рыночной системе.

Вместе с тем форсированный переход к рыночному хозяйствованию вызвал трансформационную рецессию, которая проявилась в деиндустриализации, «сырьевом перекосе» экономики, в большой зависимости ее от конъюнктуры мирового рынка энергетических ресурсов. И хотя с начала 2000-х годов усилиями законодательной и исполнительной власти, хозяйственных структур удалось восстановить и несколько прибавить объем валового внутреннего продукта, эффективность российской экономики не повысилась, страна стала еще больше отставать по экономическим и социальным параметрам от лидеров современного мира.

Утверждение в России рыночной системы сопровождалось огромными переменами в экономическом сознании и поведении людей. Развернутый анализ этих перемен был дан на страницах нашего журнала в статье члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко². Он подробно охарактеризовал противоречия, которые сложились

² См.: Тощенко Ж.Т. Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 4. — С. 36-47.

в общественном сознании, показал, что многие его черты имеют парадоксальный характер. Ученый аргументировал, как можно преодолеть это ненормальное положение. Здесь же отметим его принципиальный вывод о том, что **«провозглашенное преимущество рыночных отношений не может само по себе пробить дорогу. Если они не будут социально ориентированы, людей ждут (вернее, значительную часть населения) и нищета, и обездоленность, и отчаяние»**.

Императивы экономики, с одной стороны, и поддержание социальной стабильности, с другой стороны, требуют проведения в стране сбалансированной социальной политики. Кстати сказать, именно в этой области исследований жизнедеятельности общества имеет место явная полезность и плодотворность погружения социологов в сферу экономики, а экономистов — в общественные настроения населения, состояние субъективного выражения его потребностей, мотивов и интересов. В этом убеждает многолетний опыт комплексных исследований ИСЭРТ РАН, в становлении и организации которых большую роль сыграл один из старейшин отечественной социологии академик Г.В. Осипов. Результаты экономического анализа хорошо сочетаются с социологическими замерами общественных настроений, расширяют и углубляют знания о состоянии общества. Более того, этот инструментарий представляется незаменимым не только при оценке текущего состояния, но и при определении приоритетов общественного развития на перспективу.

В настоящее время эти приоритеты включают прежде всего поддержку наименее защищенных слоев населения.

В число приоритетов входят также стимулирование и поддержка способностей человека к совершенствованию своих профессиональных навыков, адаптироваться к новым требованиям организации производства и образа жизни. В этом плане у социологов, пожалуй, самый обширный фронт научной и практической деятельности.

Важнейшее значение имеют политические аспекты общественного устройства. Здесь важно продолжать создание эффективно работающей законодательной, исполнительной и судебной власти, действенного механизма правоприменения.

Исследования ИСЭРТ РАН, как и большинства других научных учреждений, свидетельствуют, что реальное воздействие на экономическое и социальное развитие в настоящее время оказывают преимущественно власть и бизнес, зачастую оставляя в положении наблюдателя гражданское общество. В свою очередь отсутствие развитого гражданского общества и его эффективных институтов порождает безответственность властных формирований и собственников частного капитала. Становится все более очевидным, что общество может устойчиво развиваться только тогда, когда его элементы структурно организованы и по вертикали, и по горизонтали, когда общество сильно и государством, и гражданским основанием.

Более чем двадцатилетний период российских реформ стал серьезным испытанием для морально-нравственных устоев общества. Академик М.К. Горшков справедливо отмечает: **«После того, как государство фактически сложило с себя роль морального “наставника”, а другие общественные институты не смогли или не**

захотели на себя эту роль принять, россияне оказались перед свободным выбором морально-нравственных ориентиров. И многие сделали выбор в пользу отказа от лишнего “морального бремени”, поскольку игнорирование традиционных моральных предписаний стало в ряде случаев экономически и социально выгодным»³. Это очень беспокоит большинство наших граждан, что является признаком того, что российское общество чувствует неотложность оздоровления морально-нравственного климата в стране.

Жизненные реалии объективно диктуют необходимость перехода страны в новый цикл развития, в котором главенствующее место должны занять качественные сдвиги в производстве товаров, благ и услуг, в результативности труда, материальных и финансовых затрат, кардинальное повышение качества жизни всего населения. В фокусе социальной политики должны быть энергичные меры по сокращению избыточной дифференциации доходов населения, существенное увеличение ресурсов в пользу социальной сферы, обеспечение поступательного демографического развития, укрепление общественного здоровья и увеличение продолжительности жизни. Россия должна стать страной, в которой реально достигнута социальная справедливость.

Необходимость перехода именно к такому циклу развития все острее проявляется в ожиданиях подавляющего большинства россиян. Но принципиально важно то, что эта необходимость признается не только общественностью, но

³ См.: Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. — 2012. — № 1. — С. 29.

и руководством страны. Она четко обозначилась в выступлениях В.В. Путина в ходе его выборов на должность Президента РФ, а затем и в указах, принятых им в день президентской инаугурации 7 мая 2012 года.

В этих указах названы концептуальные направления стратегии экономического и социального развития страны на период до 2020 года. Обозначены ключевые показатели, которые должны быть достигнуты в этот период. Прописаны пути совершенствования государственного управления в целях достижения намеченных рубежей и укрепления национальной безопасности.

Но особенно важно то, что В.В. Путин проявляет стремление добиться выполнения поставленных задач. Уже в сентябре 2012 года он публично объявил выговор трем федеральным министрам за срыв выполнения принятых указов⁴. На совещании министров и губернаторов в Элисте в апреле 2013 года Путин подверг их резкой критике за нерасторопность по реализации указов.

Общественное настроение в отношении проводившейся тогда финансово-экономической политики правительства Д.А. Медведева было ёмко выражено в редакционной статье журнала «Эксперт». В ней говорилось: **«Программный набор действий ясен: инфраструктурные проекты, в первую очередь транспортные, жилье — рост в разы, дешевая ипотека, арендное жилье; модернизация ЖКХ, это не черная дыра, а зона развития; изменение денежно-кредитной политики, дешевый капитал, развитие всей финансовой сферы — она сегодня примитивна, неадекватна стоящим задачам; ко-**

нечно, продолжение инновационной линии; развитие производительных сил на всей территории страны, всяческая помощь любому бизнесу в регионах. Пора прорабатывать конкретные организационные технологии решения этого набора задач»⁵.

18 сентября 2014 года состоялось заседание Государственного Совета, на котором обсуждался вопрос о развитии отечественного бизнеса и повышении его конкурентоспособности на мировом рынке.

Рабочей группой по подготовке этого заседания, возглавляемой губернатором Белгородской области Е.С. Савченко, совместно со структурами президентской администрации подготовлен доклад, в котором предложена совокупность действий, соответствующих новой экономической реальности⁶.

В докладе констатируется, что для обеспечения устойчивого продолжительного роста валового внутреннего продукта России на уровне 7—8 процентов ежегодно необходимо запустить новую модель экономического роста, основанную, во-первых, на продуманном импортозамещении и, во-вторых, на активном стимулировании внутреннего спроса и потребления.

Для успешного запуска такой модели, по заключению рабочей группы, необходимо прежде всего отказаться от целого ряда исчерпавших себя экономических решений и некоторых устоявшихся мифов и одновременно принять новые нормы и правила экономического поведения, адекватные вызовам времени.

⁵ Выйти из бреда. Редакционная статья // Эксперт. — 2013. — № 19. — 13—19 мая.

⁶ См.: Стенограмма заседания Государственного Совета 18 сентября 2014 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcript/46636>.

⁴ См.: газета «Известия» от 19 сентября 2012 г.

Конкретно речь идет о том, что необходимо:

— отказаться от укоренившегося мифа, что мы не можем себя накормить, одеть, обуть, обеспечить товарами длительного пользования; Правительству РФ следует сформировать перечень проектов, направленных на импортозамещение, а главное, сопроводить их новым механизмом поддержки;

— отказаться от непропорциональных, если не сказать дискриминационных, отношений между кредитными финансовыми организациями и реальным сектором экономики, сделать кредитные ресурсы доступными для бизнеса;

— отказаться от моратория на пересмотр налогового законодательства (заменить НДС на налог с оборота, пересмотреть ставку налога на дивиденды, внести изменения в платежи акцизов на алкоголь);

— отказаться от хронического недофинансирования науки — основы нашей будущей конкурентоспособности, экономического и социального прогресса; ре-

шить эту проблему не столько за счет увеличения бюджетного финансирования, сколько за счет крупных компаний и корпораций, создания корпоративных инжиниринговых и исследовательских центров;

— отказаться от проведения поспешных, не прошедших глубокую экспертную оценку реформ⁷;

— отказаться от неэффективного, не меняющегося уже десятилетия, традиционного управления экономикой; новая экономическая и социальная реальность требует перехода всей парадигмы управления исполнительной части и законодательной власти к управлению целями и проектами, как экономическими, так и гуманитарными.

Настоящими драйверами экономического роста на ближайшее десятилетие могут стать строительство в стране до 2020 года (максимум до 2022-го) 50 тысяч километров современных автодорог и ежегодный ввод индивидуального жилья до 1 миллиона усадебных домов (это 130–150 млн. кв. м), переселение за 10 лет в

⁷ В докладе Е.С. Савченко в качестве примеров подобных реформ названы электроэнергетика, выделение в результате реформ РЖД пригородных пассажирских перевозок. Отмечено, что реформы в образовании не решают главный вопрос — система профессионального образования отстает от запросов реальной экономики, интересы учебных заведений, работодателей и самих учащихся разобщены: экономике нужны квалифицированные рабочие, современная рабочая аристократия, как правило, со средним образованием, а в стране более 80 процентов молодежи получают высшее образование по специальностям, не всегда востребованным на рынке труда.

Заметим здесь, что набравшие вопросы российского образования были ёмко обозначены на форуме Общероссийского народного фронта «Качественное образование во имя страны», состоявшемся недавно в Пензе, и представлены лично Президенту РФ В.В. Путину. Форум, в частности, определил главную причину, по которой в образовании появилось много болевых точек: совершенно некритическое заимствование отдельных элементов успешных систем образования и науки в других странах без сопутствующих социально-экономических условий функционирования этих систем. ЕГЭ лишил вузы возможности выбирать себе абитуриентов, он охватывает далеко не все разделы школьной программы. Болонский процесс уничтожил высококлассную подготовку специалистов и стал угрозой образованию в нескольких областях (См.: Эксперт. — 2014. — № 43. — С. 12).

собственные дома четверти россиян. Эти два проекта создадут мощный мультипликационный эффект экономического роста, а политические последствия от их реализации – укрепление социальной стабильности и национальной консолидации российского общества – трудно переоценить.

Как видно, предлагаются в сущности те же меры, о которых в более общем виде было сказано в вышеназванной редакционной статье «Эксперта».

С того времени прошло полтора года. Однако кардинальных действий Правительством РФ по переводу страны на новый цикл развития не предпринято. Почему?

Редакционная статья журнала «Эксперт» завершилась следующим выводом: **«Нужна новая парадигма, нужны новые идеи, как обустроить страну, нужны новые носители этих идей... Но идейная власть находится в тех же руках. Ничего полезного от этих людей уже ждать нельзя, они препятствуют движению вперед»**. К сожалению, такой же вывод можно сделать и сегодня. Потеряны полтора года. Сколько ещё есть в запасе? Кто скажет?

Становление нового цикла отечественного развития ныне существенно осложняют развернутые США и их европейскими партнерами антироссийские санкции в связи с событиями на Украине. Как сказал В.В. Путин на пленарном заседании международного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года в г. Сочи, смысл таких действий – отбросить развитие России далеко назад. Но эти планы, подчеркнул Президент, никогда не будут реализованы. **«Россия, – заявил он, – свой выбор сделала, наши приоритеты – дальнейшее совершенство-**

вание институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом позитивных современных тенденций в мире и консолидации общества на основе традиционных ценностей и патриотизма»⁸.

На новом этапе развития российского общества актуализируются задачи отечественной социологической науки. Речь идет, с одной стороны, об обогащении теории социального и социально-политического развития российского общества и его различных социальных групп с учетом прогрессивных перемен в экономике и социальной и политической сферах. А с другой стороны, необходима активная включенность социологов в практическое достижение качественных перемен общественного развития.

Представляется, что с принятием в середине текущего года федерального закона «О государственном стратегическом планировании»⁹ для социологов открываются новые возможности участия в выполнении федеральных и региональных программ и проектов, проведении их научно-технической экспертизы. Одна из задач социологов – настойчиво вырабатывать у власти потребности в получении объективной информации о восприятии населением социально-экономических и политических преобразований, проводимых в стране и в каждом регионе отдельно.

⁸ Путин В.В. Вступительная речь на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46860>.

⁹ 18 июня 2014 г. Государственной Думой был принят во втором чтении подготовленный Минэкономразвития России проект федерального закона «О государственном стратегическом планировании» (№ 143912).

Свою функцию социология сможет в полной мере выполнить тогда, когда системная основа исследований будет закреплена на законодательном уровне, будут отработаны единые механизмы измерения общественного мнения в отношении оценки эффективности государственного управления по всей вертикали власти, а также анализа получаемых с его помощью результатов законодательно закрепленной реакции на эти результаты властных структур — от главы поселения до председателя Правительства РФ.

Всё отмеченное выше органически вписывается в направления, которые планируется обсудить на Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России».

Избранный оргкомитетом конференции формат — проведение пленарного заседания и организация тематических секций — позволяет, по нашему мнению, сделать этот форум знаковым событием.

Тем более что он будет проходить в двадцатилетнюю годовщину со времени рождения в нашей стране неофициального профессионального праздника — Дня социолога. Этот праздник, начиная с 14 ноября 1994 года, стали отмечать на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета — колыбели российской академической (университетской) социологии. Представляется, что научное сообщество социологов России и дальше будет продолжать активно участвовать в решении проблем, связанных с переходом к новому циклу развития страны.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в среднем за последние 6 опросов, проведенных за период с декабря 2013 по октябрь 2014 г. Дается сопоставление их с данными за 2013 г., 2011 г. (когда шёл к окончанию срок пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева) и за 2007 г. (когда завершился второй срок президентской деятельности В.В. Путина). Сравнений с 2012 г. не проведено, поскольку это был неполный год президентства В.В. Путина (инаугурация состоялась 7 мая 2012 г.).

Оценка деятельности власти

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился на 7 п.п. (с 55 до 62%), доля негативных оценок снизилась на 5 п.п. (с 29 до 24%).

Для справки: по данным ВЦИОМ (на первую половину октября 2014 г.) уровень одобрения деятельности Президента РФ в целом по стране составляет 88,9%, доля отрицательных оценок – 6%.

Поддержка Председателя Правительства в среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. увеличилась на 4 п.п. (с 49 до 53%), удельный вес неодобрительных характеристик снизился на 4 п.п. (с 33 до 29%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Президент РФ													
Одобрю	75,3	58,7	55,3	57,3	56,1	62,8	66,6	66,4	66,8	62,7	+7	+4	-13
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	28,9	29,3	25,4	21,8	19,3	18,5	23,9	-5	-2	+12
Председатель Правительства РФ*													
Одобрю	-	59,3	48,9	51,1	49,3	52,5	55,8	55,2	56,2	53,4	+5	-6	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	32,5	32,9	30,9	26,4	26,8	23,9	28,9	-4	+4	-
Губернатор													
Одобрю	55,8	45,7	44,4	44,1	42,8	41,6	38,5	38,8	39,7	40,9	-4	-5	-15
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	35,3	36,9	39,0	40,9	40,1	39,6	38,6	+5	+8	+16

* Вопрос задается с 2008 г.

В среднем за декабрь 2013 – октябрь 2014 г. по сравнению с 2013 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ увеличился во всех социально-демографических категориях населения (на 5–9 п.п.). Особенно среди 20% наиболее обеспеченных (с 64 до 73%), людей со средним специальным образованием (с 56 до 65%), жителей Череповца (с 64 до 73%).

Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социальных группах населения (в % от числа опрошенных)

Показатель	2007	2011	2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+ / -) последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
<i>Пол</i>													
Мужской	73,6	55,6	52,4	52,5	55,4	58,7	65,5	63,4	62,9	59,7	+7	+4	-14
Женский	76,7	61,2	57,7	61,1	56,6	66,1	67,5	68,8	69,9	65,0	+7	+4	-12
<i>Возраст</i>													
до 30 лет	76,6	58,3	52,9	52,7	53,0	61,1	63,4	68,8	67,9	61,2	+8	+3	-15
30-55 лет	75,1	57,6	55,4	56,5	54,9	62,4	67,3	61,8	67,3	61,7	+6	+4	-13
старше 55 лет	74,6	60,7	57,1	61,6	59,8	64,7	67,7	71,4	65,5	65,1	+8	+4	-9
<i>Образование</i>													
Среднее и н/среднее	70,3	54,9	51,4	55,8	51,9	58,1	60,0	60,0	56,2	57,0	+6	+2	-13
Среднее специальное	76,4	59,8	55,8	58,1	58,0	62,1	68,6	68,7	72,4	64,7	+9	+5	-12
Высшее и н/высшее	80,1	61,3	59,1	58,2	58,8	69,2	72,0	70,6	73,1	67,0	+8	+6	-13
<i>Доходные группы</i>													
20% наименее обеспеченных	65,1	45,7	49,6	62,7	46,1	48,9	54,6	59,7	57,3	54,9	+5	+9	-10
60% средне-обеспеченных	78,0	60,4	56,1	56,4	57,9	64,4	69,4	67,0	69,0	64,0	+8	+4	-14
20% наиболее обеспеченных	82,6	68,9	63,6	64,6	69,4	72,6	77,7	78,0	76,8	73,2	+10	+4	-9
<i>Территории</i>													
Вологда	74,1	58,3	53,2	55,2	53,1	61,0	66,6	65,3	65,2	61,1	+8	+3	-13
Череповец	82,8	68,5	63,7	65,0	66,8	73,2	74,4	77,8	81,3	73,1	+9	+5	-10
Районы	72,2	53,9	51,9	54,1	51,8	58,1	62,3	60,7	59,8	57,8	+6	+4	-14
Область	75,3	58,7	55,3	57,3	56,1	62,8	66,6	66,4	66,8	62,7	+7	+4	-13

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. доля положительных оценок успешности решения Президентом ключевых проблем страны увеличилась на 3–7 п.п., особенно по проблеме наведения порядка в стране (с 39 до 47%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? *
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
											2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России													
Успешно	58,4	46,2	45,7	47,5	45,9	48,6	53,7	50,9	52,3	49,8	+4	+4	-9
Не успешно	24,9	33,7	36,2	35,8	35,7	35,5	31,7	30,0	31,0	33,3	-3	0	+8
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>111,7</i>	<i>110,2</i>	<i>113,1</i>	<i>122,0</i>	<i>120,9</i>	<i>121,3</i>	<i>116,5</i>	+7	+4	-17
Наведение порядка в стране													
Успешно	53,2	36,6	39,4	44,5	42,7	46,7	49,5	47,5	49,4	46,7	+7	+10	-7
Не успешно	34,0	50,0	47,5	45,5	43,7	40,9	39,5	37,8	37,8	40,9	-7	-9	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>99,0</i>	<i>99,0</i>	<i>105,8</i>	<i>110,0</i>	<i>109,7</i>	<i>111,6</i>	<i>105,9</i>	+14	+19	-13
Защита демократии и укрепление свобод граждан													
Успешно	44,4	32,4	31,8	32,8	32,3	36,3	40,1	37,6	38,2	36,2	+4	+4	-8
Не успешно	37,0	48,3	51,0	51,6	50,1	48,7	43,9	43,7	44,3	47,1	-4	-1	+10
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>81,2</i>	<i>82,2</i>	<i>87,6</i>	<i>96,2</i>	<i>93,9</i>	<i>93,9</i>	<i>89,2</i>	+8	+5	-18
Подъём экономики, рост благосостояния граждан													
Успешно	47,2	30,7	31,3	32,6	31,5	34,9	35,8	35,1	33,9	34,0	+3	+3	-13
Не успешно	39,1	56,1	56,8	59,7	57,1	54,3	53,5	50,2	54,4	54,9	-2	-1	+16
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>72,9</i>	<i>74,4</i>	<i>80,6</i>	<i>82,3</i>	<i>84,9</i>	<i>79,5</i>	<i>79,1</i>	+5	+5	-29

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.

В среднем за декабрь 2013 – октябрь 2014 г. по сравнению с 2013 г. доля жителей области, положительно характеризующих свое настроение, не изменилась (69%). Удельный вес негативных характеристик составил 25–26%. Следует отметить, что доля испытывающих «нормальное состояние, прекрасное настроение» с февраля по июнь 2014 г. увеличилась на 6 п.п., с июня по октябрь снизилась на 2 п.п.

Незначительно улучшились показатели запаса терпения. Доля тех, кто считает, что «всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть» за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. увеличилась на 2 п.п. (с 79 до 81%). Удельный вес тех, кто не может терпеть своё «бедственное положение», снизился на 2 п.п. (с 14 до 12%).

В декабре 2013 – октябре 2014 г. по сравнению с 2013 г. структура социальной самоидентификации существенно не изменилась. Доля относящих себя к категории «людей среднего достатка» составляет 43–44%, удельный вес «бедных и нищих» немного выше (47–48%).

Индекс потребительских настроений за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. не изменился (89–90%). Между тем его значение снижается с июня 2014 г. (за период с июня по октябрь 2014 г. – на 7 п.п.).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
											2013	2011	2007
Настроение													
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,6	65,1	69,3	71,1	70,5	69,3	69,2	+1	+6	+6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	26,2	27,1	24,9	23,7	25,1	24,6	25,3	-1	-4	-3
Запас терпения													
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	83,1	79,8	81,3	81,0	82,5	80,3	81,3	+2	+7	+7
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,0	12,3	11,1	13,4	12,8	12,1	12,3	-2	-3	-1
Социальная самоидентификация													
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,7	44,2	43,1	42,0	44,1	43,5	43,4	-1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	46,7	46,9	49,1	48,4	49,6	49,3	48,3	+1	+4	+6
Индекс потребительских настроений													
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,9	91,5	90,3	90,5	87,1	84,0	88,6	-2	-1	-17

В партийно-политических предпочтениях населения ведущую роль сохраняет партия «Единая Россия». Уровень её поддержки в среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2013 г. увеличился на 2 п.п. (с 29 до 32%). Позиции других парламентских партий остаются стабильными: КПРФ – 10–11%, ЛДПР – 7–8%, «Справедливой России» – 4–5%. Значительная часть населения считает, что ни одна из действующих в настоящее время партий не выражает их интересов (35%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	29,5	28,3	29,5	32,7	34,3	35,5	31,6	+2	+1	+1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	11,8	10,9	10,7	9,8	9,1	9,3	10,3	-1	0	+3
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	8,1	8,9	8,3	6,2	6,9	7,3	7,6	0	0	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	4,4	3,5	3,3	3,3	3,7	3,9	3,7	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,8	0,4	0,2	0,1	0,1	0,7	0,4	0	-2	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	35,2	34,8	36,0	35,0	32,6	34,7	0	+5	+17
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	10,9	12,7	13,1	11,8	10,9	10,7	11,7	+2	-2	-10

Отношение населения к двусторонним санкциям России, США и стран ЕС

Большинство жителей Вологодской области знают об экономических санкциях против России и ее ответных санкциях против США и стран ЕС (84–85%). Доля тех, кто имеет общее представление о санкциях, незначительно выше удельного веса людей, считающих себя хорошо осведомленными в данном вопросе (43–44% против 41%). Ничего не знают о санкциях 5% жителей области.

Для справки: по данным ВЦИОМ в августе 2014 г. 56% россиян отметили, что им «хорошо известно» об ответных санкциях России против США и стран ЕС, 36% «что-то слышали, но подробностей не знают», 8% «слышат об этом впервые».

В городах уровень информированности о двусторонних санкциях выше, чем в районах. В Вологде доля тех, кому хорошо известно о санкциях, составляет 55–56%, в Череповце – 61–63%, в районах – 22%.

Информированность населения о двусторонних санкциях России,
США и стран ЕС (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	На фоне конфликта в Украине некоторые страны в последние месяцы ввели против России санкции. Вы знаете об этом?				Российское Правительство ограничило на год ввоз в Россию сельхозпродукции, сырья и продовольствия из стран, которые ввели санкции в отношении нашей страны, прежде всего США и ЕС. Вы знаете об этом?			
	Вологда	Череповец	Районы	Область	Вологда	Череповец	Районы	Область
Мне хорошо об этом известно	56,3	61,0	21,7	41,1	54,5	63,1	21,6	41,1
Что-то слышал, но подробностей не знаю	33,1	32,3	53,9	42,8	35,1	30,5	56,2	43,9
Впервые слышу	2,0	3,1	7,8	5,1	3,5	2,8	7,7	5,3
Затрудняюсь ответить	8,6	3,6	16,5	11,1	6,8	3,6	14,6	9,7

Доля тех, кто считает, что санкции зарубежных государств положительно отразятся на экономике России, составляет 26%. Противоположной точки зрения придерживается 20% жителей области. В городах удельный вес пессимистических прогнозов выше, чем в районах (в Вологде – 28%, в Череповце – 31%, в районах – 10%).

Доля жителей области, считающих, что санкции зарубежных государств положительно отразятся на экономике региона, составляет 23%. Пессимистические прогнозы дают 17% населения, при этом в Вологде и Череповце – по 26%, в районах – 7%.

Каждый третий житель области затрудняется дать свою оценку последствий двусторонних санкций для экономики России и региона (32–33%). При этом доля неопределившихся выше в районах (38–39%), чем в Вологде (28–31%) и Череповце (24%).

Мнение населения о последствиях санкций США и стран ЕС
для экономики России и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Как, по-Вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике России?				Как, по-Вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике области?			
	Вологда	Череповец	Районы	Область	Вологда	Череповец	Районы	Область
Санкции приведут к положительным последствиям, улучшат ситуацию	26,5	24,4	26,8	26,1	22,0	22,8	24,2	23,3
Санкции приведут к негативным последствиям, усугубят ситуацию	28,0	30,8	9,9	20,1	25,8	26,2	7,3	17,1
Ничего не изменится, всё останется по-прежнему	17,2	20,5	25,8	22,1	21,7	27,4	29,6	26,9
Затрудняюсь ответить	28,3	24,4	37,5	31,7	30,6	23,6	38,9	32,7

Доля тех, кто считает, что ответные экономические санкции России против США и других стран принесут больше пользы, чем вреда, составляет 45%. Удельный вес позитивных оценок в Вологде – 46%, в Череповце – 61%, в районах – 36%.

Пессимистические прогнозы дают 16% населения.

Удельный вес затрудняющихся спрогнозировать последствия ответных санкций России составляет 39%. При этом в районах доля неопределившихся выше, чем в городах (49% против 38% в Вологде и 22% в Череповце).

Для справки: по данным ВЦИОМ в августе 2014 г. 80% россиян считали, что запрет на ввоз в Россию части зарубежного продовольствия принесет России больше пользы, чем вреда. Противоположной точки зрения придерживались 9%.

Мнение населения об ответных санкциях России против США и стран ЕС
(в % от числа опрошенных)

Как Вы считаете, запрет на ввоз в Россию части зарубежного продовольствия принесёт России больше пользы или вреда?				
Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Скорее, больше пользы	46,0	60,8	36,0	45,1
Скорее, больше вреда	16,4	16,9	15,1	15,9
Затрудняюсь ответить	37,6	22,3	48,9	39,0

Заключение

Результаты опросов, проведенных в октябре 2014 г., показывают, что на общественное мнение жителей Вологодской области в первую очередь влияют события, связанные с реализацией национальных интересов, а также проблемы, осложняющие экономическую ситуацию в стране.

Показатели социального настроения и запаса терпения в целом остаются благоприятными. Доля позитивных оценок существенно выше, чем удельный вес отрицательных характеристик (69–81% против 12–25%).

Обращает на себя внимание тот тревожный факт, что индекс потребительских настроений, значение которого ниже нейтрального уровня (меньше 100 пунктов), с июня 2014 г. начал снижаться (с 91 до 84 п. в октябре). Опыт проведения социологических исследований свидетельствует о том, что это является предвестником серьезных изменений, которые могут произойти в ближайшие 2–4 месяца при сохранении сложившейся динамики ИПН.

Метафора социума (социологическое эссе)

Геннадий Васильевич

ОСИПОВ

академик РАН, директор Института социально-политических исследований Российской академии наук (119991, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а)

Аннотация. Эссе патриарха отечественной социологии академика Г.В. Осипова посвящено одной из самых когнитивных тем современной социологии – выявлению **социологической метафоры** как таковой и использованию ее в исследовательских проектах. Тема эта авангардна для мировой социологической мысли, а в России подобного рода исследования делают первые шаги. Вместе с тем, трудно переоценить ее перспективное значение. Социологическая метафора при разработанной методологии ее использования способна вооружить ученых качественно новым синтетическим инструментарием исследования. Сблизить в пространстве междисциплинарного и межвидового пограничья научные построения и артефакты и придать им качественно новые интеллектуально-чувственные (системные и ментальные) технологические возможности познания окружающего мира.

К достоинству данного эссе можно отнести то обстоятельство, что основано оно на предметном анализе реального воплощения социальной метафоры в художественное произведение – живописный триптих «Мистерия XXI века». Это первый подобный опыт в отечественной социологической и художественно-живописной практике. Авторами конечного продукта стали умудренный огромным научным и житейским опытом ученый и молодой художник, прошедший углубленную социологическую подготовку и защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Но главным итогом их совместной работы стал результат, синтезировавший научное (социологическое) знание и предвидение и интуитивно-творческое художническое восприятие в качественно новое мировосприятие и миропонимание.

Ключевые слова: метафора, наука, социальность, когнитивность, артефакт, живопись, синтетический инструментарий, мировосприятие, миропонимание, номинативный образ, сентенция, эпистемологические привилегии, литература, знание, язык, мысль, композиция, трагедия, текст.

Предвижу недоумение некоторых коллег: отчего это вдруг маститый социолог взялся описывать социум с использованием системы метафор? Ведь метафора — инструмент субъективно-художественного, а не объективно-научного восприятия и отражения реальности, т.н. «художественно-изобразительный» троп. Научное же и художественное мировосприятия системно отличаются друг от друга.

Но справедливо ли такое утверждение за порогом XXI века, который решительно стирает не только границы между научными дисциплинами, но и межвидовые (как в случае с наукой и искусством) межи? Уяснению этой все более актуальной для современной социологии проблемы я и посвятил эту статью.

I.

Довод о системном отличии научного и художественного мировосприятия трудно опровергнуть. Еще О. Шпенглер отмечал глубинный, сущностный дуализм, казалось бы, близких по внешнему выражению историко-социальных явлений, относящихся, однако, по степени фиксации и познания к разного рода психологическим типам человеческого восприятия. Он осознанно противопоставлял понятия природы и истории, причинности и судьбы, познаваемого и переживаемого, *элемента* в науке и *образа* (курсив мой. — Г.О.) в искусстве [Шпенглер О., 1923].

Научная сентенция и художественная метафора, подобно Западу и Востоку в известной балладе Р. Киплинга, — это параллельные прямые, которым не суждено «сойти с места» до скончания времен. (О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, // Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.)

Но ведь и параллельные прямые пересекаются, когда, пребывая в эвристическом прозрении, великий русский геометр, соз-

датель неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевский предложит принять за плоскость внутренность круга, а за прямые линии — дуги окружности!

Так что не прав Экклезиаст, утверждавший, что «...нет ничего нового под солнцем» [Экклезиаст, 1:9]. Постоянно создается новое, ценное человечеству знание, — и оно порождено гением Человека-творца!

И вот уже выдающийся отечественный математик и философ В.В. Налимов «сдвигает» метафору с, казалось бы, незыблемой для нее позиции исключительно художественного применения, «прописывая» ее, в том числе, и в философии. «Недостаточность логики в обыденном языке восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста — это два дополняющих друг друга его проявления» [Налимов В., 2000].

Дальше — больше...

Если еще сравнительно недавно рождение метафоры предполагало базовым элементом *номинативный образ*, то теперь все чаще эту роль выполняет *философско-социальная сентенция*. Проще говоря, не только художественная образность, но и научная логика участвуют на равных в процессе метафоризации как в области возникновения новых феноменов, так и в перманентном пересмотре генезиса и реальной социальной значимости уже имеющегося, исключительно разнообразного корпуса метафор.

При этом вполне отдаю себе отчет в том, что в статистически преобладающем представлении о метафоре в той либо иной мере проявленности присутствует своего рода благородное *когнитивное шаманство*: как отказаться от традиции почти что сакрального отношения к большинству литературных тропов и различных изобразительных приемов?.. Отказываться, естественно, не следует, но помнить о гармоническом балансе привлекаемых для процесса исследования методологий (художественной и научной) необходимо.

При этом необходимо также постоянно помнить, что художественное мышление, художественное мировосприятие, в основе которых — образ, синтезирующий представления об объекте или процессе, все в большей мере оказывают влияние на научное сознание, на философию и методологию научных исследований, прежде всего, в гуманитарных науках. Следовательно, возрастает в этом контексте и роль художественных тропов, которые все чаще выступают активными компонентами инструментария гуманитарных и даже естественных наук при создании ими образной системы обозначения исследуемых феноменов.

Сошлюсь на самые последние источники. В частности, изыскания голландского социолога Д. Пелса, который, исследуя взаимоотношения политики и экономики, определяет оба понятия как «метафора политики» и «метафора экономики». По мнению Д. Пелса, оба этих вокабулярия осуществляют расколдовывание и деконструкцию, поскольку обнаруживают в качестве характерных особенностей профессионального поиска знания нечто аналогичное жажде наживы или воле к власти. «Интрига состоит в том, — пишет Д. Пелс, — что эта радикальная идея относительно сговора между когнитивными и социальными элементами в науке, а также ситуативности и обремененности интересами ее продуктов получила выражение в двух классических вариациях расколдовывания: «марксистской», касающейся экономики и капитала, и «ницшеанской», касающейся политики и власти [Michel Foucault, 1980] <...> Каждая по-своему выявляют нерасторжимую двойственность когнитивных и стратегических интересов и вытекающую из нее «агонистическую» структуру научного предприятия. (Эпистемологическое совпадение ориентиро-

ванных на истину когнитивных интересов (датск. *belangstelling*) со стратегическими интересами (датск. *belang*) гораздо лучше передается английским *interest* или французским *intérêt/intéressement*, чем датским прилагательным *belang-rijk*.) Таким образом, обе метафоры (курсив мой. — Г.О.) представляются одинаково полезными с точки зрения низвержения того, что Ницше называл «аскетическим» идеалом философской истины, и освобождения (*disburdening*) науки от ее традиционных эпистемологических привилегий» [Пелс Д., 2010].

Показательно высказывание моего французского коллеги социолога П. Бурдьё о роли литературных приемов в социальной науке: «Забота о том, чтобы дать почувствовать или дать понять, вызванная непосредственным присутствием внимательного слушателя <...> подталкивает на поиск *метафор и аналогий* (курсив мой. — Г.О.), которые, если сумеешь оговорить их ограничения на момент использования, позволяют дать первое интуитивное приближение к наиболее сложным моделям и, таким образом, подвести к более строгому представлению» [Бурдьё П., 1994].

Приступив к освоению территории метафоры, став активным партнером искусству в процессе метафоризации, современная наука сыграла еще одну благую роль, пока что остающуюся практически не отмеченной. Наука если и не сняла, то существенно снизила в нашем отношении к метафоре элемент сакральности, мистики.

И ведь правда, что такое метафора, как ни следующая — более высокая и сложная — ступень в цепочке-лестнице познавательной технологии: мотив — тема — образ — метафора?.. Ставлю после знака вопроса многоточие, ибо убежден, что при более тонком анализе интересующего нас явления цепочка-лестница продлится.

Более того, и внутреннее ее пространство способно раздвинуться в стороны, вместив в себя новые термины, фиксирующие результаты новых исследований на микроуровне.

Безусловно, метафора — неотъемлемое и, я бы сказал, наивысшее по степени интеллектуального и эмоционального воздействия на сознание и психику человека, средство художественного отражения реальности. Но чем дольше идет человечество по пути осознания окружающей его реальности, тем все более и более расширяются горизонты использования метафорического метода отражения.

«Метафора исключительно практична... Она может быть применена в качестве оружия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [*Hoffman R., 1985*].

Как справедливо отмечает один из ведущих исследователей данной темы И.Д. Арутюнова [*Арутюнова И., 1990*], интерес к метафоре способствовал взаимодействию самых различных направлений научной мысли, их идейной консолидации, следствием которой стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания. «В ее основе — предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [*Петров В., 1988*]...

Вводную, теоретическую часть эссе о метафоре завершу мудрым ироничным речением выдающегося немецкого ученого и публициста, проживавшего в VIII в., Г.К. Лихтенберга: «Метафора гораздо умней, чем ее создатель, и таковыми являются многие вещи. Все имеет свои глубины» [*Лихтенберг Г., 1964*].

Пожалуй, лучше, применительно к нашему случаю, не скажешь.

II.

И вовсе не *вдруг* направил я свой заинтересованный взгляд на, казалось бы, удаленную от науки метафору. Идея попробовать отразить метафорическими средствами свое видение социально-политической ситуации в родной стране и в мире укоренилась в сознании после знакомства с творчеством выдающегося русского живописца, патриота земли русской, народного художника СССР И.С. Глазунова. Прежде всего, после небывалого вдохновения, снизошедшего на меня у эпохальных картин живописца: «Вечная Россия» (1988. X, м. 300 × 600) и «Мистерия XX века» (1999. X, м. 300 × 800).

Не стану ни размышлять о них, ни, тем более, описывать; с трудом могу представить, что истинный патриот Отечества не удосужился лицезреть эти выдающиеся творения, сравнимые по силе духа и изобразительной живописной мощи, по масштабу охвата главных событий века и глубине проникновения в душу зрителя с вершинными достижениями выдающихся мастеров Возрождения. А коль таковые все же имеют место быть, мой совет им: поспешите на Волхонку, 13, где в Московской государственной картинной галерее Ильи Сергеевича Глазунова вот уже десятилетие со дня открытия Галереи в 2004 г. экспонируются эти творения нашего выдающегося современника...

Природа не одарила меня способностью рисунком, гармонией красок достоверно и убедительно описывать тварный мир, передавать современникам свое видение и понимание его. Поэтому реализация идеи социальной метафоры сама собой отложилась до моего знакомства с молодым одаренным художником Святославом Гуляевым.

Основным аргументом в решении выбрать Святослава реализатором своих научно-художественных представлений о социальном мире посредством создания развернутой изобразительной метафоры послужило его пристрастие к социологии. Так аспирант возглавляемого мною ИСПИ РАН и впоследствии кандидат социологических наук С. Гуляев стал моим соавтором в работе над живописным триптихом «Мистерия XXI века».

Эмпирически сложился алгоритм нашего совместного творчества. При встречах я излагал Святославу концепцию всего произведения в целом и каждого отдельного урока. Определял в качестве персонажей картины исторические персоналии и те роли, которые они, по моему разумению, должны «сыграть» в контексте драматургии всего произведения. В общем виде объяснял композицию всего живописного полотна и его фрагментов, те векторы, по которым было бы интересно проследить развитие социальных явлений и символизирующих их персоналий.

Через какое-то время молодой художник приносил эскиз, который мы с ним обсуждали воистину с научной скрупулезностью, не оставляя вне критического анализа ни квадратного сантиметра будущего живописного полотна. Случалось, от предложенного эскиза в результате обсуждения не оставалось практически ничего, но это не смущало нас; отрицательный результат и в науке, и в искусстве бывает, порой, не менее важен для общего замысла, нежели результат положительный.

Идейно-смысловой задачей нашей работы стал художественно-социологический рассказ об историко-политических событиях, берущих свое начало от отмены крепостного права Александром II в 1861 году до наших дней. Постепенно нащупывалась, складывалась изобразительная манера живописного письма. В ее основе — пародия и юмористическое отношение к изображаемому материалу, которые покоятся на крепком надежном фундаменте социологического анализа и аналитических выводов. Как результат, изобретательная, убеждающая даже скептиков, «социологическая феерия» — синтез полета фантазии и строгого мыслительного процесса.

Композиционно панно состоит из трех полотен, объединенных аллегорическим образом «Богини социологии», которая располагается в центральной части триптиха. Богиня пролетает через все времена и события и характерным жестом руки взывает к человечеству в надежде, что оно наконец-то всерьез задумается над происходящими в миру трагическими и драматическими событиями и сделает правильные выводы о том, как далее продолжать жизнь на Земле.

Два первых панно отражают в сконцентрированном виде историю XIX—XX веков. В это время кинолента могла уже фиксировать наиболее значимые события. Поэтому через все панно крест-накрест пересекаются в качестве свидетелей истории кинолента и свиток рукописных текстов, содержащих фиксацию ключевых моментов этого периода и высказывания авторитетных личностей.

Сарказм является определяющим художественным приемом в отношении ряда наиболее одиозных персонажей. Чего стоит красный (и по политической сути, и по цвету на картине) бес Троцкий, кровавой гориллой усевшийся на гребне стены Московского Кремля? Или подчеркнуто

Цветная фотография триптиха «МИСТЕРИЯ XXI в.»

Гулев С. «Мистерия XXI века» х, м, 2013, ИСПИ РАН

карикатурный (словно с публицистических рисунков Кукрыниксов) доктор Геббельс, зашедший в истерику параноидальной шизофрении перед микрофоном, вещающий в мир фашистские человеконенавистнические идеи радиостанции? Для фашистов, для тех, кто проповедовал идею «перманентной революции» как инструмента геноцида русского народа, не может быть иного средства художественного отображения, нежели гротесковый сарказм.

Мягче, но тоже карикатурно, как парадфраз известной картины художника-передвижника В. Перова «Охотники на привале», подана нами лихая тройца, развалившаяся по пьяной лавочке в белорусском Беловежье СССР: Б. Ельцин, С. Шушкевич, Л. Кравчук.

Не только колючий, осуждающий взгляд притаившегося за их спинами А. Лукашенко стал моральным и политическим приговором разрушителям, но и помещенный в левом нижнем углу композиции фрагмент, запечатлевший триумвират победителей во Второй мировой войне: генералиссимуса И.В. Сталина, президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Они еще вместе перед фото-кинокамерами ведущих информационных агентств мира, еще впереди совместная победа, но видно, что каждый из сильных мира сего занят своими мыслями, а все они уже смотрят в разные стороны. Сегодня еще союзники в переговорной Ялте, но не за горами речь Черчилля в Фултоне, ставшая сигналом к холодной войне, аукнувшейся «железным занавесом», на десятилетия отгородившим СССР от остального мира.

Ни один персонаж картины не является изолированным идейно-смысловым элементом. Все они связаны (повязаны?) друг с другом и все вместе — со страной и ее историей. Связаны, стянуты, в том числе, и композиционными элементами: изги-

бающимися, как волны реки времени, как языки пламени, уже упомянутыми мной диагоналями текстового свитка и киноленты — наиболее детерминированной приметой века.

Вот взошедшие на трибуны четыре вождя из разных периодов советской эпохи: Ленин, Хрущев, Брежнев, Горбачев. Каждый вскинул в характерном указующем жесте руку. Только указывают они путь народным массам... в разные стороны! Впрочем, есть и нечто общее между ними — откровенное фиглярство и фанфаронство по образцу незабвенного гоголевского Хлестакова.

Но основной исполнительский элемент в развернутой нами живописной опере — дуэты.

Вот «сладкая парочка» руководителей думских фракций: Зюганов — Жириновский. И вроде бранятся они с думской трибуны и в кулуарах, разоблачают и угрожают, а действие их все отчего-то воспринимается нами парным эстрадным конференсом, политическим театром далеко не лучшего пошиба. Вот так и играем годами, десятилетиями на политической сцене России, пропуская вперед энергичные волевые страны, выпуская пар столь необходимого России созидания в бессмысленный, даром что громкий и резкий, свисток...

Вот Чубайс и его ваучер, оба бесполезные жульнические обманки...

Вот «плохой» гешефтмахер Березовский, сбежавший от справедливой кары в неразборчивый Лондон, и оставшийся в Отечестве и, следовательно, хороший бизнесмен Абрамович. Только как-то не по себе от вида этой плохой-хорошей парочки. Так и подмывает взять кисть, набрать на нее с палитры черной краски и провести между ними на картине две параллельных черточки — знак тождества...

Вот Путин и Обама. О них я уже писал в самом тексте этой статьи. Хочется

добавить в адрес нашего лидера: держитесь, Владимир Владимирович, на Вас с надеждой смотрит все прогрессивное человечество...

Дуалистический дуэт в мистерии нашей составляют не только исторические персонажи, но и значимые предметы. Фашистские штурмовики в атакующем строю и строй советских воинов-победителей на параде Победы с поверженными к брусчатке Красной площади знаменами и штандартами абвера.

Голем (Мамона), чей жизненный смысл — деньги, играет миром, как марионеткой. Он получает деньги из рук «Дяди Сэма» — символа господствующей мировой державы — США. Голем устроился напротив монитора компьютера и наблюдает из социальных сетей за оплаченными диверсиями. Радуетя содеянному.

Образ Голема приобрел одно из основополагающих социальных значений в «Мистерии». Он многолик и оттого трудноразличим в нашей суматошной повседневности. Одно из воплощений этой метафоры — символ административного аппарата, который зачастую преследует свои собственные и корпоративные цели, существенно различающиеся от целей государства.

Пожалуй, это самая устойчивая в своей преступной устремленности пара: продавший себя за злато лысый толстяк Голем-Мамона и нависший со спины над его головой дядюшка Сэм — не только символ беспощадной к людям труда капиталистической Америки, но и магистр всемогущей масонской ложи, подпольного мирового сообщества, т.н. закулисы с шестиконечной звездой на муаровой ленте цилиндра.

Значимые для мирового развития события подтягиваются через эпохи, столетия одно к другому по принципу гносеологического тождества. Чаще — кажущегося тождества.

Великая французская революция и ельцинский либеральный демарш у Белого дома в Москве. Казалось тогда доморощенным либералам, что, подобно восставшим против феодальной отсталости галлам, творят историю, а оказалось, что задержали поступательное движение многострадальной матушки-России еще на годы ельцинского хмельного самоуправления.

Даже тексты на пространстве мистерии стремятся составить пары. Указ Императора Александра II, отменивший крепостное право в России, и заверение Путина, что мы готовы к честной конкуренции во всех сферах общественного бытования. Переключка благих начинаний через века.

Особо хочу отметить самый важный для меня фрагмент картины, ее смысловой посыл в будущее. Он и композиционно выстроен с таким прицелом — в правом верхнем углу общей композиции.

Именно оттуда открывается путь за пределы нашей ярмарки тщеславия, нервной, смутной, непредсказуемой мистерии еще только складывающегося, закипающего созидательными и разрушительными энергиями века.

Все дорого памяти моей и мило душе в этом завершающем нашу ознакомительную экскурсию фрагменте отраженной на художественном полотне социологической метафоры.

В русских народных сказаниях развилка дороги — это всегда выбор судьбы. Направо пойдешь, налево пойдешь... И обязательно заманчивой перспективе успеха и счастливого обладания противопоставлена в качестве отрезвляющей альтернативы трагическая развязка: «голова не снесешь».

А тут своей волей я обозначил такой символический перекресток, от которого обе дороги ведут в территорию Надежды. Потому названия ведущих российских научных центров «Сколково» и «РАН» звучат во мне бравурной музыкой.

Цветная фотография фрагмента картины

Знаю: и Инновационный научный центр, и технопарк в московском Сколково, равно как и Российская академия наук, переживают не лучшие времена. Но ведь надежда оставляет нас последней...

Потому и ведущий офис РАН с характерной анодированной конструкцией сложных антенных систем на крыше, метко прозванный в народе «золотыми мозгами», видится мне в контексте мистерии эдакой стилизованной ракетой-носителем к невиданным научным горизонтам. Вот и экипаж я для него подобрал по своему разумению оптимальный и отобразил тремя портретами на последнем, завершающем хронику сущего мотке киноплёнки.

Кому неведомы эти люди, представлю их в очередности слева-снизу по направлению вправо-вверх: Андрей Григорьевич Здравомыслов, Владимир Александрович Ядов и ваш покорный слуга — Геннадий

Васильевич Осипов. В далеких уже 60-х мы начинали сложный, временами трагический после десятилетий запретов и строгих ограничений со стороны парткратического режима процесс возрождения отечественной социологии. Каждый из нас шел своим путем, а в итоге пройденный нами путь выразился в трех самостоятельных самоценных направлениях. Других не случилось. Поверьте мне на слово.

Экипаж мечты... И что с того, что мы с Владимиром Александровичем разменяли девятый десяток, а Андрей Григорьевич уже покинул нас. Метафора — она способна остановить, законсервировать время. Хотя бы на исписанном масляными красками полотне, названном загадочным и интригующим словом «мистерия».

По крайней мере, хочется в это верить...

Июль 2014 г.

Ссылки

1. Шпенглер О. Закат Европы. — Т. I. Образ и действительность. — М., Пг.: Изд-во Л. Френкель, 1923.
2. Налимов В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. «Ницше определил в качестве общего фокуса... философского дискурса властные отношения, в то время как для Маркса таким фокусом были производственные отношения» (Michel Foucault, *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*, ed. Colin Gordon, New York: Pantheon Books, 1980, p. 53).
3. Эпистемологическое совпадение ориентированных на истину когнитивных интересов (датск. *belangstelling*) со стратегическими интересами (датск. *belang*) гораздо лучше передается английским *interest* или французским *intérêt/intéressement*, чем датским прилагательным *belang-rijk*.
4. Пелс Д. Смещение метафор: политика или экономика знания? // *Знание: собственность и власть*. — М., 2010. — С. 11-12.
5. Бурдьё П. Начала. — М., 1994. — С. 11.
6. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science // *The ubiquity of metaphor*. — Amsterdam, 1985. — P. 327.
7. Арутюнова И. Метафора и дискурс // *Теория метафоры*. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5.
8. Петров В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // *Вопросы языкознания*. — 1988. — № 2. — С. 41. См. также сб.: *Новое в зарубежной лингвистике*. — Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. — М., 1988.

Osipov G.V.

Metaphor of society (a sociological essay)

Gennadii Vasil'evich Osipov — RAS Academician, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russia)

Abstract. The essay by Academician G.V. Osipov, who is the patriarch of Russian sociology, is dedicated to one of the most cognitive topics of modern sociology – identification of sociological metaphor as such and its application in research projects. This topic is avant-garde for the world sociological thought, and in Russia such kind of research is making its first steps. However, its future importance is difficult to overestimate. Sociological metaphor, if a methodology for its application is developed, can provide scientists with qualitatively new synthetic research tools. It can also bring together scientific structures and artifacts on the space of interdisciplinary and inter-subject borderland and give them qualitatively new intellectual and sensuous (system and mental) technological capabilities for learning the surrounding world.

The advantage of the following essay can be found in the fact that it is based on the objective analysis of the real embodiment of social metaphor in the work of art – a pictorial triptych “The Mystery of the 21st Century”. This is the first such experience in domestic sociological and artistic-painting practice. The authors of the final product are a scientist of great scientific and life experience and a young artist, who received in-depth sociological training and defended his Ph.D. in Sociology dissertation. But the main result of their collaboration is a product that combines scientific (sociological) knowledge and insight and intuitive-creative artistic perception in a qualitatively new perception of the world and world outlook.

Key words: metaphor, science, sociality, cognition, artifact, painting, synthetic tools, perception of the world, world outlook, nominative image, maxim, epistemological privileges, literature, knowledge, language, thought, composition, tragedy, text.

References

1. Spengler O. *Zakat Evropy. T. I. Obraz i deistvitel'nost'* [The Decline of the West. Volume 1. Form and Actuality]. Moscow, Petrograd: L. Frenkel' Publ., 1923.
2. Nalimov V. *Razbrasyvayu mysli. V puti i na pereput'e* [I Am Scattering the Thoughts. On the Way and at the Crossroads]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000.
3. “It was Nietzsche who specified the power relation as the general focus...of philosophical discourse – whereas for Marx it was the production relation” (Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. Ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. P. 53).
4. Epistemological coincidence between the truth-oriented cognitive interests (Danish: belangstelling) and the strategic interests (Danish: belang) is much better rendered by the English word “interest” or the French word “intérêt/intéressement” rather than the Danish adjective “belang-rijk”.
5. Pels D. Smeshenie metafor: politika ili ekonomika znaniya? [Mixing Metaphors: Politics or Economics of Knowledge]. In: *Znanie: sobstvennost' i vlast'* [Knowledge: Property and Power]. Moscow, 2010. Pp. 11-12.
6. Bourdieu P. *Nachala* [Choses Dites]. Moscow, 1994. P. 11.
7. Hoffman R. Some Implications of Metaphor for Philosophy and Psychology of Science. In: *The Ubiquity of Metaphor*. Amsterdam, 1985. P. 327.
8. Arutyunova I. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress, 1990. P. 5.
9. Petrov V. Yazyk i logicheskaya teoriya: v poiskakh novoi paradigmy [Language and Logical Theory: in Search for a New Paradigm]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Issues of Linguistics], 1988, no.2, pp. 41. See also: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics, Vol. 23: Cognitive Aspects of Language]. Moscow, 1988.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.3
УДК 314.174 (470.12), ББК 65.495 (2Рос – 4Вол)

© Шабунова А.А., Кондакова Н.А.

Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

**Наталья Александровна
КОНДАКОВА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, natali-kopeikina@mail.ru)

Аннотация. Анализ данных отечественной и зарубежной теории и практики показал, что наиболее действенным методом изучения и оценки состояния здоровья и развития детей для последующего принятия эффективных и адекватных времени управленческих решений является мониторинг, применяемый для наблюдения за когортой детей. В работе представлены результаты медико-социологического мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения», осуществляемого с 1995 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН при активной поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области. Установлено, что для каждого возрастного периода характерен специфический набор факторов, определяющих здоровье. В младенчестве и раннем возрасте преобладает воздействие медико-биологических и социальных факторов (плохое здоровье родителей; низкий уровень гемоглобина в период беременности; курение матери во время беременности; условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам; характер вскармливания младенца). В дошкольном и раннем школьном возрасте более значимыми становятся факторы среды обитания, образа и уровня жизни семьи (уровень жизни семьи, комфортность жилищных условий, экологические условия в районе

* Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

постоянного проживания, уровень социально-гигиенической грамотности и здоровьесберегающей активности родителей). На примере когорты 2014 года рождения показаны положительные тенденции, наблюдавшиеся за время реформирования как экономики в целом, так и социальной сферы, отразившиеся в условиях жизни семей с детьми, в уровне удовлетворенности своим здоровьем, состоянии здоровья новорожденных, основных показателях системы родовспоможения. В связи с этим обоснована необходимость подобных мониторингов для определения правильного вектора проводимой государственной политики.

Ключевые слова: мониторинг; здоровье детей; государственная политика; факторы здоровья; человеческий потенциал.

В современных условиях, когда весь мир переживает переход от индустриального к постиндустриальному обществу, человеческий потенциал становится главным фактором экономического роста. В среднем по миру из трех компонентов общественного богатства 16% относится к физическому, 20% – природному, а 64% – человеческому капиталу [15, с. 49-58].

Человеческий фактор выделяется в качестве основы ускорения развития государств, регионов. Обеспечение развития человеческого потенциала и, соответственно, готовности территорий (стран, регионов) к реализации модернизационных процессов напрямую связано с государственным управлением социально-демографическим развитием. Следовательно, показатели, характеризующие развитие человеческого потенциала, могут использоваться как индикаторы эффективности государственного управления.

Демографический ресурс общества, в рамках которого формируется человеческий потенциал и человеческий капитал, имеет не только количественное, но и не менее значимое качественное измерение. Качественные индикаторы включают три фундаментальных компонента: здоровье, профессионально-образовательный и квалификационно-интеллектуальный потенциал, социокультурную и духовно-нравственную активность.

Здоровье в совокупности с другими факторами определяет не только возможности индивида на микроуровне, но и потенциал страны на макроуровне. Результаты исследований свидетельствуют о том, что снижение общественного здоровья связано с особой уязвимостью новых поколений. Поэтому так важно исследование качества детского населения и эффективности государственной поддержки его здоровья и развития.

В последнее десятилетие проблемы детства все чаще оказываются в центре внимания представителей федеральной и региональной власти, научных кругов, общественных организаций. Так, на заседании Координационного совета по реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей», которое провел 27 мая 2014 г. В.В. Путин, основной темой стали охрана и укрепление здоровья подростков. Глава государства обозначил ряд наиболее приоритетных в данной области вопросов и подчеркнул, что «сохранение и укрепление здоровья детей требуют комплексного, межведомственного подхода на всех уровнях власти...» [5]

Выступая 17 февраля 2014 года на заседании президиума Государственного совета РФ [2], Губернатор Вологодской области О.А. Кувшинников отметил ряд проблем, требующих пристального внимания и скоординированных мер по их реше-

нию, а именно: дефицит доходов семей с детьми; недостаточный уровень поддержки социально уязвимых семей с детьми; жилищные проблемы; «девальвация» традиционных ценностей семьи. Он подчеркнул необходимость на государственном уровне повышения статуса семьи, в основе которого здоровое материнство, многодетность, прочность брачных уз.

В стране начиная с 2005 г. реализуется комплекс мер государственной поддержки семей с детьми, а также сохранения и укрепления детского здоровья (приоритетный национальный проект «Здоровье», «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы», «Концепция демографической политики РФ до 2025 г.», Программа модернизации здравоохранения и др.). За этот период существенно увеличились размеры единовременных пособий при рождении ребенка и ежемесячных выплат по уходу за ребенком до полутора лет. Так, в 2012 г. ежегодная индексация государственных пособий была осуществлена на 6% (2010 г. – на 10%; в 2011 г. – 6,5%). Единовременное пособие при рождении ребенка составляло в среднем 12 405,32 руб. (2011 г. – 11 703,2 руб.; 2010 г. – 10 988,9 руб.) [3, с. 15–17]. В 2011 г. средний размер ежемесячного пособия по уходу за первым ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию, составил 5,6 тыс. руб. (свыше 90% прожиточного минимума), за вторым и последующими детьми – свыше 6 тыс. руб. (почти 100% прожиточного минимума). Для сравнения: до 2007 г. размер пособия составлял 700 руб.

За обозначенный период существенно возросло внимание к охране материнства и здоровья детей, улучшилось качество медицинской помощи, повысилась доступность высокотехнологичных медицинских услуг и др. В настоящее время в стране функционируют 98 перинатальных

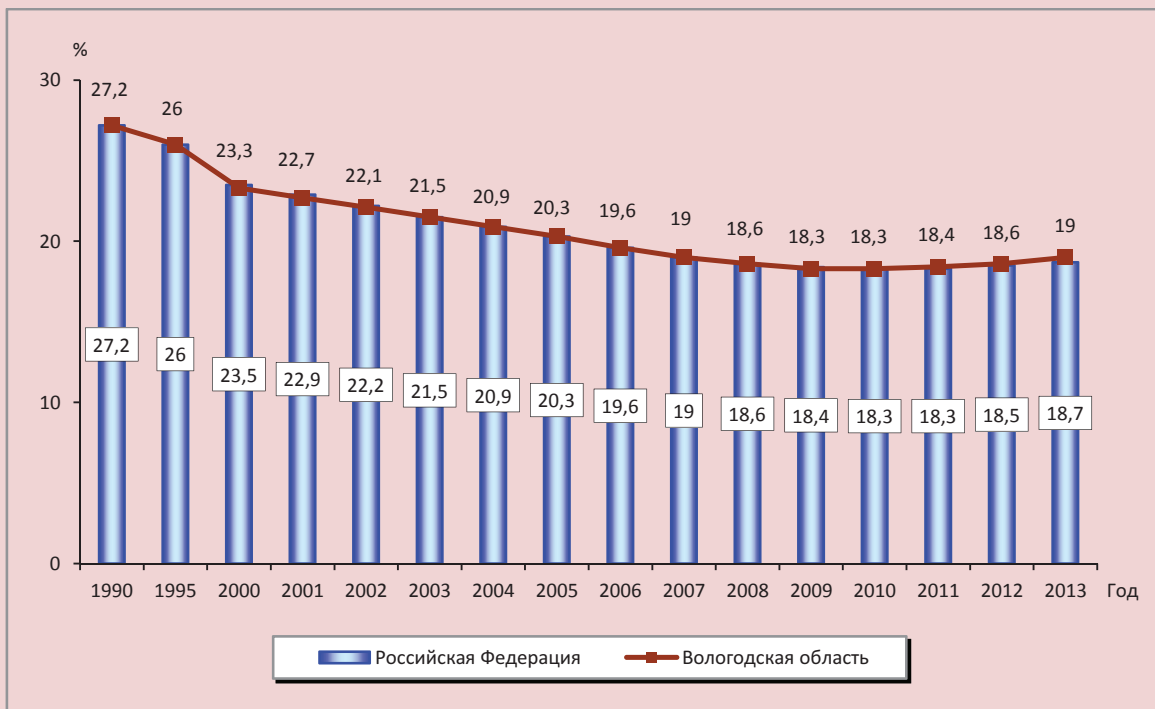
центров. За 2007–2011 гг. было построено и оснащено 22 региональных перинатальных центра и 2 федеральных перинатальных центра [9]. В городах федерального значения и в регионах высокотехнологичную медицинскую помощь оказывают 250 медицинских учреждений. Много внимания уделяется расширению профилактической направленности здравоохранения (иммунопрофилактика, диспансеризация населения и т.д.).

Но перечисленные и другие факты не снижают актуальности демографических вызовов. К примеру, эксперты ООН рассматривают тенденции демографических процессов исходя из критериев территориальной принадлежности и социально-экономического развития. По первому критерию Россия относится к развитым странам с высоким уровнем дохода, по второму – к группе стран со средним уровнем дохода. Следует отметить, что уровень рождаемости в России практически такой же, как и в странах с высоким уровнем дохода (в них в 2012 г. средний суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,7, в России – 1,69); уровень смертности – выше, чем в странах с низким уровнем дохода (средний общий коэффициент смертности для группы в 2012 г. – 9,0‰, в России – 13,3) [23].

По данным Всемирной организации здравоохранения, за 2012 год стандартизованные коэффициенты смертности населения от основных классов причин смерти в Российской Федерации значительно превышают показатели развитых стран мира. Так, уровень смертности от инфекционных болезней в нашей стране выше в 3–5 раз, от неинфекционных (хронических) заболеваний – в 2–3 раза, от травм – в 4–6 раз.

Основным глобальным индикатором, характеризующим состояние здоровья населения и качество его жизни, отражающим успешность действий в области охраны и укрепления здоровья населения,

Рисунок 1. Население в возрасте от 0 до 17 лет (в % от общей численности населения) [16]

традиционно считается ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении. Так, с 1990 по 2013 год уровень ОПЖ в России существенно колебался. Снижение продолжительности жизни приходилось на периоды финансовых и социально-экономических потрясений. С 2003 года ожидаемая продолжительность жизни в стране начала расти и к 2013 году составила 70,76 года (в Вологодской области – 69,35), что ниже аналогичного показателя в странах Евросоюза почти на 10 лет¹. Этот разрыв увеличился – в 1990 г. он достигал 6 лет.

Кроме того, для России характерно следующее:

1. *Сокращение численности детского населения (от 0 до 17 лет)* как в стране в целом, так и в отдельных регионах – с 27 до 19% в период с 1990 по 2013 г. (рис. 1).

¹ Для сравнения: по данным Информационного бюро по проблемам народонаселения (Population Reference Bureau), на 2013 год в странах Евросоюза этот показатель составил 80 лет (Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>).

2. *Негативные тенденции в состоянии здоровья детей, характеризующиеся высоким уровнем заболеваемости новорожденных.* В стране рождаются уже больными около 34% детей, в Вологодской области – 29% (рис. 2).

3. *Высокие показатели преждевременной смертности* (в том числе материнской и младенческой). Говоря о динамике показателя младенческой смертности, стоит отметить, что в России за 1990–2012 гг. он снизился на 50%. На протяжении всего рассматриваемого периода превышение уровня младенческой смертности в стране по сравнению с государствами Евросоюза сократилось с трех до двух раз (рис. 3). В рейтинге стран мира по данному показателю за 2014 год Российская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, по соседству с Чили и Кувейтом [20]. Как необходимо подчеркнуть, с 2012 г. в стране и Воло-

Рисунок 2. Заболеваемость новорожденных детей (в % от числа родившихся живыми) [6; 11]

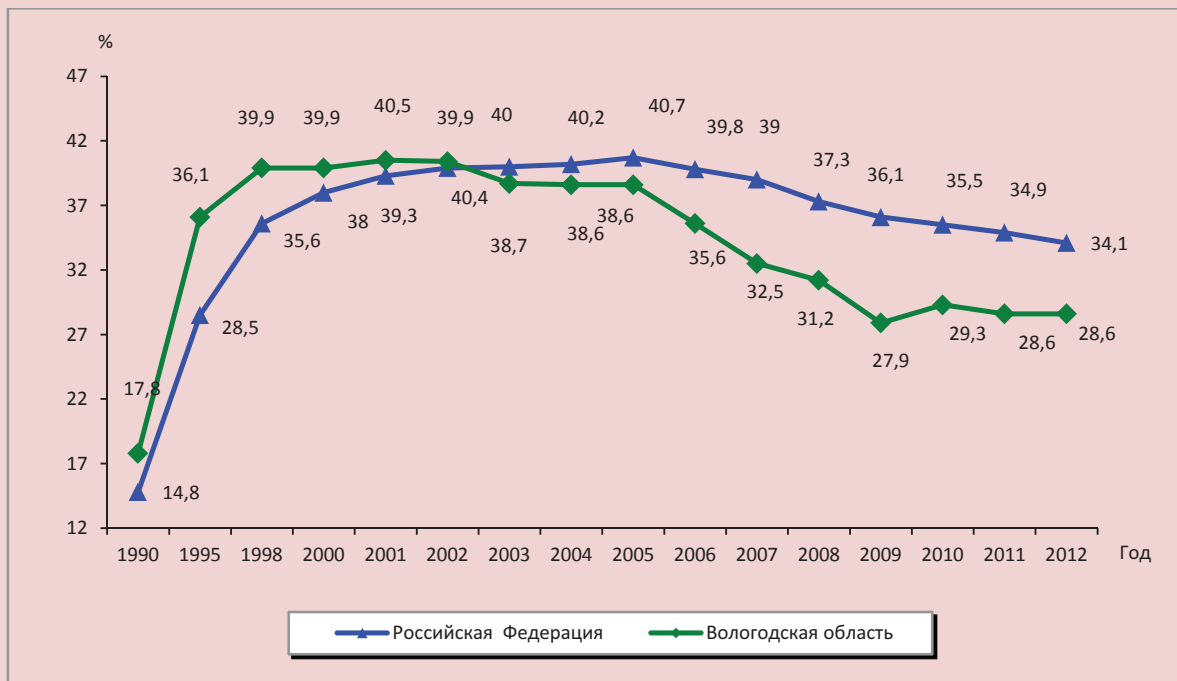
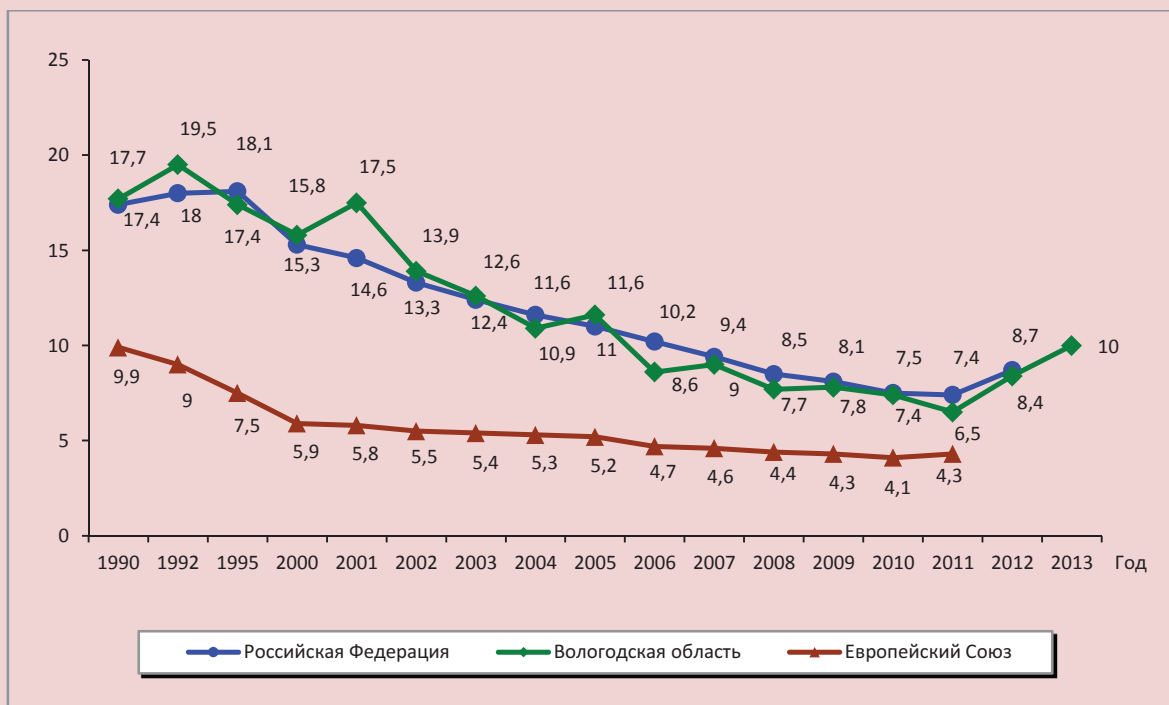

Рисунок 3. Младенческая смертность (в возрасте до одного года, на 1000 родившихся живыми, %) [4; 16]

годской области отмечается тенденция повышения данного показателя, что в основном связано с расширением критериев живорождений, а именно переходом к выхаживанию новорожденных, родившихся в сроке беременности 22 недели и массой тела² 500 г.

Перечисленные выше процессы обобщаются для территорий масштабными экономическими потерями, в предотвращении которых важно комплексное взаимодействие государства и общества.

Таким образом, можно выделить три основные причины, актуализирующие продолжение в России активной государственной политики, направленной на укрепление здоровья детей.

Во-первых, в условиях устойчивого демографического кризиса важно сохранение жизни и здоровья каждого без исключения ребенка.

Во-вторых, уже не происходит ухудшения основных показателей состояния здоровья детей, а отмечается их стагнация.

В-третьих, принятие Россией Конвенции ООН «О правах ребенка» [7] положило начало формированию нового, более высокого уровня ответственности государства и общества за осуществление права ребенка на жизнь, здоровье и развитие в благоприятных условиях [19, с. 7].

Для принятия эффективных и адекватных времени управленческих решений недостаточно простого анализа ведом-

² Живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более, при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более, при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана ли пуповина и отделилась ли плацента) (О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи [Электронный ресурс]: Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 г. №1687н // КонсультантПлюс).

ственной статистики. Важным представляется комплексное исследование здоровья и развития детей в режиме реального времени, с выявлением факторов риска, оказывающих наиболее существенное воздействие. Одним из наиболее эффективных методов анализа и оценки здоровья и развития детей является проспективный мониторинг, применяемый для наблюдения за когортой семей с детьми.

Примером подобного мониторинга служит долгосрочное, начиная с момента рождения детей, медико-социологическое исследование семейных когорт, которое выявляет факторы, определяющие здоровье детей и молодёжи на отдельных этапах их жизнедеятельности.

Такое исследование осуществляется научным коллективом ИСЭРТ РАН при активной поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области. Стоит отметить, что оно является уникальным для России.

Материалы и методы. Идею проведения мониторинга предложила член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская, позаимствовавшая её в Англии еще в 1980 г. Прообразом стало исследование здоровья и развития детей (NCDS), начатое в Великобритании в 1958 г. Национальным учреждением детства (NCB), а с 1985 г. продолженное Центром многолетних исследований (CLS) [21, р. 13]. В 2008 г. в связи с 50-летием этого исследования была выпущена юбилейная монография «Now we are 50».

Выборку исследования ИСЭРТ РАН составили все семьи, в которых за указанный период родились дети в крупных городах области (Вологда, Череповец), городах – районных центрах (Великий Устюг, Кириллов) и поселке городского типа Вожега (*табл. 1*). К настоящему времени в мониторинге задействованы пять когорт семей (дети 1995, 1998, 2001 и

Таблица 1. Этапы проведения мониторинга

Год начала исследования	Период начала исследования	Количество обследуемых семей
1995	15 мая – 30 мая	100
1998	1 марта – 25 марта	200
2001	1 марта – 25 марта	200
2004	1 марта – 25 марта	200
2014	1 марта – 21 марта	370

2004, 2014 годов рождения), что расширяет возможности для выявления и анализа тенденций в здоровье и развитии детей, а также факторов, обуславливающих данные процессы.

Мониторинг проводится посредством заполнения респондентами специально разработанных анкет. Организация исследования предполагает использование комплексного инструментария, который включает:

- анкеты, характеризующие особенности семьи и домохозяйства новорожденного (заполняются родителями), здоровье родителей и особенно подробно – матери, специфику родов, основные параметры здоровья новорожденного или причины его смерти (заполняются врачами акушерами-гинекологами на основе медицинской документации);
- анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие ребенка, условия его жизни в возрасте 1 месяца, 6 месяцев, 1, 2, 3 лет и так далее (анкеты имеют две части: первая, касающаяся оценки условий жизни и развития детей, заполняется родителями; вторая, касающаяся характеристики и оценки здоровья ребенка, – участковыми врачами-педиатрами);
- анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие ребенка, увлечения и интересы детей (заполняются самими детьми, начиная с десятилетнего возраста);
- пакет прикладных программ (SPSS, Statistica) для первичной обработки информации, а также статистического и эконометрического анализа.

Наряду с этим, для более углубленного анализа сформированной базы данных, выявления статистически значимых взаимосвязей и зависимостей исследуемых показателей применялись эконометрические методы (корреляционный, регрессионный, факторный и кластерный анализ)³.

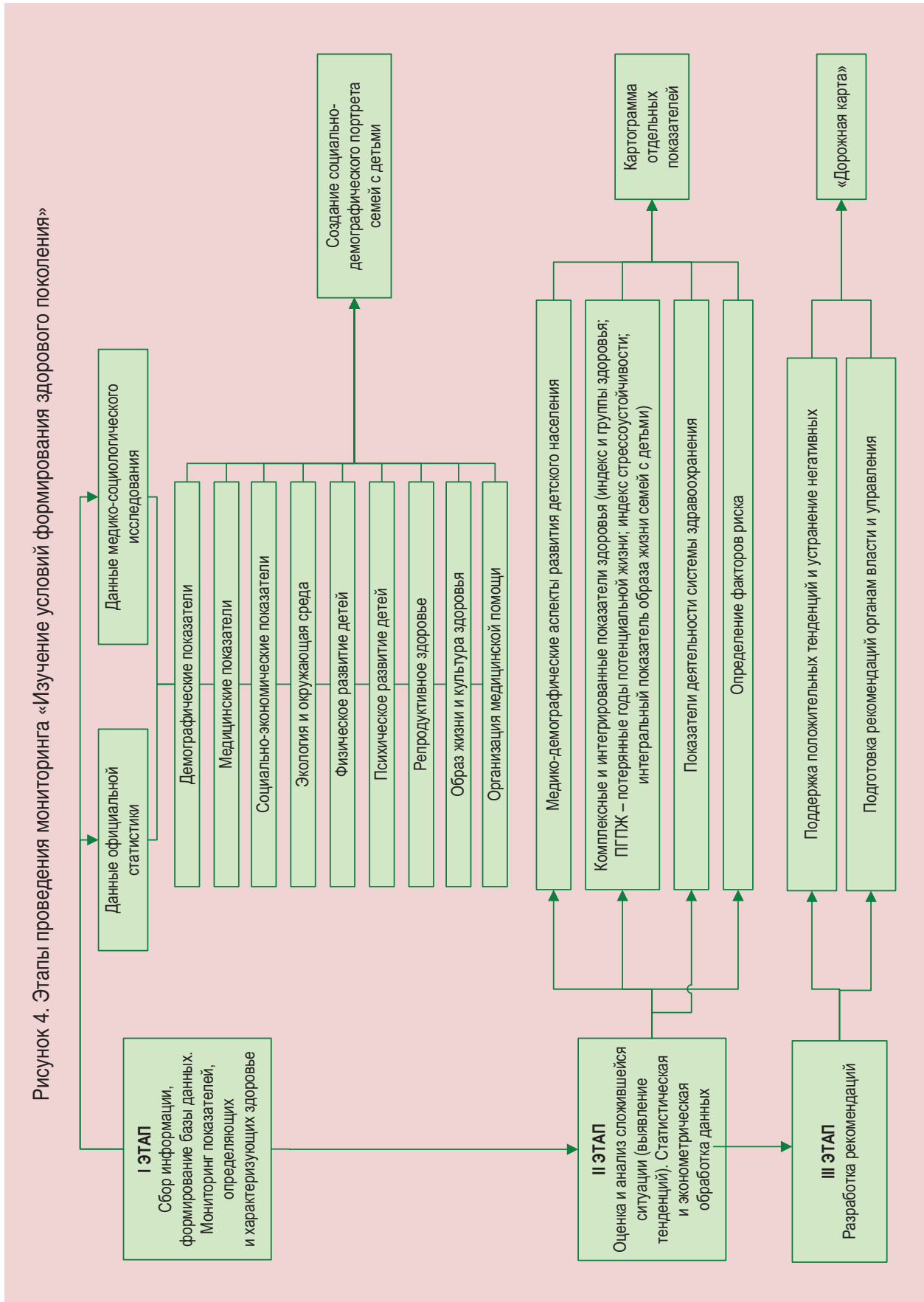
В течение первого года жизни ребенка информация снимается четыре раза (на периоды рождения, достижения детьми возраста одного месяца, шести месяцев и одного года), далее – ежегодно [13].

Для исследования здоровья и развития детей очень важно иметь информацию об отношении их самих к своему здоровью, определении ими жизненных ценностей. Поэтому с 2005 г. в рамках данного проекта в опросе участвуют сами дети. С 2008 года проводится опрос среди детей когорты 1998 года рождения, с 2011-го – среди детей когорты 2001 г.р., с 2014-го – среди детей когорты 2014 г.р. Программой исследования предусматривается корректировка анкет с учетом возраста обследуемых детей и происходящих в обществе социально-экономических преобразований.

Всё мониторинговое исследование можно условно разделить на три этапа (рис. 4). На первом этапе собирается информация, формируется база данных. Основными источниками информации служат официальные статистические данные и результаты медико-социологического исследования.

³ База данных мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» имеет свидетельство о государственной регистрации № 2012620788 от 13.08.2012 в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам.

Рисунок 4. Этапы проведения мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения»

Второй этап предусматривает анализ сложившейся ситуации на основе сформированной базы данных и выявление тенденций. Результаты этапа можно отразить в картограммах по отдельным показателям.

Третий этап – разработка рекомендаций медико-социального и организационного характера, а также необходимых мероприятий, направленных на улучшение основных показателей состояния здоровья и развития детей и совершенствование социальной политики в области семьи, материнства и детства.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно данным статистики, в Вологодской области с 1990 по 2005 г. наблюдался существенный рост заболеваемости новорожденных детей (с 17,8 до 38,6% от числа родившихся живыми) [16]. Некоторые положительные изменения в состоянии здоровья данной группы населения начались с 2006 г., что можно отнести к результатам реализации областной целевой программы «Здоровый ребенок» и приоритетного национального проекта «Здоровье», в рамках которых проводится скрининг беременных женщин и неонатальный скрининг (обследование новорожденных детей на наследственные заболевания), закупаются специальные смеси для беременных женщин и кормящих матерей, аппараты искусственной вентиляции легких для новорожденных [17, с. 24]. Несмотря на то, что за последние годы ситуация характеризовалась некоторой стабильностью, в 2012 г. около 29% детей (по России – 34%) родились уже больными или заболели в ближайшее после рождения время, что почти в 2 раза больше, чем в 1990 г.

Тенденции, наблюдаемые в здоровье новорожденных, подтверждаются не только данными официальной статистики, но и результатами лонгитюдного исследования. Мониторинг позволил увидеть

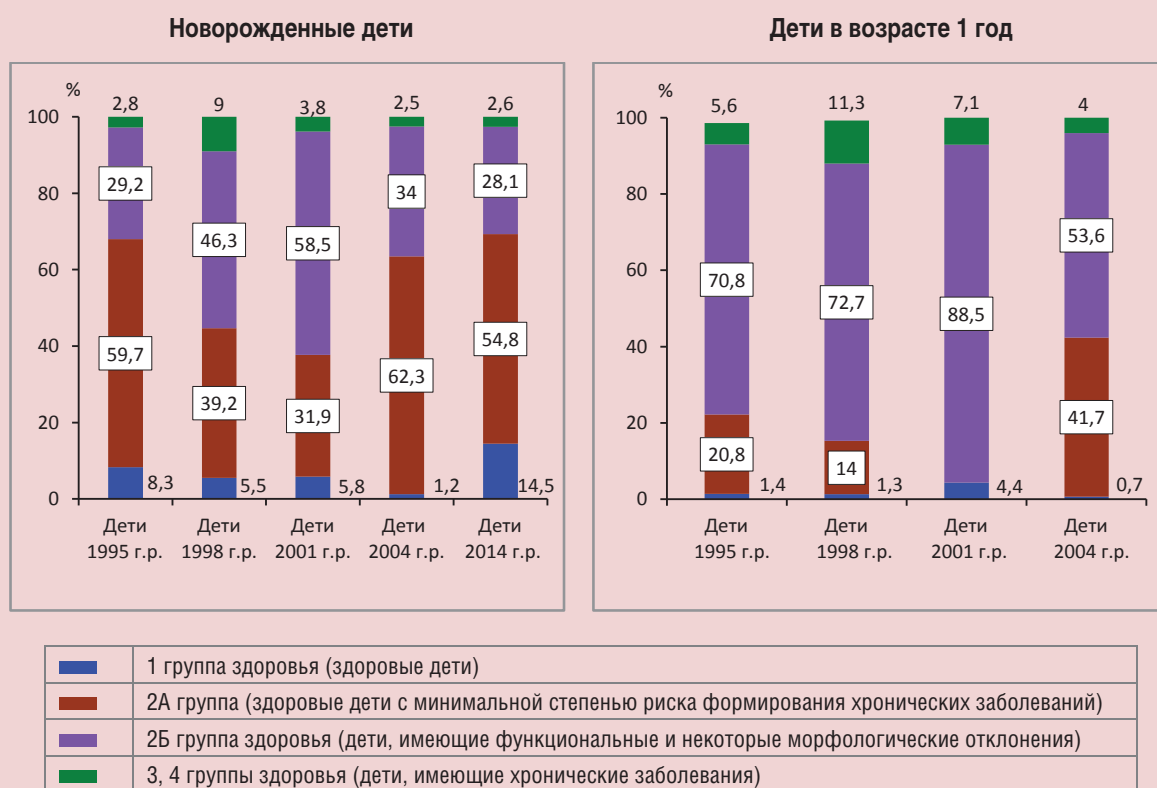
тенденции изменения здоровья новорожденных детей за период с 1995 по 2014 г. (рис. 5). Так, за эти годы произошло сокращение на 7 п.п. доли новорожденных детей с первой группой здоровья. При этом доля новорожденных, имеющих хронические заболевания (3, 4 группы), была наиболее значительной среди детей 1998 года рождения. Это объясняется тем, что период их вынашивания и рождения совпал с экономическим спадом, кризисом в экономике и социальной сфере, в том числе и здравоохранении, что отразилось на здоровье детей.

Новый этап исследования в 2014 г. показал, что почти 15% новорожденных имели хорошее здоровье (отнесены к 1 группе здоровья), это на 6–13 п.п. выше, чем в предыдущие годы исследования. При этом на 6 п.п. по сравнению с уровнем 2004 г. сократился удельный вес детей, имеющих функциональные и некоторые морфологические отклонения (группа 2Б). Данные процессы связаны, с одной стороны, с улучшением социально-экономического положения населения, с другой стороны, с мероприятиями демографической политики, проводимыми в стране и регионе.

Однако не стоит забывать, что *первый год жизни является очень важным в развитии ребенка и к этому времени происходит существенное сокращение потенциала здоровья детей, полученного при рождении.* Так, согласно исследованию, в когортах 1995, 1998, 2001, 2004 г.р. к возрасту 1 год уменьшилась доля здоровых детей (1 группа здоровья), но еще большее сокращение произошло в группе 2А (см. рис. 5).

Таким образом, у большинства обследуемых, имевших риск возникновения заболеваний в силу неблагоприятного анамнеза, на первом году жизни были выявлены какие-либо болезни. Доля детей с хроническими заболеваниями за данный период в каждой когорте увеличилась в 1,3–2 раза.

Рисунок 5. Здоровье новорожденных и детей в возрасте 1 год

Источник: Мониторинг «Изучение условия формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1996, 1998, 1999, 2001, 2002, 2004, 2005, 2014 гг.

Нам представляется чрезвычайно важным, что в рамках мониторинга в 2014 г. была набрана новая, пятая, когорта детей (2014 г.р.), и это позволило проследить изменения в жизни семей с детьми, а также увидеть, как повлияли преобразования в экономике и социальной сфере (особенно в здравоохранении) на здоровье входящих в жизнь новых поколений⁴.

Данные о новой когорте наглядно проиллюстрировали повозрастной сдвиг рождаемости (увеличение среднего возраста рожениц). Так, в 2014 г. средний возраст матерей составил 29 лет, что на 4 года больше, чем в 1995 г.

За 1995–2014 гг. количество рождений детей в полных семьях увеличилось с 72 до 93%, что, несомненно, является положи-

⁴ Под наблюдение взяты семьи, в которых с 1 по 21 марта родились дети в областном центре – г. Вологде, экономическом центре – г. Череповце, районных центрах области – Кириллово, Великом Устюге, поселке городского типа Вожега. Условия проведения опроса включали в себя сбор эмпирических данных, производимых методом панельного опроса рожениц в роддомах. Анкета включала в себя 2 части: 1 часть – характеризует особенности семьи и домохозяйства новорожденного, а также здоровье родителей и других родственников (заполняется матерью); 2 часть – описывает подробно здоровье матери во время беременности, специфику родов, основные параметры здоровья новорожденного или причины его смерти (на основе медицинской документации; заполняется врачами-гинекологами). В 2014 г. в выборку попало 370 семей с новорожденными (373 ребенка).

тельным моментом для воспитания детей и формирования их здоровья (табл. 2). Увеличилось количество семей, проживающих отдельно от своих родственников (с 50 до 74%). Самое высокое значение показателя количества многодетных семей приходится на 2014 год. При этом в сельской местности данный показатель выше (15%), чем в городах (в Вологде – 11%; в Череповце – 12%).

Далее рассмотрим основные условия жизни семей, в которых рождаются новые поколения, и их изменение за эти почти 20 лет.

Жилищные условия семей, где родились дети в 2014 г., отличаются разнообразием. Так, собственную квартиру или дом имеют 72% опрошенных, на отдельной, но съемной жилплощади проживает 11%, в коммунальной квартире – 3%, комнате в семей-

ном общежитии – 1%. На основании этого можно сделать вывод, что большинство семей являются достаточно обеспеченными в плане жилья.

Если вернуться к данным за 1995 год, то мы увидим, что почти 30% семей после рождения ребенка изменили свои жилищные условия. Четверть из них приватизировали государственные квартиры. При этом 18% семей смогли улучшить свои жилищные условия, поменяв комнату в общежитии на отдельную квартиру, а у 22% семей условия изменились в худшую сторону (из отдельных государственных квартир семьи выехали в коммунальные квартиры). Это несколько объясняет ситуацию, когда в 2014 г. 60% родильниц оценили свои жилищные условия как «хорошие», что на 30 п.п. больше, чем в 1995 г. (табл. 3).

Таблица 2. Социальный портрет семей когорт (в % от числа опрошенных)

Показатель	Когорта 1995 г.р.	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Возраст матери, лет	25	24	25	22	28,5
Возраст отца, лет	23	23	24	25	33,5
Тип семьи, %:					
- полная	72,3	85	86,4	87	93,2
- неполная	27,7	15	14,6	13	6,8
- нуклеарная	50	38	30	35	74
- сложная	34	47	56	53	19,5
Наличие других детей, %	49	40,1	43,1	41,7	51
Многодетные семьи, %	10,2	4	2	0,4	12

Источник: здесь и далее – мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

Таблица 3. Удовлетворенность семей с новорожденными детьми жилищными условиями (в % от числа опрошенных)

Жилищные условия	Когорта 1995 г.р.	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Хорошие	29	31,2	29,9	38,1	60
Удовлетворительные	62	54,3	57,8	51,3	32
Плохие	7	13,1	8,8	8,3	3
Очень плохие	2	1,5	2,8	1,5	0,5

За рассматриваемые годы прежней осталась *удовлетворенность экологическими условиями* в районе проживания. Согласно данным опроса, 52% семей оценивают их как «удовлетворительные»; 31% – как «хорошие», 10% – как «плохие» (табл. 4).

На протяжении многих лет сохраняется более высокий уровень негативных оценок в г. Череповце, что выше почти в три раза, чем в областном центре, и в шесть раз, чем в районах области. В Череповце функционируют крупные промышленные предприятия (ОАО «Северсталь», ОАО «ФосАгро-Череповец»), и это во многом определяет его экологический фон.

В структуре основных неблагоприятных экологических факторов этого города преобладают загрязненный воздух (93%), плохое качество воды (56%), повышенный уровень шума (34%; табл. 5). Тогда как в Вологде на первое место респондентки поставили повышенный уровень шума (73%), на второе – плохое качество воды (64%), на третье – отсутствие зелёных насаждений (55%).

Рациональное питание влияет на здоровье как матери, так и будущего ребенка. Питание напрямую зависит от уровня доходов семьи. Низкий уровень лимитирует качество питания и заставляет большую часть своего заработка тратить на еду, ограничивая себя в других базовых потребностях (медицина, отдых и др.). Исследование показало заметное снижение у семей с новорожденными детьми доли затрат на приобретение продуктов питания – с 66% в 1995 г. до 44% в 2014 г. Это говорит о повышении уровня жизни и расширяет возможности семей в удовлетворении других базовых потребностей.

Состояние здоровья будущих мам, увеличение числа осложнений беременностей и родов во многом определяют состояние здоровья детей. В 2014 г. родильницы были более удовлетворены своим здоровьем (83%), чем в 1995 г. (70%; табл. 6).

Результативность и эффективность деятельности учреждений здравоохранения, улучшение качественных показателей состояния здоровья матери и ребенка в значи-

Таблица 4. Удовлетворенность семей с новорожденными детьми экологическими условиями (в % от числа опрошенных)

Экологические условия	Когорта 1995 г.р.	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Хорошие	30,7	15,6	18,3	20,4	31,4
Удовлетворительные	53,5	56,3	48,6	54,0	51,6
Плохие	14,9	17,6	15,5	10,6	10,0
Очень плохие	1,0	2,0	2,0	4,9	0,5

Таблица 5. Оценка экологических условий в районе проживания семей с новорожденными детьми (в % от числа тех, кто оценил экологические условия как неблагоприятные)

Экологические факторы	Вологда					Череповец				
	1995	1998	2001	2004	2014	1995	1998	2001	2004	2014
Загрязненный воздух	33,3	14,3	83,3	81,8	45,5	0,0	62,5	93,1	40,7	92,6
Плохое качество воды	50,0	92,9	77,8	81,8	63,6	75,0	91,7	41,4	81,5	55,6
Повышенный уровень шума	33,3	14,3	61,1	36,4	72,7	25,0	25,0	48,3	44,4	33,3
Отсутствие зелени	66,7	78,6	61,1	72,7	54,5	100,0	45,8	10,3	40,7	11,1
Загрязненная почва	16,7	28,6	55,6	0,0	9,1	50,0	41,7	10,3	22,2	14,8

Таблица 6. Оценка собственного здоровья матерью (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Когорта 1995 г.р.	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Отличное	4,0	5,5	4,4	11,7	9,7
Хорошее	66,3	68,8	61,0	65,7	73,5
Удовлетворительное	28,7	24,6	30,7	21,9	12,2
Плохое	0,0	0,5	1,2	0,0	0,5

Таблица 7. Степень доступности услуг, связанных с организацией медицинского наблюдения в период настоящей беременности и подготовки к родам (средний балл)

Показатель	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Возможность получения своевременного лабораторно-диагностического обследования	7,7	7,5	7,3	8
Доступность своевременной квалифицированной акушерско-гинекологической (врачебной) помощи	8,3	8	7,7	8,5
Доступность своевременной квалифицированной терапевтической (врачебной) помощи	7,9	7,4	7,3	7,9
Доступность консультативной врачебной помощи по различным специальностям (невропатолог, офтальмолог, другие)	6,8	6,1	5,6	7
Возможность своевременной госпитализации в случае необходимости	8,5	8,4	8,2	8,7
Обеспеченность необходимыми лекарственными препаратами (в том числе препаратами, содержащими железо, витамины) и медицинскими средствами	7	7,6	7,2	7,3
Информация по вопросам медицинской, психологической и другой подготовки к родам	6,1	5,6	6,6	7,6
Информация по вопросам ухода за новорожденным	5,6	5,8	6,6	8
Примечание. В 1995 г. данный вопрос не задавался.				

тельной степени определяется *организацией и качеством медицинской помощи, оказываемой* в период беременности и подготовки к родам.

За 1995–2014 гг. улучшились оценки доступности услуг, связанных с организацией медицинского наблюдения в период настоящей беременности и подготовки к родам. Особенно стоит отметить увеличение количества высоких оценок в отношении доступности информации о медицинской, психологической и другой подготовке к родам (7,6 балла), а также по вопросам ухода за новорожденным ребенком (8 баллов; *табл. 7*).

В 2014 г. большинство (59%) будущих мам оценивали качество медицинского предродового наблюдения как хорошее (*табл. 8*). По сравнению с оценками за предыдущие годы исследования наблюдается увеличение на 4–15 п.п.

В то же время треть респонденток удовлетворительно оценили данный вид помощи. Их основными предложениями по улучшению медицинского обслуживания являются: повышение уровня профессионализма врачей; соблюдение врачебной этики; проведение ремонтов родильных домов, совершенствование технической базы медучреждений, оснащение совре-

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, как Вы оцениваете качество медицинского предродового наблюдения в целом» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Когорта 1998 г.р.	Когорта 2001 г.р.	Когорта 2004 г.р.	Когорта 2014 г.р.
Хорошее	54,8	39,4	37,4	58,6
Удовлетворительное	33,2	43,4	43,4	31,9
Плохое	3,0	2,8	5,7	1,4
Очень плохое	1,5	0,4	0,8	0,5

Примечание. В 1995 г. данный вопрос не задавался.

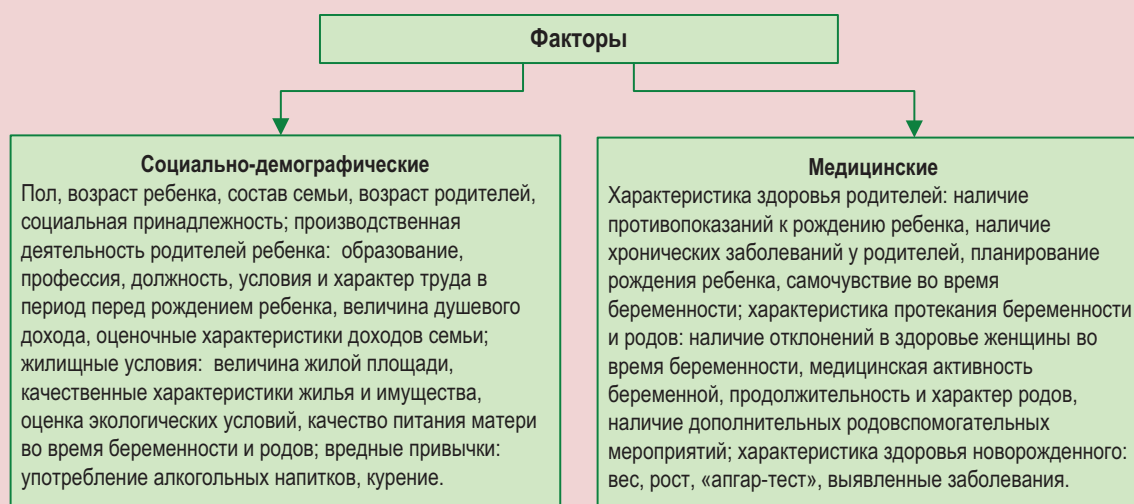
менным медицинским оборудованием лабораторно-диагностических кабинетов; расширение спектра услуг и упорядочение времени обследования беременных в поликлиниках и женских консультациях; бесплатное обеспечение витаминами в период вынашивания ребенка; организация психологической помощи в родах и послеродовом периоде; использование индивидуального подхода; расширение перечня информации по правовым вопросам, питанию, соблюдению режима дня; организация достаточного количества школ для будущих матерей.

Таким образом, первые результаты исследования, проведенного в 2014 году, говорят о положительной динамике удовлетворенности семей с детьми жилищными условиями, о некоторой стабильности в

оценке экологической ситуации в районе проживания. Что касается здоровья, то за 1995–2014 гг. повысились и оценки удовлетворенности будущих мам собственным здоровьем, и оценки доступности услуг, связанных с организацией медицинского наблюдения в период настоящей беременности и подготовки к родам.

Данные мониторинга позволяют оценить воздействие различных факторов на здоровье и развитие детей исходя из информации, получаемой в режиме реального времени. Вопросы в анкете, нацеленные на выявление факторов риска для здоровья ребенка, составлены экспертным путем на основе опыта отечественных и зарубежных исследований. В исследовании рассматривались как *социально-демографические*, так и *медицинские факторы* (рис. 6).

Рисунок 6. Факторы, оказывающие влияние на здоровье детей

Проведенный анализ дал возможность выделить наиболее значимые факторы, определяющие здоровье детей в разные периоды жизни.

В период младенчества и раннего детства (до 3-х лет) наиболее значимое влияние на здоровье ребенка оказывают следующие факторы:

- низкий показатель гемоглобина у женщин в конце беременности ($R_s=0,712$ на момент рождения; $R_s=0,830$ к 1 году);
- здоровье родителей ($R_s=0,645$ на момент рождения; $R_s=0,832$ к 1 году; $R_s=0,532$ к 2 годам);
- характер протекания родов ($R_s=0,513$ на момент рождения; $R_s=0,147$ к 1 году);
- неблагоприятные условия труда матери в период беременности: загазованность воздуха рабочей зоны ($R_s=0,939$ на момент рождения); действие радиации и СВЧ ($R_s=0,839$ на момент рождения); работа с токсическими химическими веществами ($R_s=0,6$ на момент рождения); работа в 2–3 смены ($R_s=0,510$ на момент рождения);
- курение матери в период беременности ($R_s=0,898$ на момент рождения, $R_s=0,661$ к 1 году);
- характер вскармливания ребенка (при грудном вскармливании до 6 мес. $R_s=0,85$).

Остановимся более подробно только на некоторых из факторов, которые, на наш взгляд, требуют более пристального внимания.

Во-первых, это отклонения в состоянии здоровья женщины во время беременности. Такие болезни матери, как анемия, вегетососудистая дистония, гипотония, влекут за собой недостаточность обеспеченности питательными веществами и поступление кислорода к плоду. Различные инфекции матери вызывают ослабление иммунитета ребенка, вследствие чего увеличивается

его болезненность, ухудшается здоровье. Простудные заболевания, гипертоническая болезнь, болезни органов пищеварения, инфекции мочеполовых путей и связанные с ними дисфункции в организме женщины в период протекания беременности также неблагоприятно отражаются на здоровье ребенка.

За период с 1998 по 2007 г. число заболеваний беременных женщин увеличилось как в целом по России, так и в Вологодской области (рис. 7). Но уже с 2008 г. наметилась тенденция снижения заболеваемости беременных. Наиболее часто встречается анемия, на втором месте болезни мочеполовой системы, на третьем – отеки, протеинурия и гипертензивные расстройства, на четвертом – болезни системы кровообращения.

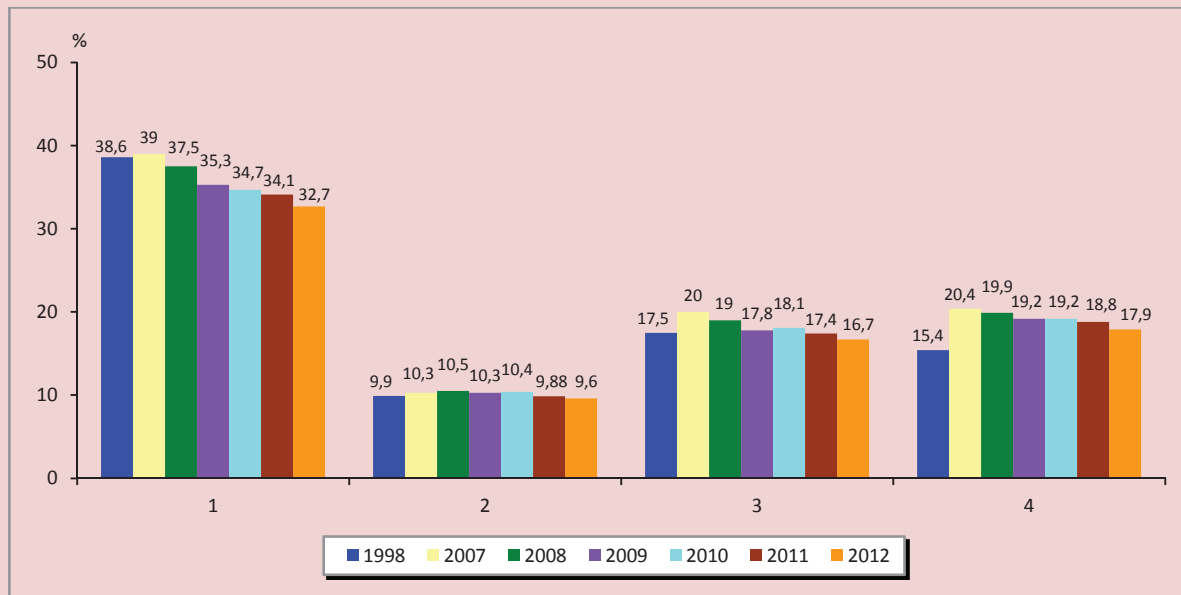
Результаты мониторинга показывают, что у женщин, страдавших анемией во время беременности (в когорте 2004 г.), всего 3% детей родились здоровыми, к трем годам практически все дети (91%) имели какие-либо отклонения в состоянии здоровья (табл. 9). При этом ослабленное при рождении здоровье детей пролонгируется на весь период раннего детства.

Во-вторых, – это курение матерей. По данным мониторинга, в период с 1995 по 2014 год в когорте обследуемых увеличилось с 3 до 10% соответственно количество женщин, куривших во время беременности (табл. 10).

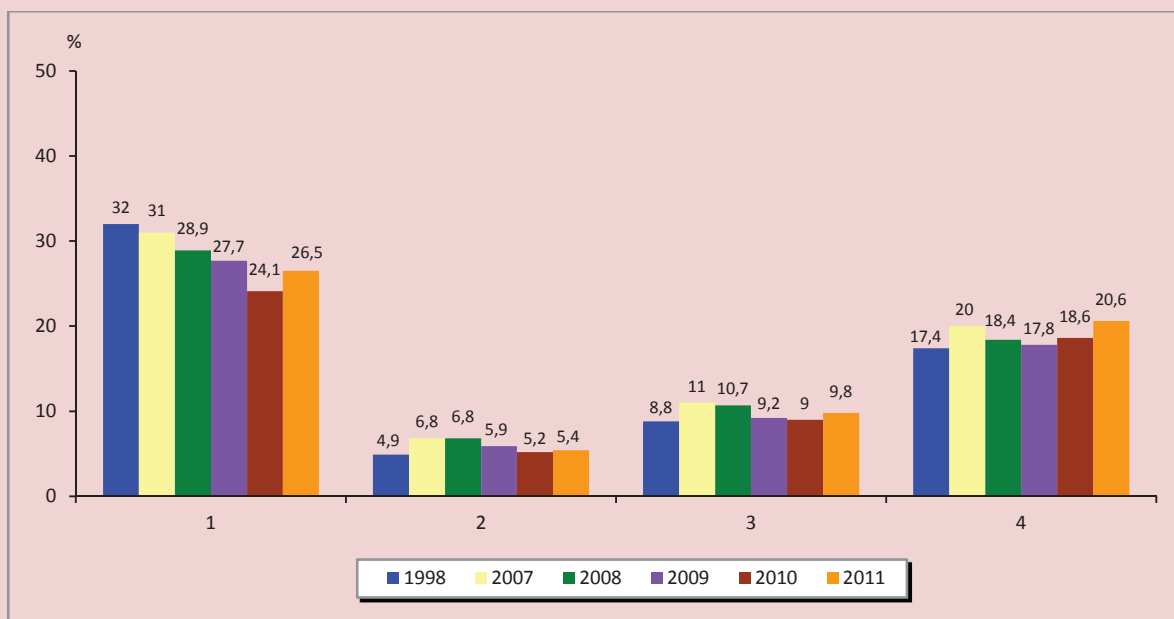
Курение матерей приводит к развитию у детей функциональных отклонений. Особенно неблагоприятным фактором является курение во время беременности. У некурящих матерей родилось 34–37% здоровых детей, у куривших до беременности – всего 25–34%. У тех же, кто курил и во время беременности, здоровье новорожденных значительно хуже: без отклонений в здоровье родилось в среднем 20% детей.

Рисунок 7. Заболевания женщин, закончивших беременность
(в % от числа закончивших беременность)

Российская Федерация

Вологодская область

Из числа женщин, закончивших беременность, страдали:
 1 – анемией
 2 – болезнями системы кровообращения
 3 – отеками, протеинурией и гипертензивными расстройствами
 4 – болезнями мочеполовой системы

Источники: Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации. – М., 2012. – 193 с.

Таблица 9. Влияние болезненных состояний беременных женщин на здоровье ребенка (в % от числа опрошенных)

Болезненные состояния будущей матери	Здоровье детей по возрастам							
	Новорожденные		1 год		2 года		3 года	
	R 1	R 2	R 1	R 2	R 1	R 2	R 1	R 2
	Когорта 1995 г.							
Анемия	58,3	41,7	25,0	75,0	66,7	33,3	0,0	100
Инфекция мочеполовых путей	66,7	33,3	0,0	100	0,0	100	0,0	100
Гинекологические заболевания	80,0	20,0	0,0	100	0,0	100	0,0	100
	Когорта 2004 г.							
Анемия	2,7	97,3	55,7	44,3	6,8	93,2	9,3	90,7
Инфекция мочеполовых путей	5,0	95,0	65,0	35,0	4,3	95,7	0,0	100
Гинекологические заболевания	2,2	97,8	57,1	42,9	6,1	93,9	4,0	96,0
Вегето-сосудистая дистония	9,1	90,9	33,3	66,7	0,0	100	0,0	100
Гипертония	0,0	100	0,0	100	0,0	100	0,0	100

R 1 – группа с наименьшим риском ухудшения здоровья (в нее входят дети с группой здоровья 1 и 2А).
R 2 – группа детей, имеющие различные отклонения в состоянии здоровья, хронические заболевания (в нее входят дети с группой здоровья 2Б, 3, 4) [14, с. 51].
Источник: Мониторинг «Изучение условия формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995–1998, 2004–2007 гг.

Таблица 10. Курение матерей до и во время беременности (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	До беременности					Во время беременности				
	1995 г.	1998 г.	2001 г.	2004 г.	2014 г.	1995 г.	1998 г.	2001 г.	2004 г.	2014 г.
Курила	2,2	28,1	29,6	27,9	26,5	2,8	12,6	14,2	13,1	10,3
Не курила	77,8	68,3	69,2	70,2	73,5	97,2	83,9	84,2	86,9	89,2
Нет ответа	20	3,5	1,2	1,9	0	0	3,5	1,6	0	0,5

Источник: Мониторинг «Изучение условия формирования здорового поколения» / ИСЭРТ РАН, 1995, 1998, 2001, 2004, 2014 гг.

Курение матери влияет и на вес будущего ребенка – у курящих матерей чаще рождаются маловесные дети (в среднем 14%). У женщин, продолжавших курить во время беременности, удельный вес детей, родившихся с весом менее 2500 г, составил 20%.

Полученные данные подтверждаются также другими исследованиями. В частности, в Великобритании после обследования в 1958 г. 17 тыс. новорожденных было отмечено замедление физического и умственного развития среди тех детей, чьи матери курили во время беременности. При этом если матери выкуривали по 10 сигарет в день или более, то их дети имели

рост в среднем меньше на 1 см и несколько отставали по успеваемости в школе в сравнении с теми, чьи матери не курили во время беременности [21].

При формировании здоровья в дошкольном и школьном возрасте более значимыми, чем в период младенчества, становятся несколько иные факторы. Наиболее распространёнными из них являются:

1. Ослабленное здоровье детей в раннем детстве. Например, частые и длительные заболевания в возрасте 1–2 лет усиливают риск формирования хронических заболеваний в более старших возрастах.

2. Неудовлетворительные жилищные условия. У детей, проживающих в хороших

условиях, более крепкое здоровье в сравнении с теми, кто живет в неудовлетворительных жилищных условиях. Особенно заметное влияние на здоровье детей оказывают такие неудовлетворительные характеристики жилища, как холод и повышенная влажность, перенаселенность или теснота.

3. Неблагоприятные экологические условия в районе проживания. Дети, постоянно живущие в экологически загрязненных микрорайонах, чаще болеют.

4. Низкая медицинская активность семьи. Около 70% родителей в обследуемых семьях всегда обращаются к врачам в случае острых либо обострения хронических заболеваний у ребенка и полностью выполняют рекомендации докторов. Примерно четверть родителей признались, что не всегда выполняют рекомендации, данные педиатром. Особенно часто такая тенденция прослеживается в неполных семьях. В других семьях прибегают к самолечению, средствам народной медицины или же обращаются к врачу уже при тяжелом состоянии ребенка.

5. Низкий достаток семьи. Высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор благ, способствующих развитию ребенка.

Выделенные факторы здоровья детей определяют те основные направления, на которых, как нам представляется, следует сконцентрировать усилия:

- совершенствование медико-социальных мероприятий, направленных на улучшение репродуктивного здоровья населения;
- укрепление здоровья уже родившихся детей, создание условий, благоприятных для их развития;
- повышение медицинской и санитарно-гигиенической грамотности населения в целом.

* * *

Детское население страны представляет самый важный ресурс как будущая основа экономического роста, научно-технического развития и обороноспособности. С этой точки зрения социально-экономические аспекты здоровья подрастающего поколения требуют всестороннего исследования для определения правильного вектора проводимой государством политики. Поэтому вполне закономерно, что результаты рассматриваемого мониторинга составляют доказательную базу законодательных решений в области материнства и детства.

Представители региональных органов власти на протяжении всего периода исследования проявляли заинтересованность в его материалах. С привлечением данных мониторинга Департаментом здравоохранения Вологодской области разрабатывались направления помощи семье и детям. Концепция «Вологодская область: Здоровье-21», НИР «Изучение репродуктивного потенциала населения региона», российско-американский проект «Мать и дитя», Программа демографического развития региона, целевые программы «Здоровое поколение» и «Здоровый ребенок» — это неполный перечень исследований и документов, в которых использованы результаты мониторинга условий формирования здорового поколения.

Возвращаясь к британскому исследованию 1958 г., отметим, что оно берет свое начало от исследований причин высокой перинатальной смертности детей (в те годы она составляла 33 смерти на 1000 родившихся живыми), а также проблем в области сохранения здоровья детей, вопросов, касающихся успешного ведения беременности и родов. Результаты исследования послужили основанием для формирования национальной политики в области охраны здоровья населения начиная с рождения [21].

В российском научном медицинском сообществе давно обсуждается вопрос о создании закона об охране здоровья детей и подростков [1, с. 5-9; 8, с. 9-11], который означал бы признание ребенка не просто обладателем прав и свобод, а объектом специальной защиты. В ходе принятия региональных законодательных и нормативно-правовых актов необходимо учитывать социально-экономические и демографические особенности территории (региона, республики). Поэтому основным

инструментом оценки ситуации должен стать постоянный мониторинг состояния здоровья детей.

Именно пример более чем полувекового британского исследования (NCDS), а также опыт одного из регионов России (Вологодской области) подтверждают, что результаты таких исследований оказывают большое влияние на формирование основных направлений государственной политики — от условий жизни и здоровья до образования и занятости населения.

Литература

1. Баранов, А.А. Государственная политика в области охраны здоровья детей: правовое обеспечение, структура и содержание [Текст] / А.А. Баранов, Ю.Е. Лапин // Вопросы современной педиатрии. — 2007. — № 6. — С. 5-9.
2. Выступление О.А. Кувшинникова на заседании президиума Государственного совета РФ «О государственной политике в сфере семьи, материнства и детства» 17.02.2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20265>.
3. О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2012 год: Государственный доклад. — М.: Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2013. — 1008 с.
4. Европейская база данных ВОЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://data.euro.who.int/hfadb>.
5. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей 27.05.2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
6. Здравоохранение в России. 2001: стат. сб. / Росстат. — М., 2001. — 365 с.
7. Интернет-сайт ЮНИСЕФ. — Режим доступа: <http://www.unicef.ru/upload/iblock/a5a/a5a7b138fee1a34f56dfa2d65f2da13.pdf>.
8. Лапин, Ю.Е. Правовые основы разработки государственной политики в области охраны здоровья детей в Российской Федерации [Текст] / Ю.Е. Лапин // Вопросы современной педиатрии. — 2007. — № 1. — С. 9-11.
9. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Новости от 29.01.2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/29/1707-ministr-veronika-skvortsova-prinyala-uchastie-v-selektornom-soveshanii-po-programme-razvitiya-perinatalnyh-tsentrov>.
10. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи [Электронный ресурс]: Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 г. №1687н // КонсультантПлюс.
11. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1990–2012 гг. — Вологда: МИАЦ, 2013. — 133 с.
12. Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации / Росстат. — М., 2012. — 193 с.
13. Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы [Текст] / коллектив авторов под руководством д.э.н., профессора В.А. Ильина. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. — 208 с.
14. Римашевская, Н.М. Комплексная оценка здоровья детей первых лет жизни [Текст] / Н.М. Римашевская, Е.В. Андрияшина // Народонаселение. — 1999. — № 3. — С. 49-58.
15. Римашевская, Н.М. Человеческий потенциал России и проблемы сбережения населения [Текст] / Н.М. Римашевская // Российский экономический журнал. — 2004. — № 9-10. — С. 22-40.

16. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
17. Шабунова, А.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга [Текст] : монография / А.А. Шабунова, М.В. Морев, Н.А. Кондакова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 262 с.
18. Шабунова, А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – № 2. – С. 7-17.
19. Яковлева, Т.В. Государственная политика в области охраны здоровья детей: проблемы и задачи / Т.В. Яковлева, А.А. Баранов // Вопросы современной педиатрии. – 2009. – № 2. – С. 6-10.
20. Central Intelligence Agency. The World Factbook [Electronic resource]. – Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
21. Now we are 50: Key findings from the National Child Development Study. Edited by Jane Elliott and Romesh Vaitilingam. London: The Centre for Longitudinal Studies, 2008.
22. Population Reference Bureau. DataFinder [Electronic resource]. – Available at: <http://www.prb.org/>
23. The World Bank [Electronic resource]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>

Shabunova A.A., Kondakova N.A.

Children's health and development: results of a 20-year monitoring

Shabunova Aleksandra Anatol'evna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, aas@vscc.ac.ru)

Kondakova Natal'ya Aleksandrovna – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, natali-kopeikina@mail.ru)

Abstract. The analysis of the data from domestic and foreign theory and practice has shown that the monitoring of the cohort of children is the most effective method of studying and assessing the health and development of children in order to make efficient and adequate management decisions. The paper presents the results of the medical-and-sociological monitoring “Research into the conditions for the formation of a healthy generation”, performed by RAS Institute of Socio-Economic Development of Territories since 1995 with the active support on the part of the Vologda Oblast Department of Healthcare. The authors have found out that each age period is characterized by a specific set of factors influencing health. Infancy and early age are dominated by the impact of medico-biological and social factors (poor health of the parents; low level of hemoglobin during pregnancy; mother's smoking during pregnancy; labour conditions of the mother that do not meet sanitary standards; specifics of the infant's feeding). In preschool and primary school age greater importance is attached to environmental factors, lifestyle and standard of living of the family (comfort of living conditions, environmental conditions in the area of residence, level of socio-hygienic literacy and health-preserving activity of the parents). Using the cohort of children born in 2014 as an example, the authors show certain positive trends that emerged during the reforms of the economy and social sphere, reflected in the living conditions of families with children, in the level of satisfaction with their health, infant health, and key indicators of obstetrics system. In this regard, the authors substantiate the necessity of such monitoring to determine the correct vector of government policy.

Key words: monitoring; children's health; government policy; health factors; human potential.

References

1. Baranov A.A., Lapin Yu.E. Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany zdorov'ya detei: pravovoe obespechenie, struktura i sodержanie [State Children's Healthcare Policy: Legal Framework, Structure and Subject Matter]. *Voprosy sovremennoi pediatrii* [Current Pediatrics], 2007, no.6, pp. 5-9.
2. *Vystuplenie O.A. Kuvshinnikova na zasedanii prezidiuma Gosudarstvennogo soveta RF "O gosudarstvennoi politike v sfere sem'i, materinstva i detstva" 17.02.2014 g.* [O.A. Kuvshynnikov's Speech at the Session of the Presidium of the State Council of the Russian Federation "On the State Policy in the Sphere of Family, Motherhood and Childhood" of February 17, 2014]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/20265>.
3. *O polozhenii detei i semei, imeyushchikh detei, v Rossiiskoi Federatsii za 2012 god: Gosudarstvennyi doklad* [On the Condition of Children and Families with Children in the Russian Federation in 2012: State Report)]. Moscow: Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity Rossiiskoi Federatsii, 2013. 1008 p.
4. *Evropeiskaya baza dannykh VOZ* [European Health for All Database]. Available at: <http://data.euro.who.int/hfad>.
5. *Zasedanie Koordinatsionnogo soveta po realizatsii Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei 27.05.2014 g.* [Session of the Coordination Council on the Implementation of the National Strategy for Children of May 27, 2014]. Available at: <http://www.kremlin.ru>
6. *Zdravookhranenie v Rossii. 2001: stat. sb.* [Health Care in Russia. 2001: Statistical Collection]. Rosstat. Moscow, 2001. 365 p.
7. *Internet-sait YuNISEF* [UNICEF Website]. Available at: <http://www.unicef.ru/upload/iblock/a5a/a5a7b138fe1a34f56dfa2d65f2da13.pdf>.
8. Lapin Yu.E. Pravovye osnovy razrabotki gosudarstvennoi politiki v oblasti okhrany zdorov'ya detei v Rossiiskoi Federatsii [Legal Grounds for the Development of the State Policy in Children's Healthcare Protection in the Russian Federation]. *Voprosy sovremennoi pediatrii* [Current Pediatrics], 2007, no.1, pp. 9-11.
9. Ministerstvo zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii [The Ministry of Health of the Russian Federation]. *Novosti ot 29.01.2014 g* [News of January 29, 2014]. Available at: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/29/1707-ministr-veronika-skvortsova-prinyala-uchastie-v-selektornom-soveshchani-p-programme-razvitiya-perinatalnyh-tsentrov>.
10. O meditsinskikh kriteriyakh rozhdeniya, forme dokumenta o rozhdenii i poryadke ego vydachi: Prikaz Minzdravotsrazvitiya Rossii ot 27.12.2011 g. №1687n [About the Medical Criteria of Birth, Birth Certificate and the Procedure of its Issuing: the Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of December 27, 2011 No. 1687n]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
11. Osnovnye pokazateli deyatelnosti uchrezhdenii zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti za 1990 – 2012 gg. [Key Performance Indicators of Health Institutions in the Vologda Oblast for 1990–2012]. Vologda: MIATs, 2013. 133 p.
12. *Osnovnye pokazateli zdorov'ya materi i rebenka, deyatelnost' sluzhby okhrany detstva i rodovspomozheniya v Rossiiskoi Federatsii* [Main Indicators of Maternal and Child Health, the Activities of the Service for Protection of Children and Obstetrics in the Russian Federation]. Moscow, 2012. 193 p.
13. *Reproduktivnyi potentsial naseleniya regiona: sostoyanie, tendentsii, perspektivy* [Reproductive Potential of the Region's Population: Status, Trends, Prospects]. Prepared by the team of authors supervised by Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2005. 208 p.
14. Rimashevskaya N.M., Andryushina E.V. Kompleksnaya otsenka zdorov'ya detei pervykh let zhizni [Comprehensive Assessment of the Health of Children in Their First Years of Life]. *Narodonaselenie* [Population], 1999, no.3, pp. 49-58.
15. Rimashevskaya N.M. Chelovecheskii potentsial Rossii i problemy sbrezheniya naseleniya [Human Potential in Russia and the Problems of Population Preservation] *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2004, no.9-10, pp. 22-40.
16. Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>

17. Shabunova A.A., Morev M.V., Kondakova N.A. Zdorov'e detei: itogi pyatnadsatiletnego monitoringa: monografiya [Children's Health: Results of a Fifteen-Year Monitoring: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 262 p.
18. Shabunova A.A. Obshchestvennoe razvitie i demograficheskie vyzovy sovremennosti [Social Development and Modern Demographic Challenges]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Development of Territories], 2014, no.2, pp. 7-17.
19. Yakovleva T.V., Baranov A.A. Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany zdorov'ya detei: problemy i zadachi [State Policy in Health Protection of Children: Problems and Tasks]. Voprosy sovremennoi pediatrii [Current Pediatrics], 2009, no.2, pp. 6-10.
20. Central Intelligence Agency. The World Factbook. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
21. Now We Are 50: Key Findings from the National Child Development Study. Edited by J. Elliott and R. Vaitilingam. London: The Centre for Longitudinal Studies, 2008.
22. Population Reference Bureau. DataFinder. Available at: <http://www.prb.org/>
23. The World Bank. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>

Экономическая трансформация России в период 1990–2012 годов и ее отражение в сознании россиян*

Роман Иванович

АНИСИМОВ

кандидат социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Российский государственный гуманитарный университет (125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6, корп. 5, socfak.dekanat@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются итоги рыночных преобразований российской экономической системы. Анализируются данные социологического опроса населения России, проведенного в 2012 году. В результате сравнения итогов опроса с аналогичными данными 1990 года констатируется, что население России не видит заметных улучшений экономического состояния страны, за исключением устранения дефицита.

В статье также сравнивается оценка экономической трансформации страны, сделанная населением, со статистическими данными по ряду экономических параметров. Проведенный анализ показал, что практически по всем параметрам положение стало хуже, чем было в СССР, или осталось без изменений. На основании этого сделан вывод, что население России в целом правильно оценивает итоги рыночных преобразований. Вместе с тем в статье предпринята попытка ответить на парадоксальный вопрос: как получается увеличение благосостояния населения при худших по сравнению с советской экономикой показателях?

Предложено три источника роста благосостояния: высокая цена на нефть и газ, рост финансового сектора и распространение «сетевого общества» — неформальных личных взаимодействий. Автором выявлена латентная функция сетевого общества — адаптация населения к рыночной экономике.

Ключевые слова: рыночная реформа, экономическая трансформация, неформальные личные взаимодействия, латентная функция, «сетевое общество».

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00155а «Трансформация общественного сознания в России: опыт моделирования».

С начала «перестройки», задумывавшейся как «ускорение» экономического роста, прошло достаточно времени — более 20 лет — для подведения итогов экономической трансформации страны. За этот период прекратил свое существование СССР, изменилась вся общественно-экономическая система, сформировалась частная собственность, образовалась многопартийная политическая система и т.д. По поводу итогов данной трансформации проводятся различные конференции, круглые столы, выступают эксперты. Оценки экономической трансформации диаметрально противоположны, но зачастую во всех этих мероприятиях не принимается во внимание оценка главного объекта осуществлявшихся реформ — народа. Ведь вся экономика в конечном итоге направлена на улучшение благосостояния населения и без учета мнения последнего общая картина экономической трансформации будет неполной.

В октябре 2012 года социологический факультет Российского государственного гуманитарного университета провел опрос работников различных предприятий и организаций РФ на предмет оценки

ими различных сторон экономической жизни страны, региона, собственного предприятия¹. Уникальность опроса заключалась в том, что формулировки вопросов содержательно повторяли вопросы анкетирования, проведенного Центром социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС в мае 1990 года². Это позволило выявить динамику общественного сознания, понять, в лучшую или в худшую сторону поменялись оценки экономической сферы, и в конечном итоге дать общую оценку экономических преобразований с позиций народа.

Рассмотрим общие оценки экономического состояния страны.

В исследовании, выполненном в 2012 году, был задан вопрос: «Как Вы оцениваете нынешнее экономическое положение в России?» Варианты ответа на него распределены следующим образом (табл. 1).

Оценки состояния экономики показывают парадоксальность экономического сознания россиян. Если объединить позитивные и негативные варианты ответа на вопрос: «Как Вы оцениваете нынешнее экономическое положение в России?», то позитивно оценивают его 46,1% россиян,

Таблица 1. Как Вы оцениваете нынешнее экономическое положение в России?
(в % от общего числа ответивших, 2012 г.)

Варианты ответа	Доля ответивших
Хорошее	16,6
Есть сложности, но неплохое	29,5
Скорее плохое, чем хорошее	35,5
Очень плохое	10,7
Затруднились ответить	7,7
Источник: данные опроса 2012 г.	

¹ Опрос методом анкетирования проводился 5–10 октября 2012 г. Опрошено 1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации (Красноярский, Ставропольский, Хабаровский края, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Челябинская области, гг. Москва и Санкт-Петербург) по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности.

² Опрос методом анкетирования был проведен 24–31 мая 1990 г. Опрошено 1525 человек в 17 регионах СССР (Архангельск, Ашхабад, Баку, Волгоград, Гродно, Запорожье, Иркутск, Кишинев, Москва, Московская область, Орел, Рига, Ростов-на-Дону, Семипалатинск, Тбилиси, Челябинск, Якутск).

а негативно – 46,2%. Но по сравнению с результатами опроса 1990 года экономическое положение России оценивается более позитивно (табл. 2).

Это объясняется тем, что в 1990 году советская экономика уже пребывала в состоянии кризиса; прибалтийские республики, Молдавия, Грузия, Туркмения, Армения вышли из состава СССР; продолжался хронический дефицит продуктов питания, выразившийся в их нормированном распределении, что и повлияло на оценки населения. В 2012 году экономическая ситуация в Российской Федерации была кардинально другой. Золотовалютные резервы страны позволили компенсировать последствия экономического кризиса 2008 года. В целом можно утверждать, что люди адаптировались к новой экономической системе, что выразилось в отношении к частному сектору. По сравнению с данными 1990 г. вдвое уменьшилось количество людей, резко отрицательно относившихся к частному сектору (с 11 до 5,2%). И более чем на 10% снизилось число респондентов

с негативным отношением к нему (с 31% в 1991 г. до 19,1% в 2012 г.) (табл. 3). В то же время оценка рыночной экономики стала более сдержанной. На 5% уменьшилось число респондентов, безоговорочно поддерживавших рынок. На наш взгляд, это связано с тем, что в конце восьмидесятых годов в общественном сознании были сильно развиты мифологемы относительно рыночной экономики. В 2012 году рыночная экономика стала реальностью, и эта реальность отличается от представлений о ней образца конца советской эпохи. В связи с этим в общественном сознании произошло «отрезвление» и оценка частного сектора стала более сдержанной.

Частная собственность стала неотъемлемой характеристикой нашей жизни. Люди не воспринимают ее как источник несправедливого распределения общественного продукта. Но сама частная собственность являлась не целью реформ, а одним из инструментов, позволяющих улучшить состояние экономики и повысить уровень жизни населения. Оценивая по различным критериям переход к рыноч-

Таблица 2. Какова, на Ваш взгляд, экономическая обстановка в стране (в % от общего числа ответивших, 1990 г.)

Варианты ответа	Доля ответивших
Очень плохая	61
Сложная	38
Нормальная	1
Источник: данные опроса 1990 г.	

Таблица 3. Отношение населения к рыночной экономике (в % от общего числа ответивших)

Варианты ответа	2012 г.	1990 г.
	Как в принципе Вы оцениваете частный сектор производства товаров и услуг?	Как Вы относитесь к существованию частных услуг?
Очень хорошо, что он (они) развивается	53,5	59
Лучше бы обходиться без него (них), но деваться некуда	19,1	31
Очень плохо, что он (они) имеет место в нашей жизни	5,2	11
Затруднились ответить	22,2	-
Источники: данные опросов 1990 и 2012 гг.		

ным отношениям, 65% респондентов отметили как позитивный только один факт, а именно то, что «стали доступнее товары и услуги». В отношении других вариантов ответа отрицательные оценки преобладают над положительными (табл. 4). Исходя из этих данных можно сделать вывод, что в общественном сознании россиян переход к рыночным отношениям не преодолел проблем предыдущей системы, за исключением проблемы дефицита.

Если сравнить данные 2012 года с распределением ответов на аналогичный вопрос, заданный респондентам в 1990 году, то можно констатировать, что, несмотря на преобладание отрицательных ответов на вопрос: «Способствовал ли переход к рыночным отношениям изменению в лучшую сторону следующих экономических показателей?», — доля позитивных ответов стала больше (табл. 5). В 1990 году люди имели меньшие ожидания от развития рыночных

Таблица 4. Способствовал ли переход к рыночным отношениям изменению в лучшую сторону следующих экономических показателей? (в % от общего числа ответивших, 2012 г.)

Варианты ответа	Да	Нет	Затруднились ответить
Укрепился авторитет честного труда	30,6	47,0	22,4
Преодолена уравниловка в оплате труда	32,6	44,7	22,7
Лучше используются природные ресурсы	22,2	54,2	23,6
Стали доступнее товары и услуги	65,0	25,6	9,4
Укрепился рубль, снизилась инфляция	26,6	53,2	20,2
Снизилась тарифы услуг и цены на товары	13,7	75,0	11,3
Преодолены спекуляция и воровство	14,5	69,6	15,9
Улучшен контроль над доходами	24,7	52,6	22,7
Повысилось благосостояние населения	29,4	48,0	22,6

Источник: данные опроса 2012 г.

Таблица 5. Позитивная оценка рыночных отношений (в %; сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов)

Варианты ответа	2012 г.	1990 г.
	Способствовал ли переход к рыночным отношениям изменению в лучшую сторону следующих экономических показателей?*	Что Вы ожидаете от развития рыночных отношений?
Укрепился авторитет честного труда**	30,6	26
Преодолена уравниловка в оплате труда	32,6	28
Лучше используются природные ресурсы	22,2	14
Стали доступнее товары и услуги***	65,0	40
Укрепился рубль, снизилась инфляция	26,6	19
Снизилась тарифы услуг и цены на товары	13,7	13
Преодолены спекуляция и воровство	14,5	19
Улучшен контроль над доходами	24,7	9
Повысилось благосостояние населения	29,4	19

* В 2012 году взяты варианты ответа «Да».
 ** В анкете 1990 г. в вариантах ответа используется будущее время глаголов: например, «Укрепится авторитет честного труда».
 *** В анкете 1990 г. этот вариант ответа был сформулирован так: «Появятся в достатке товары и услуги».
 Источники: данные опросов 1990 и 2012 гг.

отношений, что видно по разнице в долях позитивных ответов в 1990 и 2012 годах. В 2012 году позитивные оценки по всем пунктам опережают показатели 1990 года. Эти показатели в целом коррелируют с оценками общего экономического состояния страны.

Анализируя оценку отрицательных последствий перехода к рыночным реформам, мы получаем зеркально противоположную картину (табл. 6). Большинство респондентов выбрали вариант ответа «Да», кроме ответа на утверждение «Многие товары стали недоступными для обычных людей» (44,8% респондентов ответили «Нет»), что подтверждает сделанный выше вывод о воспроизводстве негативных экономических явлений социализма при рыночных отношениях. Во всяком случае, общественное сознание россиян не улавливает качественных отличий одной системы от другой, кроме устранения дефицита.

Таким образом, в общественном сознании мы наблюдаем парадоксальную картину: свыше 46% россиян в 2012 году позитивно оценивали экономическую ситуацию в стране, свыше 53% активно поддерживают развитие частного сектора, но, оценивая результаты экономических реформ, россияне выделяют только один позитивный элемент – уничтожение дефицита.

По мнению населения, большинства своих целей экономическая трансформация не достигла. Оказались не преодолены проблемы плановой экономики, кроме одной – дефицита.

По сравнению с 1990 годом в 2012 году экономическое положение России воспринимается более спокойно и большинство населения поддерживает развитие частной собственности и рыночной экономики, даже несмотря на то, что новая экономическая модель не решила тех задач, ради которых она и создавалась. По всей видимости, мы имеем дело с «непреднамеренным социальным изобретением» [3, с. 16], таким феноменом конструирования социальной реальности, как непохожесть полученного результата на то, что задумывалось и планировалось. Что же получилось в результате? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать объективные данные о тех изменениях, которые претерпевала российская экономика последние 24 года. Возможно, респонденты ошибаются, считая, что переход к рыночной экономике не выполнил своих задач. Для того чтобы это проверить, рассмотрим, насколько изменилось *потребление продуктов питания и товаров*. В пользу смены плановой экономики было сделано предположение, что рыночная экономика

Таблица 6. Или, наоборот, переход к рыночным отношениям обусловил следующие отрицательные следствия? (в % от числа ответивших, 2012 г.)

Варианты ответа	Да	Нет	Затруднились ответить
Усилилась несправедливость в оплате труда	45,5	31,7	22,8
Усилилось расхищение природных ресурсов	54,5	21,1	24,4
Многие товары стали недоступными для обычных людей	40,6	44,8	14,6
Усилилась инфляция	52,9	23,1	24,0
Выросли тарифы услуг и цены на товары	78,1	12,1	9,8
Появилась массовая безработица	40,7	27,8	31,5
Увеличилось число экономических преступлений	56,4	17,6	26,0
Выиграли только богатые люди	54,3	20,4	25,3
Снизился уровень благосостояния населения	47,9	27,7	24,4
Источник: данные опроса 2012 г.			

вследствие конкуренции будет способствовать более *эффективному производству и управлению*, более *справедливой оплате труда* и в целом снижению зависимости страны от экспорта энергоресурсов, то есть *росту конкурентоспособности российских товаров* на мировом рынке.

Потребление продуктов и товаров

Российские граждане помнят очереди, пустые полки и талоны на продукты питания и промышленные товары в конце советской эпохи. Сейчас ситуация кардинально противоположная – нет очередей, многообразия товаров. Но изменилось ли реальное потребление продуктов питания?

Как мы видим (*табл. 7*), в 2011 году по сравнению с «голодным» 1990 годом люди меньше едят мяса, рыбы, яиц и сахара. Но больше потребляют картофеля, овощей и фруктов. Можно предположить, что потребление мясных продуктов не растет в силу физического ограничения, налагаемого человеческим телом. Просто больше съесть невозможно. Но это не так. Для примера: в Германии в 2009 году потреблялось 88 кг мяса в год, в Великобритании – 84, в США – 113 кг [13, с. 120]; дешевых хлебных продуктов в том же году жители Германии потребили 98 кг, США – 91 кг [13, с. 120]. Несмотря на отсутствие очередей и талонов, потребление россиянами про-

дуктов питания, за исключением овощей, в конечном итоге не выросло, а осталось на советском уровне или, по некоторым параметрам, даже снизилось.

Таким образом, можно констатировать, что потребление продуктов питания не выросло и изменений в лучшую сторону практически нет.

Однако увеличилась обеспеченность населения товарами длительного пользования. Особенно впечатляет рост количества автомобилей в личной собственности (с 58,5 шт. на 1000 человек в 1990 году до 242 шт. на 1000 человек в 2011 году) [11, с. 201]. В 2011 году автомобиль в личной собственности имел практически каждый четвертый россиянин, тогда как в 1990 году – только каждый семнадцатый.

Подводя итог, можно утверждать, что, хотя потребление продуктов питания осталось на советском уровне, в целом обеспеченность товарами выросла.

Конкурентоспособность российской продукции

Одним из доводов в пользу проведения рыночных реформ был тезис о повышении конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке и уменьшении зависимости бюджета страны от цен на природные ресурсы (нефть, газ). Мы проверили это утверждение (*табл. 8*).

Таблица 7. Потребление продуктов питания (на душу населения; кг)

Год	Хлебные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца, шт.	Рыба и рыбопродукты	Сахар и кондитерские изделия
1990	121	102	91	40	69*	396	307	22,2	44,5
2011**	119	110	106	60	65***	246	271	16,6	40

* В перерасчете на мясо, без субпродуктов II категории и жира-сырца.

** В момент подготовки статьи данных на 2012 год не было, но мы считаем, что за один год кардинальных изменений в структуре потребления не произошло.

*** В пересчете на мясо, без сала и субпродуктов.

Источники: составлено по: РСФСР в цифрах в 1990 г.: кр. стат. сб. – М., 1991. – С. 87; Российский статистический ежегодник. 2012 / Росстат. – М., 2012. – С. 457, 740.

Таблица 8. Товарная структура экспорта РСФСР и Российской Федерации
(в фактически действовавших ценах)

Показатели	1990 г.	2011 г.
	В % к итогу	
Экспорт, всего	100	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)		2,6
Минеральные продукты*	73,9	71,1
Продукция химической промышленности, каучук	-	6,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	-	0,1
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	-	2,2
Текстиль, текстильные изделия и обувь	-	0,2
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	-	11,4
Машины, оборудование и транспортные средства	17,6	5,0
Другие товары		1,1
Товары народного потребления	5,5	
Оборудование и материалы для объектов, строившихся за границей при техническом содействии Советского Союза	3,0	

* В 1990 г. этот пункт звучал как «Сырье, материалы, топливо и электроэнергия».
Источники: составлено по: РСФСР в цифрах в 1990 г.: кр. стат. сб. – М., 1991. – С. 24; Российский статистический ежегодник / Росстат. – М., 2012. – С. 700.

Как мы видим из таблицы, более чем в три раза упал экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью (машины, оборудование и транспортные средства), а зависимость от цен на топливо не исчезла. Объем экспорта минерального сырья сопоставим с аналогичными показателями советской эпохи. Таким образом, можно констатировать, что в результате рыночных реформ российская продукция не только не приобрела, но и, наоборот, утратила свои позиции в мировом экономическом товарообороте.

Эффективность управления

Еще одним из тезисов в пользу рыночных преобразований являлась мысль о том, что «частный собственник эффективнее государства». Он заинтересован в развитии собственного производства, так как от этого зависит его прибыль. В 2012 году 82% основных фондов Российской Федерации имели частную форму собственности [12, с. 345], причем с ростом

частной собственности росла и степень износа основных фондов (табл. 9).

Мы видим, что коэффициент обновления основных фондов в 2012 году практически в два раза меньше, чем в 1990 г., а степень износа основных фондов на 10% выше, чем была при плановой экономике.

Таким образом, исходя из этих данных можно сделать вывод, что при рыночной экономике управление предприятием не становится более эффективным, фонды устаревают и хуже обновляются. Это сказывается на производительности труда, которая, по оценкам бывшего министра экономического развития Андрея Белоуса, «составляет от одной трети до половины в зависимости от методики счета и от страны, с которой сравниваем» [6]. Помимо устаревания основных фондов промышленности, в Российской Федерации в целом произошла деиндустриализация, что отразилось на занятости населения в различных отраслях народного хозяйства (табл. 10).

Таблица 9. Ввод в действие основных фондов, коэффициенты обновления, выбытия и степень износа основных фондов

Показатель	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Коэффициент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах), %	6,3	1,9	1,8	3,0	3,3	4,0	4,4	4,1	3,7	3,9	3,9
Коэффициент выбытия основных фондов (в сопоставимых ценах), %	2,4	1,9	1,3	1,1	1,0	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,7
Степень износа основных фондов (по полному кругу организаций; на конец года), %	37,6	39,5	39,3	45,2	46,3	46,2	45,3	45,3	47,1	47,9	47,7

Источник: Российский статистический ежегодник. 2013 / Росстат. – М., 2013. – С. 345.

Таблица 10. Распределение численности занятых в экономике по отраслям, в %

Страна	Год	Всего в экономике	В том числе в отраслях						
			Сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота	Промышленность и строительство	Транспорт и связь	Торговля, гостиницы и рестораны*	Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг**	Образование, здравоохранение, социальные услуги	Прочие услуги***
РСФСР	1990	100	13,4	42,8	7,9	7,9	2,3	19,5	6,2
Россия	2011	100	7,9	27,4	9,4	18,0	8,6	17,0	11,7

* Включая ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования.
 ** В 1990 г. этот пункт звучал как «Аппарат органов управления, кредитования и государственного страхования».
 *** ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения и др.
 Источники: составлено по: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. – М., 1991. – С. 108; Россия и страны мира 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 84.

Мы видим практически трехкратный рост численности работников, занятых в торговле и финансовой деятельности, и уменьшение в 1,5 раза числа занятых в промышленности и сельском хозяйстве. Можно было бы предположить, что уменьшение численности занятых в промышленности и сельском хозяйстве произошло за счет внедрения новых технологий в производство (автоматизированные системы управления, робототехника), но анализ основных фондов, представленных в таблице 10, не дает оснований для такого предположения.

На действующих предприятиях техника устаревает и обновляется медленнее, чем при плановой экономике, и, скорее всего, уменьшение числа занятых в промышленности и на селе связано с закрытием предприятий.

Но при уменьшении количества занятых в промышленности и на селе парадоксальным образом происходит рост управленческих кадров. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления Российской Федерации в 2012 году (один миллион пятьсот

семьдесят две тысячи человек) [11, с. 46] практически сопоставима с численностью всего аппарата управления, включая хозяйственные организации Советского Союза (один миллион шестьсот тридцать семь тысяч человек) [9, с. 101]. Причем в то же время стремительно развивались средства коммуникации (компьютеры, Интернет, оргтехника), позволяющие существенно оптимизировать процессы управления, однако это не остановило рост числа управленческих кадров.

Таким образом, получается, что при плановой советской экономике, контролировавшей все аспекты хозяйственной жизни человека и общества, при слабозвитых средствах коммуникации управленческий аппарат был в несколько раз меньше, чем в условиях свободной экономики Российской Федерации.

Можно также констатировать, что рост управленческого аппарата и в государстве, и на предприятиях снижает в целом эффективность производства, так как он (аппарат) не производит материальные ценности, а издержки на его содержание растут и соответственно повышается себестоимость конечного продукта. Поэтому мы делаем вывод, что эффективность управления в современной России по сравнению с СССР снизилась.

Справедливая оплата труда

С увеличением количества управленцев изменилось в худшую сторону и их качество, так как при назначении на управленческую должность большую роль играют неформальные связи (знакомства, «блат»). Г.А. Эффендиев, изучая социальные практики трудовой деятельности российских бизнес-организаций, пришел к выводу, что «протекционизм, в том числе в виде «блата», является часто встречающейся чертой социальной организации российского бизнеса» [19, с. 319-338]. По результатам опросов, проведенных этим исследователем, выяс-

нилось, что «все формы протекции³ примерно в равной степени распространены среди рядовых работников (26% случаев), среди специалистов (29%) и среди руководителей (31%), это касается и «блата» — соответственно: 23, 23, 21%» [18, с. 319-338].

Эти данные подтверждаются результатами нашего опроса, поскольку на вопрос: «Укрепился ли авторитет честного труда?» утвердительно ответили только 30,5% опрошенных и 45,5% — согласились с тем, что «Усилилась несправедливость в оплате труда» (см. табл. 4, 6).

Таким образом, возвращаясь к результатам опроса общественного мнения, проанализированным на первых страницах статьи, можно утверждать следующее. В целом опрос подтверждает объективные данные о состоянии экономики. По сравнению с 1990 годом — кризисным годом советской экономики — мало что трансформировалось в лучшую сторону. Хотя потребление продуктов питания структурно не изменилось, отсутствуют очереди;

³ Исследователи разделили протекционизм на три части. «Чистым блатом» называлась такая форма протекционизма, когда респондент указывал только на недостижественные факторы (т.е. наличие связей с начальством, роль рекомендаций родственников, репутация «человека, который стремится иметь бесконфликтные, лояльные отношения с руководителем», «...компанийского человека, хорошо ладающего с людьми»). «Необоснованная протекция» проявлялась в ситуации, когда респондент указывал на наличие связей с начальством (или роли недостижественных факторов) в сочетании с ролью достижественных критериев, но при этом он не попадал в категорию квалифицированных работников. В этом случае его протектировали необоснованно. Эти две формы протекционизма очень сходны и были названы авторами исследования «блатом». Если респондент указывал на сочетание достижественных и недостижественных критериев при своем трудоустройстве и при этом был отнесен исследователями к квалифицированным сотрудникам, он определялся нами как «обоснованно протектируемый», т.е. это реализация «обоснованной протекции» [18, с. 319-338]. Эмпирическое исследование «Социальная организация бизнеса» было проведено в 2007–2008 гг. Первым этапом полевой части исследовательского проекта стало проведение в мае–июне 2007 г. 80 углубленных интервью на четырех предприятиях гг. Москвы и Перми. Вторым этапом стал стандартизованный опрос 2550 работников в девяти регионах России, проведенный в мае–июне 2008 г.

у населения увеличилось количество автомобилей, компьютеров и холодильников. Но управление ухудшилось, конкурентоспособность российских товаров уменьшилась; зависимость страны от экспорта энергоресурсов осталась; произошла деиндустриализация; количество людей, занятых в промышленном производстве и сельском хозяйстве, уменьшается, но растет сфера услуг и управления. Цели рыночных реформ достигнуты не были, более того, современная российская экономика, на наш взгляд, даже менее эффективна, чем в советскую эпоху крушения.

Однако возникает вопрос: за счет чего мы имеем рост потребления, позволяющий стране содержать 5 миллионов 923 тысячи управленцев, из них 1 миллион 572 тысячи государственных служащих [11, с. 46, 120], при том что 26,6% населения, занятого в экономике, работают в финансовой сфере, торговле, ресторанах, то есть не производят материальные ценности? И при всем этом российское государство имеет возможность проводить масштабные мероприятия, а население – приобретать товары длительного потребления. Мы предполагаем, что существуют три источника дохода. Два из них лежат в экономической сфере и один – в социальной.

Источники дохода

В экономической сфере рост обеспечен, во-первых, высокой ценой на нефть и газ, а во-вторых, чрезмерным развитием потребительского кредитования. По данным Министерства финансов, в 2012 году налоги и сборы за пользование природными ресурсами составили 19,6% всех доходов российского бюджета; налоги на внешнеэкономическую деятельность, куда входят налоговые пошлины на нефть, газ и товары из них, – 37,9% [15].

Конечно, внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации не ограничивается только поставками нефти и

газа, но в структуре экспорта их доля составляет свыше 70%. Во многом благодаря этим доходам государство и может обеспечить повышение пенсий, зарплат бюджетников и государственного аппарата.

Второй источник, стимулирующий рост потребления, – это рост потребительского кредитования. По данным опроса, проведенного Фондом общественного мнения (ФОМ)⁴, 29% россиян имеют кредит [4], объем кредитования за пять лет вырос в 10 раз [5]. Но вызывает опасение то, что увеличение объема выдаваемых кредитов не покрывается увеличением промышленного производства, так как рост заработной платы во многом обусловлен перераспределением доходов от эксплуатации и экспорта природных ресурсов России.

Третий источник роста потребления в Российской Федерации, на наш взгляд, имеет социальную природу, лежит всецело в области социальных отношений и во многом объясняет провал рыночных реформ. Речь идет о неформальной сетевой экономике. За прошедшие годы экономических реформ выстроилась параллельная институциональной неформальная сеть, сотканная из межличностных взаимоотношений. Эта сеть включает в себя разнообразные взаимоотношения субъектов экономической деятельности, начиная неформальной работой, «серой» зарплатой, «блатом» и заканчивая коррупцией.

По словам вице-премьера О. Голодец, *«наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам»*. По её данным, в различных секторах экономики сегодня заняты 86 миллионов человек, но только 48 миллионов из них задействованы «понятно где». Остальные 38 миллионов людей трудоспособного возраста работают в

⁴ Еженедельный опрос «ФОМнибус» проведен 7–8 сентября 2013 г. в 43 субъектах РФ, 100 населенных пунктах, опрошено 1500 респондентов.

непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества [2]. Доходы этих 38 миллионов не отражаются в официальных статистических данных, и мы имеем искаженную картину материального обеспечения россиян.

Почему выстроилась эта параллельная сеть? Ответ на этот вопрос лежит в области социологии. К. Маркс, описывая развитие капитализма в Индии, утверждал, что его внедрение в традиционном обществе, по сути, уничтожило это общество [7]. Капитализм разрушил индусскую общину, разорвал вековые традиции и ценности, заставил миллионы людей сменить традиционную сферу занятости, разрушил семьи.

К. Поланьи, изучая возникновение капитализма в Англии, в труде «Великая трансформация» [10] описал похожую ситуацию, но, в отличие от колониальной Индии, британцы в ответ на возникновение, развитие и распространение рыночной экономики на все сферы жизни создали защитные механизмы в виде роста общественных движений, направленных на сдерживание рыночной экономики (чартистское движение, фабианское общество, коммунизм).

В России этого не произошло. М. Буровой, анализируя процессы становления капиталистической экономики в России, констатирует не всплеск общественной активности и в конечном итоге становление гражданского общества, а самозащиту и уход в себя [1, с. 3]. Инструментом самозащиты оказались неформальные связи — российский аналог гражданского общества. *«Вместо гражданского общества выступило сетевое общество — тонкие нити взаимосвязанных натуральных домохозяйств без институциональных узлов, характерных для развитого капитализма»* [1, с. 8]. Их возникновение и развитие способствовало адаптации населения к последствиям

радикальной трансформации экономики, они смягчали конкуренцию, но в то же время снижали производительность труда и эффективность работы персонала. Конкурентная рыночная стихия вступила в противоречие с социальной межличностной солидарностью, а экономика — с обществом.

В результате этого столкновения образовалось две реальности. Одна реальность имеет все атрибуты успешной рыночной экономики, вторая расцветает внутри первой. Эти реальности базируются на альтернативных ценностных иерархиях, что соответствует различным подсистемам общества (экономической и социетальной), поэтому нельзя рассуждать о том, какая из них хуже или лучше. Конкуренция повышает производительность и эффективность, но влечет за собой вражду, агрессию и в конечном итоге деструктивна, если распространяется на все общество. Товарищество, эмпатия, помощь и взаимовыручка не самые плохие качества, если они относятся к социетальной подсистеме, но они превращаются в коррупцию, «кумовство» и клановость, проникая в экономику и управление. Сетевое общество, распространяясь в экономической подсистеме, ограничивает действие рынка, так как обеспечивает выход из конкурентной среды отдельных акторов.

Но, изначально, при крушении крупных социальных институтов советской эпохи неформальные связи были одним из механизмов выживания индивида. Вот как описывает события 90-х годов жена губернатора Нижегородской области В. Шанцева — Татьяна: *«Это был самый тяжелый период в его жизни. Разогнали горком, все разбежались. А он уходил последним. Пока не устроил всех, кто работал»* [17]. В интервью звучит явная гордость за мужа, который *«не бросил своих и всех устроил»*. Такова в те годы была реакция на рыночные реформы. С этим

связан и впечатляющий рост государственного аппарата без видимой на то причины. Люди искали безопасное место и находили его в государственной службе. Таким образом, можно сказать, что неформальные связи выполняли важную латентную функцию — они способствовали и способствуют сохранению и адаптации общества к рынку.

В результате их возникновения и распространения российской экономике так и не удалось решить проблемы советской экономики, реформы провалились, но в итоге сохранилось общество, население адаптировалось к новым экономическим условиям и большинство людей в целом устраивает такое положение дел.

Литература

1. Буравой, М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму [Текст] / М. Буравой // Социологические исследования. — 2009. — № 9.
2. Голодец, О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем [Электронный ресурс] / О. Голодец // Российская газета. — 2013. — 3 апреля. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/03/sector-anons.html>
3. Козлова, Н.Н. Социально-историческая антропология [Текст] / Н. Козлова. — М.: Ключ-С, 1999.
4. Кредиты: практики и планы. Сколько россиян уже пользуются кредитами и сколько планируют их взять? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/Ekonomika/11089>
5. Кривошапко, Ю. В России надувается кредитный пузырь [Электронный ресурс] / Ю. Кривошапко // Российская газета. — 2012. — 27 ноября. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/11/27/kredit-site.html>
6. Левинский, А. В каких отраслях работают самые неэффективные российские компании [Электронный ресурс] / А. Левинский // Forbes. — 2013. — 8 октября. — Режим доступа: <http://m.forbes.ru/article.php?id=245905>
7. Маркс, К. Британское владычество в Индии [Текст] / К. Маркс // Избранные произведения в 2 томах. — М.: Государственное изд-во «Политическая литература», 1955. — Т. 1.
8. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: статистический ежегодник. — М.: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР, 1991.
9. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1991.
10. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи; пер. с англ. — СПб.: Алетейя, 2002.
11. Российский статистический ежегодник. 2012. — М.: Росстат, 2012.
12. Российский статистический ежегодник. 2013. — М.: Росстат, 2013.
13. Россия и страны мира. 2012: статистический сборник. — М.: Росстат, 2012.
14. РСФСР в цифрах в 1990 г.: краткий статистический сборник. — М.: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата РСФСР, 1991.
15. Структура и динамика доходов в 2012 году [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://info.minfin.ru/fbdohod.php>
16. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек: монография / Ж.Т. Тощенко. — М.: Юнити-Дана, 2012.
17. Шанцева, Т. «Мой муж очень любит людей и свое дело» [Электронный ресурс] / Т. Шанцева // Земля нижегородская: областная еженедельная газета. — 2011. — № 3. — 14 января. — Режим доступа: http://www.zem-nn.ru/old/gaz/11_03/11.html
18. Эфендиев, А.Г. Социальная практика трудовой деятельности российских бизнес-организаций [Электронный ресурс] / А.Г. Эфендиев, Е.С. Балабанова, А.С. Гоголева // Современный менеджмент: проблемы, гипотезы, исследования: сборник научных трудов. — Выпуск 2 / под ред. М.Ю. Шерешевой. — М.: ГУ-ВШЭ, 2010. — Режим доступа: <http://publications.hse.ru/chapters/64554804>

Anisimov R.I.

Economic transformation in Russia in 1990–2012 and its reflection in the consciousness of the Russians

Roman Ivanovich Anisimov – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution “Russian State University for the Humanities” (6, Miusskaya Square, Building 5, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation, socfak.dekanat@mail.ru)

Abstract. The article discusses the results of market reforms in the Russian economic system, and it analyzes the data of the Russian public opinion poll conducted in 2012. The results of the survey are compared with similar data of 1990. As a result, the comparison states that the Russian population does not find significant improvement of economic situation in the country, except for the elimination of the goods deficit. The article also compares the people’s assessment of Russia’s economic transformation with the statistical data on the number of economic parameters.

The analysis shows that by almost all the above mentioned parameters the situation worsened or remained unchanged in comparison with the Soviet Union. Thus, the author concludes that Russia’s population as a whole, adequately assesses the results of market reforms. In addition, the article makes an attempt to answer the paradoxical question, why there is an increase in the people’s welfare, when current economic indicators are worse than those at the Soviet period the author proposes three sources of wealth growth: high oil and gas prices, the growth of the financial sector, and expansion of the “network society” – informal personal interactions.

The article determines latent function of the network society – adaptation of the population to market economy.

Key words: market reform, economic transformation, informal personal interactions, adaptation, latent function, “network society”.

References

1. Buravoi M. *Tranzit bez transformatsii: involyutsiya Rossii k kapitalizmu* [Transit without Transformation: the Involvement of Russia to Capitalism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2009, no. 9.
2. Golodets O. 38 millionov trudospobnykh rossiyan zanyaty neponyatno chem [38 Million Working-Age Russians Are Engaged in No One Knows What]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2013, April 3. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/03/sector-anons.html>
3. Kozlova N.N. *Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya* [Socio-Historical Anthropology]. Moscow: Klyuch-S, 1999.
4. *Kredity: praktiki i plany. Skol'ko rossiyan uzhe pol'zuyutsya kreditami i skol'ko planiruyut ikh vzyat'?* [Loans: Practices and Plans. How Many Russians Already Use Loans and How Many Are Going to Take Them?]. Available at: <http://fom.ru/Ekonomika/11089>
5. Krivoshapko Yu. V Rossii naduvaetsya kreditnyi puzyr' [Russia Is Inflating a Credit Bubble]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2012, November 27. Available at: <http://www.rg.ru/2012/11/27/kredit-site.html>
6. Levinskii A. V kakikh otraslyakh rabotayut samye neeffektivnye rossiiskie kompanii [What Industries Have the Most Inefficient Russian Companies]. *Forbes*, 2013, October 8. Available at: <http://m.forbes.ru/article.php?id=245905>
7. Marx K. *Britanskoe vladychestvo v Indii* [The British Rule in India]. *Izbrannye proizvedeniya v 2 tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo “Politicheskaya literature”, 1955. Vol. 1.
8. *Narodnoe khozyaistvo RSFSR v 1990 g.: statisticheskii ezhegodnik* [National Economy of the RSFSR in 1990: Statistical Yearbook]. Moscow: Respublikanskii informatsionno-izdatel'skii tsentr Goskomstata RSFSR, 1991.
9. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1990 g.: statisticheskii ezhegodnik* [National Economy of the RSFSR in 1990: Statistical Yearbook]. Moscow: Finansy i statistika, 1991.

10. Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation]. Translated from English. Saint Peterburg: Aleteiya, 2002.
11. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2012* [Russian Statistical Yearbook. 2012]. Moscow: Rosstat, 2012.
12. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2013* [Russian Statistical Yearbook. 2013]. Moscow: Rosstat, 2013.
13. *Rossiya i strany mira. 2012: statisticheskii sbornik* [Russia and Countries of the World. 2012: Statistical Collection]. Moscow: Rosstat, 2012.
14. *RSFSR v tsifrakh v 1990 g.: kratkii statisticheskii sbornik* [The RSFSR in Numbers in 1990: Concise Statistical Collection]. Moscow: Respublikanskii informatsionno-izdatel'skii tsentr Goskomstata RSFSR, 1991.
15. *Struktura i dinamika dokhodov v 2012 godu* [Structure and Dynamics of Incomes in 2012]. Available at: <http://info.minfin.ru/fbdohod.php>
16. Toshchenko J.T. *Paradoksal'nyi chelovek: monografiya* [Paradoxical Man: Monograph]. Moscow: Yuniti-Dana, 2012.
17. Shantseva T. *Moi muzh ochen' lyubit lyudei i svoe delo* [My Husband Loves People and His Work Very Much]. *Zemlya nizhegorodskaya: oblastnaya ezhenedel'naya gazeta* [Nizhny Novgorod Land: Regional Weekly Newspaper], 2011, no.3, January 14. Available at: http://www.zem-nn.ru/old/gaz/11_03/11.html
18. Efendiev A.G., Balabanova E.S., Gogoleva A.S. *Sotsial'naya praktika trudovoi deyatel'nosti rossiiskikh biznes-organizatsii* [Social Practice of Work at Russian Business Organizations]. *Sovremennyyi menedzhment: problemy, gipotezy, issledovaniya : sbornik nauchnykh trudov. — Vypusk 2* [Modern Management: Problems, Hypotheses, Research : Collection of Scientific Works. Volume 2]. Ed. by M.Yu. Sheresheva. Moscow: GU-VShE, 2010. Available at: <http://publications.hse.ru/chapters/64554804>

Особенности модернизации в регионах России

**Ольга Владимировна
АКСЕНОВА**

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, aksenova@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей процессов модернизации в российских регионах. Модернизация рассматривается в связи с глобализацией, то есть с формированием глобальных сетей, высокотехнологических узлов и архаизированной периферии. Показаны основные тенденции модернизации в российских регионах, выявлена роль управления на местном уровне в их формировании. Выявлен ряд особенностей российской модернизации, в частности в местных сообществах обнаружена сложная комбинация охранительной позиции по отношению к инновациям и ориентации на развитие. Особое внимание уделено роли традиционных ценностных ориентацией в процессе принятия решений на местном уровне.

Ключевые слова: модернизация, глобальные сети, местные сообщества, охранительные позиции, ценностные ориентации.

В данной работе представлены некоторые результаты исследования местных сообществ, проводившегося сектором изучения социокультурного развития российских регионов ИС РАН в Нижегородской, Ивановской, Самарской, Свердловской и Тамбовской областях весной—летом 2013 года¹.

Основными методами сбора данных были глубинные интервью с представителями региональной и местной власти, не-

правительственных организаций и с местными жителями, дополненные анализом документов, публикаций в местных и региональных СМИ и в Интернет.

Одной из задач исследования было выявление роли управления на местном уровне в модернизационных процессах. В этой связи в первую очередь необходимо было определить категорию модернизации и критерии, позволяющие обнаружить ее в российских регионах.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества», грант РФФИ № 13-06-00314а.

Концептуализация модернизации применительно к условиям нашей страны является одной из самых актуальных тем в современной российской социологии.

Разнообразные интерпретации модернизации объединяет ее трактовка как достижение обществом состояния современности (модерна или постмодерна) во всех сферах его жизнедеятельности посредством технологических, институциональных, структурных, ценностных изменений. Вопрос о том, что можно считать современным обществом, остается дискуссионным. Чаще всего с ним связывают конкуренцию, ценность личности, ее прав и свобод, развитое правовое государство и гражданское общество, политические и экономические свободы [1].

С нашей точки зрения данные качества были присущи капитализму на более ранних этапах его развития. Однако нынешняя ситуация, как представляется, позволяет на данном этапе исследования, абстрагируясь от спорных вопросов, рассматривать модернизацию в несколько ином ракурсе. Модернизация на современном этапе неразрывно связана с глобализацией. Н.П. Тихонова характеризует данную ситуацию следующим образом: «Открытость нового мира и интенсификация различных форм горизонтальных связей поставили крест на анклавных формах развития, которые до последнего времени реализовывала и Россия» [3]. Глобализация не оставляет времени и шансов догонять и перегонять, развиваться путем выращивания институтов демократии и экономической свободы, свойственных временам модерна. Быстро формируются и пересекают национальные границы глобальные потоки, сети и узлы, в которых жизнедеятельность социума выстраивается в соответствии с требованиями монополизированного рынка и высоких технологий [2, 4]. Про-

странство за их пределами теряет какое-либо экономическое и социальное значение, кроме источника ресурсов и рабочей силы.

Формирование модернизационных процессов указанного типа было обнаружено в исследуемых регионах. Необходимо подчеркнуть, что высокотехнологических узлов глобальных сетей в них не появилось. В Нижнем Новгороде, помимо предприятий группы ГАЗ (бывшего Горьковского автозавода), производящих грузовики и автобусы, частично сохранилась и продолжает функционировать и высокотехнологическая промышленность, поскольку в советское время военная радиоэлектроника в городе была достаточно развитой отраслью. В то же время один из центров военного производства — Арзамас находится, по общему признанию, в упадке. Предприятия, которые могли бы стать, по мнению наших респондентов, центрами модернизации, закрываются; разрушается университет, готовивший когда-то высококвалифицированные кадры для военной промышленности.

Тем не менее структурирование провинции по глобалистскому шаблону проявляется уже вполне наглядно. Так, в Иванове ткацкое производство ликвидировано полностью, бывшие заводы превращены в гигантские оптовые склады китайских, турецких, индийских тканей. Возникло множество небольших швейных предприятий, которые из этих тканей производят готовую продукцию и предоставляют рабочие места женской части населения города. Нужно сказать, что малый и средний бизнес есть практически повсеместно, несмотря на серьезные проблемы, отчасти обусловленные высокими налогами и отсутствием государственной поддержки, а также жесточайшей конкуренцией с крупным российским бизнесом. Однако их основные причины связаны также с глобализацией экономики.

Практически невозможно конкурировать с китайским демпингом, если только бизнес не обслуживает его поток (оптовая и розничная торговля китайским ширпотребом, ивановские швейные предприятия, работающие на китайских материалах и т.п.).

Дешевый импорт продуктов, по словам одного из наших респондентов, стал препятствием для развития фермерства, на которое когда-то возлагались большие надежды, особенно в российском Черноземье: *«Основная проблема в том, что завозные продукты много дешевле местных, это урон не только сельхозпроизводителям, но и каждому гражданину, поскольку мы можем оказаться просто без еды, если нам перестанут ее поставлять из-за границы. Мелким фермерским предприятиям невыгодно производить сельхозпродукцию, они уходят в другой бизнес, мало того, что у нас деревни все опустели. У нас отсутствует господдержка в этой сфере, хотя наша область сельскохозяйственная»*. Кроме того, сложно реализовать продукцию малых производителей, по свидетельству члена Общества пчеловодов Тамбовской области, в особенности в сельском хозяйстве, поскольку торговые сети ее не принимают, а торговля на рынках и ярмарках не предоставляет достаточного пространства для развития бизнеса.

Отмечается также экспансия московского капитала, которую некоторые респонденты называют *«внутренней глобализацией»* и оценивают отрицательно: *«Пришлые не знают местных особенностей, регион с его культурой им безразличен»*. Местный бизнес не в состоянии конкурировать с пришельцами.

Главным экономическим субъектом в сельском хозяйстве являются крупные агропромышленные холдинги, которые осваивают опустевшие сельскохозяйствен-

ные территории, строят современные животноводческие комплексы и засевают поля устойчивыми к сорнякам и вредителям зерновыми. Работа на предприятиях холдингов не требует постоянного проживания в селе (рабочих завозят ежедневно на автобусах — своего рода внутренний вахтовый метод). Главной проблемой современной деревни является не алкоголизм, как это принято представлять в СМИ, а миграция трудоспособного населения в города, исчезновение деревни как экономического и социокультурного феномена, ее превращение в дачный поселок в лучшем случае.

Таким образом, средний и малый бизнес, вопреки ожиданиям и надеждам, не стал основой собственного развития. Модернизация осуществляется в рамках глобальных потоков, основана в первую очередь на функционировании крупного монополистического капитала.

В то же время есть малые города, которым удалось сохранить собственное производство: например, продолжает работать ткацкий комбинат в Шуе Ивановской области или трикотажная фабрика в Рассказове Тамбовской области. Наиболее ярким примером можно считать районный центр Павлово на Оке в Нижегородской области. В городе стабильно функционирует автозавод, производящий автобусы малого и среднего класса (ПАЗ); в результате увеличения госзаказа начали активно работать предприятия ВПК.

Но, пожалуй, наиболее ярким примером современной модернизации является поток трудовой миграции, ориентированный строго в направлении глобальных узлов, то есть региональных центров и Москвы. По словам респондентов, едва ли не в каждой семье есть мужчины, работающие вахтовым методом в Москве таксистами, строителями, а чаще охранниками в офисах и торговле.

Именно эта форма занятости позволяет развиваться и местному бизнесу, так как зарплата вахтовиков создает и поддерживает спрос на региональном и местном рынках товаров и услуг.

Наше исследование показало, что главным субъектом данной формы модернизации является федеральная власть. Именно она клонирует модель устройства глобального мира с его сетями, потоками и территориями, которым не повезло в них попасть. Так, строительство новых медицинских центров, оснащенных современным оборудованием, сопровождалось сокращением мест в районных больницах и закрытием ФАПов.

Высокие технологии, развивающиеся в глобальных городах, требуют специфической квалификации, главной составляющей которой является соблюдение технологической дисциплины. Работник должен обладать устойчивым навыком соблюдения правил без размышлений об их природе и назначении, что противоречит российской традиции образования, построенной на объяснении и понимании. Подчеркнем, в современных условиях это касается не только рабочих, занятых в конвейерном производстве, но всех и каждого, включая самих управленцев. Причиной этого является специализация труда и его технологичность, условием результативного функционирования любой системы становится последовательное выполнение строго определенных действий. Именно на формирование технологической дисциплины ориентирована тестовая система проверки знаний и подготовка к ней.

Эта инновация жестко навязывается федеральным центром; учителя и директора школ избегают рассуждений на тему ЕГЭ или отмечают, что он имеет и достоинства, среди которых называют внешнюю оценку деятельности школы, необходимую для развития учебного процесса, рас-

ширившиеся возможности выпускников поступать в самые престижные университеты страны. Тем не менее их реальное отношение к реформе прослеживается по осторожным высказываниям о ее недостатках, а также по ответам студентов, которые открыто говорят, что их не учат думать, выражая, очевидно, позицию семьи и учителей.

Федеральный центр вводит также компьютеризацию учебного процесса, вытесняя из него учителей старшего поколения, которых практически все оценивают как наиболее квалифицированных. Большинство из них не в состоянии сдать экзамен по компьютерной грамотности и не могут продолжать работу. Таким образом устраняется одно из препятствий к становлению системы образования, адекватной требованиям модернизации.

Политика Центра практически однозначна, значительно сложнее определить позиции и роль в этих процессах региональной и районной власти, а также иных субъектов, вовлеченных в принятие решений на местном уровне. Нам удалось выявить две основные группы управленческих установок и основанных на них действий в связи модернизацией.

1. Ориентация на модернизацию. Относительно небольшое число региональных и местных управленцев полностью поддерживают «генеральную линию» федерального правительства. Они обладают той самой технологической дисциплиной и готовностью выполнять распоряжения, которая необходима для осуществления инновационных перемен. Представитель администрации одного из регионов сформулировала очень ярко и четко саму идею современной модели модернизации: *«В районах у нас все нормально. У нас новая система оказания медицинской помощи, с которой население смириться не хочет. С ней могут смириться, если тяжело заболеют и*

потребуется квалифицированная помощь. В основной своей массе им нужно рядом с домом полежать в больнице, а не лечиться. В советское время у нас такая схема работала, но у нас не было таких технологий, какие мы сейчас применяем, кроме кардиохирургии и офтальмологии. Все остальное находилось в примитивном состоянии. Сейчас у нас создали районные центры, оснащенные современным медицинским оборудованием, где работают специалисты и производятся самые современные операции и процедуры. В них мы должны довести человека в зависимости от его заболевания. В случае инсульта или инфаркта мы работаем только по этой системе. Самая длительная доступность два часа езды, а критическое окно у больных инсультом и инфарктом шесть часов».

Отметим, что система фельдшерско-акушерских пунктов и районных больниц не имела целью делать сложные медицинские операции и процедуры. Она обеспечивала жителей удаленных поселков квалифицированной помощью при более простых заболеваниях, предотвращая сложные случаи, при родах, когда и два часа (на самом деле больше, с учетом времени приезда «Скорой») могут оказаться фатальными. Однако такая политика имеет социальную базу, несмотря на отказ населения смириться с нею. Это в первую очередь жители, ориентированные на работу в региональном центре, в Москве и при возможности за рубежом, в любом месте, обеспечивающем более высокий уровень комфорта и потребления. Однако, по словам наших респондентов из разных регионов, число меняющих место жительства не велико. Возможно, это одна из причин того, что установки на модернизацию и безоговорочное выполнение распоряжений встречаются на местном уровне нечасто.

2. *Охранительная стратегия.* Деятельность большинства региональных и местных акторов, в том числе региональных и

районных администраций, ориентирована на сохранение и развитие местного сообщества. Они считают опасными инновации, которые разрушают сообщество (городское и сельское), его ценности, личность человека, какой она формировалась в российской культуре. Наиболее емко данная позиция сформулирована представителем администрации одного из районов: *«Мы смотрим ваш телевизор для того, чтобы знать, что еще задумали, и быть готовыми к этому. Мы внедрим инновации так, что сохраним все свое, и никто об этом не догадается».* В то же время необходимой составляющей стратегии их деятельности является установка на развитие и прогресс. Директор одной из школ выразила общую позицию: *«Я не знаю, может быть, не стоит это записывать. Вечно в процессе развития быть нельзя. Школа должна быть в первую очередь сильна своей традицией, своей основой. Что-то можно добавлять, что-то модернизировать, но основа должна сохраняться. Если будет стабильность, то будет и развитие».* По их мнению, модернизация должна развивать сложившуюся, существующую социальную целостность.

Инновации, привнесенные извне, воспринимаются, если они не противоречат традиционному пониманию развития. Складываются новые формы самоорганизации местных сообществ, поддерживаемые районной администрацией. К примеру, в поселках одного из районов действуют «родительские патрули», главной целью которых является предотвращение наркомании и алкоголизма, втягивания детей и подростков в криминальную деятельность. В некоторых районах создаются новые формы детского летнего отдыха, например детские лагеря при домоуправлениях и жилищных кооперативах.

В районах, несмотря на депрессию девятых и хронический недостаток ресурсов в наши дни, удалось сохранить библиотеки,

музеи, музыкальные и художественные школы, дома культуры. Руководитель департамента культуры одного из районных центров в начале 1990-х гг. смогла убедить главу администрации начать ремонт библиотеки: *«В то время позарез была нужна центральная библиотека. Она находилась в центре города, в двухэтажном особнячке. Требовалось новое помещение, площади были маленькие, перегруз был. Построили. Десять лет у нас эта библиотека лучшая в области, оснащена с иголки».*

Музыкальные и художественные школы по решению федерального центра объединили в школы искусств, но в некоторых случаях, благодаря акторской активности, они продолжают работать отдельно друг от друга: *«У нас не было помещения для художественной школы. А школа у нас старая, с традициями. Мы не стали объединять музыкальную и художественную школы, потому что каждая из них имеет свое лицо. Настал момент, когда надо было убедить руководство, что нужно новое помещение для художественной школы. И к зданию музыкальной школы сделали пристройку. Основное здание два этажа, а пристройка три этажа. Это в 1990-х было, лет 17 назад. Очень сложно было, хозяйственным способом строилось, но задуманное реализовали».*

Попытки перестроить традиционную социокультурную основу сообществ вызывают ответные действия, направленные на ее сохранение. Болезненно воспринимаются изменения в оценке Великой Отечественной войны, появившиеся в СМИ и в художественных произведениях. В некоторых районах созданы объединения «детей войны», их участники заняли место ветеранов, которым активная деятельность уже не по силам. Отчасти эти организации становятся своего рода клубами для пожилых людей, но их главная задача — рассказать о войне школьникам, противодействовать навязываемым извне трактовкам

исторических событий. Много внимания уделяется музеям Великой Отечественной или военным экспозициям в краеведческих музеях, регулярно организуются экскурсии для школьников.

Сохранение истории представляет одну из наиболее важных составляющих рассматриваемой стратегии. Ее особенностями является поддержка музеев даже в условиях дефицита бюджетных ресурсов, а также уважительное отношение ко всем, без исключения, историческим периодам. В провинции можно увидеть экспозицию, посвященную командарму Фрунзе, трагедии Антоновского восстания в Тамбовской области, воссозданию экспозиции советской комнаты, пользующейся большой популярностью — горожане приносят старые вещи, приходят, чтобы почувствовать себя в детстве. В Арзамасе любят и продолжают читать Аркадия Гайдара. Районная администрация сохраняет память о писателе, одновременно успешно сотрудничает с православной церковью.

В результате районная, а в некоторых случаях региональная власть создает сеть, главными центрами которой являются школы, библиотеки, музеи и дома культуры. Эта сеть достаточно успешно противостоит разрушительным для культуры регионов модернизационным трансформациям. Так, Министерство культуры предприняло попытку организовать дома культуры по немецкой модели: в Германии они существуют исключительно за счет самоорганизации граждан, которые приходят и занимаются тем, чем хотят. Попытка провалилась — убрать профессионалов, которые ведут занятия в кружках, секциях и театральных студиях, не удалось. Точно так же протест вызвала попытка создать библиотеки, как на Западе, в которые люди приносят книги и берут, какие захотят. Профессиональный библиотекарь и профессиональный работник культуры

не просто выполняют функцию: они организуют культурную жизнь сообщества, причем на достаточно высоком уровне, и поддерживают его в местном сообществе.

Стремление «спасти и сохранить» особенно заметно в стремлении поддержать культурную жизнь угасающего села: *«Культурная политика наша — это ставка на доступность настоящей культуры в селе. Мы придумали целую систему фестивалей на селе, наши все коллективы выступают в селе довольно много. Мало кто понимает, что такое для села приезд таких коллективов. Они говорят: а мы думали, что про нас все забыли. Вот выступал хор имени Рахманинова, многие говорили, зачем такой хор со сложной музыкой в селе, а люди пришли и восприняли очень хорошо, разного возраста люди. Театральные фестивали, духовой музыки, песенные. Этой теме вовлечения людей мы уделяем много внимания и денег, если они появляются. Районы мы снабдили транспортом, чтобы они из района в район ездили со своими выступлениями — фактор, объединяющий народ, регион».*

Федеральный центр в этом случае рассматривается как источник ресурсов. Все перечисленное выше удастся сделать в первую очередь путем подключения к его программам, что требует достаточно напряженной работы. Он (федеральный центр) отчасти враждебен, потому что именно оттуда идут попытки внедрить опасные, разрушительные инновации, о чем прямо говорили наши респонденты: *«Вот эта модернизация — образование гибнет, хотя деньги немереные вкладываются. И все злые, как черти, потому что с людьми никто не хотел говорить... У нас иной раз лучше не сделать, как велят, может, как-то разрешится со временем».* В некоторых случаях партии рассматриваются как такой же ресурс, как и федеральный центр: *«Мы используем поддержку любой партии, но голосуем за «Единую Россию», поскольку только от нее сегодня можно получить реальную, в*

том числе финансовую, помощь». На голоса избирателей обменивается решение насущных для сообщества задач, именно таким образом удалось сохранить ФАПы (там, где удалось) и даже придать некоторым из них функции стационаров.

Необходимо также отметить, что среди акторов, действующих в городском и районном управлении, люди разных возрастных групп, включая тех, кто руководил районом еще в СССР, имеют опыт партийной и советской работы. Их уважают, их считают своего рода ресурсом сообщества, суеверно добавляют «долгих лет жизни» к произнесенному имени. Эти люди в большинстве случаев не являются коммунистами, чаще всего — членами «Единой России». Но, в любом случае, именно они воспроизводят традиционную для СССР социокультурную реальность, в которую при этом включены и ранее чуждые ей элементы, например бизнес и церковь. Степень осознанности этой позиции не имеет значения, равно как и политические ориентации действующих субъектов.

Охранительные действия, согласно данным нашего исследования, в российских регионах встречаются чаще, чем ориентация на модернизацию. Они успешно противостояли деградации российских сообществ в 1990-е годы, не позволив им скатиться к действительно архаическим формам устройства социума. В настоящее время они позволяют противостоять такому же разрушительному воздействию модернизации в ее глобалистской версии. Управление на местном уровне сфокусировано на социальной и культурной сферах, отчасти — на малом бизнесе, включая фермерство.

Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием инструментов воздействия на крупный капитал, с другой — значением культуры и образования в той версии развития, которую местное самоуправление поддерживает, воспроизводит и защищает.

Местное управление в данном случае сохраняет особую традицию развития, исторически сложившуюся в России, основанный на ней способ советской индустриализации. Это развитие основано на культуре и на исторической преемственности, на понимании сути процессов, их причин и следствий. Оно не предполагает ликвидации сложившихся в этой культуре ценностей, предельной функционализации любой деятельности, ведущей к упрощению человеческой мысли. Оно также не предполагает упрощенного, институционализированного индивидуализма модерна и постмодерна, который на деле означает атомизацию социума. При этом личность в данной версии развития играет главную роль.

Сама модель «охранительного» управления личностна, явное или скрытое противостояние любым разрушительным тенденциям полностью зависит от наличия активного действующего субъекта. Институты и структуры играют в ней подчиненную роль, они используются в зависимости от поставленных целей, как и политическая ориентация. По словам одного из наших респондентов, занимающего высокий пост в региональной администрации, поставленные задачи должны решаться любой ценой, что подтверждает охранительный и мобилизационный характер управления.

Эта относительная независимость от институтов предоставляет определенную степень автономии по отношению к феде-

ральному центру, возможность продержаться без его поддержки и даже противостоять некоторым его решениям. В результате именно провинция может сохранить возможность альтернативной модернизации.

Данное обозначение условно. Очевидно, что российские локальности не могут осуществить собственный вариант модернизации. Для этого у них нет достаточных ресурсов, а там, где таковые имеются, успешно действуют глобальные субъекты и формируются глобальные потоки. Поэтому речь идет скорее о сохранении потенциала развития, имеющего иные свойства и иной вектор, чем построение нового мира высокотехнологических островов и забытых поселений.

В современной ситуации данный потенциал имеет особую ценность. Во-первых, глобализация не оставляет большинству российского населения шансов быть включенными в высокотехнологическое общество, поскольку число таких узлов ограничено, расположены они большей частью вне российской территории. Потоки узки, создают слишком мало рабочих мест и, как было показано, не привлекают к работе местных жителей. По этой причине главной задачей местного управления по-прежнему остается предотвращение социальной и культурной деградации. Во-вторых, глобальный постмодерн неустойчив, а его безальтернативность сомнительна, следовательно, альтернатива может оказаться востребованной.

Литература

1. Гофман, А.Б. Пять тезисов в защиту модернизации / А.Б. Гофман // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – Вып. 11 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 27-35.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс; под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспектива / Н.Е. Тихонова // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – Вып. 11 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 62-81.
4. Sassen, S. The global city: introducing a concept // Brown journal of world affairs. – 2005. – № 11 (2). – P. 27-43.

Aksenova O.V.

Specifics of modernization in Russia's regions

Ol'ga Vladimirovna Aksenova – Ph.D. in Sociology, Leading Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation, akse nova@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the specifics of modernization in the Russian regions. The author studies modernization in connection with globalization, that is, with the formation of global networks, high-tech core and archaic periphery. The article shows the main trends of modernization in the Russian regions, identifies the role of local government in their formation. In addition, it reveals a number of specific features of modernization in Russia; in particular, a complex combination of a protective attitude towards innovation and focus on development in local communities. Besides, the article pays special attention to the role of traditional value orientations in the decision making process at the local level.

Key words: modernization, global networks, local communities, protective attitudes, value orientations.

References

1. Gofman A.B. Pyat' tezisov v zashchitu modernizatsii [Five Theses to Defend Modernization]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. [Reforming Russia: Yearbook]. Executive editor M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf, 2012. Vol. 11. Pp. 27-35.
2. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English; under scientific editorship of O.I. Shkaratan. Moscow: GU-VShE, 2000. 606 p.
3. Tikhonova N.E. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya v Rossii: dinamika i perspektiva [Socio-Cultural Modernization in Russia: Dynamics and Prospects]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook]. Executive editor M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf, 2012. Vol. 11. Pp. 62-81.
4. Sassen S. The Global City: Introducing a Concept. *Brown Journal of World Affairs*, 2005, no.11(2), pp. 27-43.

Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества

Михаил Владимирович

МОРЕВ

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru)

Александра Владимировна

КОРОЛЕНКО

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, alexandra_korolenko@mail.ru)

Аннотация. В современном глобализирующемся мире трансформационные процессы распространяются на все сферы жизни общества, вызывая серьёзные качественные и количественные преобразования в его структуре. В связи с возрастающей в процессе глобализации ролью социума консолидация его членов становится важнейшим направлением общественного развития.

В данной статье рассмотрена актуальность проблемы консолидации российского общества, обоснована важность субъективного фактора общественного развития, заключающегося в восприятии населением ключевых событий, происходящих в политической, экономической, социальной жизни.

Как видно из анализа официальной статистической информации, в динамике наиболее наглядных показателей социального здоровья, отражающего степень психологической адаптации населения к условиям жизни, наблюдаются положительные тенденции. Однако расчёт латентного уровня некоторых из них (самоубийств) выявил проблему неточности их учёта, что говорит о несовершенстве государственной системы сбора статистической информации. Это актуализирует необходимость социологических исследований для комплексного и глубокого анализа происходящих в обществе процессов и явлений.

В статье представлен опыт изучения субъективного фактора общественного развития посредством проводимых ИСЭРТ РАН социологических опросов. В ходе анализа их результатов было установлено, что по стране в целом и в Вологодской области в частности наблюдается улучшение социального настроения, свидетельствующее об адаптации людей к изменившимся в 2000-х годах жизненным условиям. Вместе с тем положительные тенденции социального самочувствия населения связаны преимущественно с удовлетворением личных, семейных интересов. С 2000 г. по настоящее время сохраняется высокая степень актуальности проблемы отчуждения российского общества от власти, что подтверждается ростом индекса социальной разобщённости и низким уровнем доверия основным государственным и общественным институтам. Авторами сделан вывод о том, что развитие консолидационных процессов в России во многом зависит от степени взаимодействия общества и органов власти. Ключевую роль в решении этой задачи может сыграть отечественная социологическая наука.

Ключевые слова: консолидация общества, общественное развитие, социология, социальное восприятие, доверие, социальное самочувствие.

В статье «Российская социология и вызовы современного общества» (2010) известный социолог М.К. Горшков отметил, что «российское общество находится в состоянии постоянного перехода. При этом никто точно не знает, куда оно идет и с какой социальной скоростью движется. Как следствие, вопрос о будущем России остается во многом открытым» [8, с. 6].

Среди выделенных ученым ключевых проблем российского общества можно отметить такие, как зависимость экономики от сырьевых ресурсов, крайне невысокая конкурентоспособность производимой продукции, неокрепшая демократия и слабость гражданского общества, негативные демографические тенденции и полусоветская социальная сфера, наличие коррупции, порождающей произвол, несвобода и несправедливость [8, с. 6]. Эти вопросы были актуальны в 2010 г. и остаются актуальными в 2014 г., несмотря на постепенное «затухание» последствий мирового финансового кризиса.

Российское общество оказалось на пороге новых коренных преобразований, которые будут определять вектор его дальнейшего развития на ближайшие десятилетия. Речь идет об идеях формирования национальной идентичности, сохранения

государственного суверенитета, повышения роли общества в организации государственного управления, преодоления «кризиса доверия» государственным и общественным институтам, отказа от прозападной идеологии «общества потребления» и возвращения к исконно русским корням развития, основанным на духовно-нравственных ценностях.

Значимость и масштабность глобальных изменений в обществе в последнее время отмечает в своих выступлениях Президент РФ В.В. Путин. Помимо того, они отражаются в работах ведущих российских учёных С.С. Сулакшина [29], М.К. Горшкова [7], В.К. Левашова [15], Ж.Т. Тощенко [33] и др.

Одной из важнейших проблем, выходящих на первый план в современной России в результате трансформационных процессов, является проблема консолидации российского общества. Она имеет относительно большее значение, чем во многих развитых странах, что обусловлено последствиями постсоветских преобразований, повлекших за собой значительное снижение уровня жизни большинства населения, рост бедности, анонимности, преступности и в целом дезинтеграции и деструкции российского общества [14, с. 148].

Это вызвано, во-первых, масштабами трансформационной «ломки» в социально-экономической сфере в последние два десятилетия и, как следствие, значительным снижением уровня жизни большинства населения, а следовательно, — объективной дестабилизацией российского общества.

Во-вторых, изменение модели развития страны привело к образованию значительных социальных неравенств, глубина которых, особенно в наиболее продвинутых регионах, возросла в десятки раз по сравнению с советским периодом. В условиях нелегитимности в общественном сознании подобные неравенства оказывают серьезное дестабилизирующее воздействие на российское общество и вызывают нарастание в нем социальных противоречий.

В-третьих, за годы реформ изменилась (и продолжает постоянно меняться) система управления обществом. Это не могло не привести к ослаблению «обратной связи» между рядовыми россиянами и властью, к изменению функций одних традиционных форм фиксации «болевых точек» общественной жизни, которыми в советское время выступали, например, СМИ, и к исчезновению других, в частности тех структур, куда десятилетиями было принято обращаться с жалобами для устранения соответствующих проблем [27, с. 3].

Определенная недостаточность в работе социальных систем общества, приводящая к тому, что в настоящее время они скорее воспроизводят сложившийся в стране уклад жизни, текущую модель, нежели развивают ее, не отменяет того факта, что все они работают. Как следствие, в пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум [8, с. 6].

Вектор общественной эволюции диктует необходимость удовлетворения более высоких потребностей членов общества, основанных на инструментальных ценностях в виде творчества, самоактуализации личности [21, с. 3]. Новое понимание роли и места человека в системе общественных отношений требует и трансформации подхода к государственному управлению — перехода от традиционных форм и методов управления к человекоориентированной модели экономики, социальной сферы, политики, основанной на повышении качества жизни населения [21, с. 4]. Такая трансформация предполагает необходимость внесения коррективов в систему индикаторов, отражающих эффективность государственного управления, выявление новых показателей, характеризующих государственное управление в соответствии с веяниями времени.

В связи с актуальностью проблемы консолидации российского общества, решение которой подразумевает сближение народных масс и органов власти для плотного, продуктивного сотрудничества и взаимодействия, «основанного на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии и понимании назревших общезначимых проблем и целей» [1], — особую важность приобретают вопросы, связанные с изучением субъективного восприятия представителями общества ключевых изменений, происходящих в социально-экономической, политической и культурной жизни. Именно «социально-психологический ресурс» является главным фактором развития в условиях духовно-нравственных, идеологических преобразований, на пороге которых стоит Россия уже в 2014 году. Именно «субъективный» фактор, как отмечает Ж.Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [33, с. 32].

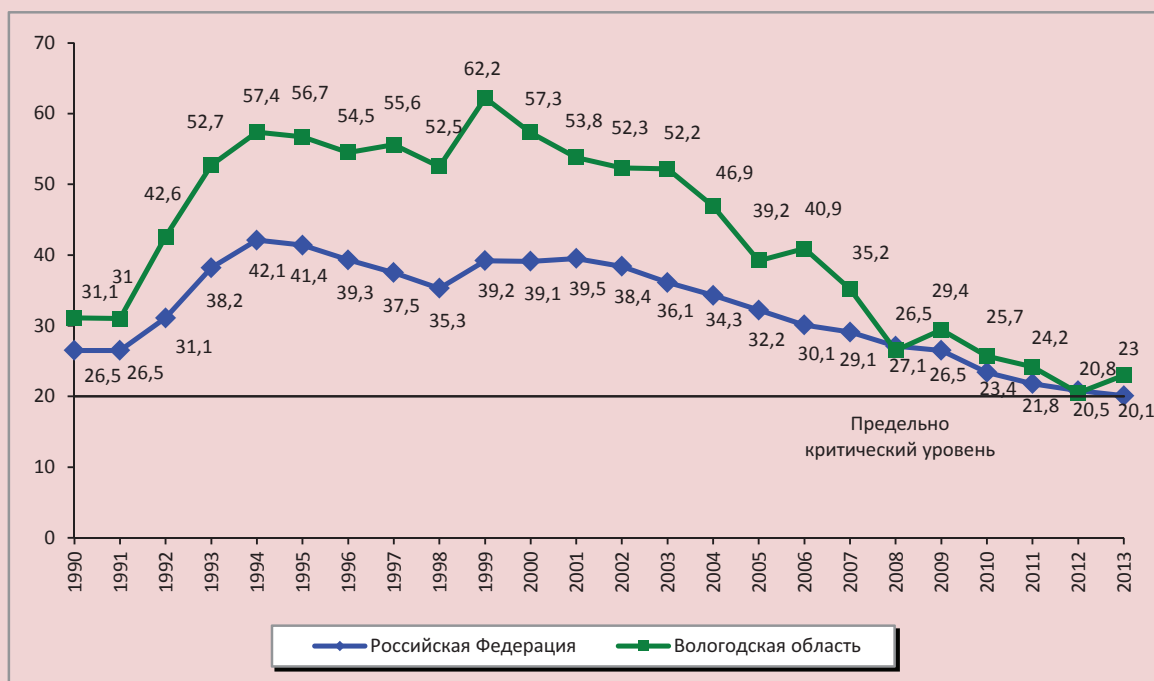
Анализ данных федеральной и мировой статистики выявил, что на территории Российской Федерации основные показатели социального здоровья, которое характеризует степень адаптации населения к условиям жизни, ухудшались в период 1990–1999 гг. и имели противоположную тенденцию начиная с 2000 г. Так, за период с 2000 по 2012 г. в стране снизился уровень смертности от самоубийств (с 39 до 21 случая на 100 тыс. нас.; в Вологодской области – с 57 до 21 случая), убийств (с 28 до 11 и с 27 до 10 случаев соответственно), заболеваемости психическими расстройствами (с 84 до 48 и со 108 до 37 случаев), алкоголизмом (со 130 до 86 и с 99 до 86), наркоманией (с 50 до 14 и с 29 до 14 случаев соответственно).

Наиболее ярко тенденции психологической адаптации общества к ключевым социально-экономическим, культурным

и другим событиям, происходящим в стране, демонстрирует динамика смертности от суицидов. Репрезентативность данного показателя как индикатора, отражающего степень общественного развития, отмечали классики зарубежной и отечественной социологии (Э. Дюркгейм, П. Сорокин), научно-философские воззрения которых не утратили своей актуальности и сегодня.

Увеличение суицидальной смертности в 1990-е гг. отражает тяжелые для населения, в первую очередь психологические, последствия распада Советского Союза, а также экономических кризисов 1991 и 1998 гг. Позитивным тенденциям, наблюдавшимся в 2000-х гг., способствовала относительная стабилизация политической и социально-экономической ситуации, постепенная адаптация населения к изменившейся после развала СССР парадигме развития страны (рис. 1).

Рисунок 1. Уровень смертности от самоубийств (на 100 тыс. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Аналогичные тенденции характерны и для Вологодской области, причем на региональном уровне в большей степени проявилось негативное влияние мирового финансового кризиса. Область оказалась в числе наиболее пострадавших от кризиса [19, с. 100], превратившись из региона-донора в регион-реципиент с самым значительным в России дефицитом бюджета (в 2010 г. – 28%). Это было вызвано спадом в металлургическом производстве, от которого почти на 90% зависят налоговые доходы бюджета области [5].

Однако данные официальной статистики недостаточно полно описывают взаимосвязи социальных процессов и явлений, происходящих в обществе. Не учитываются такие важные аспекты, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни, к деятельности властных структур. Кроме того, они обладают определенной степенью неточности.

Отчасти проблемы российской статистики обусловлены неотлаженным механизмом сбора информации в регионах, заинтересованностью органов власти субъектов РФ в искажении информации. Специфическим, усугубляющим фактором является многолетняя практика систематического искажения показателей при советской власти.

В советскую эпоху натуральная и бюджетная статистика, основанная на тотальном учете, дополнялась недостоверной сводной макроэкономической статистикой. Это было предопределено недежным, натуральным, характером советской экономики. В проедающей советское наследство России статистика стала похожа на хаотически искривленное, непрозрачное зеркало, не позволяющее судить (даже профессионалам) о состоянии экономики и общества [9]. К примеру, результаты исследования латентного уровня суици-

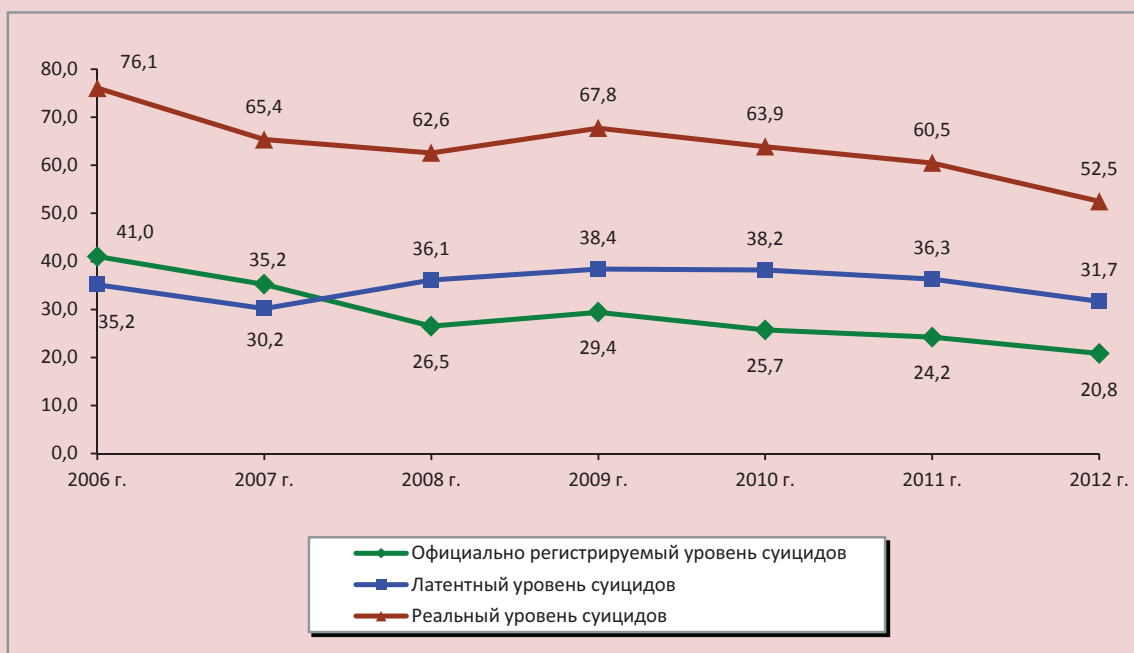
дальной смертности на территории Вологодской области показали, что реальные масштабы распространения самоубийств могут быть в 2 раза выше, чем те, которые регистрируются официальной статистикой (рис. 2).

Для того чтобы максимально полно отразить причины и характер протекающих в обществе социальных процессов и явлений, необходимо рассматривать их субъективное восприятие населением. В ИСЭРТ РАН для достижения этой цели применяется мониторинг общественного мнения¹, в разработке которого принимал непосредственное участие Институт социально-политических исследований РАН.

Одним из ключевых индикаторов социального восприятия является уровень доверия государственным и общественным институтам. Доверие как продукт общественного развития и эволюции мировоззрения человечества в ходе социальной динамики отражает запрос общества на консолидацию, единение социальных сил и ресурсов и способствует достижению общих социальных целей в различных сферах общественной деятельности [14, с. 14]. Этот показатель важен и тем, что отражает принятие/непринятие населением проводимого действующей властью курса развития страны. С другой стороны, он отражает оценку деятельности институтов гражданского общества, что характеризует отношение населения к сложившимся демократическим основам.

¹ Первые измерения общественного мнения были проведены ИСЭРТ РАН в 1993 г. на территории городов Вологды и Череповца, а также трех муниципальных районов области (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского). С 1996 г. раз в два месяца проводится опрос 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Общий объем выборки в год составляет 9 тыс. человек.

Рисунок 2. Официально регистрируемый, латентный и реальный уровни суицидальной смертности в Вологодской области (на 100 тыс. нас.)*

* Рассчитано авторами по методике ЮНИСЕФ [10, с. 61]. Использованы данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

Таким образом, доверие граждан различным институтам власти можно расценивать как интегральный индикатор отношений между государством и обществом.

Как показывают международные исследования, Российская Федерация входит в число стран с низкими показателями доверия населения государственным и общественным институтам².

² Данные международного исследования уровня доверия «Edelman Trust Barometer». В онлайн опросе, который проводился в 27 странах в октябре – ноябре 2012 г., участвовали 26 000 респондентов, в том числе 5 800 информированных «лидеров мнений» двух возрастных групп (25–34 и 35–64 лет), с высшим образованием, входящих в верхнюю 25-процентную группу по доходам для данного возраста по стране, следящих за новостями бизнеса и политики, по крайней мере, несколько раз в неделю). Страны-участницы: Китай, Сингапур, Индия, Мексика, Гонконг, ОАЭ, Малайзия, Канада, Индонезия, США, Нидерланды, Бразилия, Германия, Франция, Швеция, Великобритания, Италия, Австралия, Польша, Южная Корея, Ирландия, Аргентина, Испания, Турция, Япония, Россия.

Ежегодно доверие россиян к власти, бизнесу, СМИ и НКО примерно в 2 раза ниже, чем в среднем по 27 странам мира, принимающим участие в опросе (табл. 1).

По интегральному индексу Россия в 2013 г. находилась на последнем месте, в 2014 г. – на предпоследнем (табл. 2).

Среди органов государственной власти в Российской Федерации наиболее высоким уровнем доверия пользуется Президент РФ. При этом одной из уникальных особенностей российской системы власти является гипертрофированная роль личности. Личность превалирует над институтом [34].

Тренд доверия главе государства в 2000-е годы наглядно демонстрирует значение личности действующего Президента РФ В.В. Путина для населения России.

Таблица 1. Уровень доверия ключевым институтам

Институт	Среднемировое значение (в % от числа опрошенных)				Россия (в % от числа опрошенных)				Рейтинг России			
									среди 23 стран	среди 26 стран		среди 27 стран
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Власть	52	43	48	44	39	26	29	27	н.д.	24	24	22
Бизнес	56	53	58	58	41	41	40	45	23	22	25	19-23
Масс-медиа	49	52	57	52	37	33	38	35	н.д.	25*	25	25
НПО	61	58	63	64	н.д.	28	40	41	н.д.	25*	25	26
<i>Среднее</i>	<i>55</i>	<i>51</i>	<i>57</i>	<i>54</i>	<i>40</i>	<i>32</i>	<i>36</i>	<i>37</i>	<i>22</i>	<i>25*</i>	<i>26</i>	<i>26</i>

Источник: 2014 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edelman.com>

Таблица 2. Рейтинг стран по интегральному индексу доверия

Место в рейтинге	2013		2014		2014 к 2013, п.п.
	Страна	Уровень доверия	Страна	Уровень доверия	
10 стран-лидеров					
1	Китай	80	ОАЭ	79	+13
2	Сингапур	76	Китай	79	-1
3	Индия	71	Сингапур	73	-3
4	Мексика	68	Индонезия	72	+10
5	Гонконг	67	Индия	69	-2
6	ОАЭ	66	Малайзия	65	+1
7	Малайзия	64	Канада	60	-2
8	Канада	62	Нидерланды	60	+1
9	Индонезия	62	Мексика	59	-9
10	США	59	Гонконг	59	-8
10 стран-аутсайдеров					
17	Италия	51	ЮАР	50	В 2013 г. участия в исследовании не принимала
18	Австралия	50	США	49	-10
19	Польша	48	Франция	46	-8
20	Южная Корея	47	Япония	44	+3
21	Ирландия	46	Италия	43	-8
22	Аргентина	45	Турция	41	-1
23	Испания	42	Испания	39	-3
24	Турция	42	Ирландия	39	-7
25	Япония	41	Россия	37	+1
26	Россия	36	Польша	35	-13

Источник: 2014 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edelman.com>

Согласно данным World Economic Journal В. Путин находится на третьем месте по уровню доверия населения среди глав государств мира (1 место – Дилма Русеф, Бразилия, 2 место – Ангела Меркель, Германия) [25].

В триаде «Президент – Правительство – Государственная Дума» глава государства оказывается сильнее, чем отдельные госу-

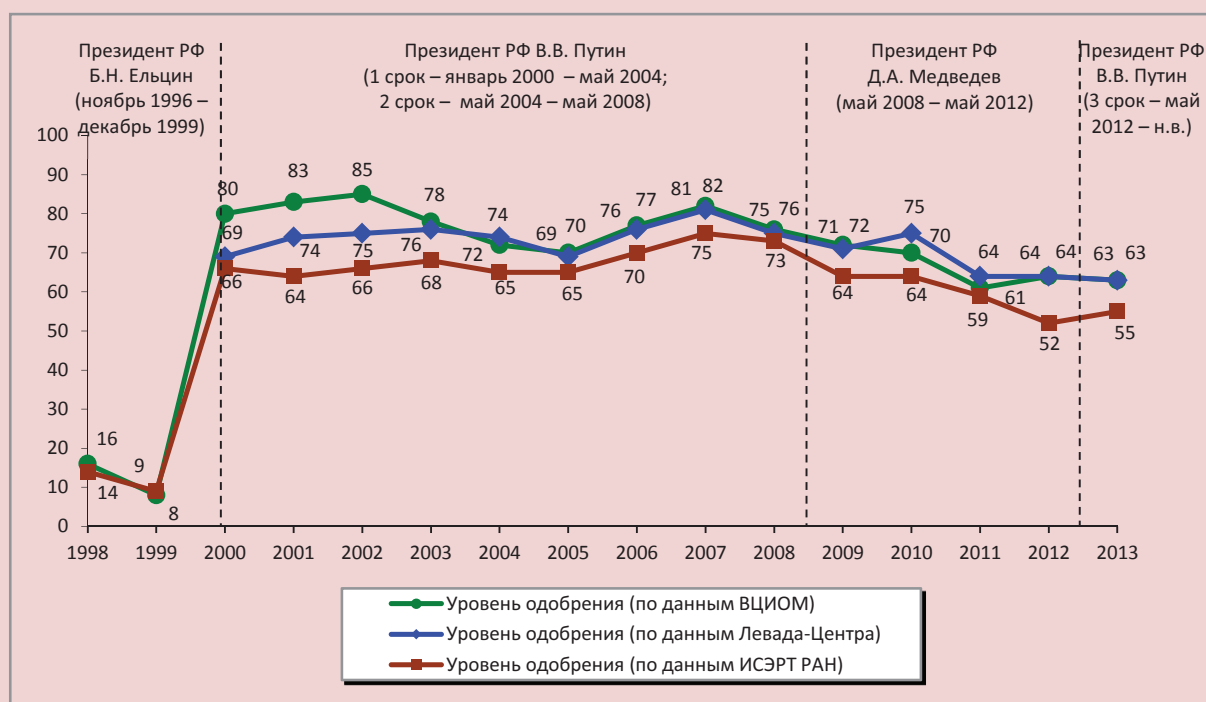
дарственные органы [34]. Этот тезис наглядно подтверждают данные опросов населения (табл. 3).

Динамика одобрения деятельности главы государства на региональном и федеральном уровнях в целом совпадает, что показывают результаты социологических измерений ВЦИОМ, Левада-центра и ИСЭРТ РАН (рис. 3).

Таблица 3. Динамика уровня доверия действующим в стране общественным структурам и институтам власти (в % от числа опрошенных)

Общественные структуры и институты власти	1996	2000	2007	2011	2012	2013	Изменение +/- 2013 к		
							2012	2011	2007
<i>Уровень доверия > 40%</i>									
Президенту РФ	26,5	57,1	60,3	50,5	45,7	47,0	+1	-4	-13
Церкви	37,9	42,3	44,8	47,5	41,4	43,9	+3	-4	-1
Правительству РФ	18,5	42,7	41,9	47,4	39,6	40,4	+1	-7	-2
Прокуратуре	18,2	30,9	31,1	35,4	33,9	40,1	+6	+5	+9
<i>Уровень доверия > 35%</i>									
Суду	19,8	31,6	32,1	35,8	36,1	39,3	+3	+4	+7
Руководству области	14,2	31,3	40,6	36,6	34,6	37,8	+3	+1	-3
ФСБ	12,6	34,2	34,2	35,8	33,2	37,5	+4	+2	+3
Армии	34,2	37,0	28,7	34,1	31,3	37,5	+6	+3	+9
<i>Уровень доверия > 30%</i>									
Совету Федерации	13,4	28,3	34,9	35,5	32,3	34,6	+2	-1	0
Полиции	14,1	27,2	28,3	32,1	29,3	33,7	+4	+2	+5
Органам местного самоуправления*	-	-	32,3	33,9	29,3	32,7	+3	-1	+1
Государственной Думе	14,8	23,0	29,5	32,0	30,5	31,6	+1	0	+2
СМИ	15,4	33,4	27,5	28,7	29,5	30,2	+1	+2	+3
<i>Уровень доверия > 25%</i>									
Общественной палате РФ**	-	-	-	27,3	28,1	29,9	+2	+3	-
Общественной палате области**	-	-	-	25,7	25,4	29,2	+4	+4	-
Профсоюзам	20,2	28,4	28,6	30,0	25,6	27,8	+2	-2	-1
Директорам, руководителям предприятий	5,2	19,6	23,6	22,3	25,1	27,5	+2	+5	+4
Общественным организациям*	-	-	24,4	26,7	26,5	26,8	0	0	+2
<i>Уровень доверия < 25%</i>									
Банковским, предпринимательским кругам	8,5	12,4	21,3	20,4	21,3	23,4	+2	+3	+2
Политическим партиям, движениям	6,8	10,7	17,6	22,8	20,9	20,4	-1	-2	+3
* В список вариантов ответа включено в 2006 г.									
** В список вариантов ответа включено в 2010 г.									
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.									

Рисунок 3. Уровень одобрения деятельности Президента РФ по данным ВЦИОМ, Левада-центра, ИСЭРТ РАН

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВЦИОМ, Левада-Центра, ИСЭРТ РАН.

Концентрация положительного общественного мнения только на институте президентства и личности В.В. Путина, с одной стороны, обладает значительным потенциалом для консолидации общества, что мы и наблюдаем в последние месяцы вокруг обстановки на Украине (об этом, в частности, говорил председатель комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Леонид Слуцкий: «Ситуация в Украине консолидирует все российское гражданское общество. Все однозначно выступают за то, чтобы защитить наших на Украине, за то, чтобы не допустить вытеснение русского языка и русских за территорию Украины» [23]).

Однако, с другой стороны, высокий уровень поддержки Президента РФ среди россиян не свидетельствует о преодолении разрыва между государством и обществом и

поэтому не противоречит тому факту, что в обществе наблюдается процесс социальной атомизации. Сегодня ощущение личностной связи граждан с Россией постепенно утрачивается. В течение всего периода реформ продолжает разворачиваться процесс тотальной социально-политической отчужденности, который складывается из двух потоков негативных явлений, «разрывающих» общество: социальной атомизации и политического отчуждения населения от власти [16, с. 8].

Субъективное восприятие населением социально-экономической и политической ситуации в стране отражается на его социальном самочувствии. Среди индикаторов социального самочувствия, измеряемых на мировом уровне, наиболее популярным и востребованным является уровень счастья и субъективной удовлетворенности жизнью.

Макроэкономические показатели (такие, как ВВП) не всегда полно отражают реальную картину развития государства. В частности, высокий уровень дохода не всегда гарантирует удовлетворенность жизнью. Рост богатства на протяжении десятилетий не сопровождается признаками возрастающего счастья. Эта проблема является предметом острых дискуссий в Великобритании, Франции, Канаде, Северной Ирландии и многих других развитых странах. Специалистами обсуждаются методы измерения счастья и его факторов, возможности мониторинга на международном уровне [37, с. 137].

В 2006 году международным фондом New Economist Foundation (NEF) был разработан международный индекс счастья (Happy Planet Index), в котором отражается благосостояние людей и экология в разных странах мира. Он показывает эффективность, с которой страны мира «конвертируют» природные богатства в продолжительную и счастливую жизнь своих

граждан [35]. Самый высокий всемирный индекс счастья, по данным на 2012 г., имеет Коста-Рика (64,04), самый низкий – Ботсвана (22,59), Россия занимает 122 место с индексом 34,52 [6], располагаясь между Конго и Болгарией (в 2011 г. она занимала 108 место; табл. 4).

С 2011 года Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) проводится исследование «Индекс лучшей жизни» (The OECD Better Life Index) [22], охватывающее 39 стран. Показатели базируются на статистическом анализе и социологических исследованиях, осуществляемых на регулярной основе. По данному индексу в 2012 г. Россия открывала пятерку самых «несчастливых» стран. В первую очередь – из-за низких индексов «Гражданские права», «Здоровье» и «Удовлетворенность жизнью» (табл. 5).

Эти и другие зарубежные исследования во многом породили миф о том, что большинство россиян чувствуют себя несчастными.

Таблица 4. Рейтинг стран мира по индексу счастья (New Economic Foundation. The Happy Planet Index 2012)*

Страны-лидеры			Страны-аутсайдеры		
Страна	Индекс	Место в мире	Страна	Индекс	Место в мире
Коста-Рика	64,04	1	Южная Африка	28,19	141
Вьетнам	60,44	2	Кувейт	27,11	142
Колумбия	59,75	3	Нигер	26,83	143
Белиз	59,29	4	Монголия	26,77	144
Сальвадор	58,89	5	Бахрейн	26,62	145
Ямайка	58,53	6	Мали	26,04	146
Панама	57,80	7	Центрально-Африканская Республика	25,26	147
Никарагуа	57,06	8	Катар	25,19	148
Венесуэла	56,87	9	Чад	24,68	149
Гватемала	56,86	10	Ботсвана	22,59	150

* Для сравнения (в скобках указано место в рейтинге): США – 37,34 (105), Канада – 43,56 (65), Китай – 44,66 (60), Великобритания – 47,93 (41), Германия – 47,20 (46), Франция – 46,50 (50), Швеция – 46,17 (52), Норвегия – 51,43 (29), Россия – 34,52 (122), Конго – 34,55 (121), Болгария – 34,15 (123).
Источник: Всемирный индекс счастья (Happy planet index) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.happyplanetindex.org/>

Таблица 5. Рейтинг стран по индексу лучшей жизни (2012 г.)

Место в рейтинге	Страна	Показатели (аспекты)											Индекс лучшей жизни
		Жилищные условия	Доход	Работа	Общество	Образование	Экология	Гражданские права	Здоровье	Удовлетворённость жизнью	Безопасность	Работа / отдых	
5 стран-лидеров													
1	Австралия	7,5	4,6	7,7	8,3	7,6	8,8	9,5	9,3	8,1	9,5	6,6	7,95
2	Швеция	6,2	4,7	7,2	7,6	8,3	9,7	8,7	8,8	9,3	8,2	8,8	7,95
3	Канада	7,8	5,9	7,7	8,4	7,6	8,4	6,1	9,2	8,8	9,7	7,5	7,92
4	Норвегия	7,4	3,9	8,6	8,0	7,2	9,2	6,4	8,1	9,7	9,1	9,1	7,88
5	Швейцария	6,0	7,8	8,9	8,6	7,3	8,3	3,6	9,3	10	8,7	7,9	7,85
5 стран-аутсайдеров													
35	Российская Федерация	5,9	1,3	5,8	5,6	6,1	4,3	2,3	0,6	3,0	7,2	8,6	4,61
36	Бразилия	3,9	0,0	4,7	6,2	1,5	6,5	4,5	4,7	6,4	2,8	7,3	4,41
37	Чили	3,5	0,7	4,9	3,6	4,0	2,9	4,4	5,7	6,0	6,3	5,5	4,32
38	Мексика	4,2	0,6	3,9	1,2	0,7	5,3	5,5	4,7	8,5	0,0	3,0	3,42
39	Турция	1,3	0,7	2,3	0,0	1,5	3,1	6,2	5,0	2,0	7,8	0,0	2,72

Источник: Официальный сайт «Индекс лучшей жизни». – Режим доступа: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/11111111111>

Однако социологические опросы ВЦИОМ³ показывают, что за период с 1990 по 2013 г. доля «счастливых» россиян увеличилась с 44 до 76%. На оценки жителей страны существенного влияния не оказал даже мировой финансовый кризис, так как с 2008 г. уровень 70–77% остается стабильным [12]. Аналогичный опрос, проведенный ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области в 2012 г., показал, что эту точку зрения разделяют 69% жителей региона. За период с 2001 по 2013 г. средний балл «счастливости» в Вологодской области увеличился⁴ с 5,2 до 6,5.

С тенденциями, которые отмечаются российскими исследованиями уровня

³ ВЦИОМ, всероссийский опрос, 1600 респондентов. Вопрос: «В жизни бывает всякое – и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, Вы счастливы или нет?» Варианты ответа: «Определенно да» и «Скорее да», «Скорее нет» и «Определенно нет».

⁴ Формулировка вопроса – «Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале, насколько Вы счастливы». Вопрос задается 1 раз в год.

счастья, в целом коррелируют результаты сравнительного анализа динамики социального настроения на территории Российской Федерации и Вологодской области (рис. 4). Социальное настроение, по Ж.Т. Тощенко, «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости... Его специфика состоит в том, что оно отражает действительность, реальность, исходя из содержания коренных интересов субъекта, его конечных целей и идеалов. Действительность, отраженная через социальное настроение, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей социальной и духовной жизни. Именно поэтому социальное настроение как важнейшая характеристика общественного сознания участвует в регулировании отдельных поступков, действий людей,

Рисунок 4. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, в Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН и Левада-Центра.

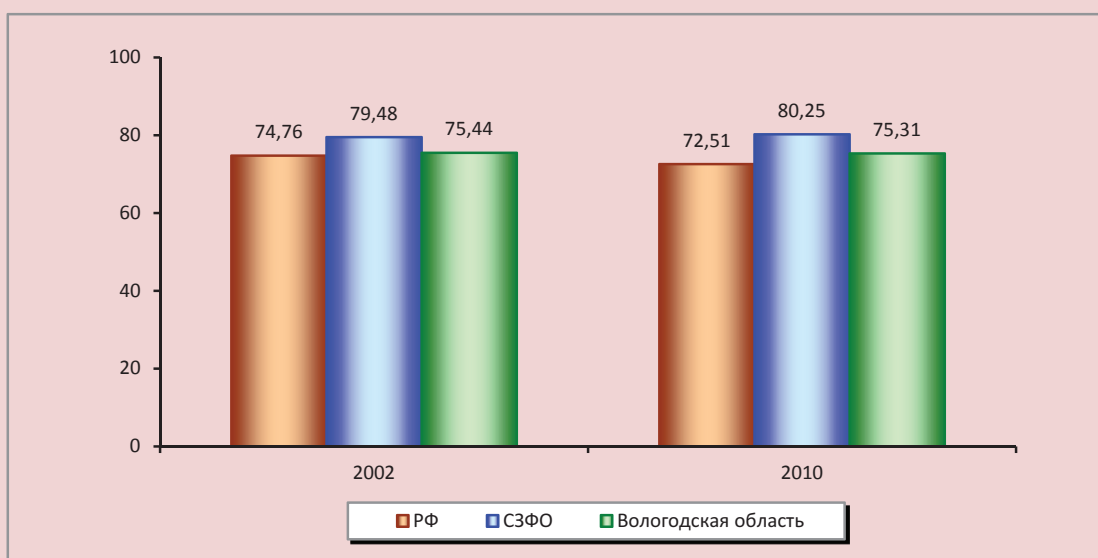
социальных групп, общественных институтов и демонстрирует их умонастроения, мироощущения, ценностные ориентации и установки [33, с. 30].

Важным показателем, который следует отметить для характеристики тенденций социального самочувствия, является уровень социальной аномии. Концепция социальной аномии была разработана Эмилем Дюркгеймом в XIX веке и продолжена Р. Мертоном. Аномия выражается главным образом в отчуждении отдельных индивидов и групп, в их непричастности к процессам, происходящим в социуме, в утрате чувства солидарности, что, в свою очередь, приводит к разрушению культурных и этических основ общества, потере моральных ценностей, нравственных ориентиров и маргинализации его членов [32]. Характеризуя состояние российского

общества после распада СССР, С.Г. Кара-Мурза писал: «Если на нынешнее неустойчивое равновесие не воздействовать целенаправленно и умело, сдвиг продолжится в сторону углубления аномии и распада общества» [13, с. 123].

Сотрудниками Центра исследований суицидального поведения при кафедре психиатрии Оксфордского университета был разработан индекс социальной разобщённости (аномии), который рассчитывался по данным переписи населения в каждом округе и складывался из суммы следующих показателей: доля жителей, имевших другие домашние адреса за год до переписи населения 1991 года (количество иммигрантов); доля одиноких лиц в населении; доля взрослых, не состоящих в браке; доля лиц, проживающих в нанимаемом в частном порядке жилье [39].

Рисунок 5. Индекс социальной разобщённости (аномии) населения (по итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.)

Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Проведенные ИСЭРТ РАН расчеты⁵ [35] уровня социальной аномии показали, что за межпереписной период (2002–2010 гг.) в целом по России произошли позитивные изменения в уровне социальной разобщённости населения: соответствующий индекс в стране снизился с 74,76 до 72,51%, в Вологодской области – с 75,44 до 75,31%. Несколько хуже ситуация в Северо-Западном федеральном округе, где индекс социальной разобщённости за указанный период вырос с 79,48 до 80,25% (рис. 5).

Таким образом, уровень социальной разобщённости населения в Вологодской области выше, чем в среднем по регионам России. Тенденции в динамике уровня аномии населения области соответствуют

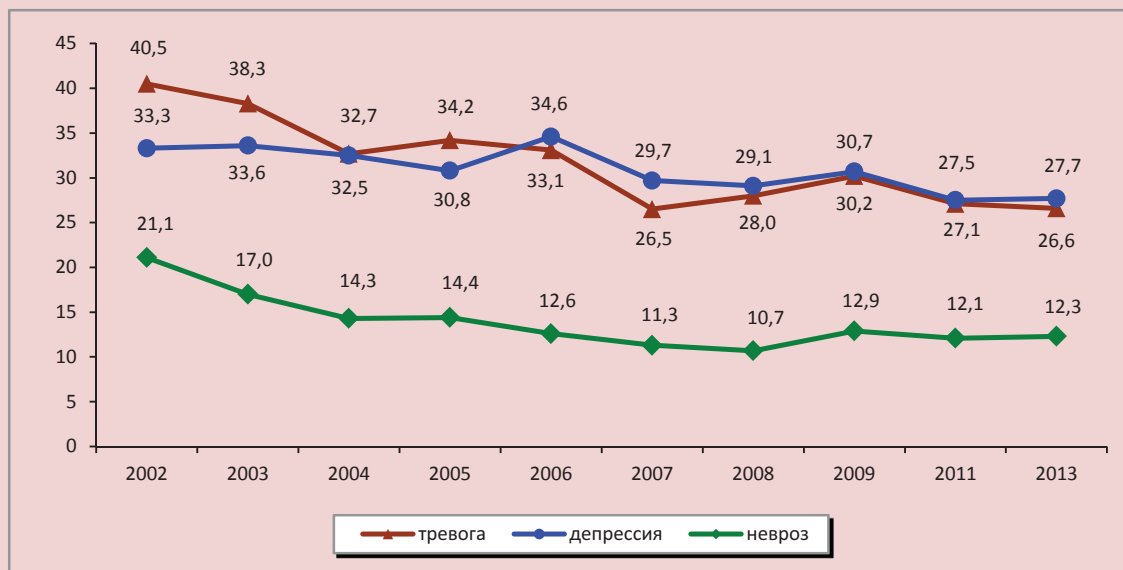
⁵ При расчёте индекса социальной разобщённости была осуществлена замена показателя «доля людей, проживающих в съёмном жилье» на показатель «доля лиц, проживающих в коммунальных квартирах, общежитиях, институциональных учреждениях, гостиницах и в других жилых помещениях», так как информация по первоначальному варианту отсутствовала в итогах переписи 2010 г.

общероссийским, однако позитивные изменения в среднем по стране идут быстрее, чем в регионе.

Проводимые в ИСЭРТ РАН исследования помимо выявления социального настроения граждан, уровня их счастья позволяют определить долю жителей, испытывающих симптомы тревоги, депрессии, невроза. Это позволяет зафиксировать тонкую грань, когда состояние неудовлетворённости жизнью переходит на уровень патологических нарушений психического здоровья, которые в свою очередь могут инициировать такие аутодеструктивные социальные явления, как самоубийства.

Хотя в целом за период с 2002 по 2013 г. доля жителей региона, отмечающих у себя признаки тревоги, депрессии и невроза, уменьшилась (рис. 6), она остается достаточно значительной. По данным за 2013 г. каждый четвертый проявляет признаки тревоги или депрессии, 12% населения – признаки невроза.

Рисунок 6. Доля жителей Вологодской области, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза (в % от числа опрошенных)

* С 2009 опрос проводится 1 раз в два года.

Источник: данные мониторинга общественного психического здоровья ИСЭРТ РАН.

Таким образом, результаты исследований национальных институтов, занимающихся изучением общественного мнения, свидетельствуют о росте позитивных настроений в российском обществе и их данные подтверждаются тем, что коррелируют с улучшающимися показателями демографической и социально-экономической статистики, а также аналогичными результатами социологических опросов, фиксируемыми на региональном уровне.

Ключевая проблема заключается в том, что общество всё больше отчуждается от власти и в самом обществе наблюдается всё большая степень разобщенности, настроения россиян всё больше связываются с собственными интересами и, в первую очередь, с удовлетворением материальных потребностей. Это отмечает Е.В. Балацкий, сравнивая динамику ВВП и индекса макропсихологического состояния общества [4]. Это же подчеркивает

и М.К. Горшков в статье «Русская мечта: опыт социологических измерений»: «В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможности существенно влиять на возникающие ситуации в нем, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания...Ядром микромира россиян является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей» [7, с. 3].

Об этом заявляет академик РАН В.И. Жуков: «В современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности» [10, с. 39].

Социологические опросы ИСЭРТ РАН фиксируют аналогичные тенденции на региональном уровне: с 2007 г. наблюдается снижение уровня доверия органам власти, однако это не отражается на позитивной динамике социального настроения (положительный тренд в период с 1996 по 2013 г. прерывался только в кризисном 2009 году). То есть ожидания и надежды населения все меньше связываются с деятельностью органов власти, люди перестают ждать помощи от государства, наблюдается обособленность человека, «уход в себя».

Последствие атомизации российского общества, нарастания в нем отчуждения, все меньшего соответствия общества тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоев населения, представляет «изменение психологического механизма формирования идентичности россиян в целом, что повлечет за собой массу следствий – от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа «отдать долг стране» службой в армии... Тенденция раз-

рушения «органической солидарности» может начать работать на раскол российского общества. И хотя говорить о таком расколе преждевременно, однако уже появились основания утверждать, что назревающее недовольство внутренне гетерогенно и эта гетерогенность скорее всего будет со временем усиливаться» [7, с. 3].

Именно об этом свидетельствуют данные социологических опросов, проводимых ИСЭРТ РАН: более половины жителей области доверяют «только самым близким друзьям и родственникам»; каждый четвертый говорит, что доверять в наше время «нельзя никому»; доверяют «большинству знакомых» и «всем людям без исключения» только 15% населения (табл. 6).

Сплоченность общества на уровне страны отмечают 14% населения, на уровне области – 16%, по месту проживания – 28%, среди ближайшего окружения (для сравнения) – 52% (табл. 7).

Понижение уровня самоидентификации людей до элитных групп, корпораций, круга друзей, семьи, ограничивающих свои интересы эгоистическими целями мелких общностей, ослабляет целостность социума. Они перестают быть ячейками

Таблица 6. Кому Вы можете доверять? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010 г.	2011 г.	2013 г.
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6

Таблица 7. Чего сегодня больше? (в % от числа опрошенных)

Показатель	В стране		В области		В месте Вашего проживания		В Вашем окружении	
	2011 г.	2013 г.	2011 г.	2013 г.	2011 г.	2013 г.	2011 г.	2013 г.
Согласия, сплоченности	14,2	14,1	19,3	15,9	24,1	28,4	46,9	52,1
Несогласия, разобщенности	61,1	59,5	55,6	54,4	51,5	44,3	29,3	23,2
Затрудняюсь ответить	24,7	26,4	25,1	29,7	24,4	27,3	23,9	24,7

единого государственного механизма. В общественном мнении сами понятия «государство», «отечество» как высшие гаранты устойчивого развития и удовлетворения потребностей обесцениваются, а граждане перестают себя чувствовать ответственными за их судьбу [35].

Не случайно консолидация российского общества, формирование духовно-нравственной и культурной идентичности «красной нитью» проходит через выступления В.В. Путина в период его третьего президентского срока. Это было отражено в его статье «Россия сосредотачивается», где он пишет, что в постсоветский период российским обществом была решена задача «возрождения авторитета и силы государства как такового... восстановления реального единства страны, иными словами, установления на всей ее территории суверенитета российского народа, а не господства отдельных лиц или групп... Период восстановления пройден. Постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан. Созданы все предпосылки для движения вперед — на новой базе и в новом качестве» [24].

В полной мере позиция главы государства прозвучала в валдайской речи, по результатам которой многие отметили, что он показал себя как «общенациональный лидер», «наследник русской консервативной политической традиции», «критик всей современной модели развития западной цивилизации». Катализатором сплочения стала ситуация на Украине, которая продемонстрировала весь консолидационный потенциал российского общества.

Сегодня Россия находится на пороге нравственного государства. Парадигма удовлетворения материальных потребностей изжила себя. Перемены неизбежны, но происходить они могут по двум направлениям: либо в сторону нравственного

государства, в котором «главной идеологией и ценностной программой является центристское строительство, учитывающее законные и нравственные интересы всех групп и членов общества, оптимизируя вот эту сложно устроенную социальную систему» [31], и которое является «неизбежным неслучайным эволюционным этапом современных типов государств» [30, с. 100]; либо в сторону «растворения, уничтожения национального государства и главного его атрибута с точки зрения международного права, а именно — суверенитета, что мы и наблюдаем в Ливии, Сирии» [29, с. 23].

Дальнейший характер динамики социального здоровья будет зависеть от того, насколько Президенту удастся реализовать консолидационный потенциал общества, повысить доверие к государственным и общественным институтам. В этой ситуации связь между государством и обществом должна обеспечить в первую очередь социологическая наука, накопившая за годы своего существования значительный потенциал, который позволяет ей сейчас играть весомую роль «в социальном обновлении страны, трансформации научного знания в экономику, политику и культуру, адекватную глобальным тенденциям развития цивилизации» [28].

Как мы видим, поверхностный взгляд на улучшающиеся показатели официальной статистики не дает полного представления о реальных тенденциях развития российского общества и угрозах ему, не позволяет найти «болевы точки», замалчивание которых может поставить под угрозу жизнеспособность страны. Однако детальный анализ индикаторов, отражающих субъективное восприятие населением ключевых изменений в общественной жизни, позволяет увидеть глубинные факторы, влияющие на процесс развития социума и государства и определяющие их дальнейшую судьбу.

Литература

1. Агеева, Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона): автореф. дис. канд. полит. наук / Е.А. Агеева. — М., 2004. — 25 с.
2. Антонян, Ю.М. Криминология. Избранные лекции / Ю.М. Антонян. — М.: Логос, 2004. — 448 с.
3. База данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
4. Балацкий, Е.В. Экономические детерминанты психологического состояния общества [Электронный ресурс] / Е.В. Балацкий // Федеральное интернет-издание «Капитал страны». — Режим доступа: <http://kapital-rus.ru/articles/article/181042>
5. Великанова, О. Удержать равновесие [Электронный ресурс] / О. Великанова // Эксперт Северо-Запад. — 2010. — № 4 (450). — Режим доступа: http://expert.ru/northwest/2010/04/byudzhety_regionov/
6. Всемирный индекс счастья (Happy planet index) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.happyplanetindex.org/>
7. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 3-11.
8. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия [Текст] / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2010. — Выпуск 9. — М.: Новый хронограф, 2010. — С. 3-18.
9. Делягин, М. Есть ложь, есть статистика и есть российская статистика / М. Делягин // Новая газета. — 2009. — 9 окт. // Демоскоп Weekly — электронная версия бюллетеня «Население и общество» ВШЭ. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0393/gazeta028.php>
10. Жуков, В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз / В.И. Жуков // Социс. — 2008. — № 10. — С. 29-39.
11. Иванов, О.И. Человеческий потенциал современной российской экономики [Текст] / О.И. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — № 1. — С. 140-156.
12. Интерактивный проект ВЦИОМ «Россия удивляет» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russia-review.ru/o-proekte/socialnoe-samochuvstvie/>
13. Кара-Мурза, С.Г. Аномия в России — причины и проявления [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Научный эксперт, 2013. — 264 с.
14. Кривопусков, В.В. Теоретические проблемы социологического исследования консолидации российского общества [Текст] / В.В. Кривопусков // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 5 (15). — С. 146-149.
15. Левашов, В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 12-22.
16. Левашов, В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития [Текст] / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения. — 2011. — № 3 (103). — С. 5-23.
17. Ли, Д.А. Преступность в России: системный анализ: монография [Текст] / Д.А. Ли. — М.: Гелва, 1997. — 192 с.
18. Материалы международной конференции по латентной преступности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.crimpravo.ru/blog/prestupnost/463.html>
19. Морев, М.В. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территории. — 2013. — № 5. — С. 96-103.
20. Морев, М.В. Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения [Текст]: монография / М.В. Морев, А.А. Шабунова, К.А. Гулин; под ред. В.А. Ильина. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 188 с.
21. Нагимова, А.М. Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности: автореф. на соиск. уч. степ. д.с.н. / А.М. Нагимов. — 45 с.
22. Официальный сайт «Индекс лучшей жизни». — Режим доступа: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/111111111111>
23. Политики и общественные деятели одобрили решение Москвы вмешаться в ситуацию на Украине [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». — 2014. — 2 марта. — Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/3/2/675092.html>

24. Путин, В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Известия. — 2012 — 16 янв. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>
25. Рейтинг президентов мира (март 2013 г.) [Электронный ресурс] // Мировой экономический журнал (World Economic Journal). — Режим доступа: http://world-economic.com/ru/articles_wej-234.html
26. Смертность российских подростков от самоубийств [Текст] / А.Е. Иванова, Т.П. Сабгайда и др. // Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). — 2011. — 132 с.
27. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение [Текст]: монография / под ред. М.К. Горшкова. — М.: Новый хронограф, 2010. — 256 с.
28. Стенограмма «Прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Электронный ресурс] // Российская газета. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>
29. Сулакшин, С.С. Государство на пороге грядущего / С.С. Сулакшин // Футурологическая модель государства (материалы круглого стола). — М.: Научный эксперт, 2013. — С. 8-23.
30. Сулакшин, С.С. На пороге нравственного государства [Текст] / С.С. Сулакшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — М., 2011. — Вып. 4. — Т. 4. — С. 98-103.
31. Сулакшин, С.С. Что такое идеология? Дневник Сулакшина [Электронный ресурс] / С.С. Сулакшин. — Режим доступа: <http://sulakshin.ru/chto-takoe-ideologiya/>
32. Теория социальной аномии [Электронный ресурс] / под ред. Г.В. Осипова // Российская социологическая энциклопедия, 1998. — Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/teorija-socialnoi-anomi>
33. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение — феномен социологической теории и практики [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. — 1998. — № 1. — С. 21-34.
34. Третьяков, В.Т. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
35. Чепурных, М.Н. Индекс счастья: опыт Запада (социологический обзор) [Электронный ресурс] / М.Н. Чепурных // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 9. — Режим доступа <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf>
36. Чугуенко, В.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения [Текст] / В.М. Чугуенко., Е.М. Бобкова // Социологические исследования. — 2013. — № 1. — С. 15-23.
37. Шабунова, А.А. Представления вологжан о счастье [Текст] / А.А. Шабунова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 1. — С. 137-150.
38. 2014 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.edelman.com>
39. Hawton, K., Harriss, L., Hodder, K., Simkin, S., Gunnell, D. The influence of the economic and social environment on deliberate self-harm and suicide: an ecological and person-based study [Electronic resource] / Psychological Medicine. — 2001. — Vol. 31. — P. 827-836. — Available at: <http://www.psychosor.org/1998/23/3-1.php>

Morev M.V., Korolenko A.V.

Subjective factor in social development as a key resource for the consolidation of the Russian society

Mikhail Vladimirovich Morev — Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, 379post@mail.ru)

Aleksandra Vladimirovna Korolenko — Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, alexandra_korolenko@mail.ru)

Abstract. Transformation processes in the modern globalizing world cover all spheres of society, causing serious qualitative and quantitative changes in its structure. The role of society in the process of globalization

is becoming increasingly important, that is why the consolidation of its members becomes the most important direction of social development.

The authors consider the problem of consolidation of the Russian society, they substantiate the importance of the subjective factor in social development, which consists in the people's perception of key events in the political, economic, and social life.

The analysis of official statistical data shows that there are certain positive trends in the dynamics of the most representative indicators of social health, which reflects the degree of psychological adaptation of the population to their living conditions. However, having calculated the latent level of some of them (suicide), the authors identify that there is inaccuracy in the records of these indicators, which proves that there are flaws in the state system of collection of statistical information. It highlights the relevance of sociological research for a comprehensive and in-depth analysis of current social processes and phenomena.

The article presents the experience of sociological research carried out at ISEDТ RAS. It serves as a tool to study the subjective factor of social development. The analysis of the sociological surveys' findings shows that the social mood of the citizens nationwide and in the Vologda Oblast is improving; this fact indicates that people are adapting to their living conditions that changed in the 2000s. At the same time, positive trends in social well-being in the Russian society are mainly associated with the satisfaction of personal and family interests. Throughout the 2000s and at present the issue of alienation of the Russian society from the government remains acute, which is indicated by the growth of the social fragmentation index and the low level of trust in the main governmental and public institutions. The authors conclude that the development of consolidation processes in Russia depends largely on the degree of interaction between the society and authorities. Domestic sociological science can play a crucial part in the solution of this problem.

Key words: consolidation of society, social development, sociology, social perception, trust, social well-being.

References

1. Ageeva E.A. *Politicheskie aspekty konsolidatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva (na primere polietnicheskogo regiona): avtoref. dis. kand. polit. nauk* [Political Aspects of Consolidation of the Modern Russian Society (Case Study of a Multiethnic Region): Ph.D. in Political Science Dissertation Abstract]. Moscow, 2004. 25 p.
2. Antonyan Yu.M. *Kriminologiya. Izbrannye lektsii* [Criminology. Selected Lectures]. Moscow: "Logos", 2004. 448 p.
3. *Baza dannykh Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service Database]. Available at: <http://www.gks.ru/>
4. Balatskii E.V. Ekonomicheskie determinanty psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva [Economic Determinants of the Psychological State of the Society]. *Federal'noe internet-izdanie "Kapital strany"* [Federal Online Publication "The Capital of the Country"]. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/181042>
5. Velikanova O. Uderzhat' ravnovesie [Acting to Keep Balance]. *Ekspert Severo-Zapad* [Expert North-West], 2010, no.4 (450). Available at: http://expert.ru/northwest/2010/04/byudzhety_regionov/
6. *Vsemirnyi indeks schast'ya* [Happy Planet Index]. Available at: <http://www.happyplanetindex.org/>
7. Gorshkov M.K. "Russkaya mehta": opyt sotsiologicheskogo izmereniya ["Russian Dream: an Experience of Sociological Assessment"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no.12, pp. 3-11.
8. Gorshkov M.K. Rossiiskaya sotsiologiya i vyzovy sovremennogo obshchestva: vmesto predisloviya [Russian Sociology and the Challenges of Modern Society: instead of a Preface]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook], 2010, no. 9, pp. 3-18.
9. Delyagin M. Est' lozh', est' statistika i est' rossiiskaya statistika [There Is a Lie, There Are Statistics, and There Are Russian Statistics]. *Novaya gazeta* [The New Newspaper], issue of October 9, 2009. *Demoskop Weekly – elektronnyaya versiya byulletenya "Naselenie i obshchestvo" VShE* [Demoscope Weekly – HSE Electronic Bulletin "Population and Society"]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0393/gazeta028.php>

10. Zhukov V.I. Rossiya v global'noi sisteme sotsial'nykh koordinat: sotsiologicheskii analiz i prognoz [Russia in the Global System of Social Coordinates: Sociological Analysis and Forecast]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2008, no.10, pp. 29-39.
11. Ivanov O.I. Chelovecheskii potentsial sovremennoi rossiiskoi ekonomiki [The Human Potential of the Modern Russian Economy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, no.1, pp. 140-156.
12. Ivanova A.E., Sabgaida T.P. et al. Smertnost' rossiiskikh podrostkov ot samoubiistv [Adolescent Deaths from Suicide in Russia]. *Detskii fond OON (YuNISEF)* [United Nations Children's Fund (UNICEF)]. 2011. 132 p.
13. *Interaktivnyi projekt VTsIOM "Rossiya udivlyaet"* [VTsIOM Interactive Project "Russia Surprises"]. Available at: <http://www.russia-review.ru/o-proekte/socialnoe-samochuvstvie/>
14. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii – prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia – the Causes and Manifestations]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2013. 264 p.
15. Krivopuskov V.V. Teoreticheskie problemy sotsiologicheskogo issledovaniya konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Theoretical Problems of Sociological Research on Consolidation of Russian Society]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Idea], 2012, no.5 (15), pp. 146-149.
16. Levashov V.K. Novaya real'nost': ekonomicheskii krizis i vybor obshchestva [New Reality: Economic Crisis and the Choice of the Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no.12, pp. 12-22.
17. Levashov V.K. Rossiya na razvilke sotsiopoliticheskikh traektorii razvitiya [Russia at the Crossroads of Sociopolitical Trajectories of Development]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2011, no.3 (103), pp. 5-23.
18. Lee D. A. *Prestupnost' v Rossii: sistemnyi analiz: monografiya* [Crime in Russia: System Analysis: Monograph]. Moscow: "Gelva", 1997. 192 p.
19. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po latentnoi prestupnosti* [Proceedings of the International Conference on Latent Crime]. Available at: <http://www.crimpravo.ru/blog/prestupnost/463.html>
20. Morev M.V., Kaminskii V.S. Metodologicheskie osobennosti izucheniya sotsial'nykh nastroyenii na regional'nom urovne [Methodological Peculiarities of Studying Social Sentiment at the Regional Level]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no.5, pp. 96-103.
21. Nagimova A.M. *Gosudarstvennoe upravlenie kachestvom zhizni regional'nogo sotsiuma: metodologiya otsenki effektivnosti: avtoref. na soisk. step. d.s.n.* [State Regulation of the Quality of Life of the Regional Society: Methodology of Effectiveness Evaluation: Doctor of Sociology Dissertation Abstract]. 45 p.
22. *Ofitsial'nyi sait "Indeks luchshei zhizni"* [The OECD Better Life Index Official Website]. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/1111111111>
23. Politiki i obshchestvennye deyateli odobrili reshenie Moskvy vmeshat'sya v situatsiyu na Ukraine [Politicians and Public Figures Approved Moscow's Decision to Intervene in the Situation in Ukraine]. *Delovaya gazeta "Vzglyad"* [Business Newspaper "Vzglyad"], issue of March 2, 2014. Available at: <http://vz.ru/news/2014/3/2/675092.html>
24. Putin V.V. Rossiya sosredotachaetsya – vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit' [Russia Muscles Up – the Challenges We Must Rise to Face]. *Izvestiya* [The News], issue of January 16, 2012. Available at: <http://izvestia.ru/news/511884>
25. Reiting prezidentov mira (mart 2013 g.) [World Ranking of Presidents (March 2013)]. *Mirovoi ekonomicheskii zhurnal* [World Economic Journal]. Available at: http://world-economic.com/ru/articles_wej-234.html
26. Morev M.V., Shabunova A.A., Gulin K.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty suitsidal'nogo povedeniya: monografiya* [Socio-Economic and Demographic Aspects of Suicidal Behavior: Monograph]. Ed. by V.A. Ilyin. Vologda: ISERT RAN, 2010. 188 p.
27. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie: monografiya* [Social Factors in Consolidation of the Russian Society: Sociological Assessment: Monograph]. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 256 p.
28. Stenogramma "Pryamoi linii" s Prezidentom RF V.V. Putinyom ot 25.04.2013 [Transcript of the Live TV Phone-In with the President of the Russian Federation V.V. Putin on April 25, 2013]. *Rossiiskaya Gazeta* [The Russian Newspaper]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>
29. Sulakshin S.S. Gosudarstvo na poroge gryadushchego [The State on the Threshold of the Future]. *Futurologicheskaya model' gosudarstva (materialy kruglogo stola)* [Futurologic Model of the State (Proceedings of the Round Table)]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2013. Pp. 8-23.

30. Sulakshin S.S. Na poroge npravstvennogo gosudarstva [On the Threshold of a Moral State]. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2011, vol.4, no. 4, pp. 98-103.
31. Sulakshin S.S. Chto takoe ideologiya? [What Is Ideology?]. *Dnevnik Sulakshina* [Sulakshin's Diary]. Available at: <http://sulakshin.ru/chto-takoe-ideologiya/>
32. Teoriya sotsial'noi anomii [The Theory of Social Anomie]. Ed. by G.V. Osipov. *Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian Sociological Encyclopedia], 1998. Available at: <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/teoriya-socialnoi-anomi>
33. Toshchenko J.T. Sotsial'noe nastroyenie – fenomen sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social Mood – a Phenomenon of Sociological Theory and Practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1998, no.1, pp. 21-34.
34. Tret'yakov V.T. *Doklad na kruglom stole "Institut prezidentstva v Rossii: pravovye osnovy i rol' v modernizatsii obshchestva" 8 iyunya 2011 g.* [A Report on the Round Table "The Institution of the Presidency in Russia: Legal Basis and Role in the Modernization of Society", June 8, 2011]. Available at: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
35. Chepurnykh M.N. Indeks schast'ya: opyt Zapada (sotsiologicheskii obzor) [Happiness Indexes: Occidental Experience (Sociological Overview)]/ *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2012, no.9. Available at <http://www.teoria-practica.ru/-9-2012/sociology/chepurnykh.pdf>
36. Chuguenko V.M., Bobkova E.M. Novye tendentsii v issledovanii sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya [New Trends in the Study of Social Well-Being of the Population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no.1, pp. 15-23.
37. Shabunova A.A., Morev M.V. Predstavleniya vologzhan o schast'e [Vologda Residents' Notions of Happiness]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2013, no.1, pp. 137-150.
38. *2014 Edelman Trust Barometer*. Available at: <http://www.edelman.com>
39. Hawton K., Harriss L., Hodder K., Simkin S., Gunnell D. The Influence of the Economic and Social Environment on Deliberate Self-Harm and Suicide: an Ecological and Person-Based Study. *Psychological Medicine*, 2001, Vol. 31, pp. 827-836. Available at: <http://www.psyobsor.org/1998/23/3-1.php>

Мониторинг социокультурного развития региона как компонент повышения эффективности социального управления*

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономического развития территорий Российской академии наук
(160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru)

Аннотация: В статье представлены результаты очередного этапа исследования по теме «Социокультурный портрет региона». Дана оценка демографической ситуации, уровня жизни и материального положения жителей Вологодской области, а также оценка населением деятельности власти и доверия к органам управления, социального самочувствия и уровня защищенности. Все эти аспекты рассматриваются во взаимосвязи с социальной политикой и мерами социальной защиты, проводимыми в регионе. В исследовании выявлено, что общество испытывает разочарование в действиях властных структур, непонимание истинного конечного эффекта и целесообразности осуществляемых региональных социальных мероприятий. Больше всего критических замечаний адресуется местным властям от населения с неустойчивой жизненной позицией. Негативные оценки чаще исходят от беднейших слоев населения, от женской его части, жителей деревень и поселков городского типа, от лиц, имеющих низкий уровень образования.

В сознании значительной части населения социальная политика ассоциируется с принципами социальной справедливости, равенства, законности, ответственности, общественно значимых ценностей. Жители Вологодской области не ощущают угрозы по отношению к их духовным и идеологическим взглядам, а вопросы, связанные с обеспечением безопасности жизни и здоровья, достойного уровня жизни, законной и справедливой деятельности основных социальных институтов, остаются в их понимании слабо решенными. Вместе с тем социальная политика обязана создавать условия для стабилизации социальных связей, обеспечивать устойчивость и эффективность развития всего общества, которое должно адекватно реагировать на все позитивные и негативные воздействия.

Ключевые слова: социальное самочувствие, население, социальная защита, социокультурный портрет, регион, доверие, власть.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-03-00421.

Изучение социокультурных процессов в Вологодской области проводится с 2008 г. по методологии Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН [3]. В соответствии с программой исследования используется проблемно-аналитический и институционально-ориентированный подходы в изучении регионов, выступающих как социотерриториальные общности. Составленный по методике ЦИСИ социокультурный портрет региона, отражающий социально-экономические преимущества, проблемы, тенденции развития, представляет собой концентрированную социологическую характеристику территории. Социологические исследования дают возможность создать социальную биографию региона, которая необходима в работе тех, кто интересуется вопросами социального развития: управленцев, политиков, научных работников, преподавателей, студентов и др.

Первым шагом в составлении социокультурного портрета региона является анализ его основных характеристик (характеристики населения, социально-экономические ресурсы территории и др.). Главную демографическую проблему области представляет депопуляция населения. В 2013 г. его численность составляла около 1194,8 тыс. человек, что на 7% меньше, чем в 2000 г., и на 12% меньше, чем в 1990 г. При этом наиболее интенсивно сократилось число жителей в сельской местности — как за счет смертности, так и вследствие миграции. Удельный вес сельского населения Вологодской области за последние 23 года снизился с 34,1 до 28,6%. Происходит процесс укрупнения городов, сопровождающийся их пространственным расширением, сосредоточением производства и населения на близко прилегающих к ним территориях. Крупные города, такие как Вологда и Череповец, становятся центрами экономического, социального и культурного влияния.

Наряду с множеством положительных моментов в ходе урбанизации наблюдаются и негативные процессы, связанные с ухудшением санитарно-гигиенических условий проживания населения и состояния его здоровья, перегрузкой общественного транспорта, увеличением времени внутригородского перемещения. Сокращение численности сельского населения приводит к спаду в экономическом развитии и технической оснащенности села, сокращению производственных мощностей; возрастает степень сложности трудоустройства населения; происходит ухудшение инфраструктуры, жилищных условий и социального обслуживания. То есть увеличивается разрыв в уровне жизни сельского и городского населения.

Продолжение этой тенденции может привести к неспособности села выполнять функции: производственную, демографическую, социокультурную.

Общая демографическая нагрузка в Вологодской области на 1000 человек трудоспособного возраста в период с 2005 г. имеет устойчивую тенденцию к росту, причем за счет увеличения доли людей старше трудоспособного возраста. Так, если в 1990 г. в структуре нетрудоспособных 54% составляли лица моложе трудоспособного возраста и 46% — старше трудоспособного возраста, то спустя 10 лет картина стала противоположной (47,4 и 52,6% соответственно), вновь изменившись по прошествии еще 11 лет (41,8 и 58,2%).

В связи с постарением населения возникает опасность увеличения демографической нагрузки на трудоспособное население, обостряются проблемы выплаты пенсий, повышается нагрузка на систему здравоохранения и социальную защиту. Сокращение численности детей и молодежи в будущем приведет к росту диспропорции в формировании трудовых ресурсов, способных воссоздавать материальный потенциал региона, экономическое и со-

циокультурное благополучие, к снижению численности квалифицированных кадров.

Одним из индикаторов уровня жизни населения является прожиточный минимум (ПМ), который определяет уровень потребления товаров и услуг, являющийся минимальным для обеспечения жизнедеятельности человека. Величина ПМ в Вологодской области по всем социально-демографическим группам населения ежегодно растет (*табл. 1*). Соотношение ПМ со среднедушевыми денежными доходами и с начисленной заработной платой достигло докризисного уровня только в 2012 г. Ежегодное индексирование размера пенсий также дало положительный результат, и в 2010 г. их средний размер более чем в 1,5 раза стал превышать ПМ пенсионеров. А в 2009 г., впервые более чем за десять лет, размер пенсий превысил величину ПМ, установленную для населения Вологодской области.

В целом по региону численность населения с доходами ниже прожиточного минимума выше, чем по стране (*рис. 1*), хотя до 2008 г. можно было отметить тенденцию к сокращению данной категории. В кризисный период доля малоимущего населения снова увеличилась, снизившись лишь в 2012 году [8].

В качестве критерия благосостояния семей выделим долю расходов на продовольственные товары: чем она ниже, тем выше уровень благосостояния. Результаты исследования показывают, что в динамике

благосостояния домохозяйств Вологодской области в период с 1995 по 2008 г. наблюдалась положительная тенденция. В структуре их потребительских расходов происходило увеличение доли расходов на покупку непродовольственных товаров и оплату услуг. В 2009 г., вследствие мирового финансового кризиса, население области резко сократило свои расходы на покупку непродовольственных товаров, увеличив расходы на покупку продуктов питания. Наблюдаемое повышение расходов населения на оплату услуг сопровождалось ростом доли расходов на жилищно-коммунальные услуги: с 5% в 1997 г. до 10,1% в 2005 г. и до 13,2% в 2012 г. (в 2005 г. в странах Евросоюза данные расходы составляли: в Финляндии – 4,2%, в Великобритании – 6,1%, в Бельгии – 7,1%, в Литве – 10,5%, в Эстонии – 12,8%) [9]. При этом отметим, что причиной роста доли таких расходов стало существенное повышение цен на содержание жилья, лишь незначительно связанное с соответствующим улучшением качества самих услуг.

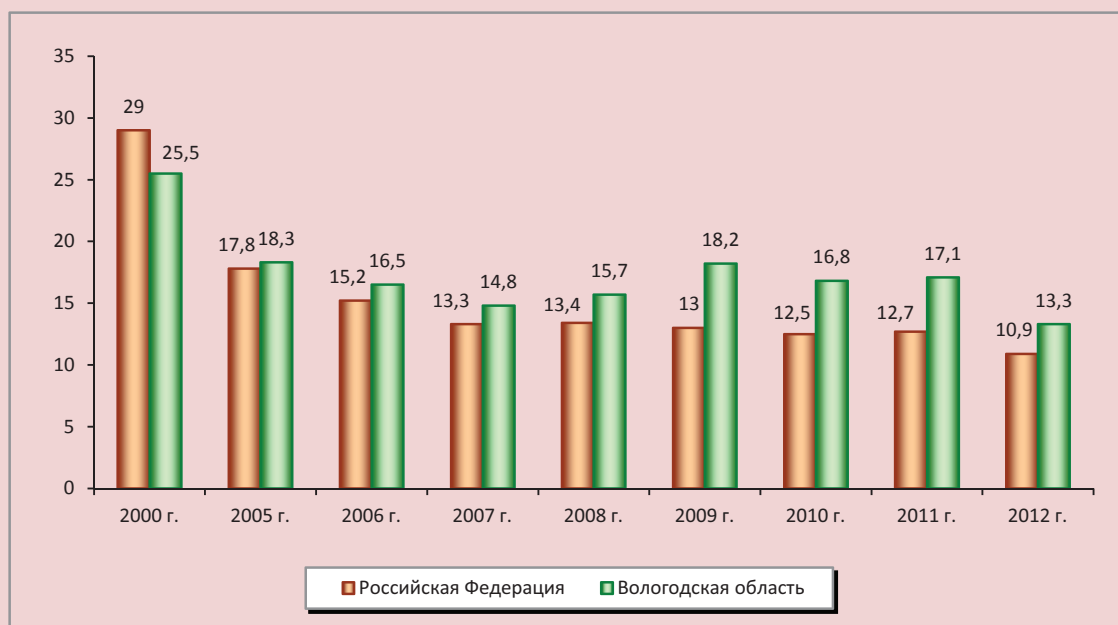
Анализ самооценки материального положения, основанный на методике Л.А. Беляевой, позволяет структурировать население по данному признаку. Согласно результатам исследования, в 2013 г. 16% жителей Вологодской области составили группу «зажиточных» и «богатых», что почти в два раза больше, чем в 2010 году. Чуть больше трети населения являются «обеспеченными» (38%).

Таблица 1. Структура потребительских расходов домашних хозяйств Вологодской области (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), в %

Виды потребительских расходов домашних хозяйств	Год								
	1995	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011	2012
Покупка продуктов питания	51,7	49,1	40,3	38,5	37,2	41,3	38,0	35,7	37,1
Покупка непродовольственных товаров	32,2	35,9	37,3	37,7	40,4	32,6	34,1	37,8	34,0
Покупка алкогольных напитков	3,1	3,3	2,4	2,2	1,6	2	1,9	2,1	2,0
Оплата услуг	13,0	11,7	18,9	23,1	20,8	24,1	26,0	24,4	26,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 190.

Рисунок 1. Численность населения в РФ и Вологодской области с доходами ниже величины прожиточного уровня, в %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 184.

К «необеспеченным» относятся 18% респондентов. Почти каждый пятый отнес себя к «бедным» или «нищим». Стабилизация социально-экономической ситуации в послекризисный период благоприятно отразилась на финансовом состоянии домохозяйств области, вследствие чего значительно уменьшилась доля самых нижних слоев – «бедных» и «нищих» (с 33 до 18%) и «необеспеченных» (с 26 до 18%). Сравнение Вологодской области по материальному положению жителей с соседними регионами Северо-Западного федерального округа показывает, что структуры распределения населения по уровню материального положения схожи (табл. 2). Согласно исследованиям ЦИСИ ИФ РАН в целом по России ситуация в период с 2006 по 2010 г. изменилась в благоприятную сторону.

Результаты исследований ИСЭРТ РАН подтверждают, что доход у половины жителей региона удовлетворяет только их

необходимые потребности [1]. Отметим также, что в группах с низким доходом («нищие», «бедные») преобладают женщины, в группе «обеспеченного» населения – мужчины. Материальное положение изменяется пропорционально возрасту населения: в категориях «бедные» и «нищие» доля старшей возрастной группы составляет 3/4 от всей численности категории; в группах «зажиточных» и «богатых» – всего 1/5. Обратную ситуацию можно наблюдать в группе молодежи.

Часть вопросов в анкетах позволяет сравнить позиции населения по ряду проблем социальной политики. Изучение общественного мнения помогло выявить степень доверия и отношение граждан к властям различного уровня. Почти половина жителей Вологодской области считают, что улучшение их жизни зависит от активности администраций районов (45%).

Таблица 2. Самооценка материального уровня населения, в %

Вариант ответа	Вологодская область				СЗФО			РФ		Условная страта
	2008	2010	2012	2013	2006	2010	2013	2006	2010	
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	10	10	8	3	2	8	11	13	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	22	23	17	13	16	14	14	22	19	«Бедные»
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	22	26	24	18	23	21	18	21	21	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	35	32	36	38	35	44	36	29	31	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	11	8	11	14	15	14	17	9	11	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	3	1	2	2	1	2	3	2	3	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	1	0	0	7	7	2	4	6	3	

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012, 2013 гг., и опросов «Ценности и интересы населения России», проведенных ЦИСИ ИФ РАН в 2006, 2010 гг.

Наличие довольно большой доли затрудняющихся ответить (31%) свидетельствует как о слабой включенности населения в сферу жизнедеятельности города, поселка, села, так и о низкой информированности населения о деятельности властей по решению социальных проблем территории. Естественно, что по отдельным муниципалитетам доля тех или иных оценок колеблется с различной амплитудой, однако их характер в целом можно интерпретировать как признание большей частью населения работы районных администраций удовлетворительной. Схожее с областным распределение ответов наблюдается по всей территории СЗФО (табл. 3). А вот сравнение с показателями 2008–2010 гг. показало снижение доли людей (на 7–10%), считающих, что улучшение их жизни зависит от районной или городской властей.

В целом по федеральному округу более половины респондентов (53%) полагают, что улучшение жизни зависит от высших эшелонов власти страны. Население же

Вологодской области настроено более оптимистично, и почти каждый третий сомневается в своей оценке, надеясь также на свои собственные силы и возможности (78%), на помощь близких родственников (55%).

Согласно данным, полученным за три анализируемых года (с 2010 по 2012), ухудшились оценки населением деятельности органов власти: более чем вдвое увеличилась доля людей, считающих, что Законодательное Собрание области и Президент РФ работают плохо и неудовлетворительно (табл. 4). В 2012 г., по мнению каждого десятого вологжанина, губернатор области, главы районных администраций и поселений работают плохо; на 50% возросла доля считающих их работу неудовлетворительной (20%).

Отметим, что негативные оценки чаще исходят от беднейших слоев населения, от респондентов женского пола, малообразованных, жителей деревень и поселков городского типа. Более позитивные оценки дает благополучная и образованная часть общества.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит?..», в %

Вариант ответа	Вологодская область				СЗФО
	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г.
<i>От районной, городской власти</i>					
Полностью зависит	11	12	13	17	16
Пожалуй, зависит	41	43	33	28	26
Не знаю, трудно сказать	31	30	33	31	29
Пожалуй, не зависит	10	8	12	9	13
Совсем не зависит	9	8	9	15	17
<i>От общероссийской власти</i>					
Полностью зависит	14	14	19	24	28
Пожалуй, зависит	35	40	30	23	25
Не знаю, трудно сказать	32	31	33	31	24
Пожалуй, не зависит	10	7	10	9	9
Совсем не зависит	10	8	9	14	15

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012, 2013 гг.

Таблица 4. Оценка деятельности органов власти населением Вологодской области, в %

	Плохо		Неудовлетворительно		Удовлетворительно		Хорошо		Отлично	
	2010	2012	2010	2012	2010	2012	2010	2012	2010	2012
Президент РФ	3	8	10	20	46	52	34	17	7	3
Законодательное Собрание области	4	9	15	22	57	56	23	11	2	1
Губернатор области	4	9	13	20	54	54	26	15	3	2
Глава районной администрации	5	10	16	21	55	53	22	13	2	2
Глава поселения	6	10	16	20	53	51	23	13	2	2

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2010, 2012 гг.

Исследование социокультурных изменений в обществе показало, что при оценке деятельности местной исполнительной власти большую значимость имеют культурно-нравственные установки населения. Среди лиц, полагающих, что «уважение к сложившимся обычаям и традициям не важно», более трети негативно оценивают деятельность губернатора и районной власти. Среди тех, кто считает, что «люди и государство должны больше всего заботиться о детях», положительные оценки дают свыше 35%, а отрицательных оценок существенно меньше – 15%.

Больше всего критических замечаний поступает в адрес местных властей со стороны той части населения, которая не может однозначно определить свои жизненные ценности и выбирает некий средний вариант их оценки. Заметная часть населения ожидает, что государство в сфере социальной политики будет следовать принципам социальной справедливости, равенства, законности, ответственности, общественно значимых ценностей. Зачастую руководители органов власти, выступая перед общественностью, сами провоцируют завышенные ожидания, обещая

заведомо не реализуемые планы, углубляя таким образом разрыв между реальными возможностями власти и надеждами населения. В ходе реализации политики реформ в социальной сфере возникает реакция населения в виде протестных акций на меры, предпринимаемые властью. Население Вологодской области поддерживает и общероссийские митинги протеста, и устраивает местные, протестуя против способов и методов решения властью декларируемых ею социальных задач. В последние 7 лет на территории области были проведены следующие протестные акции в защиту прав различных сообществ и общественных организаций:

- 26 февраля 2008 г. в Вологде митинговали ликвидаторы чернобыльской аварии. Их протест был направлен на действия органов суда и социальной защиты населения, которые «препятствуют в осуществлении их законных прав на возмещение вреда».

- 12 апреля 2008 г. в Череповце состоялся митинг протеста против повышенных коммунальных тарифов и против политических репрессий.

- 10 сентября 2008 г. в Вологодской области состоялась Всероссийская акция протеста против роста цен на топливо.

- В 2008 г. слушатели Университета Третьего возраста протестовали против намерения мэрии «выселить» их из занимаемого здания. Университет был основан в Вологде в 2005 г. на базе негосударственного учреждения дополнительного образования Народный университет «Знание» и служил для многих пенсионеров единственной возможностью получения адаптированных, жизненно необходимых знаний, местом общения и поддержки.

- В декабре 2010 г. коллективы птицефабрик в Грибково и Ермаково приостановили работу на один час. Поводом послужили задержка и невыплата заработной платы.

- 24 мая 2013 г. в Череповце прошел пикет работников здравоохранения. Основные требования медиков были связаны с низким уровнем заработной платы и социальной неустроенностью работников отрасли, а также с репрессивной политикой управляющих здравоохранением чиновников.

- 6 октября 2013 г. череповецкие педагоги вышли на митинг «За достойный труд!»

- 10 марта 2014 г. в Вологде состоялся митинг учителей музыкальных школ и других учреждений образования. Главная причина – снижение финансирования специализированных школ и низкая заработная плата педагогов.

- С 24 мая по 1 июня 2014 г. по России прошла акция «Вся Россия – за сельские школы!» Поводом для акции в Вологодской области послужило намерение чиновников закрыть школу в селе Замошье. Протестовали против закрытия малокомплектных школ, особенно на селе, против ликвидации школ для инвалидов, против «реформы образования», по сути означающей развал образовательной системы.

Уменьшение количества митингов на территории области в последние годы, обусловлено, по нашему мнению, снижением протестного потенциала населения (табл. 5). Данные социологических опросов свидетельствуют, что все больше становится людей, не готовых участвовать в акциях протеста (их доля возросла с 38% в 2008 г. до 48% в 2012 г.).

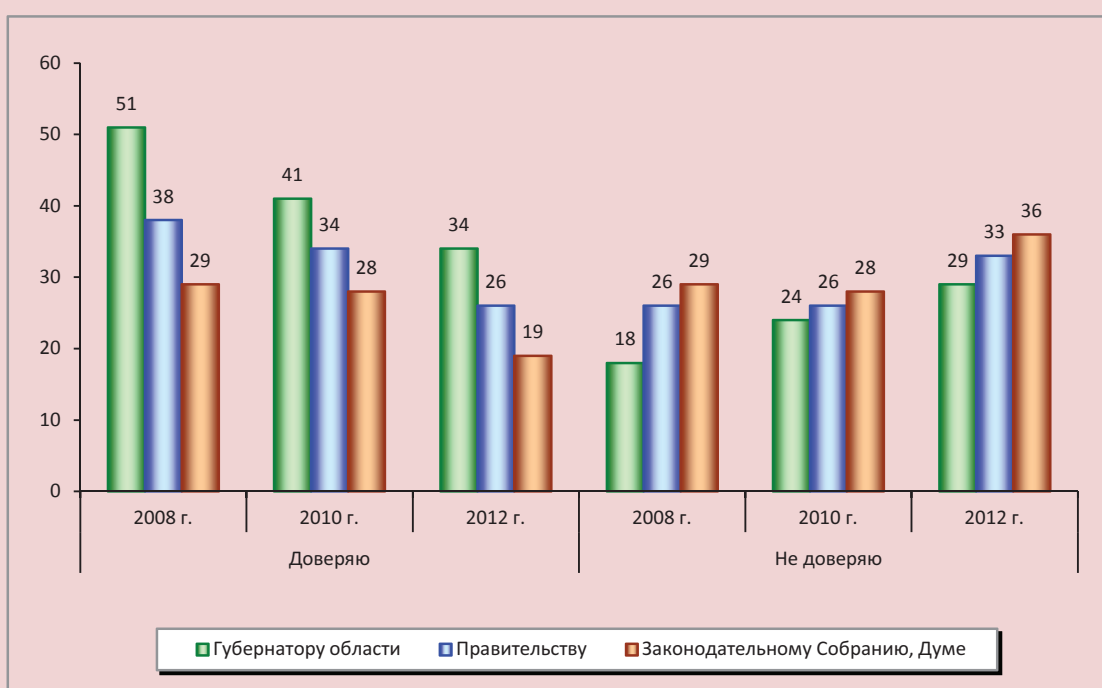
Идеальный вариант реализации социальной политики – это когда население доверяет власти и видит ее практические результаты [2]. Отметим, что в оценках населения нет ни первого, ни второго. Результаты опроса населения Вологодской области свидетельствуют о резком снижении доверия к областной власти: так, если в 2008 г. отмечался достаточно высокий

Таблица 5. Готовность населения Вологодской области участвовать в акциях протеста, в %

Варианты ответа	2008 г.	2012 г.
Готов	12	8
Пожалуй, готов	23	17
Пожалуй, не готов	11	16
Не готов	27	32
Затрудняюсь ответить	27	27

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2012 гг.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы доверяете или не доверяете органам управления?», в %

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012 гг.

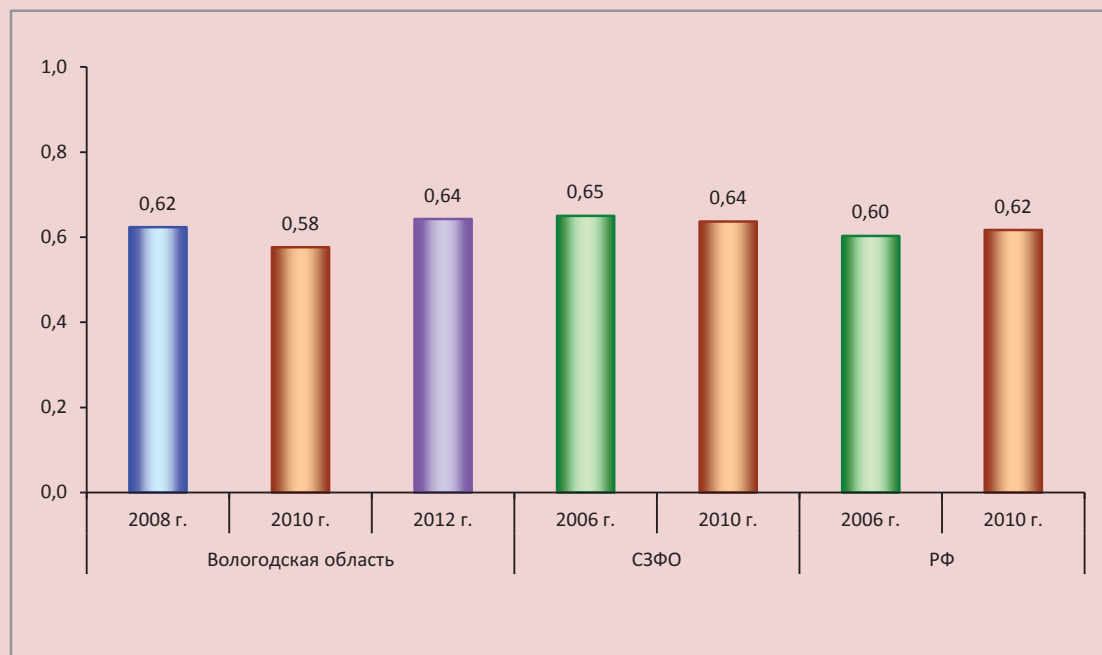
уровень — каждый второй житель доверял губернатору В.Е. Позгалеву, то в 2010 г. произошло уменьшение показателя на 10 п.п., а с назначением О.А. Кувшинникова доверие населения продолжало снижаться: в 2012 г. только треть населения области доверяла губернатору (рис. 2). За рассматриваемые годы доверие населения снизилось по всем анализируемым уровням власти. Чаще всего люди не доверяют Законодательному Собранию. Более трети жителей занимают нейтральную позицию,

т.е. создается впечатление, что общество испытывает разочарование в действиях властных органов, непонимание истинного конечного эффекта и целесообразности проводимых региональных социальных мероприятий. Сегодня людей захлестывает огромный поток непрерывной и часто противоречивой информации на телевидении, радио, в печати, Интернете, и нет ничего удивительного в том, что доверяют средствам массовой информации только 28% населения Вологодской области.

Существующая система социальных благ так или иначе отражается на социальном самочувствии и эмоциональном состоянии населения. Социальное самочувствие — интегральный показатель, отражающий экономические, политические и социальные процессы, происходящие в обществе. Его измерение возможно с помощью оценки социальных индикаторов, а именно показателей изменения социально значимых величин, необходимых при анализе социального развития, оценке результатов социальной политики. В соответствии с методикой «Социокультурный портрет региона» [3] рассматриваемый показатель включает три основные составляющие: степень защищенности жителей региона от главных опасностей; степень удовлетворенности своей жизнью в целом; степень оптимизма в оценке им своего настоящего и будущего [7]. Результаты расчетов показали, что в 2010 г. в

Вологодской области интегральный индекс социального самочувствия уменьшился до 0,58 (против 0,62 в 2008 г.) и стал заметно ниже, чем в СЗФО и по России в целом (рис. 3). В значительной степени это обусловлено последствиями финансового кризиса, который серьезно подорвал экономику региона [5]. Последующая стабилизация его социально-экономического положения, принятие Правительством Вологодской области постановления «Об утверждении мероприятий по обеспечению устойчивого функционирования экономики и социальной сферы области» [6] благоприятно отразились и на социальном самочувствии населения: в 2012 г. индекс вырос до 0,64. Отметим, что уровень индекса, минимально достаточный для устойчивости сообщества (мера его чувствительности к внешним изменениям среды), находится в диапазоне от 0,51 и выше (недостаточный — ниже 0,5).

Рисунок 3. Динамика индекса социального самочувствия населения Вологодской области, СЗФО и РФ

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012 гг., и опросов «Ценности и интересы населения России», проведенных ЦИСИ ИФ РАН в 2006, 2010 гг.

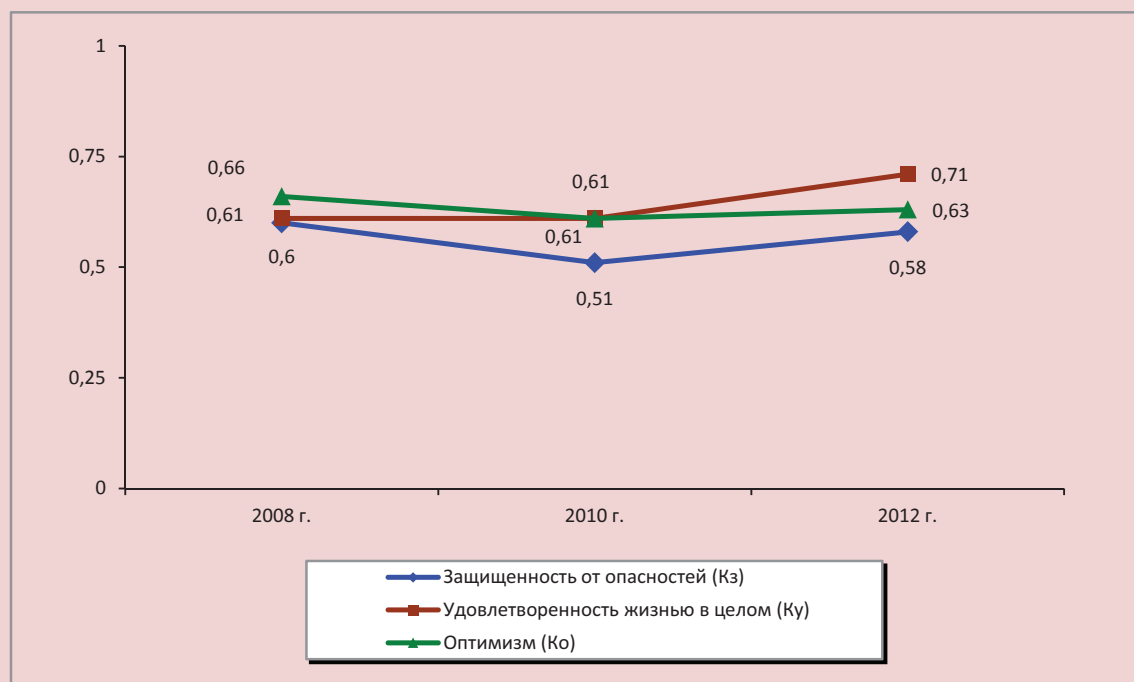
Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о сохранении в Вологодской области устойчивости сообщества на предельно низком уровне.

Детальный анализ компонент интегрального индекса показал неравномерность их изменения. Удовлетворенность жизнью у населения области в 2012 г. стала выше, чем уровень оптимизма (рис. 4). В посткризисном 2010 году произошло снижение уровня оптимистических настроений в обществе и защищенности от опасностей. Наибольший стресс испытали люди, занимавшие руководящие должности; коэффициент оптимизма более всего снизился у людей с низкими доходами, в возрастном интервале 35–55 лет, а также у не состоявших в браке. В поселках городского типа наблюдалось наибольшее снижение индекса социального самочувствия. В регионе коэффициент удовлетворенности жизнью в целом был

ниже, чем в СЗФО и РФ (0,61 против 0,71 и 0,68 соответственно); показатель оптимизма соответствовал уровню СЗФО и был выше, чем в России в целом (0,61 против 0,58). Наиболее проблемной сферой в Вологодской области оказался уровень защищенности от опасностей: в 2010 г. его значение было близко к неустойчивому состоянию [4].

Выявление проблем-опасностей для населения предоставляет возможность показать некоторые актуальные аспекты социального развития региона. По оценкам жителей области на первом месте стоит проблема преступности: 54% вологжан чувствуют себя не защищенными перед этой опасностью. На втором месте находится бедность (53%). На третий план в 2012 г. вышла проблема произвола чиновников (45%), отодвинув экологическую безопасность, которая была актуальна в 2010 г. для 45% респондентов.

Рисунок 4. Компоненты индекса социального самочувствия населения Вологодской области

Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012 гг.

Средний уровень защищенности населения можно определить для следующих социальных опасностей: преследования за политические убеждения, произвол правоохранительных органов, экологическая угроза, одиночество и заброшенность. Высокий уровень защищенности населения области можно отметить в отношении их дифференциации по национальности, религиозным убеждениям, возрасту и полу (менее 25% респондентов испытывают чувство незащищенности). Сравнивая показатели за 2008 и 2012 годы, отметим рост тревожности населения, причём наиболее существенный (более 5%) – по четырем первым исследуемым проблемам-опасностям (табл. 6). Одинаково незащищенными ощущают себя все без исключения категории населения, независимо от возраста и уровня дохода. Разведенные и проживающие в малых городах (до 100 тыс. человек) люди чувствуют большую незащищенность от социальных опасностей, нежели лица других категорий.

Таким образом, жители Вологодской области не ощущают угрозы по отношению к их духовным и идеологическим взглядам, а вопросы, связанные с обеспечением безопасности жизни и здоровья, достойного уровня жизни, законной и справедливой деятельности основных социальных институтов, остаются слабо решенными.

На наш взгляд, социальная безопасность должна представлять комплекс мер по жизнеобеспечению населения с учетом согласования общественных интересов и потребностей. Социальная политика обязана создавать условия для стабилизации социальных связей, обеспечивать устойчивость и эффективность развития всего общества, которое должно адекватно реагировать на все позитивные и негативные воздействия.

Целью социальной политики в Вологодской области является создание условий для повышения уровня и качества жизни граждан. Так, государственная программа «Социальная поддержка граждан

Таблица 6. Распределение ответов жителей Вологодской области на вопрос о защищенности от социальных опасностей, в %

№ п/п	Виды опасностей	Защищен; пожалуй, защищен			Трудно сказать			Пожалуй, не защищен; совсем не защищен		
		2008 г.	2010 г.	2012 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
1.	Преступность	13,4	10,9	14,3	34,1	35,8	32,3	48,6	53,3	53,5
2.	Бедность	19,8	13,3	17,3	31,7	36,7	29,4	46,1	50	53,3
3.	Произвол чиновников	20,5	17,3	19,5	38	39,6	35,2	38,9	43	45,3
4.	Одиночество и заброшенность	28,1	24,2	27,4	33,9	36,4	29,4	36,8	39,5	43,2
5.	Экологическая угроза	27,1	20,8	23,2	32,9	34,1	35,1	37,8	45	41,7
6.	Произвол правоохранительных органов	21,4	19,1	20,3	36,6	41,6	38,5	39,3	39,3	41,2
7.	Преследования за политические убеждения	38	40,9	30,6	36,8	42,6	43,7	22,3	16,5	25,7
8.	Притеснения из-за возраста или пола	42,4	45,7	43,1	32,9	34,5	33,8	22,5	19,8	23,1
9.	Притеснения за религиозные убеждения	50,3	59	50,5	30,5	30,2	33,1	16,2	10,9	16,4
10.	Ущемление из-за национальности	51,1	58,9	52,3	29,2	29,6	31,2	16,8	11,4	16,5

Примечание. Ранжировано по колонке «Пожалуй, не защищен; совсем не защищен» в 2012 г.
Источник: данные опросов «Социокультурный портрет региона», проведенных ИСЭРТ РАН в 2008, 2010, 2012 гг.

в Вологодской области на 2014–2018 годы» предусматривает с 2014 г. ежемесячные денежные выплаты ветеранам труда (запланировано в бюджете 34 млн. руб.), дополнительное материальное обеспечение лиц, имеющих особые заслуги перед Вологодской областью (34 млн. руб.), пособия малоимущим семьям (17,5 млн. руб.), пособия малоимущим семьям, воспитывающим детей-инвалидов (37,3 млн. руб.), денежные выплаты прочим категориям граждан (805,4 млн. руб.), денежные компенсации расходов на оплату жилого помещения или коммунальных услуг (1035 млн. руб.), а также предоставление гражданам субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (756,5 млн. руб.).

В Вологодской области получателями различных мер социальной поддержки ежемесячно являются более 470 тыс. человек, что составляет почти 40% населения региона; а единовременную или один раз в год поддержку получают более 1160 тыс. (97%).

В заключение подчеркнем, что научная ценность осуществленного исследования и обобщенного социологического материала внесла определенную ясность в знание о реальном состоянии и перспективах развития общества в Вологодской области. В контексте этого можно сделать вывод о необходимости достижения гармонии между сферами социокультурной и экономической жизни.

Важно признать, что социальная политика служит фактором эффективного развития экономики. Финансирование социальных программ следует осуществлять не только за счет государственных средств и местных бюджетов, но и за счет средств предприятий, организаций, сообществ. Обществу необходимо стать «гражданским», а для этого требуется активность независимых от власти общественных организаций. Все действия власти должны находиться в сфере публичного контроля и видимости граждан, проживающих в данном регионе. Население должно стремиться к политической активности и общественно значимым делам.

Социальная политика государства, направленная на защиту малообеспеченных слоев населения, развитие образования, охрану здоровья, окружающей среды, должна преследовать цель осмысленного воздействия на социокультурную сферу жизнедеятельности людей с целью ее качественного изменения. Необходимо поддерживать отношения внутри различных социальных групп и между ними, тем самым обеспечивая условия для повышения уровня жизни, благосостояния общества. Немаловажным является и создание экономических стимулов для участия населения в общественном производстве, при этом социальная политика государства должна быть скоординирована с экономической ситуацией в регионе и стране.

Литература

1. Костылева, Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование [Текст] / Л.В. Костылева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 223 с.
2. Кульпина, К.П. Участие населения в реализации социальной политики [Текст] / К.П. Кульпина, И.Л. Сизова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2007. – № 2 (7). – С. 62–69.
3. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: ИФРАН, 2010. – 11 с.
4. Ласточкина, М.А. Социальная защищенность населения России: обзор исследований последних лет / М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2. – С. 171–179.

5. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
6. Об утверждении мероприятий по обеспечению устойчивого функционирования экономики и социальной сферы области: постановление от 17 февраля 2009 г. № 255.
7. Ромашкина, Г.Ф. Социокультурный портрет Тюменской области: опыт эмпирического исследования / Г.Ф. Ромашкина // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. – Тюмень: ТюмГУ, 2006. – Ч. II. – 182 с.
8. Через кризис – к развитию индустриальной модернизации [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина, М.А. Антонова // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общ. ред. Л.А. Беляевой, Н.И. Лапина. – М.: Academia, 2013. – Гл. 15. – С. 218-235.
9. Eurostat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://epp.eurostat.ec>.

Lastochkina M.A.

Monitoring of the region's socio-cultural development as a component to enhance the effectiveness of social administration

Mariya Aleksandrovna Lastochkina – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, mashkop@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the next phase of the study on the subject “Socio-cultural portrait of the region”. It gives the estimation of the demographic situation, standard of living and welfare of the Vologda Oblast residents. Besides, the article shows the people’s assessment of the performance of the authorities, social well-being and degree of safety, as well as their trust in the government. All these aspects are studied in their connection with social policy and social protection measures undertaken in the region. The study reveals that the society is disappointed in the actions of the authorities; it does not understand the true ultimate effect and the feasibility of ongoing regional social events. The greatest number of critical remarks addressed to local authorities comes from people with unstable position in life. Negative evaluations are also more likely expressed by the poorest population groups, by women, by the less educated, by village dwellers and urban-type settlements residents, as well as by individuals with a low level of education.

Social policy in the minds of a large part of the population is associated with principles of social justice, equality, rule of law, responsibility and socially important values. The Vologda Oblast residents do not feel that their spiritual and ideological views are being endangered; and the issues associated with ensuring the security of life and health, decent standard of living, legitimate and fair performance of the basic social institutions remain unsettled, according to their understanding. At the same time, social policy should create conditions to stabilize social relations, to ensure efficiency and sustainability in the development of the whole society, which should adequately respond to all positive and negative effects.

Key words: social well-being, population, social protection, socio-cultural portrait, region, trust, power.

References

1. Kostyleva L.V. *Neravenstvo naseleniya Rossii: tendentsii, faktory, regulirovanie* [Inequality of Russia’s Population: Trends, Factors, Regulation]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 223 p.
2. Kul’pina K.P., Sizova I.L. Uchastie naseleniya v realizatsii sotsial’noi politiki [Participation of the Population in the Implementation of Social Policy]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial’nye nauki* [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences Series], 2007, no. 2 (7), pp. 62-69.

3. Lapin N.I., Belyaeva L.A. *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and Standard Tools "Socio-Cultural Portrait of the Region of Russia" (2010 Modification)]. Moscow: IFRAN, 2010. 11 p.
4. Lastochkina M.A. Sotsial'naya zashchishchennost' naseleniya Rossii: obzor issledovaniy poslednikh let [Social Security of Russia's Population: an Overview of the Past Years Studies]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tenden-tsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2, pp. 171-179.
5. Shabunova A.A., Gulin K.A., Lastochkina M.A., Solov'eva T.S. *Modernizatsiya ekonomiki regiona: sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Modernization of the Economy of the Region: Socio-Cultural Aspects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 158 p.
6. Ob utverzhenii meropriyatii po obespecheniyu ustoichivogo funktsionirovaniya ekonomiki i sotsial'noi sfery oblasti: postanovleniya ot 17 fevralya 2009 g. № 255 [On Approval of Measures to Ensure Sustainable Functioning of the Economy and Social Sphere of the Oblast: Decree of February 17, 2009 No. 255].
7. Romashkina G.F. Sotsiokul'turnyi portret Tyumenskoi oblasti: opyt empiricheskogo issledovaniya [Socio-Cultural Portrait of the Tyumen Oblast: Experience of an Empirical Study]. In: *Opyt aprobatsii tipovoi metodiki "Sotsiologicheskii portret regiona": sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Experience of Testing the Standard Methodology "The Sociological Portrait of the Region: Proceedings of the All-Russian Research-and-Methodological Conference]. Tyumen: TyumGU, 2006. Part 2. 182 p.
8. Ilyin V.A., Shabunova A.A., Lastochkina M.A., Antonova M.A. Cherez krizis – k razvitiyu industrial'noi modernizatsii [Through the Crisis to the Development of Industrial Modernization]. *Problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii* [Socio-Cultural Modernization of Russia's Regions]. Compiled and edited by L.A. Belyaeva, N.I. Lapin. Moscow: Academia, 2013. Chapter 15. Pp. 218-235.
9. *Eurostat*. Available at: <http://epp.eurostat.ec>.

Социокультурные характеристики современной молодёжи: некоторые результаты пилотного исследования

**Максим Александрович
ГОЛОВЧИН**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mag82@mail.ru)

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

Аннотация. Исследование проблем развития молодежи как специфической социальной группы, выражающей особые потребности в социально-культурном плане, привлекает большое внимание многих исследователей в разных отраслях науки (психология, педагогика, экономика, социология и т.д.). Такой интерес связан с тем, что на этапе юности (особенно ранней) формируется особое мировосприятие, собственное понимание социальных, политических, культурных событий, происходящих в государстве, и это служит фундаментом для становления полномасштабной картины мира на последующих этапах взросления. Понимание того, как работают механизмы приобщения молодого поколения к социокультурным ценностям, – важный аспект разработки стратегических планов развития страны и региона.

Статья посвящена проблемам исследования за рубежом и в отечественной науке социокультурных характеристик молодого поколения. Показано, что каждый этап изучения проблем молодежи характеризовался своими методами и инструментарием исследования. Образ молодежи современной России, сложившийся в науке, также имеет ряд характерных черт. Они представлены в тексте статьи.

Социокультурные ценности молодых людей в старшем школьном возрасте выявлены в результате анализа данных «пилотного» опроса с элементами формализованного интервью, проведенного среди детей, посещающих Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН. Определены дальнейшие перспективы этого исследования.

Ключевые слова: молодежь, социокультурные ценности, межпоколенческая связь, политические воззрения, социально-профессиональные планы.

Современное российское общество переживает ряд глубоких преобразований во всех сферах жизни, существенно отражающихся на идеологических и социально-культурных аспектах формирования личности.

В условиях экономической и геополитической нестабильности наиболее уязвимым становится молодое поколение — особая социальная общность, которая находится в стадии становления, формирования структуры ценностной системы, выбора профессионального и жизненного пути.

Молодежь в новых общественно-экономических условиях претерпевает значительные изменения в своих интересах, взглядах, ценностях, а выбранные ею социальные ориентиры во многом определяют будущее общества. Нынешней молодежи, первому поколению постсоветского времени, предстоит решить немало важнейших задач в самых различных областях и сферах жизни. И от этих решений зависит то, как будет развиваться страна,

что останется потомкам. В связи с этим весьма актуальным является исследование ценностных ориентаций, жизненных приоритетов, профессиональных предпочтений современной молодежи.

Социокультурные ценности играют роль культурных стандартов, нормативов жизни в обществе, отталкиваясь от которых люди определяют благо, добродетель и красоту [1, с. 238-242]. Под социокультурными ценностями в работе мы понимаем стандарты, ориентируясь на которые население определяет свое место и роль в социуме и которые в широком смысле служат нормативами жизни в обществе. В науке выделяют три вида социокультурных ценностей: декретальные, неформальные и протестные (*табл. 1*).

Формирование социокультурных ценностей происходит в таких пластах общественного сознания, как: отношение к культуре, религии, истории; информационная культура; политическое сознание; представление о себе как о члене общества; профессиональное самоопределение.

Таблица 1. Классификация социокультурных ценностей общественной жизни

Вид	Содержание	Пример
1. Декретальные	Ценности, структурно определяемые и контролируемые властью	Идеолого-политические установки
2. Неформальные	Ценности, не находящиеся под непосредственной опекой власти	Морально-нравственные предписания Культурные и этнические традиции Профессиональное самоопределение
3. Протестные	Ценности, противоречащие позиции власти, но не вступающие с ней в открытую политическую конфронтацию	Оппозиционные воззрения Политическая позиция

Составлено по: Локова М.Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме (социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук. – М.: Московский гуманитарный университет, 2007. – С. 10.

Сопоставление декретальных и неформальных ценностей указывает на их конфликт, который проявляется между индивидами, малыми и большими группами и связан с противопоставлением интересов [6, с. 10].

Исследования проблем молодежи не являются новыми ни в зарубежной, ни в российской науке. Начало этому научному направлению положила книга американского социолога Г. Стэнли Холла «Юность» (1904) [22]. В ней автор дал теоретическое осмысление возрастной группы молодежи как носительницы психофизических свойств молодости. В публикациях последователей Стэнли Холла (Э. Шпрангер, Р. Бенедикт, Б. Малиновский и др.) молодежь уже понимается как группа, которой присущи особые культурные свойства и функции [7, с. 80].

В 1943 г. появился труд немецкого социолога К. Манхейма «Диагноз нашего времени», в котором молодежь трактуется как объект и субъект процесса преемственности и смены поколений. Заметную роль Манхейм отводил молодежи в формировании национальной политики, считая, что именно молодые люди способны осуществлять государственные реформы [9, с. 105].

Важный вклад в исследование социокультурных детерминант молодежи внесла работа американского психолога польского происхождения М. Рокича «Природа человеческих ценностей» (1973). В ней была представлена совершенно новая концепция ценностных ориентаций личности. Согласно М. Рокичу, ценностная ориентация, так или иначе, воздействует на любые общественные явления (экономику, политику, культуру и т.д.). В своей книге М. Рокич впервые разделил все ценности на терминальные (касающиеся целей индивидуального существования) и инструментальные (связанные с образом действий и достижения целей).

В 1960–70-е годы в западной науке появилось целое направление, представители которого для изучения проблем молодежи применяли методы социологии, что было связано с невиданным пиком социальной активности молодых людей в странах Европы и Америки, возникновением молодежных субкультур и леворадикальных политических группировок [15, с. 109].

Примерно в это же время социология молодежи стала развиваться в СССР. В советский период интересы и потребности, ценностные ориентации и социальные ожидания молодых людей были проанализированы в трудах таких исследователей, как Н.М. Блинов, Б.А. Грушин, С.Н. Иконникова, И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, И.С. Кон, В.Ф. Левичева, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, М.Х. Титма, В.Н. Шубкин. Однако, как отмечает С.В. Полутин, первые социологические опросы, проведенные среди молодежи в советской России, давали «преувеличенно оптимистические результаты, они представляли молодое поколение как воспитанных на идеологической догматике людей» [15, с. 109].

В конце XX – начале XXI в. назрела необходимость исследовать структурные взаимовлияния двух трансформаций – в российском обществе в целом и в молодежной среде в частности. Существенно расширилась исследовательская практика в изучении различного рода проблемных точек в положении молодежи (девиантное поведение, наркотизация, алкоголизация молодежи, социализация детей с особыми потребностями и т.д.).

Одним из первых подобных исследований стал общероссийский опрос, проведенный Российским независимым институтом социальных и национальных проблем в конце 2001 г. В опросе приняли участие 833 чел. Все респонденты были поделены на две группы: молодежь (16–30 лет) и «поколение отцов» (41–50 лет), что

позволило выявить межпоколенческие связи в социально-культурном развитии россиян. Так, по результатам исследований были сделаны два основных научных вывода: 1) о заметном росте запросов молодежи к старшему поколению и 2) растущей потребности у молодых людей в «статусных изменениях», связанных со стремлением иметь собственный бизнес и стать богатыми и знаменитыми. В то же время, как показал опрос, эти тенденции сопровождаются усилением скепсиса молодых людей относительно реализации своих целей в социально-профессиональной сфере [17, с. 25].

В 2006 г. Швейцарская академия развития (SAD) совместно с Московской высшей школой социальных и экономических наук (МВШСЭН) и Левада-Центром провела общероссийский опрос молодых россиян в возрасте 15–29 лет. Исследование содержало широкий спектр социальных, экономических и политических аспектов повседневной жизни российской молодежи: условия их жизни, нормы и ценности, образцы жизненных ориентаций и планы на будущее. Опрос, в частности, показал, что молодые россияне демонстрируют изрядный скептицизм в отношении индивидуальных свобод, борьбы с коррупцией и эффективности работы государственных институтов [3, с. 21].

В 2008 г. Лабораторией политических исследований ГУ-ВШЭ было проведено социологическое исследование на тему «Политическое сознание подростков: благополучные школьники vs дети улиц», в ходе которого было проинтервьюировано 300 подростков от 13 до 18 лет. В равных пропорциях были опрошены следующие группы:

– школьники в гимназических и лицейских классах в различных административных округах г. Москвы;

– «дети улиц» (в эту группу входят бездомные; беспризорники; дети, лишенные родителей и крова; дети из неблагополучных семей, где отец и мать, как правило, пьющие или находятся в заключении). «Дети улиц» опрашивались по месту их стационарного пребывания – в приютах, в социально-реабилитационных центрах, в приемниках-изоляторах, в отделении больницы для беспризорников [4, с. 72].

В рамках исследования выявлялись и сравнивались основные ценностные ориентиры благополучных и неблагополучных подростков, их представления о России и её будущем; об образе государственного лидера страны, о «друзьях» и «врагах» России.

В 2011 г. по заказу Московской школы политических исследований Левада-Центром проведено масштабное социологическое исследование «Молодежь России», которое было посвящено изучению ценностных ориентаций молодых людей, установок на образование и успех, отношения к современным политическим процессам России. В рамках этого исследования проведено анкетирование молодежи, 30 фокус-групп и 14 интервью с педагогами и родителями в четырёх городах России. Результаты, полученные в ходе проекта, позволили выделить три общности, к которым молодые россияне себя причисляют: 1) государственно-национальная; 2) семейная и 3) поколенческая [4, с. 19].

Институт социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации провёл в марте – апреле 2007 г. исследование, получившее название «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты». Оно было проведено в 12-ти районах РФ, в Москве и Санкт-Петербурге, по квотной выборке с соблюдением общероссийских параметров квот по полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности.

В соответствии с имеющимися статистическими данными и задачами исследования, в опросе участвовали такие социально-профессиональные группы молодежи, как рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная и творческая интеллигенция; работники сферы бытовых и интеллектуальных услуг; кадровые офицеры армии и милиции; предприниматели малого и среднего бизнеса; студенты вузов и молодежь села. Отличительной чертой данного исследования также стал межпоколенческий анализ, для чего в составе старшего поколения были опрошены представители тех же социально-профессиональных групп (за исключением студентов). Судя по основным выводам исследования, можно выделить явное доминирование в современном молодежном сознании установки на стабильность и эволюционное развитие реформ над установкой на революционные изменения в обществе (две трети на треть), а также то, что нынешнее молодое поколение России в целом восприняло основные принципы рыночной экономики.

Рассматривая хронологию исследований аспектов социальной жизни молодежи, необходимо отметить, что в разные исторические периоды к этой проблеме применялись разные подходы и инструментарий,

что обусловлено как поступательным развитием науки, так и сменой социальных и нравственных ориентиров развития общества (табл. 2).

В целом мнения исследователей сводятся к тому, что ценности и устремления современной российской молодежи качественно иные, чем у предшествующих поколений.

Предпосылками подобной трансформации явились:

1. Разрушение социалистической системы в России. Обесценивание социальных, экономических, духовных ориентиров советской эпохи.
2. Утверждение свободы волеизъявления, плюрализма в социально-экономической и духовной сфере.
3. Нестабильность рыночной системы, жесткая конкуренция, монополизация рынка, необходимость рассчитывать на собственную активность и способности.
4. Информатизация всех сфер жизни общества, технократизация мировоззрения.
5. Культурная, политическая, этническая глобализация, порождающая как цивилизационное взаимодействие, так и конфликты.
6. Разрушение четких гендерных границ в общественном сознании, кризис института семьи.

Таблица 2. Хронология исследований проблем молодежи в зарубежных странах и России

Этапы	Событие	Представители
I. Начало XX в. – 50-е гг. XX в.	Теоретические исследования роли молодежи в обществе	Г. Стэнли Холл, Э. Шпрингер, Р. Бенедикт, Б. Малиновский, К. Манхейм, М. Рокич
II. 60-70-е гг. XX в. – начало XXI в.	Начало социологического исследования социальных проблем молодежи в зарубежных странах и России	Н.М. Блинов, Б.А. Грушин, С.Н. Иконникова, И.М. Ильинский, А.И. Ковалева, И.С. Кон, В.Ф. Левичева, В.Т. Лисовский, М.Н. Руткевич, М.Х. Титма, В.Н. Шубкин
III. 2000–2014 гг.	Углубленное изучение социокультурных установок различных категорий молодежи в период трансформации общественных ценностей при помощи качественных методов	М.К. Горшков, Г.А. Ключарев, В.А. Касамара, А.А. Сорокина, А.В. Рябов, Е.В. Курбангалеева, Л.Д. Гудков

Источник: составлено авторами.

7. Высокие темпы развития общества и социальных институтов, постоянные перемены в экономической, политической и общественной жизни, рост научного знания [21, с. 70].

В силу действия перечисленных процессов в молодежной среде снижается значение духовных, нравственных и эстетических ценностей и одновременно повышается статус витальных, материальных, гедонистических [21, с. 70].

В молодежной среде все большую ценность приобретает образование, во многом утерявшее свое значение для поколения 1980-х – 90-х годов [3, с. 22]. К началу третьего тысячелетия уровень образования населения в России достиг рекордных отметок и формально является наиболее высоким в мире. По общей доле лиц со средним профессиональным образованием Россия превосходит все развитые страны мира, а по доле лиц с высшим и послевузовским образованием уступает только США, Норвегии и Нидерландам [14].

В период 1990–2012 гг. количество учреждений высшего профессионального образования в России увеличилось вдвое, а численность студентов вузов – в 2,2 раза. По данным 2012 г. Вологодская область по численности молодых людей, обучающихся в институтах и университетах (320 чел. на

10 тыс. населения), находилась на 58 месте среди 83 субъектов Федерации и на 6 месте среди 10 регионов СЗФО [16, с. 308–309].

Резкий рост интереса к высшему образованию у молодых людей зачастую не ассоциируется с профессиональной деятельностью. По мнению Л.Д. Гудкова, «российский вуз сегодня – не храм и не место передачи высокой культуры, а рутинное учреждение по натаскиванию студентов для получения «корочек»» [4, с. 19]. Так, треть (31%) работников учреждений профессионального образования Вологодской области, опрошенных сотрудниками ИСЭРТ РАН в ходе экспертного опроса в 2013 г., в качестве основного мотива поступления студентов в учебные заведения области выделили получение любого диплома об образовании, по любой специальности¹.

Вместе с тем в результате влияния кризисных процессов в социально-экономической сфере среди молодежи проявляется общая ценностная нестабильность, рост пессимистических, тревожных настроений (табл. 3).

Все больше становится молодых людей, которые считают, что важные для них ценности ориентиры на самом деле недостижимы. Это приводит к формированию «понижающей модели» молодого поколения, характеризующейся пассивной

Таблица 3. Распределение ответов молодых людей на вопрос: «С каким чувством Вы смотрите в будущее?» (по материалам всероссийских опросов; в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Год		
	2001	2006	2011
Спокойно, с уверенностью	84	59	39
С неуверенностью, с опасением	16	31	46
Затрудняюсь ответить	0	9	15

Источники: Российская молодежь: проблемы и решения. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 648 с.; Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.

¹ В ходе исследования были опрошены 147 чел. (из 2900 преподавателей вологодских техникумов, колледжей и вузов). Из них: 84 работника учреждений высшего и 63 – среднего профессионального образования; 34 чел. занимают руководящие, 113 – преподавательские должности.

адаптацией к любым изменениям в жизни общества, государства. Подобные процессы приводят к росту аномии (молодежного алкоголизма, наркомании, суцидов, асоциального поведения, преступности и экстремизма и т.д.).

В молодежной среде, как отмечают специалисты, проявляется боязнь перемен и «бегство от реальности». С одной стороны, молодежь отличает рост самостоятельности, практичности и мобильности, ответственности за свою судьбу, с другой — молодым людям присущ низкий уровень интереса к событиям политической, экономической и культурной жизни и участия в них. Молодые россияне перестают ждать многого ни от властей, ни от социума. В этом плане современная молодежь полностью оторвана от идеалов старшего поколения. Пассивное выживание, которое не создает и не обещает ничего нового, постепенно становится отличительной чертой отрочества и юности, составляет суть проблемы разрыва межпоколенческой ценностной связи [21, с. 75].

Разрыв со старшим поколением проявляется и в утрате культурной, этнической традиции, формировании субкультур.

Вопрос межпоколенческой связи имеет особую важность в ходе изучения социокультурных детерминант одной из наиболее незащищенных категорий молодежи — старшеклассников, которые переживают возраст ранней юности (16—18 лет), характеризующийся подготовкой к качественно новой учебной деятельности, приобретению всей полноты гражданских прав. Именно старшеклассники являются наиболее чувствительными к происходящим социальным и политическим переменам, так как это возраст становления личности, возникновения и развития качественных характеристик, выражающих её отношение к миру (в частности, прогнозирование сво-

ей социальной активности, планирование будущего и самореализации, формирование представлений о мире и о самом себе). Любые реформы, проводимые в обществе, так или иначе, затрагивают это поколение, выросшее в эпоху свободы, всеобщего плюрализма, утверждения новых политических и экономических стандартов. Устремления старшеклассников качественно иные, чем более зрелой молодежи, поскольку за последнее время произошла не только «формационная перенастройка» внутри страны, но и ряд изменений, носящих глобальный характер (объединение стран Европы в Европейский союз, формирование новых границ государств, появление мировых стандартов образования и здравоохранения и т.д.) [4, с. 12].

Рассмотренная выше специфика определяет исследовательский интерес к изучению социокультурных установок представителей возрастной группы старшеклассников.

В ранней юности закладываются базовые общекультурные ценности, которые в будущем, в более взрослом возрасте, развиваются и окончательно формируются. Об этом свидетельствуют данные «пилотного» исследования «Социокультурный портрет учащейся молодежи»², проведенного в мае 2014 г. Институтом социально-экономического развития территорий на примере обучающихся в Научно-образовательном центре экономики и информационных технологий, функционирующем в Институте.

² На «пилотном» этапе, в мае 2014 г., было проведено сплошное обследование старшеклассников (10—11 класс), посещающих занятия в Научно-образовательном центре экономики и информационных технологий ИСЭРТ РАН, в форме опроса с элементами формализованного интервью. Целью исследования явился анализ социокультурных факторов, оказывающих влияние на мировосприятие молодежи, самоидентификацию в социальном пространстве. В опросе участвовал 61 чел.: 16 юношей и 45 девушек в возрасте от 16 до 18 лет.

Так, ценности, выделенные школьниками в качестве важных, — здоровье, любовь, активная деятельная жизнь, наличие верных друзей и семьи — разделяет и более старшая возрастная группа — студенты.

Важной составляющей общей культуры молодежи можно считать отношение к истории как культурному пласту национального самосознания. Исследование показало, что опрошенные молодые люди хорошо ориентируются в исторических событиях, могут оценить вклад исторических личностей в развитие государства. Лишь 36% старшеклассников не смогли назвать великих граждан России в прошлом и настоящем. Среди наиболее часто упоминаемых деятелей прошлого, заслуживших доверие школьников, выделяются И.В. Сталин (15%), Ю.А. Гагарин (13%), Петр I (12%). Среди великих современников большинство (36%) школьников назвали В.В. Путина.

Выбор юных вологжан в целом совпадает с мнением их сверстников из других регионов РФ. Так, в исследовании, выполненном АНО «Лаборатория Крыштановской» в 2012–2013 гг. (в рамках этого исследования было проведено глубинное интервью среди представителей молодежи в 26 городах России), были названы 22 имени ныне живущих россиян, которым хотели бы подражать молодые люди, и в первую очередь это В. Путин, В. Жириновский, М. Прохоров, Д. Медведев [10].

Несмотря на распространенность в научной литературе и публицистике идеи о том, что политическая идентичность не является самым важным моментом взросления, результаты исследования показали, что политика, всегда связанная с проблемой власти, в достаточной мере интересует вологодскую молодежь. Более того, политическое самосознание постепенно становится неотделимой частью менталитета старшеклассников.

Согласно результатам опроса, за политической жизнью страны и иностранных государств следят 74% школьников. По данным Левада-Центра, в целом по России доля интересующейся политикой молодежи меньше (46%)³.

Однако заинтересованность политикой у вологодских школьников не перетекает в активную деятельность (участие в политических движениях, партиях, акциях протеста и т.д.). В большей мере этот интерес проявляется в просмотре новостей (телевидение, новостные ленты в сети Интернет). Таким образом, старшеклассники воспринимают уже вторичную, переработанную СМИ информацию. Изучать вопросы государственного управления (читая биографии политических деятелей, литературу политической направленности) и участвовать в политических дискуссиях готовы немногие (по 4% соответственно).

Старшеклассники признают, что в жизни страны не решено еще много серьезных проблем, таких как: состояние дорог, необходимость улучшения транспортной сети, состояние окружающей среды, коррупция, невысокий уровень доходов населения.

Наличие этих проблем, вероятно, влияет на желание в будущем уехать за пределы России — так высказалось более трети (36%) опрошенных. Но указанные проблемы не вызывают у взрослеющих вологжан пессимизма в отношении дальнейших перспектив социально-профессиональной деятельности: 94% считают, что у них есть все объективные возможности для самореализации. Лишь 5% опрошенных вологодских школьников смотрят в собственное будущее без оптимизма.

³ Следует при этом иметь в виду, что обучающиеся в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН априори более информированы о политической и экономической жизни страны, поскольку это входит в учебные планы Центра.

Как подтвердил проведенный ИСЭРТ РАН опрос, учащейся молодежи присуще чувство гордости за свою страну. Только 10% респондентов не испытывают чувства общности с соотечественниками или безразличны к данному вопросу. Вместе с тем к проявлениям патриотизма как социально-политического феномена отношение школьников носит некоторый оттенок критичности. Как показывает анализ ответов респондентов, они испытывают уважение к патриотическим чувствам, но это касается только мирных и пассивных форм их проявления. Агрессивные и экстремистские формы не находят симпатии у старшеклассников. Наблюдаемые ими в повседневной жизни, в новостях по телевидению и сети Интернет проявления национальной нетерпимости, ксенофобии ассоциируются прежде всего с самыми негативными выражениями патриотизма.

Вологодские старшеклассники не только выделяют актуальные для страны проблемы, но и имеют в своем сознании адек-

ватную современной ситуации картину внешней политики Российской Федерации. Большая часть опрошенных (77%) в современном политическом пространстве видят Россию в окружении государств-«друзей» и государств-«врагов». Наиболее часто «друзьями» России старшеклассники называют Китай (43%) и Беларусь (39%; табл. 4). Учитывая заметный позитивный опыт дипломатических и добрососедских отношений этих стран с РФ, можно сказать, что в своих воззрениях респонденты являются более или менее объективными. Среди государств, имеющих недоброжелательные намерения в отношении нашей страны, молодые люди сделали акцент на США (72%) и странах Европейского союза (23%), что скорее всего связано с активно вводившимися в мае–июле 2014 г. «украинскими» санкциями вышеупомянутых государств по отношению к России.

Мнения вологодских школьников в целом совпадают с точкой зрения их сверстников в разных регионах РФ. Так, со-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Кого бы Вы назвали друзьями и врагами России на мировой арене?» (в % от числа опрошенных)

«Друзья»	В %	«Враги»	В %
Китай	42,6	США	72,1
Беларусь	39,3	Страны ЕС (Европа)	23,0
Украина	9,8	Япония	6,6
Казахстан	9,8	Украина	6,6
Япония	6,6	Китай	3,3
Израиль	4,9	Беларусь	1,6
Куба	4,9	Канада	1,6
Германия	3,3	Страны НАТО	1,6
КНДР	3,3	Все страны	1,6
Страны ЕС	1,6		
Финляндия	1,6		
Монголия	1,6		
Сирия	1,6		

Источник: Данные «пилотного» этапа исследования «Социокультурный портрет учащейся молодежи». В ходе исследования был опрошен 61 чел.: 16 юношей и 45 девушек в возрасте от 16 до 18 лет, посещающих занятия в НОЦ ИСЭРТ РАН.

гласно данным исследования «Политическое сознание молодежи: благополучные дети vs дети улиц», США назвала «врагом России» почти половина (48%) российских школьников [4, с. 70].

Политический коллапс на Украине старшеклассники НОЦ единодушно расценивают в негативном ключе. При этом они описывают сложившуюся в этой стране ситуацию в терминах «неправильность», «глупость», «бредовость», «незаконность» и т.д. В отношении этой ситуации многие испытывают тревожные переживания, связанные с «жалостью к мирному населению», с одной стороны, и опасениями, что она может повториться на российской почве, – с другой («...не хотелось бы, чтобы такое произошло и в нашей стране»).

Среди опрошенных школьников довольно распространено мнение о «невидимой руке» Запада в украинских событиях. Далее представлены несколько суждений ответов респондентов (в половозрастном разрезе) в отношении украинских событий.

Судя по результатам опроса, старшеклассники вологодских школ осознанно подходят к профессиональному выбору. Согласно данным опроса, лишь 23% (14 чел.) не определились с выбором специальности, по которой будут продолжать обучение после школы. Наиболее популярными среди школьников специальностями являются:

- экономист – 23%;
- программист – 11%;
- врач, медик – 11%.

Примеры ответов:

М., 17 лет: «Мне кажется, что Украина войдет в состав России».

М., 16 лет: «Отношусь отрицательно. Ситуация кажется бредовой».

Ж., 16 лет: «Думаю, что Украина неправильно поступает, а США, поддерживая ее, находятся в глупом положении».

Ж., 16 лет: «Больше всего жалко население Украины. Убивать мирных людей жестоко!»

Ж., 16 лет: «Считаю, что новая власть Украины поступила глупо и незаконно».

Ж., 16 лет: «Не разделяю взгляды сторонников киевской власти. Януковичу нужно было еще вначале весь этот майдан разогнать».

Ж., 16 лет: «Очень трагично, что люди повторяют ошибки прошлого. Не дай Бог в таком месте оказаться».

М., 16 лет: «К власти пришли фашисты, а Европа это поощряет».

М., 16 лет: «Украинская власть – это фашисты с Яценюком, которые подчиняются Америке».

Ж., 16 лет: «То, что происходит на Украине, ужасно, и мне не хотелось бы, чтобы такое произошло и в нашей стране».

Ж., 16 лет: «Думаю, неправильно, когда свои воюют против своих».

Ж., 16 лет: «Считаю, что это последствия распада СССР».

Ж., 17 лет: «Политический конфликт между США и Россией на украинской почве».

Ж., 17 лет: «Бессмысленный военный переворот».

Ж., 18 лет: «Считаю, что конфликт может быть урегулирован мирным путем».

Ж., 17 лет: «Это бомба замедленного действия».

Ж., 18 лет: «Бессмысленная война Западной и Восточной Украины».

Необходимо отметить как несомненно положительный момент заинтересованность молодежи в обучении по медицинским специальностям, так как кадровая ситуация в этой сфере продолжает оставаться критической. Если в 2006 г. обеспеченность населения области врачами составляла 339 на 10 тыс. чел., то в 2012 г. она снизилась до 333 чел. В 2012 г. укомплектованность учреждений здравоохранения кадрами составляла 86% от имеющихся вакансий [13, с. 5].

Как известно, в настоящее время российской учащейся молодежи предоставлен ряд возможностей для проявления своей социальной активности. Это временное трудоустройство, добровольческая деятельность (волонтерство). Однако доля включенных в эту деятельность в Вологодской области невелика – 48% от числа респондентов. Согласно результатам опроса, только 20% молодых людей выражают полную готовность при случае трудиться в качестве добровольцев. Среди сверстников вологодских школьников из Ярославской области доля желающих участвовать в волонтерском движении заметно больше (62%). Подобная ситуация говорит о пассивности общественных организаций нашего региона по информированию учащейся молодежи о добровольческой деятельности и предоставляемых волонтерам социальных гарантий.

Таким образом, обобщая исследовательские выводы в отношении социокультурных ценностей старшеклассников, можно выделить ряд отличительных особенностей проявления данного феномена в «пилотной» группе. Так, молодые люди зачастую не испытывают серьезных проблем с социальной самоидентификацией, у них есть собственное видение своего места в современном социуме. Наряду с этим, их

самореализация как субъектов политической и общественной жизни нередко ограничивается лишь пассивными формами. Важной социокультурной чертой, общей для школьников, переживающих период ранней юности, и представителей более старших возрастных групп, является приверженность к общим историческим и культурным корням.

Необходимо отметить, что выводы, сделанные на «пилотном» этапе, не могут быть распространены на всю совокупность обучающихся старших классов, так как дети, посещающие НОЦ ИСЭРТ РАН, – группа школьников, отобранная по наличию талантов и одаренности и обучающаяся по специально разработанным программам повышенного уровня сложности. В более широком масштабе исследовательские задачи будут решаться на основном этапе исследования. В I квартале 2015 г. в рамках научно-исследовательской работы «Социокультурный портрет учащейся молодежи» будет проведен опрос обучающихся 9-х и 11-х классов школ Вологодской области. В перспективе планируется подключить к исследованию студентов вузов, молодежь до 30 лет, работающую на предприятиях и в организациях региона, для выявления устойчивой межпоколенческой связи.

В то же время полученные данные еще раз подчеркивают обособленность возраста школьной юности, его важность как отправной точки для формирования общественного, политического, экономического и профессионального менталитета более старших возрастных групп. В связи с этим понимание того, каким образом происходит «наложение» пластов сознания поколений, какие средства могут быть использованы в управлении этими процессами, является перспективной исследовательской задачей современной науки.

Литература

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. А.В. Рябова, Е.Ш. Курбангалеевой. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
2. Головчин, М.А. Образование: региональные проблемы качества управления / М.А. Головчин, Г.В. Леонидова, А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 197 с.
3. Горшков, М.К. Непрерывное образование в контексте модернизации / М.К. Горшков, Г.А. Ключарев. – М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. – 232 с.
4. Гудков, Л.Д. Молодежь России / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
3. Даффлон, Д. Молодежь в России: портрет поколения на переломе / Д. Даффлон // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 5 (97). – С. 19-35.
4. Касамара, В.А. Политическое сознание подростков: благополучные школьники vs дети улиц / В.А. Касамара, А.А. Сорокина // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 6. – С. 68-82.
5. Леонидова, Г.В. Образование: вчера, сегодня, завтра / Г.В. Леонидова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 5. – С. 7-15.
6. Локова, М.Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме (социально-философский аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / М.Ю. Локова. – М.: Московский гуманитарный университет, 2007. – 250 с.
7. Луков, В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ / В.А. Луков. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. – 528 с.
8. Манифест Владимира Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/manifest_vladimira_putina/
9. Манхейм, К. Избранное: Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: РАО «Говорящая книга», 2010. – 744 с.
10. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры // Интернет-журнал «Гефтер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/8369>
11. Молодежь новой России: социокультурный портрет: результаты областного исследования / сост. М.П. Веденина, Е.А. Филимонова; отв. за вып. Е.Г. Наумова. – Волгоград, 2009. – 46 с.
12. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авт.; общ. ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 148 с.
13. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2012 год. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, 2013. – 133 с.
14. Полетаев, А.В. Образование и рынок труда / А.В. Полетаев // Демоскоп. – 2005. – № 193–194 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru>
15. Полутин, С.В. Социология молодежи: история становления и перспективы развития / С.В. Полутин, О.Н. Тюлякова // Интеграция образования. – 2010. – № 1. – С. 108-111.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 / Росстат. – М., 2013. – 990 с.
17. Российская молодежь: проблемы и решения. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 648 с.
18. Семенов, В. Жизненные ценности и нравственные установки молодёжи в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] / В. Семенов. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/02/zhiznennye_cennosti_i_nravstvennye_ustanovki_molodyozhi_v_sanktpeterburge
19. Семенова, Л.А. Проблемы профессионального самоопределения и трудовые ориентации молодежи / Л.А. Семенова // Молодежь Волгоградской области и актуальные проблемы реализации государственной молодежной политики: сб. научн. ст. и докл. научн.- практ. конф. – Часть I. – Волгоград: ПринтТерра-Дизайн, 2010. – С. 37-43.
20. Ховалыг, Н.К.-К. Профессиональные планы и жизненные ценности молодежи / Н.К.-К. Ховалыг // Человек и образование. – 2005. – № 1. – С. 47-49.
21. Baeva, L.V. Sistem vrijednosti omladine «epohe promjena»: ruski pogled (=Ценности молодёжи «эпохи перемен»: взгляд из России) // Socioloska luca : izdavači Filozofski fakultet Nikšić. Studijski program za sociologiju. Društvo sociologa Crne Gore. – 2007. GoreGodina I broj. – № 1/2. – P. 67-81.
22. Hall, G. Stanley. Youth: Its Education, Regiment, and Hygiene. New York, Appleton, 1906. – 206 p.

Golovchin M.A., Leonidova G.V.

Socio-cultural characteristics of the modern youth: some results of the pilot study

Maksim Aleksandrovich Golovchin – Ph.D. in Economics, Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, mag82@mail.ru)

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Laboratory Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, galinaleonidova@mail.ru)

Abstract: The research into the problems of development of the youth as a specific social group that has special needs in socio-cultural terms attracts researchers' attention in different branches of science (psychology, pedagogy, economy, sociology, etc.). This interest is caused by the fact that the youth stage (especially early youth) involves formation of special world perception, understanding of socio-legal, political, and cultural events in the state, which becomes a basis for the development of a full-scale picture of the world at the later stages of maturation. Understanding the mechanisms to initiate young people to socio-cultural values is an important aspect of the strategic plans elaboration in order to develop the country and the region.

The article is devoted to the study of social and cultural characteristics of young generation in the foreign and domestic science. It shows that each stage of the youth problems study was characterized by different research methods and tools. The image of the youth in modern Russia also has a number of features, presented in the article.

The socio-cultural values of young people in the senior school age are identified in the "pilot" survey with the elements of formal interviews conducted among children attending the Research-and-Educational Center at ISEDT RAS. The article discloses further prospects of this research.

Key words: young people, socio-cultural values, intergenerational relation, political beliefs, socio-professional plans.

References

1. *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Basic Values of the Russians: Social attitudes. Life strategies. Characters. Myths]. Under editorship of A.V. Ryabov, E.Sh. Kurbangaleeva. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 2003.
2. Golovchin M.A., Leonidova G.V., Shabunova A.A. *Obrazovanie: regional'nye problemy kachestva upravleniya* [Education: Regional Problems of Management Quality]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 197 p.
3. Gorshkov M.K., Klyucharev G.A. *Nepreryvnoe obrazovanie v kontekste modernizatsii* [Continuous Education in the Context of Modernization]. Moscow: IS RAN, FGNU TsSI, 2011. 232 p.
4. Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. *Molodezh' Rossii* [The Youth in Russia]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2011. 96 p.
3. Dafflon D. *Molodezh' v Rossii: portret pokoleniya na perelome* [The Youth in Russia: the Portrait of a Generation at the Turning Point]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2008, no. 5 (97), pp. 19-35.
4. Kasamara V.A., Sorokina A.A. *Politicheskoe soznanie podrostkov: blagopoluchnye shkol'niki vs deti ulits* [Political Consciousness of Adolescents: Successful Pupils vs Street Children]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis Journal. Political Studies], 2009, no. 6, pp. 68-82.

5. Leonidova G.V. *Obrazovanie: vchera, segodnya, zavtra* [Education: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no. 5, pp. 7-15.
6. Lokova M.Yu. *Strukturnaya transformatsiya tsennostnykh orientatsii molodezhi v moderniziruyushchemsya rossiiskom sotsiume (sotsial'no-filosofskii aspekt): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk* [Structural Transformation of Value Orientations of Young People in the Modernizing Russian Society (Socio-Philosophical Aspect): Ph.D. in Philosophy Dissertation]. Moscow: Moskovskii gumanitarnyi universitet, 2007. 250 p.
7. Lukov V.A. *Teorii molodezhi: mezhdistsiplinarnyi analiz* [Theories of the Youth: Interdisciplinary Analysis]. Moscow: Kanon + ROOI "Reabilitatsiya", 2012. 528 p.
8. *Manifest Vladimira Putina* [Manifesto of Vladimir Putin]. Available at: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/manifest_vladimira_putina/
9. Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: RAO "Govoryashchaya kniga", 2010. 744 p.
10. *Mental'nost' rossiiskoi molodezhi: politicheskie orientiry i kumiry* [Mentality of the Russian Youth: Political Orientation and Idols]. Gefter [Gefter]. Available at: <http://gefter.ru/archive/8369>
11. *Molodezh' novoi Rossii: sotsiokul'turnyi portret: rezul'taty oblastnogo issledovaniya* [Youth of New Russia: Socio-Cultural Portrait: Results of Regional Studies]. Compiled by M.P. Vedenin, E.A. Filimonov. Volgograd, 2009. 46 p.
12. *Molodezh' sovremennoi Rossii – klyuchevoi resurs modernizatsii* [Youth in Modern Russia – a Key Resource of Modernization]. Team of authors, under general editorship of A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2013. 148 p.
13. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti uchrezhdenii zdравookhraneniya Vologodskoi oblasti za 2012 god* [Key Performance Indicators of Health Institutions in the Vologda Oblast for 2012]. Vologda: Departament zdравookhraneniya Vologodskoi oblasti, 2013. 133 p.
14. Poletaev A.V. *Obrazovanie i rynek truda* [Education and Labor Market]. *Demoskop* [Demoscope], 2005, no. 193–194. Available at: <http://demoscope.ru>
15. Polutin S.V., Tyulyakova O.N. *Sotsiologiya molodezhi: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya* [Sociology of the Youth: History of Formation and Prospects of Development]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of Education], 2010, no. 1, pp. 108-111.
16. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2013]. Rosstat. Moscow, 2013. 990 p.
17. *Rossiiskaya molodezh': problemy i resheniya* [Russian Youth: Problems and Solutions]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya, 2005. 648 p.
18. Semenov V. *Zhiznennye tsennosti i npravstvennye ustanovki molodezhi v Sankt-Peterburge* [Life Values and Moral Attitudes of the Youth in Saint Petersburg]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/02/zhiznennye_cennosti_i_npravstvennye_ustanovki_molodyozhi_v_sanktpeterburge
19. Semenova L.A. *Problemy professional'nogo samoopredeleniya i trudovye orientatsii molodezhi* [Problems of Professional Self-Determination and Employment Orientations of the Youth]. *Molodezh' Volgogradskoi oblasti i aktual'nye problemy realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: sb. nauchn. st. i dokl. nauchn.- prakt. konf.* [Youth of the Volgograd Oblast and Topical Issues of the State Youth Policy Implementation: Collection of Scientific Articles and Reports of the Research-to-Practice Conference]. Part I. Volgograd: PrintTerra-Dizain, 2010, pp. 37-43.
20. Khovalyg N.K.-K. *Professional'nye plany i zhiznennye tsennosti molodezhi* [Professional Plans and Young People Values]. *Chelovek i obrazovanie* [Person and Education], 2005, no. 1, pp. 47-49.
21. Baeva L.V. *Sistem vrijednosti omladine "epohe promjena": ruski pogled* [Values of the Youth at the "Age of Change": View from Russia]. *Socioloska luca : izdavači Filozofski fakultet Nikšić. Studijski program za sociologiju. Društvo sociologa Crne Gore*, 2007, no.1/2, pp. 67–81.
22. Hall G. S. *Youth: Its Education, Regiment, and Hygiene*. New York, Appleton, 1906. 206 p.

Методические вопросы измерения последствий социального неравенства в регионах России*

**Ольга Анатольевна
КОЗЛОВА**

доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социодинамики Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, olga137@mail.ru)

**Борис Тихонович
ВЕЛИЧКОВСКИЙ**

академик РАМН, доктор медицинских наук, профессор, советник ректора по научной работе, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1, bor-vel10@gambler.ru)

**Татьяна Михайловна
ДЕРСТУГАНОВА**

младший научный сотрудник, Федеральное бюджетное учреждение науки Екатеринбургский медицинский научный центр профилактики и охраны здоровья рабочих промпредприятий Роспотребнадзора (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 12, zaikinatm@inbox.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы измерения последствий влияния социального неравенства на социально-демографические характеристики состояния общества. На основе анализа динамики децильного коэффициента дана оценка последствий повышения социального неравенства в разрезе субъектов Российской Федерации. Предложен методический подход к определению степени зависимости криминогенной ситуации от динамики роста социального

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы Уральского отделения РАН 2014 г. № 14 «Фундаментальные проблемы региональной экономики», проект № 12-П-7-1001.

неравенства населения. Проведено сравнение влияния величины децильного коэффициента и покупательной способности на показатели смертности населения регионов России.

Ключевые слова: социальное неравенство, измерение последствий, социально-демографические характеристики населения, покупательная способность.

В России при анализе уровня бедности и социальной дифференциации в основном принимаются во внимание лишь экономические факторы и мало учитываются социальные. С позиции Европейского Сообщества бедными считаются граждане, чьи ресурсы (материальные, культурные и социальные) ограничены так, что исключают для них минимально приемлемый образ жизни в пределах государства проживания. В соответствии с этим определением необходимость учёта социального минимума можно аргументировать тем, что люди не могут надлежащим образом участвовать в жизни общества, поддерживать принятые в данном обществе отношения, если их ресурсы падают ниже определенного минимума.

Социальное неравенство населения, как один из ключевых социально-экономических факторов, влияющих на состояние здоровья, в той или иной степени характерно для всех стран мира. В современной России это также одна из важнейших проблем, требующих решения как с точки зрения обеспечения социально-экономического развития страны, так и с точки зрения улучшения медико-демографической ситуации в российских регионах.

Децильный коэффициент – традиционный индикатор социального неравенства, показывающий, во сколько раз минимальные доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают максимальные доходы 10% наименее обеспеченного населения. В Скандинавских странах децильный коэффициент составляет 3–4 раза; в Евросоюзе – 5–6; Южной и Восточной Азии, Японии и Северной Африке – 4–6; в США – 9; в Южной

Африке – 10; в Латинской Америке – 12. В СССР децильный коэффициент колебался на уровне 3-х. В современной России децильный коэффициент составляет 14 раз [1].

Стремление к *социальному равенству* возникло со времен появления понятий богатства и бедности, однако дифференциация в доходах и потреблении населения была и остается одной из основных характеристик общества. Интерес к данной проблеме, причинам и последствиям ее возникновения просматривается в различных общественных науках. Так, французский социолог Э. Дюркгейм выводит социальное неравенство из разделения труда: механического (природного, половозрастного) и органического (возникающего вследствие обучения и профессиональной специализации) [2]. Социальное неравенство по определению П. Сорокина – это дифференциация населения на классы в иерархическом ранге. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии власти и влияния среди членов сообщества [3].

П. Бурдьё пришел к выводу о том, что возможности социальной мобильности определяются различными видами ресурсов, или «капиталов», которыми располагают индивиды, – экономическим, культурным, символическим капиталом [4].

В соответствии с теорией В. Парето механизм возникновения социального неравенства заложен в отсутствии оптимальности в распределении ресурсов, когда невозможно улучшить чье-либо благосостояние без ущерба для благосостояния другого индивидуума [5].

Концепция социальной стратификации М. Вебера выделяет три фактора: богатство, престиж и власть, по которым идет разделение общества на страты [6].

Во всех теориях отправным пунктом является социальное неравенство. Взгляды расходятся в том, что является главным компонентом неравенства — богатство, власть или престиж. В любом случае неравенство связано с положением, при котором люди не имеют равного доступа к социальным благам. Стратификация характеризует способы, с помощью которых неравенство передается от одного поколения к следующему, при этом образуются сословия или социальные слои.

Идеи о современных механизмах социальной дифференциации в обществе высказываются В.Л. Макаровым [7]. Понятие «сословие» автор сравнивает с вводимым им понятием «социальный кластер». Социальный кластер по Макарову — это юрисдикция со своей этикой, правилами поведения, своими законами, своей валютой. Существенны нормы, соблюдение которых принципиально для принадлежности к тому или иному социальному кластеру. При этом в современном обществе Макаров предлагает выделять социальные кластеры не по уровню доходов или происхождению, а по роду профессиональных занятий или по сфере трудовой деятельности.

Проблема социального неравенства и последствий выбора путей ее разрешения весьма точно определена известным французским экономистом Л. Столерю: «Страна, в которой доход каждого медленно растет, может быть счастливой страной; страна, в которой средний доход растет очень быстро, но одновременно увеличивается неравенство доходов, идет навстречу своей гибели» [8].

Социальное неравенство вызывает рост преступности и сужение демократии, ухудшает общественное здоровье и замедляет развитие экономики. Именно поэтому в развитых государствах социальное неравенство удерживается на относительно низком «сбалансированном» уровне.

При исследовании зависимости криминогенной ситуации в России от величины децильного коэффициента было установлено, что чем выше значение данного показателя, то есть чем выше социальное неравенство населения в стране, тем выше значения показателей, характеризующих криминогенную ситуацию (табл. 1).

При величине децильного коэффициента более 8 количество потерпевших от преступных посягательств граждан увеличивается в четыре с лишним раза (с 12 526 до 53 860 чел.), а число убийств — в 3 раза (со 118 до 358 на 100 тыс. населения).

Таблица 1. Влияние величины децильного коэффициента на криминогенную ситуацию в России в 2008–2012 гг. [9]

Группа по уровню децильного коэффициента	Децильный коэффициент	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. человек)	Убийство и покушение на убийство	Число преступлений, по которым установлены потерпевшие	Численность лиц, потерпевших от преступных посягательств
Наименьшее (менее 6)	5,65	1733	118	3253	12526
Избыточное (от 6 до 7)	6,41	1841	173	4850	19200
Опасное (от 7 до 8)	7,38	2119	332	9768	36635
Нетерпимое (более 8)	8,95	2007	358	12422	53860
Весь массив	6,53	1851	196	5716	22534

Естественно возникает вопрос: ограничивается ли влияние социального неравенства населения только криминальной стороны жизни общества или оно распространяется и на основные демографические процессы, отражающиеся, например, в коэффициентах смертности населения?

Для изучения этого вопроса были проведены исследования влияния децильного коэффициента на общую смертность и смертность от внешних причин в Российской Федерации в течение пяти лет (с 2008 по 2012 г.) (табл. 2).

Результат получился на первый взгляд парадоксальным: чем меньше социальное неравенство, тем смертность выше. Чтобы разобраться в причинах этого противоречия, прежде всего была подтверждена установленная ранее зависимость коэффициентов смертности населения от величины покупательной способности населения (ПС). Для нивелирования различий местных потребительских цен покупательная

способность населения определялась не в рублях, а в относительных единицах, показывающих, во сколько раз среднемесячные денежные доходы населения превышают величину прожиточного минимума (ПМ) (табл. 3).

Зависимость коэффициентов общей смертности и смертности от внешних причин сохраняется обычной: чем меньше покупательная способность населения, тем выше его смертность. За исключением группы с очень низкой величиной покупательной способности, где её влияние на коэффициент смертности населения от внешних причин не имеет очевидного проявления, и это может быть связано с действием других факторов, что в наиболее дотационных территориях значительная часть населения не доживает до пенсионного возраста. Сокращение удельного веса лиц пенсионного возраста и влечет за собой снижение коэффициентов смертности [10, 11].

Таблица 2. Влияние величины децильного коэффициента на показатели общей смертности населения и смертности от внешних причин в субъектах Российской Федерации в 2008–2012 гг.

Группа субъектов РФ по величине децильного коэффициента	Децильный коэффициент, раз	Смертность общая на 1000 чел.	Смертность от внешних причин (на 100 тыс. чел.)
Наименьшее (менее 6)	5,65	14,60	177,70
Избыточное (от 6 до 7)	6,41	14,43	165,79
Опасное (от 7 до 8)	7,38	13,20	177,76
Нетерпимое (более 8)	8,95	11,72	145,73
Весь массив	6,53	13,97	168,80

Таблица 3. Влияние величины покупательной способности населения в субъектах Российской Федерации на показатели общей смертности и смертности от внешних причин в 2008–2012 гг. [9]

Группа субъектов РФ по уровню покупательной способности населения	Покупательная способность населения	Смертность общая (на 1000 человек)	Смертность от внешних причин (на 100 тыс. человек)
Повышенная (более 4 ПМ)	4,60	11,72	165,04
Средняя (от 3,5 до 3 ПМ)	3,70	13,64	176,05
Низкая (от 3 до 3,5 ПМ)	3,22	14,45	176,86
Очень низкая (менее 3 ПМ)	2,73	14,62	159,53
Весь массив	3,33	13,97	168,80

Затем были сопоставлены субъекты Российской Федерации с наибольшим децильным коэффициентом (ДК) и наименьшей ПС. Сопоставление оказалось чрезвычайно показательным (табл. 4).

Анализ динамики децильного коэффициента свидетельствует о том, что наибольшее значение ДК и социальное неравенство максимально выражено в самых богатых субъектах РФ с высокой покупательной способностью населения, включая столичные (г. Москва и г. Санкт-Петербург) и северные нефтегазовые (ХМАО и ЯНАО) регионы.

В России для измерения бедности и дифференциации доходов населения в качестве основного используют показатель абсолютной бедности, основанный на соотношении доходов населения с прожиточным минимумом. Бедными в данном случае считаются граждане, чьи доходы не

превышают величины одного ПМ. Отметим, что параметры ПМ характеризуются заниженными стандартами потребностей. Как отмечает В. Роик, некоторые из них ниже уровня, характерного для военного времени [12]. В настоящее время как в целом по стране, так и в большинстве регионов средний уровень доходов российских граждан ненамного превышает ЗПМ.

В региональном разрезе наблюдается значительная дифференциация доходов и заработной платы, в значительной степени обусловленная сложившейся хозяйственной специализацией регионов. Например, Курганская область, являясь агропромышленным регионом, характеризуется самой низкой покупательной способностью заработной платы (в 2008 г. – 2,63 ПМ, в 2012 г. – 2,98 ПМ) среди всех субъектов Федерации, входящих в Уральский федеральный округ. Сырьевые регионы, такие как

Таблица 4. Субъекты РФ с наименьшей покупательной способностью* и с наибольшим децильным коэффициентом** в 2008–2012 гг. [9]

Субъекты РФ с наименьшей покупательной способностью	Покупательная способность	Децильный коэффициент	Субъекты РФ с наибольшим децильным коэффициентом	Децильный коэффициент	Покупательная способность
Алтайский край	2,33	5,7	г. Москва	11,8	4,68
Республика Алтай	2,43	5,5	Тюменская область	8,8	4,15
Республика Дагестан	2,52	6,6	Ненецкий АО	8,7	4,56
Костромская область	2,59	5,5	Самарская область	8,5	2,88
Карачаево-Черкесская Республика	2,61	5,7	г. Санкт-Петербург	8,3	4,83
Ивановская область	2,64	5,4	Ямало-Ненецкий АО	8,3	5,46
Республика Адыгея	2,64	6,0	Республика Башкортостан	8,1	3,59
Республика Калмыкия	2,66	5,8	Ханты-Мансийский АО	8,1	5,00
Курганская область	2,68	6,8	Красноярский край	8,0	3,72
			Свердловская область	8,0	3,62

* Покупательная способность рассчитана как среднее значение за годы наблюдения. Если субъект РФ не все годы попадал в 4-ю группу с наименьшим значением покупательной способности, то децильный коэффициент рассчитывался соответствующим этому периоду.

** Аналогично по децильному коэффициенту: если субъект РФ не все годы попадал в 4-ю группу с наибольшим децильным коэффициентом, то рассчитывалось его среднее значение и соответствующее этому же периоду значение покупательной способности.

Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, имеют самый высокий уровень покупательной способности трудовых доходов (в 2008 г. — 5,00 и 5,41 ПМ, в 2012 г. — 5,35 и 5,84 ПМ соответственно) не только в федеральном округе, но и в целом по России, находясь в одном ряду с Москвой. В то же время старопромышленные регионы федерального округа — Свердловская и Челябинская области характеризуются невысокой покупательной способностью, уровень которой немного превышает три величины прожиточного минимума (в 2008 г. — 3,62 и 3,28 ПМ, в 2012 г. — 3,76 и 3,77 ПМ соответственно) [9].

По сути, постоянно воспроизводится глубоко порочная ситуация, когда регионы, обладающие трудоемкими производствами с высокой добавленной стоимостью производимой продукции, в конечном итоге имеют значительно более низкие показатели заработной платы, чем регионы, специализирующиеся на добыче сырьевых ресурсов.

Покупательная способность денежных доходов населения минимальна в республиках Северного Кавказа, на Алтае, в Ивановской и Костромской областях при незначительной выраженности социального неравенства в этих субъектах РФ. В богатых субъектах РФ высокая покупательная способность населения частично маскирует негативное влияние социального неравенства на общественное здоровье.

Для достижения в сфере оплаты труда принципа социальной справедливости необходимо активное включение государства в формирование механизма эффективного и социально справедливого распределения вновь созданной стоимости по факторам

производства [13]. Задача кардинального роста заработной платы наемных работников связана не только с проблемой достижения принципа «социальной справедливости», но и обусловлена объективной экономической необходимостью.

Между социальным равенством, с одной стороны, и экономическим ростом и эффективностью производства — с другой, существует противоречие, с которым необходимо считаться и находить средства и методы для его своевременного разрешения, а именно: стремясь к социальному равенству и изымая доходы богатых слоев общества в пользу бедных, государство сокращает тем самым возможности предпринимательских структур к расширению производства и росту экономической активности.

В то же время совершенно неоправданна противоположная ситуация: некорректируемый рост доходов богатых слоев общества, с одной стороны, и обеднение и социальное расслоение — с другой. Чрезмерные контрасты в доходах и потреблении населения приводят к нарушению баланса интересов различных социальных слоев общества, провоцируя возникновение экономических, социальных и политических конфликтов [14].

В этой связи необходимо комплексное решение давно назревшей проблемы роста социальной дифференциации, и прежде всего внятная и грамотно выстроенная политика доходов и заработной платы с привлечением к разработке этой политики результатов научных исследований в сфере социально-экономических и демографических процессов, идущих в регионах нашей страны, в частности данных новой интегральной науки, получившей название «социальная биология человека» [15].

Литература

1. Аганбегян, А.Г. Социально-экономическое развитие России / А.Г. Аганбегян. — М.: Дело, 2004. — 272 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М., 1991. — 576 с.

3. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. — М.: Политиздат, 1992. — 308 с.
4. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые; сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. — Ч. 1. — СПб.: Алетейя, 2007. — 567 с.
5. Vilfredo Pareto. The Circulation of Elites. — In Talcott Parsons, Theories of Society; Foundations of Modern Sociological Theory, 2 Vol., The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. — P. 108.
6. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
7. Макаров, В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов / В.Л. Макаров. — М.: Бизнес Атлас, 2010. — 272 с.
8. Столерю, Л. Равновесие и экономический рост / Л. Столерю; пер. с фр. — М., 1974. — 440 с.
9. Социальное положение и уровень жизни населения России [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188 (дата обращения 27.09.2014)
10. Величковский, Б.Т. Жизнеспособность нации. Взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении здоровья населения России / Б.Т. Величковский. — М.: РАМН, Тигле, 2012. — 256 с.
11. Оценка влияния социально-экономических факторов на здоровье населения и использование ее результатов при принятии управленческих решений по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения (на примере Свердловской области) / Т.М. Дерстуганова, Б.Т. Величковский, В.Б. Гурвич, А.Н. Вараксин, О.Л. Малых, Н.И. Кочнева, С.В. Ярушин // Научно-практический журнал «Анализ риска здоровью». — 2013. — № 2. — С. 49-55.
12. Роик, В. Методы оценки, масштабы и последствия бедности / В. Роик // Человек и труд. — 2010. — № 1. — С. 45-49.
13. Козлова, О.А. Приоритетные направления социальной политики в решении проблем бедности / О.А. Козлова // Социально-экономические проблемы воспроизводства и замещения поколений населения России в XXI веке: науч.-практ. конф. «Преимственность поколений: социально-демографические аспекты». Материалы круглого стола. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. — С. 140-151.
14. Татаркин, А.И. Формирование постиндустриального социального государства: вектор развития человеческого потенциала / А.И. Татаркин, Е.Л. Андреева // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 7. — С. 24-31.
15. Величковский, Б.Т. Социальная биология человека. Введение в научную специальность / Б.Т. Величковский, Н.В. Полунина. — М.: РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Тигле, 2013. — 237 с.

Kozlova O.A., Velichkovskii B.T., Derstuganova T.M.

Methodological issues of assessing the effects of social inequality in Russia's regions

Ol'ga Anatol'evna Kozlova — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Sociodynamics Research at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, olga137@mail.ru)

Boris Tikhonovich Velichkovskii — RAMS Academician, Doctor of Medical Science, Professor, Councilor of the Rector for Science, Pirogov Russian National Research Medical University (1, Ostrovitianov Street, Moscow, 117997, Russian Federation, bor-vel0@rambler.ru)

Tat'yana Mikhailovna Derstuganova — Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution “Yekaterinburg Medical Research Center for Preventive Health Care and Health Protection of Workers at Industrial Enterprises of Rospotrebnadzor” (12, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, Russian Federation, zaikinatm@inbox.ru)

Abstract. The article deals with the issue concerning the assessment of the impact of social inequality on the socio-demographic characteristics of society. The authors evaluate the impact of the social inequality

growth in the Russian Federation subjects on the basis of the analysis of the decile ratio dynamics. They propose a methodological approach to determine the degree of dependence of crime rate on the growth of social inequality. The authors compare the influence of the decile ratio and purchasing power on mortality rate in the regions of Russia.

Key words: social inequality, assessment of consequences, socio-demographic characteristics of the population, purchasing power.

References

1. Aganbegyan A.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Socio-Economic Development of Russia]. Moscow: Delo, 2004. 272 p.
2. Durkheim É. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow, 1991. 576 p.
3. Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. 308 p.
4. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Espace Social: Champs et Pratiques]. Compiled, and translated from French by N.A. Shmatko. Part 1. Saint Petersburg: Aleteiya, 2007. 567 p.
5. Vilfredo Pareto. The Circulation of Elites. In: *Talcott Parsons, Theories of Society; Foundations of Modern Sociological Theory*, 2 Vol. The Free Press of Glencoe, Inc., 1961. P. 108.
6. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
7. Makarov V.L. *Sotsial'nyi klasterizm. Rossiiskii vyzov* [Social Clusterism. Russian Challenge]. Moscow: Biznes Atlas, 2010. 272 p.
8. Stoléru L. *Ravnovesie i ekonomicheskii rost* [L'Équilibre et la Croissance Économiques]. Translated from French. Moscow, 1974. 440 p.
9. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii* [Social Condition and Standards of Living in Russia]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138698314188 (accessed September 27, 2014)
10. Velichkovskii B.T. *Zhiznesposobnost' natsii. Vzaimosvyaz' sotsial'nykh i biologicheskikh mekhanizmov v razvitiit demograficheskogo krizisa i izmenenii zdorov'ya naseleniya Rossii* [Viability of the Nation. The Relationship between Social and Biological Mechanisms in the Development of the Demographic Crisis and the Changes in the Health of Population in Russia]. Moscow: RAMN, Tigle, 2012. 256 p.
11. Derstuganova T.M., Velichkovskii B.T., Gurvich V.B., Varaksin A.N., Malykh O.L., Kochneva N.I., Yarushin S.V. *Otsenka vliyaniya sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na zdorov'e naseleniya i ispol'zovanie ee rezul'tatov pri prinyatii upravlencheskikh reshenii po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya (na primere Sverdlovskoi oblasti)* [Evaluation of the Influence of Socio-Economic Factors on People's Health and the Use of its Results in Decision-Making on Provision of Sanitary-Epidemiological Well-being of the Population (Case Study of the Sverdlovsk Oblast)]. *Nauchno-prakticheskii zhurnal "Analiz riska zdorov'yu"* [Scientific and Practical Journal "Health Risk Analysis"], 2013, no.2, pp. 49-55.
12. Roik V. *Metody otsenki, masshtaby i posledstviya bednosti* [Methods of Assessment, the Scope and Consequences of Poverty]. *Chelovek i trud* [Man and Labor], 2010, no.1, pp. 45-49.
13. Kozlova O.A. *Prioritetnye napravleniya sotsial'noi politiki v reshenii problem bednosti* [Priority Directions of Social Policy in Addressing Poverty Issues]. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy vosproizvodstva i zameshcheniya pokolenii naseleniya Rossii v XXI veke: nauch.-prakt. konf. "Preemstvennost' pokolenii: sotsial'no-demograficheskie aspekty". Materialy kruglogo stola* [Socio-Economic Problems of Reproduction and Replacement of Generations in Russia in the 21st Century: Research-to-Practice Conference "The Succession of Generations: Socio-Demographic Aspects". Proceedings of the Round Table]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2011. Pp. 140-151.
14. Tatarkin A.I., Andreeva E.L. *Formirovanie postindustrial'nogo sotsial'nogo gosudarstva: vektor razvitiya chelovecheskogo potentsiala* [The Formation of Post-Industrial Welfare State: the Vector of Development of Human Potential]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Issues of Management], 2014, no.7, pp. 24-31.
15. Velichkovskii B.T., Polunina N.V. *Sotsial'naya biologiya cheloveka. Vvedenie v nauchnyuyu spetsial'nost'* [Social Biology of Man. Introduction into the Scientific Specialty]. Moscow: RNIMU im. N.I. Pirogova, Tigle, 2013. 237 p.

Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия

**Валерий Васильевич
МАРКИН**

доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, markin@isras.ru)

Аннотация. В статье показаны основные направления развития отечественной региональной социологии в современных условиях. Приведены отдельные результаты исследований по фундаментальным программам РАН. Обозначены основные направления («дорожная карта») взаимодействия социологических сил и субъектов регионального управления. Обоснован вывод о том, что главным механизмом взаимодействия региональной социологии и субъектов управления является двух- и многостороннее партнерство между академическими и университетскими центрами, органами власти, бизнес-структурами и некоммерческими организациями (НКО). Приведены некоторые характеристики потенциала региональной социологии для реализации «дорожной карты».

Ключевые слова: социология региона, социология в регионах, социальное пространство, региональное управление, взаимодействие социологии и субъектов управления.

В отечественной социологической науке наряду с исследованиями общероссийского и международного характера традиционно проявляется интерес к социальным проблемам регионального плана. Это связано с тем, что отечественная социология в 60–70-е годы прошлого века возрождалась не только в Москве и Ленинграде. Вместе со столичными школами активно формировались уральская, сибирская, поволжская и др.

Так или иначе общесоциетальные проблемы облекались «плотью и кровью» первичного репрезентативного материала, полученного непосредственно на местах, анализ которого давал возможность как выявления особенного, территориально-специфичного в общем плане, так и углубления, детализации представления об общем, складывания определенной «мозаичной» социологической картины страны.

За последние 25 лет появились новые региональные социологические школы, среди которых следует особо выделить тюменскую, ростовскую, ставропольскую, краснодарскую, белгородскую, саратовскую, саранскую, калининградскую, нижегородскую, якутскую, вологодскую и целый ряд других. Отличительной особенностью и старых и новых региональных социологических школ и залогом их успешной деятельности является тесное взаимодействие с региональными органами власти, высокая авторитетность лидеров в научных и общественных кругах, известность в международных и российских социологических сообществах. Лидеры школ, как правило, возглавляют крупные исследовательские коллективы и образовательные центры, на базе которых осуществляется воспроизводство высококвалифицированных профессиональных социологов, часть которых востребуется в различных видах управленческой деятельности, как непосредственной, так и экспертно-консультативной.

Поэтому словосочетание «региональная социология», вынесенное в название статьи, имеет два взаимосвязанных аспекта: социология регионов и социология в регионах [Горшков, 2007: 5-7].

В отличие от многообразных зарубежных трактовок понятия «регион» (от латинского *regere* – управлять в территориальном плане), в России под регионом чаще всего понимается территория субъекта Российской Федерации, что чисто прагматически оправданно: что более – макрорегион (например, «федеральный округ» или «экономический район»), что менее – субрегион, внутрирегиональное, локальное образование (городской округ, муниципальный район, поселение).

Вместе с тем, очевидно, требуется дальнейшая социологическая категоризация определения «регион» как одного из ос-

новных понятий для социологии территориального сообщества. В этом контексте регион представляет собой достаточно обособленную по определенным критериям (комплексу физико-географических, экономических, политико-административных и социокультурных критериев) часть общего социального пространства, служащую своеобразным трансформатором социально-территориального регулирования в сетевых цепях от глобального (международного) и общенационального (государственного) к местному (поселенческо-расселенческому) с обратной связью в обоих направлениях [Маркин, 2008: 130].

Поэтому предмет региональной социологии как социологии регионов находится на пересечении этих направлений. Социологические исследования в этом плане должны выявлять как то особенное, что имеет данный регион в специфике своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы и механизмы социальной организации жизнедеятельности данного территориального сообщества), его региональную идентификацию в аспекте социальной дифференциации по территориальному признаку, так и включенность данного сообщества в общесоциетальные связи (сети), то есть социально-пространственную интеграцию (консолидацию).

При этом выделяются две стороны социальной организации региональных сообществ: объектная (условия, векторы и факторы жизнедеятельности людей на данной территории) и субъектная (акторы и их взаимоотношения (взаимодействия) в региональном локализованном социальном пространстве и в связях с внешней средой по отношению к данному региону).

Общим полем взаимодействия региональной социологии (понимаемой и как социология регионов, и как социология в регионах) и субъектов регионального

управления (органы власти, бизнес-структуры, некоммерческие организации) выступает территориально дифференцированное социальное пространство России, понимаемое в широком смысле как гео-социо-экономическое пространство, в котором разворачивается взаимодействие различных социальных институтов и социальных акторов.

Центр региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН в ходе совместной работы с другими академическими учреждениями и региональными партнерами по программам фундаментальных исследований РАН № 27-28 «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг., координатор ак. А.Г. Гранберг) и Программе № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (2012–2014 гг., координатор ак. В.М. Котляков), а также Программе фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Экономическое, социальное и политическое пространство России в глобализирующемся мире» (2007–2011 гг.) выдвинул концепцию региональной идентификации и социального моделирования регионов в дискурсе дифференциации и консолидации социального пространства России.

В начале работы по вышеуказанным программам были поставлены два фундаментальных вопроса:

- во-первых, завершилась ли в основном трансформация социального пространства России в новое целое, компоненты которого достигли внутренней согласованности, или эти компоненты значительно рассогласованы, т.е. процесс трансформации социального пространства далеко не завершен и оно подвержено опасностям и рискам дезинтеграции?;

- во-вторых, стал ли социально-гуманистический вектор ведущим в трансформации социального пространства России [Лапин, Маркин, Дробижина, Халий, 2013: 162-163]?

Наши исследования показывают, что трансформация социального пространства России в новое единое целое еще далека от завершения, и оно имеет опасности дезинтеграции. В значительной мере этот вывод подкрепляется и ответом на вопрос о социально-гуманистическом векторе, который пока не стал ведущим в трансформационных процессах, происходящих как в российском обществе в целом, так и в каком-то значимом региональном измерении.

Более того, он рассогласован с другими векторами (экономическим и политическим), соответствующими факторами и компонентами консолидации социального пространства России, взаимодействием основных акторов на его отдельных полях.

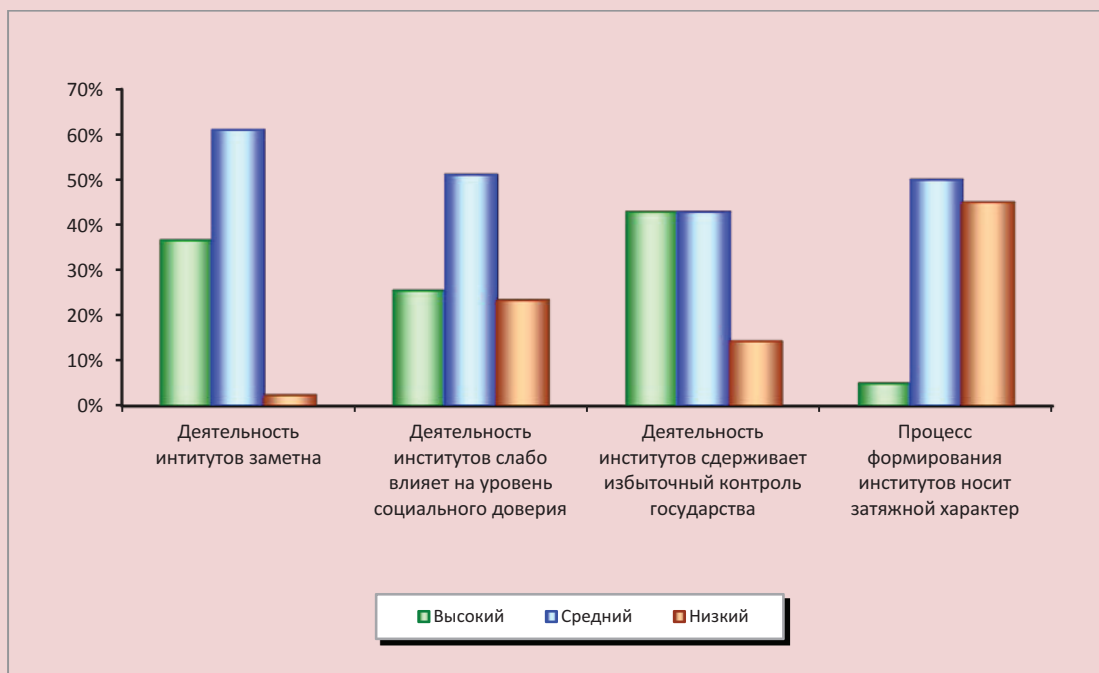
Трансформация происходит прежде всего в интересах крупного бизнеса (корпораций) и так называемых «элит», высокоресурсных групп, которые, по сути, являются экстерриториальными и не только не ориентированы в гуманистическом векторе, но и весьма ограниченно проявляют свою социальную ответственность в регионах, на территории которых они действуют, замыкаясь преимущественно на своих корпоративных интересах, что показывает наш экспертный опрос 450 экспертов, проведенный в 30 субъектах Российской Федерации, во всех федеральных округах, где были представлены все основные типы регионов по их уровню развития (высокий, средний, низкий) (*таблица*).

При этом в экспертной оценке также выявлены неразвитость и слабое влияние институтов гражданского общества (некоммерческих организаций) в регионах (*рисунок*).

Оценка роли «элит» в развитии региона
 Совпадение (расхождение) интересов высокоресурсных регионов
 (по материалам оценки 450 экспертов из 30 субъектов РФ, 2009 г.)

		От оценки общего уровня развития региона		
		Высокий	Средний	Низкий
		Column N %	Column N %	Column N %
В политической сфере	Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении	48,4%	45,8%	17,6%
	Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми	48,4%	37,3%	58,8%
	Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности	3,2%	16,9%	23,5%
В экономической сфере	Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении	32,3%	30,5%	17,6%
	Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми	58,7%	40,7%	35,5%
	Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности	9,4%	28,8%	47,1%
В духовно-культурной сфере	Совпадают в основном, и элиты играют ведущую роль в выражении	30,8%	39,7%	38,9%
	Совпадают частично, элиты являются достаточно замкнутыми	53,8%	46,6%	55,6%
	Интересы прямо противоположны, элиты используют возможности	15,4%	13,8%	5,6%

Оценка институтов гражданского общества в регионе и их влияния на уровень доверия и солидарности в региональном социуме, соблюдение прав и свобод граждан

Региональная власть находится между «молотом и наковальней» (имеются в виду крупный бизнес и население). Тем более что именно корпорации формируют свои структуры влияния в органах власти и продвижение своих представителей в эти органы. Население же оказывается слабоструктурированным и практически не имеет институциональных «лоббистов» своих интересов, подчас вынуждено проявлять свою волю весьма стихийно в виде протестных акций и т.п., с которыми приходится считаться в первую очередь органам регионального и муниципального управления.

Какова же роль социологии во взаимодействии с субъектами регионального управления, включая не только органы власти, но и бизнес-структуры и институты гражданского общества? Каким может быть формат этого взаимодействия?

Прежде всего, это продолжение фундаментальных исследований основных факторов дифференциации социального пространства России и возможностей его консолидации на основе общих ценностей и согласованной деятельности основных акторов в векторе социально-гуманистической направленности процессов трансформации российского общества, применительно к региональным особенностям. Это направление, на наш взгляд, требует дальнейшего продолжения работ по программам РАН с большим привлечением региональных партнеров, прежде всего из органов власти, а также бизнес-структур и НКО.

Фундаментальные исследования должны быть связаны с целым спектром поисковых исследований в данном направлении, таких как исследования евразийского контента, дифференциации и консолидации российского пространства; особенностей трансформационных процессов в азимутах «север-юг» и «серединных»

медианных регионах Центра, Поволжья, Урала на основе макрорегионального подхода и т.д.

Именно на фундаментальные и поисковые исследования должны опираться прикладные исследования, на основе которых могут совместно с органами власти, бизнес-структурами и НКО разрабатываться модельно-программные комплексы решения проблем социальной значимости.

Основным механизмом взаимодействия региональной социологии и субъектов регионального управления является двух- и многостороннее партнерство между академическими и университетскими центрами, органами власти, бизнес-структурами и НКО.

Основными площадками для выстраивания партнерских отношений выступают:

1. Программы фундаментальных исследований РАН; совместные исследовательские гранты, прежде всего по региональным направлениям. В настоящее время эти направления выделяются лишь в РГНФ с долевым финансированием региональных органов власти. Следует распространить эту практику и в деятельности других научных и общественных фондов, в том числе вновь образованного Российского научного фонда.

2. Паритетное участие в тендерах по государственному и муниципальному заказам социальной проблематики.

3. Совместные научно-образовательные центры в регионах при ведущих вузах, деятельность которых в последние годы получила широкое распространение.

4. Участие в диссертационных советах по социологическим и другим общественным наукам. В настоящее время их количество существенно сократилось, а требования к ним значительно возросли, поэтому экспертиза диссертационных работ (ведущие организации, оппонирование, рецензирование, отзывы на автореферат

и т.д.) и непосредственная работа в этих советах требует высокопрофессиональной компетентности и межрегионального взаимодействия.

5. Сотрудничество с зарубежными социологическими центрами на основе сравнительных региональных исследований, в том числе и по проблемам приграничных (трансграничных) территорий.

6. Формирование тестовых региональных полигонов для разработки и апробации совместных проектов, подготовка и внедрение модельно-программных комплексов решения наиболее значимых социальных проблем.

В «дорожной карте» этого взаимодействия можно выделить следующие основные направления. Наряду с правовой и финансово-экономической, свое особое место должна получить социально-гуманитарная экспертиза законопроектов и других нормативно-правовых актов, имеющих непосредственную социальную значимость. Может быть, следует начать реализацию этой инициативы именно с регионов, а затем уже распространить и на федеральное законодательство. Главным критерием здесь должна выступать социальная эффективность законопроекта или другого нормативно-правового акта, что требует соответствующей методологической и методической проработки.

Столь же серьезного внимания заслуживает социологическая составляющая мониторинга оценки деятельности органов власти и других социальных институтов, действующих в регионах, в том числе бизнеса и гражданского общества. Тем более что по известным указам Президента Российской Федерации № 825 (в современной редакции № 1199) и № 607 такая работа с 2007 года проводится по всем субъектам РФ и отдельным муниципальным образованиям под эгидой Министерства регионального развития РФ. Институт социологии

РАН имеет непосредственный контакт с исполнителями этого мониторинга, но еще остаются некоторые весьма существенные методологические и методические вопросы, требующие соответствующего решения. Важно наладить подобные мониторинги и по социальной ответственности бизнеса в регионах (в партнерстве с Торгово-промышленной палатой РФ) и влиянию институтов гражданского общества в регионах (Общественная палата РФ).

Выделяется также социологическая составляющая мониторинга правоприменительной практики в регионах. Институт социологии РАН имеет определенный опыт сотрудничества в этом направлении с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Российской правовой академией Министерства юстиции РФ по отдельным субъектам РФ. Этот опыт важно распространить по другим регионам.

Несомненное значение имеет социологическая составляющая региональных программ, особенно непосредственно выходящих на решение социальных вопросов, и разработка соответствующих модельно-программных комплексов.

Возникает вопрос: имеется ли у региональной социологии достаточный потенциал для реализации столь амбициозных задач? По нашему мнению, такой потенциал имеется:

— три специализированных социологических института РАН и целый ряд развитых социологических подразделений в других академических учреждениях;

— университетская социология представлена практически во всех регионах; только более чем в 80-ти государственных классических университетах ведется подготовка социологических кадров и имеются соответствующие факультеты (отделения), специализированные кафедры и исследовательские центры (лаборатории, группы);

– свыше 10 общероссийских центров, осуществляющих опросы населения, имеют разветвленную региональную сеть (отделения, представительство);

– многие информационно-аналитические центры в органах власти, корпорациях, НКО имеют специализированные социологические подразделения, связанные с региональной тематикой (ориентировочно свыше 200);

– консалтинговые, маркетинговые, кадровые агентства и центры PR (связи с общественностью), в которых также имеются социологические группы или отдельные специалисты (ориентировочно более 1000);

– Российский научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд и другие научные и общественные фонды, осуществляющие поддержку социологических проектов в регионах;

– Российское общество социологов, Российское общество профессиональных социологов, Российская социологическая ассоциация, Общество социологов и демографов, Социологическое общество им. М.М. Ковалевского и другие социологические научно-общественные организации с их региональными активами (многие представители которых одновременно входят в несколько организаций).

Таким образом, потенциал действительно значительный, и его реализация требует координации, о структуре и формах которой мы должны серьезно подумать и выработать соответствующие предложения для социологического сообщества России.

Главным в реализации этой «дорожной карты» мы считаем интерес органов власти и других субъектов регионального управления. Там, где этот интерес проявляется, мы имеем эффективное взаимодействие по данным направлениям. Это касается прежде всего регионов с высоким уровнем социально-экономического развития. К сожалению, приходится констатировать, что в регионах со средним и низким уровнем инициативы социологов попадают в режим «ждите ответа» и не находят должного отклика.

Как известно, в связи с восстановлением выборов глав субъектов Российской Федерации, новым порядком формирования органов и глав местного самоуправления в 2014–2015 гг. будут проведены избирательные кампании в большинстве регионов. У социологов появляются возможности для своих предложений не только электоральной направленности (опрос на тему предпочтения избирателей), но и, что более важно, участия в формировании социальных стратегий регионального развития и механизмов их реализации.

Литература

1. Горшков, М.К. Региональная социология: социология регионов и социология в регионах / М.К. Горшков // Региональная социология в России: сб. мат. социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин. – М.: Экслибрис–Пресс, 2007. – С. 5-7
2. Трансформация социокультурного пространства России / Н.И. Лапин, В.В. Маркин, Л.М. Дробижина, И.А. Халий // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М: Медиа-Пресс, 2013. – С. 162-163.
3. Маркин, В.В. Диалог с регионами: опыт анализа / В.В. Маркин // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 130.

Markin V.V.

Regional sociology and management: a “roadmap” for interaction

Valerii Vasil'evich Markin – Doctor of Sociology, Head of the Center for Regional Sociology and Conflict, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation, Moscow, markin@isras.ru).

Abstract. The article considers the main directions of development of the domestic regional sociology in modern conditions. It contains several research findings of RAS fundamental programs. The author outlines the main directions (“roadmap”) of the interaction between sociological forces and actors of regional administration. The conclusion, substantiated in the article, is that the main mechanism of interaction between regional sociology and administration subjects consists in bilateral and multilateral partnership between academic and university centers, authorities, business and non-profit organizations (NPOs). In addition, the author provides some characteristics of the potential of regional sociology in the implementation of the roadmap.

Key words: sociology of the region, sociology in the regions, social space, regional administration, interaction between sociology and administration subjects.

References

1. Gorshkov M.K. Regional'naya sotsiologiya: sotsiologiya regionov i sotsiologiya v regionakh [Regional Sociology: Sociology of the Regions and Sociology in the Regions]. In: *Regional'naya sotsiologiya v Rossii: sb. mat. sotsiologicheskikh issledovaniy* [Regional Sociology in Russia: Collection of the Mat. Sociological Research]. Executive editor V.V. Markin. Moscow: Ekslibris–Press, 2007. Pp. 5-7.
2. Lapin N.I., Markin V.V., Drobizheva L.M., Khaliy I.A. Transformatsiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii [Transformation of the Socio-Cultural Space of Russia]. *Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* [Fundamental Issues of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis]. Moscow: Media-Press, 2013. Pp. 162-163.
3. Markin V.V. Dialog s regionami: opyt analiza [Dialogue with the Regions: the Experience of the Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, no.7, p. 130.

Проблема преодоления бедности пенсионеров — ключевая задача государства и общества современной России

**Аркадий Константинович
СОЛОВЬЕВ**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда Российской Федерации (119991, г. Москва, ул. Шаболовка, д. 4, Sol26@100.pfr.ru)

Аннотация. В России, переживающей переход к рыночной экономике в условиях затяжного посткризисного застоя, усиление экономического расслоения населения создает дополнительные риски для постоянно реформируемой пенсионной системы. Актуальность исследования связана с тем, что в научном плане проблема бедности исследована крайне слабо: отсутствуют сколько-нибудь социально и экономически обоснованные критерии и показатели оценки уровня бедности и достатка конкретных категорий населения; не выявлены факторы, влияющие на условия формирования бедности; отсутствуют инструменты государственной долгосрочной политики преодоления бедности и т.п.

Ключевые слова: бедность, демографические группы риска, пенсионеры, прожиточный минимум, трудовая пенсия.

В настоящее время одной из самых серьезных социально-политических проблем в России является неуклонное усиление экономического расслоения населения и, как следствие, рост как относительной, так и абсолютной бедности значительной его части. Особенно остро проблема бедности стоит перед наиболее социально уязвимой категорией населения — пенсионерами.

Измерение уровня бедности населения и вопросы, связанные с созданием государственной системы минимальных социаль-

ных гарантий, решаются с привлечением специального регулирующего инструмента социальной политики — прожиточного минимума различных категорий населения, в том числе пенсионера. Поскольку в наших условиях этот показатель остается единственным социальным стандартом качества жизни, который юридически закреплен российским законодательством и имеет конкретные экономические параметры. В соответствии с ним официально бедным считается человек, уровень доходов

которого не позволяет ему получить физиологически необходимый минимум жизненных благ, продуктов, услуг, вследствие чего он лишен возможности обеспечить себе достойное (но без излишеств) качество жизни.

Социально ориентированные государства рассматривают проблему преодоления бедности и сокращения дифференциации в уровне материального обеспечения населения как одну из главных целей. Эта проблема зафиксирована в качестве приоритетной в программных документах Международной организации труда (МОТ) и Международной организации соцобеспечения (МАСО). Проводится постоянный мониторинг динамики уровня материального обеспечения населения в целом и в разрезе социально-демографических групп, с учетом региональных (географических) особенностей. Такой государственный мониторинг уровня бедности, как абсолютного, так и относительного, необходим и в России¹.

Анализ текущего уровня бедности пенсионеров

Текущие демографические изменения характеризуются ускорением роста когорты лиц пожилого возраста. Так, в 2012 г. численность пенсионеров в Российской Федерации превысила 40 млн человек (свыше 28% всего населения). Поэтому важно выделить данную возрастную категорию по условиям жизни с целью обеспечения социальных гарантий пенсионеров.

Основным, а нередко и единственным источником дохода для абсолютного большинства указанной категории населения является пенсия, которая различается по видам: трудовая (по старости, по инва-

лидности, по случаю потери кормильца) и пенсия по государственному пенсионному обеспечению.

Согласно Федеральному закону «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ст. 12.1) общая сумма материального обеспечения пенсионера, проживающего на территории Российской Федерации и не работающего (не осуществляющего иную деятельность), не может быть меньше величины прожиточного минимума пенсионера, установленного в соответствии с п. 4 ст. 4 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» в субъекте Российской Федерации.

Это означает, что в настоящее время на нормативно-правовом уровне проблема абсолютной бедности пенсионеров конкретизирована. Однако на уровне домохозяйств, когда среднедушевой доход определяется с учетом состава семьи и доходов всех ее членов, пенсионеры могут попадать в разряд бедных. Именно по этой причине после повышения в 2010 г. небольших по размеру пенсий до уровня прожиточного минимума пенсионера радикального сокращения бедности среди них не произошло.

Наиболее экономически значимым показателем для оценки уровня жизни пенсионеров является «соотношение среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера (ПМП)» (табл. 1).

В 2002 г. соотношение размера пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера было достаточно низким (115,3%) и оставалось таким до 2007 г. В 2007–2009 гг., в условиях финансового кризиса, для поддержания уровня жизни малообеспеченных пенсионеров была реализована политика опережающего повышения величины базовой части трудовой пенсии (относительно законодательно установленного механизма поддержания

¹ В теории различаются понятия абсолютной и относительной бедности. Для нашей страны наиболее актуальна проблема относительной бедности, которая характеризуется ростом разрыва доходов между основной массой населения и небольшой группой людей.

Таблица 1. Динамика соотношения среднего размера трудовой пенсии и прожиточного минимума пенсионера (ПМП) в Российской Федерации за 2002–2012 годы, %

Год	Величина ПМП, руб.	Соотношение с ПМП среднего размера трудовой пенсии			
		по государственному пенсионному обеспечению	по старости	по инвалидности	по случаю потери кормильца
2002	1 379	107,5	115,3	83,7	57,2
2003	1 605	110,5	118,9	84,8	62,8
2004	1 801	114,4	123,1	87,4	67,6
2005	2 418	106,5	114,3	81,8	61,6
2006	2 731	106,0	113,5	79,8	61,9
2007	3 065	121,9	129,6	93,4	68,9
2008	3 644	127,7	134,7	95,5	75,6
2009	4 100	154,0	161,7	116,3	90,9
2010	4 521	172,8	180,6	112,8	106,4
2011	5 032	169,1	176,4	109,2	105,8
2012	5123	183,6	191,1	118,2	116,1

покупательной способности трудовой пенсии) и установлены новые размеры базовой части трудовой пенсии с опережающим относительно индексации страховой части ростом: декабрь 2007 г. – на 24%, декабрь 2009 г. – на 31,4%.

В результате в 2009 г. данный показатель увеличился до 161,7%. Тем не менее средне-статистический уровень соотношения с ПМП оставался недостаточно высоким, что вызывало сохранение низкой покупательной способности пенсионеров и объективно требовало дополнительных мероприятий по дальнейшему повышению уровня пенсионного обеспечения.

В результате проведенной в 2010 г. валоризации (повышения) пенсионных прав граждан, полученных ими до 2002 г. с учетом «советского» стажа до 1991 г., пенсии практически всех пенсионеров (36,6 млн получателей трудовых пенсий) увеличились, соотношение среднего размера трудовой пенсии по старости и прожиточного минимума пенсионера выросло до 180,6%, а в 2012 г. – до 191,1%. Но на фоне резкого повышения за счет валоризации пенсий по старости у получателей пенсий по инвалидности и случаю потери кормильца значение

этого показателя в 2012 г. существенно ниже: 118,2 и 116,1% соответственно. Причина – недостаток трудового стажа, подлежащего валоризации. Следует отметить, что у данных категорий получателей трудовых пенсий соотношение превысило 100%-й уровень только после вышеперечисленных мер.

В настоящее время по российскому законодательству пенсионерам, уровень пенсий которых не достигает прожиточного минимума, осуществляется социальная доплата до его уровня. Так, в 2012 г. выплата федеральной социальной доплаты к пенсии производилась в 67 субъектах Российской Федерации, на территории которых величина прожиточного минимума пенсионера была установлена в размере, не превышающем ПМП по Российской Федерации (5564 руб.), установленного Федеральным законом от 30.11.2011 № 371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов».

Численность получателей федеральной социальной доплаты к пенсии по стране в начале 2012 г. составляла 2894,3 тыс. чел., а к концу года сократилась до 2479,9 тыс. человек (на 14,3%).

Федеральную социальную доплату к пенсии в 2012 г. получали более 6% всех пенсионеров России, при этом к концу года наибольшее число доплат отмечено в республиках Ингушетия, Кабардино-Балкарской и Тыва (15–18% от общей численности пенсионеров в регионе). Средний размер доплаты в целом по Российской Федерации составлял от 1251 руб. в январе 2012 г. до 1107 руб. — в декабре.

Кроме того, в этом же году производилась выплата региональной социальной доплаты к пенсии в 17 субъектах Российской Федерации («северные» регионы, Москва и Московская область). Численность получателей в среднем за год составила 2445,2 тыс. человек, а средний размер доплаты за год — 3960 руб.

Таким образом, почти у 5 млн пенсионеров (свыше 12% от общего числа получателей пенсий) в 2012 г. средний размер пенсий был ниже прожиточного минимума, и они получали социальные доплаты. Это свидетельствует о существенных проблемах пенсионной системы, которые не позволяют каждому восьмому застрахованному лицу в течение трудоспособного периода жизни обеспечить себе даже минимальный уровень пенсионного обеспечения.

Коэффициент замещения — оценочный показатель уровня жизни пенсионеров

Для факторного анализа причин и условий формирования бедности пенсионеров с целью получения дополнительной объективной информации об уровне их жизни показатель соотношения среднего размера назначенных пенсий с величиной ПМП предлагается дополнить показателем «коэффициент замещения», показывающим уровень замещения утраченного заработка пенсионными выплатами.

В частности, солидарный коэффициент замещения рассчитывается как отношение

среднего размера пенсии по стране к среднемесячной заработной плате в экономике:

$$K_{зам} = \frac{П_{ср}}{СЗП} \times 100,$$

где $П_{ср}$ — средний размер пенсии по стране, $СЗП$ — среднемесячная заработная плата в экономике.

В международной практике рассчитываются несколько показателей:

— брутто-коэффициент замещения — отношение размера пенсии до налогообложения к средней заработной плате до налогообложения;

— нетто-коэффициент замещения — отношение размера пенсии после налогообложения к средней заработной плате после налогообложения.

Для расчета солидарного коэффициента замещения (информационная база для расчета — государственная статистическая отчетность по форме № П-4 «Сведения о численности и заработной плате работников» о номинально начисленной заработной плате) необходимо привести номинально начисленную (брутто) заработную плату к нетто-зарплате путем уменьшения на величину НДФЛ по ставке 13%. Стандартные налоговые вычеты с заработной платы применяются при наличии у налогоплательщика инвалидности, а также детей на иждивении.

Для определения среднего размера назначенных месячных пенсий с учетом гендерного фактора возможно использование данных формы № 94 (пенсия) — годовая «Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий», где из численности пенсионеров и суммы назначенных пенсий отдельно даны сведения о женщинах, в том числе по новым назначениям отчетного года.

На 01.01.2013 г. численность пенсионеров в стране составляла 40,6 млн человек, из них женщины — 27,2 млн (67,1%) и мужчины — 13,3 млн (32,9% общего числа пенсионеров). Средний размер пенсий у женщин на 5,9% ниже, чем мужчин (8967,1 руб. и 9533,6 руб.).

По новым назначениям 2012 г. разница между размерами пенсий мужчин и женщин возрастает до 9,2% (6982,0 и 7686,1 руб.). В дальнейшем, из-за усиления зависимости пенсионных выплат от объема уплаченных страховых взносов, рост гендерных различий в размере пенсий будет увеличиваться.

Особенно это касается женщин, получающих трудовые пенсии по старости, поскольку у них заработная плата и стаж работы ниже, чем у мужчин. Их численность составляет 23,7 млн человек (87,0% всех пенсионеров-женщин и 70,8% — получателей трудовой пенсии по старости).

Уровень солидарного коэффициента замещения номинально начисленной заработной платы средним размером пенсии в целом по Российской Федерации составлял (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно): у женщин — 33,7 и 38,7% (новые назначения — 26,2 и 30,1%), у мужчин — 35,8 и 41,2% (новые назначения — 28,9 и 33,2%).

На 01.01.2013 г. самый высокий уровень солидарного коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии был у пенсионеров по старости — 36,8 и 42,3% (новые назначения — 30,0 и 34,5%) (брутто-/нетто-коэффициенты). Их численность составляет 33,5 млн человек (89,8% всех получателей трудовых пенсий).

У получателей трудовой пенсии по инвалидности коэффициент замещения был значительно ниже и составлял 22,7 и 26,1% (новые назначения — 22,7 и 26,0%). Чис-

ленность данной категории пенсионеров — 2,4 млн человек (6,6% от числа получателей трудовых пенсий).

Еще ниже коэффициент замещения у получателей пенсии по случаю потери кормильца — 22,7 и 26,1% (новые назначения — 18,7 и 21,5%). Численность данной категории пенсионеров — 1,4 млн человек (3,6% всех получателей трудовых пенсий).

На 01.01.2013 г. у более чем 11 млн получателей трудовой пенсии по старости она назначалась в различные годы со снижением общеустановленного пенсионного возраста в связи с работой в условиях, дающих право досрочного выхода на пенсию (ст. 27–28 федерального закона о трудовых пенсиях).

Численность получателей досрочных пенсий — 11,1 млн человек (33,1% всех пенсионеров по старости), в том числе по видам пенсий:

- за работу на предприятиях с вредными (список 1), тяжелыми и опасными условиями труда (список 2) — 5,1 млн человек, или 46,5%;
- за длительную работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — 2,7 млн человек, или 24,3%;
- за выслугу лет у отдельных категорий работников — 1,8 млн человек, или 16,4%;
- по медицинским и социальным показателям (многодетные матери, инвалиды вследствие военной травмы, инвалиды по зрению, лилипуты и другие) — 1,4 млн человек, или 12,7%.

Средний размер досрочных пенсий значительно выше, чем установленных на общих основаниях, особенно за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

На 01.01.2013 г. средние размеры пенсий составляли: на общих основаниях — 9388,4 руб., досрочная — 10 602,6 руб.

(108,3% от пенсий, установленных на общих основаниях), в том числе за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – 12 877,5 руб. (131,5%).

Результаты расчетов коэффициента замещения по видам трудовых пенсий по старости представлены в *таблице 2*.

Анализ данных таблицы свидетельствует, что если в целом по Российской Федерации уровень солидарного коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии по старости на общих основаниях на 01.01.2013 г. составлял 35,3 и 40,5% (новые назначения – 28,5 и 32,8%), то у получателей досрочных пенсий – 39,8 и 45,8% (новые назначения – 33,7 и 38,8%), в том числе за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях – 48,4 и 55,6% (новые назначения – 40,7 и 46,8%) (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно).

Для субъектов Российской Федерации солидарный коэффициент замещения рассчитывается как отношение среднего раз-

мера трудовой пенсии к средней номинально начисленной заработной плате в регионе:

$$K_{зам} = \frac{П_{РЕГ}}{СЗП_{РЕГ}} \times 100 ,$$

где $П_{РЕГ}$ – средний размер пенсии в субъекте Федерации;

$СЗП_{РЕГ}$ – среднемесячная заработная плата в субъекте Федерации.

Учитывая существенные экономические различия, обусловленные природно-климатическими и социальными особенностями территории страны, коэффициент замещения предлагается также дифференцировать для исчисления по каждому виду пенсии для трех групп регионов Российской Федерации, имеющих значительные отличия по уровню заработной платы, стажу, условиям проживания, составу семьи получателей и иным социально-экономическим характеристикам:

- группа 1 – северные регионы, в состав которых входят 24 района Крайнего Севера и приравненные к ним местности;

Таблица 2. Солидарный коэффициент замещения по видам трудовых пенсий по старости

Вид пенсии	Коэффициент замещения, %			
	брутто		нетто	
	все года назначения	новые назначения	все года назначения	новые назначения
Средняя номинально начисленная заработная плата	26 628,9		23 167,1	
Трудовые пенсии по старости	36,8	30,0	42,3	34,5
В том числе: на общих основаниях	35,3	28,5	40,5	32,8
получатели досрочных пенсий	39,8	33,7	45,8	38,8
Из них: Льготные основания	33,0	27,7	37,9	31,9
Список 1	39,5	32,7	45,4	37,6
Список 2 (включая схожие условия назначения)	38,5	33,8	44,3	38,9
Крайний Север	48,4	40,7	55,6	46,8
Выслуга лет	35,0	29,1	40,2	33,4
Прочие	34,1	29,2	39,2	33,6

- группа 2 – южные регионы, включающие 13 регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов;
- группа 3 – центральные регионы, включающие 46 регионов, входящих в Центральный федеральный округ, и остальные субъекты Федерации, не отнесенные в группы 1 и 2 (табл. 3).

Согласно данным таблицы, в 2012 г. 59 субъектов Российской Федерации во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, имели уровень солидарного брутто-коэффициента замещения пенсий по старости 40% и выше. В 2010 г. таких регионов было 65 во всех федеральных округах страны.

Самый высокий уровень коэффициента замещения среднего размера трудовой пенсии по старости на 01.01.2013 г. был в Республике Дагестан – 59,0%, а самый низкий – в Москве – 20,6%.

Коэффициент замещения от 30,01 до 40% был в 19 регионах во всех федеральных округах, кроме Южного, Северо-Кавказского и Приволжского.

Из них 14 приходилось на северные регионы: два – в Северо-Западном ФО (Мурманская область и Республика Коми), один – в Уральском (Тюменская область, без учета автономных округов), четыре – в Сибирском (Иркутская и Томская области, Забайкальский и Красноярский края), семь – все регионы Дальневосточного ФО, кроме Сахалинской и Еврейской автономной областей.

Остальные пять регионов – это центральные, в том числе не входящие в состав южных и северных территорий: один – в Центральном ФО (Московская область), два – в Северо-Западном (Ленинградская область и г. Санкт-Петербург), по одному – в Уральском (Свердловская

Таблица 3. Распределение субъектов РФ – получателей пенсий – в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий

Трудовые пенсии	Количество субъектов с брутто-коэффициентом замещения, %					Количество субъектов с нетто-коэффициентом замещения, %				
	До 30	30-40	Выше 40	Из них: выше 60	Выше общероссийского	До 30	30-40	Выше 40	Из них: выше 60	Выше общероссийского
По старости	5	19	59	0	66	2	10	71	14	66
В том числе регионы:										
северные	4	14	6	0	10	1	8	15	0	8
южные	0	0	13	0	13	0	0	13	4	13
центральные	1	5	40	0	43	1	2	43	10	45
По инвалидности	54	26	3	0	69	27	47	9	0	69
В том числе регионы:										
северные	22	2	0	0	13	19	4	1	0	13
южные	4	6	3	0	13	0	7	6	0	13
центральные	28	18	0	0	43	8	36	2	0	43
По потере кормильца	46	34	3	0	63	32	34	17	0	63
В том числе регионы:										
северные	24	0	0	0	7	20	4	0	0	9
южные	4	8	1	0	13	2	5	6	0	11
центральные	18	26	2	0	43	10	25	11	0	43

область) и Дальневосточном ФО (Еврейская автономная область).

В 2010 г. таких субъектов было 13 (увеличение за счет регионов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов).

В пяти субъектах Российской Федерации на 01.01.2013 г. солидарный коэффициент замещения не достигал и 30%. Это Ненецкий (26,5%), Ханты-Мансийский (28,8%), Ямало-Ненецкий (23,3%) автономные округа, Сахалинская область (29,1%) и г. Москва (20,6%). Низкий коэффициент замещения обусловлен высоким уровнем заработной платы и стоимости жизни в районах Крайнего Севера и г. Москве.

В 2012 г. в 71 субъекте из 83 во всех федеральных округах Российской Федерации уровень солидарного нетто-коэффициента замещения трудовой пенсии по старости составлял 40% и выше. И только у двух

субъектов он не достигал 30%: в Ненецком автономном округе (26,8%) и г. Москве (23,7%).

Количество регионов с аналогичным уровнем коэффициента у получателей трудовой пенсии по инвалидности – 3 и 9, а по потере кормильца – 3 и 17 (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно) (табл. 4).

Согласно данным, приведенным в таблице, уровень коэффициента замещения пенсий по старости, назначенных в отчетном году, значительно ниже, чем у пенсионеров всех лет назначения. На 01.01.2013 г. только в 23 и 49 субъектах Российской Федерации наблюдался необходимый в соответствии с методологией МОТ уровень коэффициента замещения утраченного заработка пенсией по старости, в одном и 10 субъектах – пенсией по инвалидности (брутто-/нетто-коэффициенты соответственно). Что касается пенсий по случаю

Таблица 4. Распределение субъектов РФ – получателей пенсий – в зависимости от размера коэффициента замещения трудовых пенсий (новые назначения)

Трудовые пенсии	Количество субъектов с брутто-коэффициентом замещения, %					Количество субъектов с нетто-коэффициентом замещения, %				
	До 30	30-40	Выше 40	Из них: выше 60	Выше общероссийского	До 30	30-40	Выше 40	Из них: выше 60	Выше общероссийского
По старости	15	45	23	0	68	8	26	49	0	68
В том числе регионы:										
северные	12	11	1	0	13	6	13	5	0	12
южные	0	7	6	0	13	0	1	12	0	13
центральные	3	27	16	0	42	2	12	32	0	43
По инвалидности	52	30	1	0	68	26	47	10	0	68
В том числе регионы:										
северные	22	2	0	0	12	18	5	1	0	13
южные	5	7	1	0	13	0	9	4	0	13
центральные	25	21	0	0	43	8	33	5	0	42
По потере кормильца	70	13	0	0	65	55	26	2	0	65
В том числе регионы:										
северные	24	0	0	0	12	23	1	0	0	10
южные	11	2	0	0	11	6	7	0	0	11
центральные	35	11	0	0	42	26	18	2	0	44

потери кормильца, то всего в двух субъектах центральных регионов (Белгородская и Пензенская области) коэффициент достиг указанного уровня в сравнении с заработной платой после уплаты подоходного налога.

Изменение структуры пенсий как необходимый фактор обеспечения минимального уровня жизни пенсионеров в условиях реформирования пенсионной системы

В Российской Федерации до 2010 г. трудовая пенсия состояла из трех частей со следующими самостоятельными источниками финансирования:

- базовой части — средства единого социального налога, с 2005 г. — трансферт из федерального бюджета на выплату базовой части трудовой пенсии;
- страховой части — страховые взносы на выплату страховой части трудовой пенсии;
- накопительной части — страховые взносы на выплату накопительной части трудовой пенсии.

Вследствие отмены в 2010 г. единого социального налога была упрощена структура трудовой пенсии: ликвидирована ее базовая часть, которая финансировалась за счет средств федерального бюджета, и в состав страховой части трудовой пенсии введен фиксированный базовый размер.

Таким образом, в настоящее время трудовая пенсия номинально состоит из двух частей: страховой (*СЧ*) и накопительной (*НЧ*).

Типовая формула определения страховой части трудовой пенсии по старости (*СЧ*):

$$СЧ = ПК / T + Б,$$

где *ПК* — сумма расчетного пенсионного капитала застрахованного лица, учтенного по состоянию на день, с которого указанному лицу назначается страховая часть трудовой пенсии по старости;

T — количество месяцев ожидаемого периода выплаты трудовой пенсии по старости, применяемого для расчета страховой части указанной пенсии, составляющего 19 лет (228 месяцев);

Б — фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости.

Из данной формулы видно, что размер страховой части трудовой пенсии по старости рассчитывается путем суммирования двух институционально различных составных частей.

Первая формируется исходя из суммы так называемого расчетного пенсионного капитала (*РПК*) гражданина, который накапливается у него в течение всей его трудовой и иной деятельности. А вторая — это фиксированный базовый размер (*ФБР*) страховой части трудовой пенсии по старости, устанавливаемый в твердой сумме независимо от трудового вклада (стажа и отчисленных страховых взносов).

Его величина в рублях определяется законодательно в зависимости от категории пенсионера, наличия иждивенцев, длительного стажа работы на Крайнем Севере, при одном условии: продолжительность страхового стажа должна быть не менее пяти лет.

Поскольку фиксированный базовый размер номинально является страховой составляющей пенсии, то и финансируется он в настоящее время также за счет страховых взносов на выплату страховой части трудовой пенсии.

В то же время экономическая функция базовой части пенсии заключается в обеспечении минимального уровня материального обеспечения пенсионеров. Страховая и обязательная накопительная части трудовой пенсии выполняют функцию достижения эквивалентности прав и обязательств пенсионного обеспечения граждан согласно российскому пенсионному законодательству.

Как уже отмечалось выше, коэффициент замещения является расчетным оценочным показателем. При этом размер трудовой пенсии соотносится с заработной платой или иным видом дохода застрахованного лица от трудовой деятельности опосредованно, через расчетный пенсионный капитал, который в свою очередь образуется из страховых взносов, как раз и взимаемых с его заработной платы или дохода.

Поэтому включение в страховую часть трудовой пенсии второй составляющей, не зависящей напрямую от результатов трудовой деятельности застрахованного лица (фиксированного базового размера страховой части), противоречит страховым принципам пенсионного обеспечения.

В результате реформы 2010 г. произошло не только увеличение размера трудовой пенсии в Российской Федерации, но и существенное изменение ее институциональной структуры (табл. 5).

Анализ данных таблицы свидетельствует, что средний размер трудовой пенсии по старости на конец 2012 г. составил 9790,1 руб. (рост к 2002 г. в 6,2 раза), в том числе по новым назначениям отчетного года – 7988,0 руб. (в 5,3 раза). И если на конец 2002 г. на долю страховой части приходилось 60,0% среднего размера трудовой пенсии, то к концу 2012 г. она снизилась на 14,6% – до 45,4% (по новым назначениям – 60,2 и 47,2% соответственно).

В результате на 01.01.2013 г. коэффициент замещения средней номинально начисленной заработной платы в Российской Федерации средним размером трудовой пенсии по старости составил 36,8%, и из них только 16,7% непосредственно приходилось на ее страховую часть без сумм фиксированного базового размера и валоризации (новые назначения – 30 и 14,1% соответственно).

Таблица 5. Динамика структуры и коэффициента замещения трудовой пенсии (ТП) по старости в Российской Федерации за 2002–2012 гг.

Год	Средний размер трудовых пенсий по старости, руб.					Коэффициент замещения, %		Доля страховой части в среднем размере ТП, %
	Всего	ФБР*	Страховая часть (без ФБР, валоризации и НЧ)	Суммы валоризации	Накопительная часть	Всего	Страховой части (без ФБР, валоризации и НЧ)	
2002	1 590,3	576,7	953,7	0,0	0,0	36,5	21,9	60,0
2003	1 908,2	664,3	1 180,7	0,0	0,0	34,7	21,5	61,9
2004	2 216,7	763,9	1 388,7	0,0	0,0	32,9	20,6	62,6
2005	2 763,6	1 117,7	1 564,4	0,0	0,0	32,3	18,3	56,6
2006	3 098,8	1 221,5	1 794,0	0,0	0,0	29,1	16,9	57,9
2007	3 972,7	1 874,5	1 990,7	0,0	0,0	29,2	14,6	50,1
2008	4 909,7	2 167,2	2 635,5	0,0	0,0	28,4	15,2	53,7
2009	6 630,1	3 102,6	3 395,2	0,0	0,0	35,6	18,2	51,2
2010	8 165,7	3 301,2	3 611,3	1 130,4	0,0	39,0	17,2	44,2
2011	8 876,0	3 589,0	3 979,8	1 191,1	0,0	38,0	17,0	44,8
2012	9 790,1	3 962,7	4 441,7	1 271,7	0,1	36,8	16,7	45,4

* До 2010 г. – базовая часть трудовой пенсии.

Размер коэффициента замещения по трудовым пенсиям по инвалидности и случаю потери кормильца как общего среднего размера пенсии, так и с учетом исключения из него сумм фиксированного базового размера и валоризации значительно ниже. В динамике тенденция снижения уровня показателей по указанным видам пенсий сохраняется.

Особо следует остановиться на структуре и размере фиксированного базового размера трудовой пенсии, который может быть общим и повышенным. Общий размер устанавливается всем лицам, имеющим право на трудовую пенсию, достигшим определенного возраста и располагающим необходимой продолжительностью стажа. Дополнительными условиями, дающими право на повышенный размер, являются нуждаемость в постоянном постороннем уходе и наличие на иждивении нетрудоспособных членов семьи.

Кроме того, Федеральным законом «Об увеличении базовой части трудовой пенсии лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 29 ноября 2003 г. № 154-ФЗ была введена норма об увеличении фиксированной суммы в рублях, являющейся составной частью трудовой пенсии (базовой части трудовой пенсии). До принятия этого закона размеры базовых частей трудовой пенсии устанавливались в одинаковых суммах, независимо от места проживания пенсионера. Размеры трудовых пенсий дифференцировались только при оценке пенсионных прав застрахованных лиц при определении страховой части трудовой пенсии. С 2010 г. общий фиксированный базовый размер (ФБР) трудовой пенсии в Российской Федерации был установлен (ФЗ № 173) в размере 2562 руб. и ежегодно индексируется в установленном порядке: на 01.01.2013 г. общий размер ФБР вырос на 28,0%, т.е. до 3279 руб.

Дифференциация размера ФБР зависит и от других факторов. Увеличение от общего размера ФБР составляет: по достижении возраста 80 лет — в два раза; за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — на 30–50%; наличия I группы инвалидности — в два раза (у инвалидов II группы — 1/2 общего размера ФБР, III группы — 1/2 общего размера ФБР) и наличия иждивенцев от одного до трех человек — от 1/3 до 1 общего размера ФБР.

Получатели пенсий по случаю потери кормильца имеют 1/2 общего размера ФБР, кроме детей, потерявших обоих родителей, или детей умершей одинокой матери. Пенсия детей круглых сирот включает в себя полный общий размер ФБР.

Сведения о численности получателей и фактически сложившемся среднем размере фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по категориям получателей по данным отчета № 94 (пенсии) представлены в *таблице 6*.

На 01.01.2013 г. по Российской Федерации у 33,5 млн пенсионеров по старости средний размер фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии составил 3962 руб., по инвалидности — 3355 руб. (2,4 млн чел.), по случаю потери кормильца — 1698 руб. (1,4 млн чел.). Самый низкий его уровень был у получателей трудовых пенсий по инвалидности III группы — 1665 руб. (787 тыс. чел.), а самый высокий — у инвалидов I группы, имеющих трех иждивенцев, — 10 097 руб. (4 тыс. чел.). Всего 1,49 млн получателей трудовой пенсии по старости (4,4% от общего числа данной категории) имеют иждивенцев. Кроме того, они есть у 0,72 млн чел., или 29,3% общего числа получателей трудовой пенсии по инвалидности.

Таким образом, пенсионеры по-прежнему остаются наименее защищенной категорией граждан в России.

Таблица 6. Сведения о получателях фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии в целом по Российской Федерации на 01.01.2013 г.

Категории получателей пенсии	Всего		Наличие иждивенцев							
			Нет		Один		Два		Три	
	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.	тыс. чел.	руб.
По старости:	33520	3962	32033		1351		106		29	
достигшие 80 лет и инвалиды I группы	4727		4648	6696	78	7759	1	9027	0,2	10064
другие получатели пенсии по старости	28793		27385	3442	1274	4674	105	5983	29	6955
По инвалидности:	2444	3355	1729		452		179		85	
I группы	200		156	6758	31	7909	10	9057	4	10097
II группы	1087		785	3440	179	4545	73	5634	50	6662
III группы	1157		787	1665	242	2791	96	3922	31	5055
По случаю потери кормильца:	1352	1698								
дети, потерявшие обоих родителей, или дети умершей одинокой матери (круглые сироты)	15	3495								
другие нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца	1337	1678								

В этой связи ключевой задачей Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, утвержденной в декабре 2012 г., определено «обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости на уровне 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера» к 2030 году.

Ежегодный мониторинг и структурный анализ региональных и отраслевых факторов бедности пенсионеров позволит своевременно скорректировать, в случае необходимости, и выработать инструменты государственного регулирования долгосрочной политики преодоления пенсионной бедности.

Литература

1. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 43. – 27 окт. – Ст. 4904.
2. Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р [Электронный ресурс] // Консультант плюс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139981>
3. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года: утв. Правительством РФ 31.01.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.ru>
4. Соловьев, А.К. Демографическая угроза экономике: макроанализ пенсионной системы России / А.К. Соловьев // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 2 (137). – С. 112-126.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

Solov'ev A.K.

Alleviation of pensioners' poverty – a key task for the state and society in contemporary Russia

Arkadii Konstantinovich Solov'ev – Doctor of Economics, Professor Honored Economist of the Russian Federation, Head of the Department of Actuarial Expectation and Strategic Planning at the Pension Fund of the Russian Federation (4, Shabolovka Street, Moscow, 119991, Russian Federation, Sol26@100.pfr.ru)

Abstract. Russia is shifting to market economy under the lingering post-crisis stagnation, and the aggravation of economic stratification of its population creates additional risks to the pension system that is in a state of constant reforming. The relevance of the research is substantiated by the fact that in scientific terms the issue of poverty has been studied very poorly: there are no socially and economically reasonable criteria and indicators for assessing poverty and welfare in specific categories of the population; the factors influencing the formation of conditions for poverty have not been revealed; there are no tools of the long-term government policy to overcome poverty, etc.

Key words: poverty, demographic risk groups, pensioners, subsistence level, retirement pension.

References

1. O prozhitochnom minimume v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 24.10.1997 № 134-FZ [On the Subsistence Level in the Russian Federation: Federal Law of October 24, 1997 No. 134-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislative Acts of the Russian Federation], 1997, no.43, October 27.
2. Ob utverzhdenii Strategii dolgosrochnogo razvitiya pensionnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.12.2012 № 2524-r [On Approval of the Strategy for Long-Term Development of the Pension System in the Russian Federation: Resolution of the RF Government of December 25, 2012 No. 2524-R]. *Konsul'tant plus* [Consultant Plus]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139981>
3. *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii na period do 2018 goda: utv. Pravitel'stvom RF 31.01.2013* [Main Directions of Activity of the Government of the Russian Federation for the Period up to 2018: Approved by the RF Government on January 31, 2013]. Available at: <http://www.government.ru>
4. Solov'ev A.K. Demograficheskaya ugroza ekonomike: makroanaliz pensionnoi sistemy Rossii [Demographic Threat to the Economy: Macro-Analysis of Russia's Pension System]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2013, no.2(137), pp. 112-126.
5. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>.

Доверие и его роль в модернизационном развитии региона

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономического развития территорий Российской академии наук
(162614, г. Череповец, пр. Победы, д. 78, Labch1@mail.ru)

Аннотация. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать теоретические подходы к понятию социального доверия, охарактеризовать его состояние и оценить роль в модернизационном развитии региона. Автор трактует доверие как совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, организаций, учреждений, норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни и поддерживающих устойчивость и интегрированность общества. Доверие представляет собой процесс динамичный по своему характеру, многообразный по формам и социальным функциям. Опираясь на получившую популярность типологию доверия Э. Гидденса, автор анализирует состояние институционального доверия в Вологодской области. В статье на основе имеющихся данных мониторингов ИСЭРТ РАН проводится анализ доверия к основным политическим институтам среди жителей Вологодской области, выявляются факторы, порождающие доверие, изучается состав групп доверяющих. Рассматриваются также последствия низкого уровня институционального доверия, которые проявляют себя в низком уровне социальной активности и готовности людей к объединению и взаимодействию друг с другом, в разобщенности структур гражданского общества. Поднимается проблема слабо выраженной деятельности структур гражданского общества, несмотря на то, что статистика свидетельствует о существовании в регионе значительного количества некоммерческих организаций (НКО). На основе данных проведенных ИСЭРТ РАН опросов фиксируются крайне низкие оценки результативности деятельности НКО, низкая вовлеченность граждан в их деятельность и низкий уровень информированности о существовании и деятельности этих организаций. Автор отмечает, что для развития региона, для развертывания в нем эффективных модернизационных процессов необходима не только оценка имеющихся социальных ресурсов, и прежде всего социального капитала, основным показателем которого выступает доверие, но и разработка целенаправленной политики по повышению уровня доверия в региональном сообществе, по преодолению факторов, формирующих и поддерживающих культуру недоверия.

Ключевые слова: регион, доверие, институциональное доверие, культура недоверия, модернизация.

Осознание значения такого фактора, как социальное доверие, в жизни общества в целом, в деятельности его политических и экономических структур, в повседневной жизнедеятельности индивидов возрастает. Интерес к этому феномену актуализируется в связи с разворачивающимися процессами модернизации [1, 8, 18]. Готовность населения поддержать модернизационные инициативы во многом основана на имеющемся в обществе уровне доверия к тем институтам, которые призваны решать задачи данного типа. Доверие присутствует «на всех направлениях модернизации экономики и политики, социальной и духовной жизни общества. Оно или его временное отсутствие временно определяет (сужает или раздвигает) стратегии, которые выбирают субъекты перемен» [5].

Значимость социального доверия заключается в его способности обеспечить предсказуемый характер окружающего нас мира. Доверие, существующее в обществе, укрепляет когнитивные стереотипы и установки, обеспечивая и поддерживая тем самым межгрупповое взаимопонимание, толерантность, сотрудничество. Доверие тем более важно, поскольку модернизационные процессы в регионах приобретают свою специфику в силу имеющихся в них различий и особенностей, что позволяет говорить о плюральной модернизации. Этот тезис имеет своим основанием концепцию множественных современностей, разработанную Ш. Эйзенштадтом и др. [20].

Доверие отражает процессы взаимодействия в политике и экономике, в организациях, в различных группах (профессиональных, территориальных, этнических, социально-экономических, организационных). Все это порождает интерес к доверию со стороны различных отраслей знания, что подчеркивает многоаспектность данного явления. Изучение доверия осуществляется в рамках экономической, социально-

психологической, культурологической, политологической и социологической парадигм. Исследователи рассматривают различные аспекты данного феномена. Здесь и анализ причин, и характеристика типов, уровней, форм доверия, анализ его функций, выявление особенностей культуры, порождающей доверие.

К проблеме доверия в разное время обращались многие мыслители как прошлого, так и настоящего. В контексте концепции общественного договора ее рассматривали Дж. Локк, И. Кант, А. Смит, Э. Дюркгейм, М. Вебер. В рамках теории социального обмена феномен доверия интересовал П. Блау и Дж. Хоманса. В контексте трансформационных изменений этой проблемой занимались Э. Гидденс, Н. Луман, Р. Патнэм, А. Селигмен, Ф. Фукуяма. Социокультурному анализу подверг доверие П. Штомпка.

По мнению А. Селигмена, «доверие является следствием ролевой неопределенности, связанной со структурной непрозрачностью ролей, в ситуации, когда системно определенные ожидания больше не жизнеспособны» [13]. У Энтони Гидденса социальное доверие — это связь веры и уверенности, основанной на знании [2]. Поле доверия включает политические и экономические отношения, распространяется на социальные институты и организации, на социальный порядок в целом. Это могут быть правительство, страхование, банковские операции, принципы демократии, научное или профессиональное знание и т.п.

П. Штомпка определяет доверие как «"залог" (уверенность и опирающиеся на него действия), свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» [19]. Он выделяет вертикальное и горизонтальное доверие, отмечая, что доверие к государству и его институтам опре-

деляется как «публичное, или вертикальное доверие, в отличие от горизонтального, существующего между гражданами» [19]. Категория «вертикальное доверие» подразумевает, что доверие существует между партнерами, находящимися на разных уровнях социальной иерархии. Таким представляется доверие граждан власти, которая осуществляет контроль над действиями людей, даже вопреки их воле, с ограничением диапазона их действий (легитимность власти). При этом любая власть вынуждена оправдывать доверие к себе со стороны граждан. Для этого существует установленный срок полномочий, по результатам прохождения которого можно судить об эффективности власти, а также избирательная система, которая позволяет населению решить ее «дальнейшую судьбу».

Изучение природы доверия, выявление его сущности, факторов, на него влияющих, практик, порождающих доверие, укрепляющих или ослабляющих его, особенностей его формирования в зависимости от культурной среды, выявление возможностей укрепления доверия предстает как значимое направление современной социологии доверия.

Различные концептуальные подходы позволяют выделить наиболее интересные и перспективные аспекты его анализа. Во-первых, на уровень доверия оказывают влияние различные факторы. Они могут быть сгруппированы по признаку сферы, их порождающей: политические, социальные, правовые, психологические и т.д. В каждом определенном случае возможно их своеобразное сочетание и доминирование одних над другими. Вопрос о доминирующих факторах, об условиях, их порождающих, остается малоизученным в социологической науке, и особенно это касается доверия в условиях региона. Во-вторых, носителями доверия выступают представители различных социальных групп.

Традиционно в социологии выделяют группы по социально-демографическим, политическим и экономическим признакам. Однако сегодня разворачиваются процессы, порожденные глобализацией и информатизацией общества, которые создают иные основания для формирования общностей и их самоидентификации. Изменяются социальная структура общества, структура социального пространства. Вопрос о том, каким образом формируется доверие в этих группах, на кого оно распространяется, пока остается неизученным. В-третьих, происходит изменение источников доверия. Эволюция социума ведет к возникновению иных источников доверия, возникают его новые типы, что также требует изучения. В-четвертых, слабоизученным остается вопрос о влиянии региональных особенностей, которые можно выявить, учитывая исторические и культурные особенности, традиции, ценности. В основном же исследования констатируют состояние доверия в региональном социуме и соотносят его с общероссийским. В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать те факторы, которые могут быть выделены на уровне региона на основании имеющихся социологических данных.

Сложная структура общества порождает различные типы доверия. Причем типология доверия может носить поливариантный характер. Одни типы доверия основаны на внутренних структурообразующих факторах, другие — на факторах внешнего воздействия. Задачам нашего исследования в полной мере отвечает популярная типология Э. Гидденса, в которой выделено два основных вида доверия: персонифицированное или межличностное доверие и доверие к абстрактным системам [2]. Доверие к абстрактным системам, как продукт «позднего модерна», выполняет важнейшую функцию в обществе — обеспечивает

ощущение надежности повседневных отношений. Логика рассуждений Э. Гидденса позволяет понять, что поле доверия охватывает политические и экономические отношения, институты и организации. То есть весь социальный порядок.

Доверие помогает создавать формальные институты и организации, домашние хозяйства и семьи, а также конституировать сети друзей и знакомых. Кроме того, несмотря на технический прогресс и существенное приращение знаний о мире, современное общество остается «обществом риска». В этом случае доверие является конструктивной формой реакции на риск, средством преодоления неопределённости. N. Luhmann считает, что доверие становится необходимым условием общественного развития в силу нарастания неуверенности людей, порожденной увеличением сложности и непрозрачности современного общества [21].

Представляя собой совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, учреждений, в отношении норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни, доверие поддерживает устойчивость и интегрированность общества. Оно выступает основой горизонтальных и вертикальных общественных отношений.

В условиях российской действительности, характеризующейся значительным разнообразием социокультурных факторов, сложившихся в различных регионах страны, вызывает интерес прежде всего вопрос о том, насколько феномен доверия распространен в том или ином региональном социальном пространстве. Мы рассматриваем российский регион как единство социального, экономического, политического, культурного и территориального начал. Благодаря этой целостности он вы-

ступает на уровне государства субъектом социально-экономических отношений, выполняя определенные функции во внутрисубъективном разделении труда и формируя (как социально-политический субъект) определённые политические отношения с Центром и другими регионами. Причем эти отношения не сводятся к дихотомии «господство – подчинение». Регион можно рассматривать в качестве динамической самоорганизующейся, самовоспроизводящейся системы (автопоэсиса) [10].

Состояние социального доверия такого территориального сообщества, как жители Вологодской области, факторы, на него влияющие, изучает в ходе мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН¹. Отметим, что Вологодская область – это достаточно развитый в экономическом отношении регион, обладающий мощным индустриальным потенциалом. На ее территории проживает около миллиона ста девяноста тысяч человек или почти 1% населения всей России. По многим критериям Вологодская область, несмотря на все трудности, порожденные экономическим кризисом, занимает более передовые позиции в сравнении с другими регионами страны. По объему валового регионального продукта на душу населения в 2013 г. область занимала 38 место в РФ [12]. Являясь индустриально развитым регионом, область вносит существенный вклад в социально-экономическую жизнь страны. Вологодская область вполне может

¹ В статье использованы данные за период с 2000 по 2013 г. Опрос проводился ИСЭРТ РАН (г. Вологда) по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населенных пунктов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структурой населения. В выборке участвовали города Вологда и Череповец, а также Грязовецкий, Никольский, Тарногский, Великоустюгский, Бабаевский, Вожегодский, Кирилловский, Шекснинский районы. Всего опрошено 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки составляет 3%.

рассматриваться как миниатюрная модель России, воспроизводящая ее даже по конфигурации географических границ.

Территориальное сообщество даёт своему региону преимущественно позитивные оценки: две трети вологжан (75%) «рады» и «в целом довольны, что живут в своем регионе». Определяя свое отношение к региону, его жители отмечали в качестве его привлекательных черт «красивую природу» (около 60%), доброту и душевность людей (около 30%), назвали свой регион «перспективным для жизни» (около 20%). Жители г. Череповца, являющегося крупным промышленным центром, в котором расположен металлургический гигант ОАО «Северсталь», выделили такие характеристики, как «перспективность своего региона для жизни» (48%), «множество возможностей для инициативных людей» (38%) [16].

На этом фоне формируется доверие к основным политическим институтам как федерального, так и регионального уровня. В таких условиях определенным интерес представляет анализ институционального доверия на примере доверия к государству. Поскольку именно оно генерирует и под-

держивает те нормы и правила, которые организуют жизнь социума. Наиболее ярко институциональное доверие проявляется через доверие к правительству и президенту. На уровне регионального сообщества институциональное доверие проявляется в доверии к региональной власти, к государственным структурам, к общественным организациям.

Анализ результатов опросов общественного мнения дает возможность на основании имеющегося уровня доверия условно подразделить институты, действующие в рамках политической системы, на группы. В первую входят институты с относительно высоким уровнем доверия, которые представлены Президентом и Правительством РФ. На уровне областных структур это Губернатор и Правительство области, представляющие собой ее руководство. Вторую группу со средним уровнем составляют представительные органы власти – Госдума и Совет Федерации. На местном уровне сюда можно отнести органы местного самоуправления (МСУ). Третью группу, где оценки находятся на достаточно низком уровне, образуют общественные организации, профсоюзы, партии (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (варианты ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю»; в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	Год опросов					
	2000–2006 (среднее)	2007	2008	2009	2010	2013
Президент	51,1	60,3	65,2	51,6	56,7	44,6
Правительство	38,9	41,9	60,2	46,7	52,3	38,6
Совет Федерации	29,1	34,9	47,6	35,9	38,3	32,7
Государственная Дума	24,5	29,5	42,0	33,5	34,8	31,1
Руководство области	30,8	40,6	48,6	34,9	41,1	36,4
Органы МСУ	26,6	32,3	40,9	33,1	34,3	31,6
Профсоюзы	26,5	28,6	35,9	28,1	30,2	25,3
Общественные организации	20,0	24,4	32,6	23,8	27,7	24,1
Политические партии	14,7	17,6	26,8	20,0	23,7	18,1

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2010–2013 гг.

Первая группа наиболее влиятельна. Тому есть несколько причин. Входящие в неё институты символизируют исполнительную власть в государстве и в регионе. Ту самую власть, с которой мы ассоциируем государство, к которой обращаемся за помощью и поддержкой и которой бываем недовольны. Это те структуры, в руках которых сосредоточены реальная власть и материальные ресурсы. Несмотря на явную тенденцию падения уровня доверия жителей региона к высшей власти, тем не менее она занимает лидирующие позиции среди других институтов и общественных структур. В определенной степени связывают свои интересы с государством практически все основные группы населения. Именно этот институт консолидирует социальное пространство региона, давая ощущение включенности в социальное пространство страны.

Однако это не единственный фактор, поддерживающий высокий уровень доверия к государству и персонам, его представляющим. Второй аспект, на наш взгляд, уходит корнями в политическую историю России. Технология передачи власти такова: власть обычно достается правителю «по факту». Если ранее это был механизм наследования, то в современной истории – выборы. Но и сейчас сначала политик получает власть, а затем уже наступает время запуска механизма его избрания. В стране отсутствует практика ротации власти, обеспечивающая ее переход к другой, оппозиционной, политической силе. Случаев передачи власти подобным образом в современной истории страны нет. А это означает отсутствие опыта участия в избрании правителя, который еще не был у власти, как нет у нас и оппозиции в европейском смысле этого слова. Та же практика и на региональном уровне. Кроме того, культурная память хранит следы таких событий, как смута и гражданская война,

дополненные воспоминаниями о «крутых 90-х». Фактически доверие имеет эндогенную природу, т.е. основано на внутривнутриполитических факторах. Современная история добавила сюда опыт экономических кризисов. Эти периоды связаны в общественном сознании с безвластием либо с серьезными трудностями в функционировании власти. В итоге любая власть рассматривается как меньшее зло, чем ее отсутствие. Однако в последние годы, когда в активный период вступает поколение, выросшее в принципиально иных социальных и политических условиях, в общественном мнении начинает зарождаться идея выборности высших российских чинов. Как показали события на Болотной и на Сахарова, для этого нужны, прежде всего, «честные выборы». К самому же механизму выборности у россиян недоверия нет.

Можно согласиться с мнением Л. Гудкова относительно такой особенности институционального доверия в российском обществе: более высокое доверие к институтам авторитарного характера и более низкое – к институтам, обеспечивающим демократическое участие граждан. Так, по данным опроса Левада-центра, 52% жителей России в октябре 2012 г. выразили свое доверие Президенту, 50% – Правительству, 22% – Совету Федерации, 21% – Госдуме, 23% – местной власти, 16% – профсоюзам, 10% – политическим партиям [4]. Та же тенденция наблюдается и на Вологодчине. Низкий уровень доверия жителей области не является феноменом, некой региональной особенностью. Данный аспект в полной мере объясним с точки зрения концепции институциональных матриц С.Г. Кирдиной [6]. Согласно данной концепции для России характерно преобладание X-матрицы, которая тяготеет к унитарной организации властных структур и выстраиванию их во властную вертикаль.

В российских условиях эти институты показывают более высокую эффективность, являясь более привычными, если учитывать исторические и культурные особенности страны.

Источниками доверия служат наряду с политическими и историческими экономические и социальные факторы. Прежде всего – это экономическое благополучие. Экономически благополучные слои населения доверяют тем институтам, которые обеспечивают им это положение. По данным мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, среди тех, кто идентифицирует себя как богатые и имеющие средний достаток, доверие высшим органам власти демонстрируют более 60% респондентов (табл. 2). Данный уровень сохраняется по результатам исследований с 2000 г. и по настоящее время. Доверие Правительству в этой группе тоже выше среднего и состав-

ляет за указанный период около 50%. Более высокий, чем в других группах, уровень доверия и другим структурам. В целом он выше, чем средний уровень по региону в целом.

На наш взгляд, доверие этой группы населения в значительной степени носит рациональный характер и основано на осознании эффективности политики, проводимой властью. Однако доля тех, кто относится к данной группе населения, составляет по данным мониторинга около 40% от числа опрошенных. В её состав входят экономически благополучные люди, уверенные в завтрашнем дне: представители бизнес-среды, специалисты, служащие. Это тот потенциал, на который не только можно, но и нужно опираться при осуществлении модернизации в регионе. В этой группе следовало бы уделить внимание предпринимателям – той прослойке обще-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (варианты ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю» – среди респондентов, идентифицирующих себя как «богатые» и имеющие «средний достаток»), в %

Вариант ответа	Социальная самоидентификация: богатые, средний достаток						
	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	апр.14
<i>Президенту РФ</i>							
Доверяю	62,1	64,2	69,0	57,2	62,3	60,6	62,7
Не доверяю	8,0	10,1	3,6	8,4	11,4	12,8	10,7
<i>Правительству РФ</i>							
Доверяю	48,5	43,1	50,3	52,0	59,0	53,8	54,0
Не доверяю	16,3	24,3	15,3	11,8	12,4	17,2	17,3
<i>Государственной Думе</i>							
Доверяю	27,4	32,4	36,8	39,6	43,0	43,7	40,3
Не доверяю	30,9	30,9	23,9	18,5	21,4	21,6	25,2
<i>Руководству области</i>							
Доверяю	33,7	39,2	46,9	42,3	48,8	49,1	41,0
Не доверяю	22,7	25,3	17,5	18,2	18,7	17,9	27,5
<i>Органам местного самоуправления</i>							
Доверяю			40,8	42,2	45,5	42,9	38,5
Не доверяю			21,6	20,0	21,0	21,9	29,9
Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2000–2014 гг.							

ства, которая обеспечивает экономический рост и в полной мере может способствовать созданию представительного слоя социально ответственных граждан. Сегодня, по оценкам Правительства области, в сфере малого и среднего бизнеса задействовано около трети общей численности занятых в экономике [3]. Инвестиции и поддержка малого бизнеса будут развиваться. Доверие для этой группы имеет многофакторное значение. Оно обеспечивает взаимодействие внутри предпринимательских сетей, доверие со стороны потребителей, на которых направлена деятельность; оно необходимо во взаимодействии с различными госструктурами. Вот почему данная группа требует к себе самого пристального внимания. Исследования в этом направлении еще предстоят.

Невысокий уровень институционального доверия в целом, который фиксируется у населения области, имеет заметные последствия. Одно из них, на наш взгляд, проявляется в низкой степени социальной активности населения (табл. 3).

По самооценке 50% вологжан относят себя к категории пассивных и скорее пассивных. Участие в общественной и политической жизни теряет смысл в глазах жителей области, поскольку они не видят общих целей с властными и общественными структурами, которым не доверяют. Отсутствуют и целевые программы на государственном или региональном уровне, которые могли бы объединить людей. Потеря смысла участвовать в обществен-

ной деятельности вызвана еще и тем, что данный вид деятельности перестал быть востребованным на уровне социума.

Такая деятельность не поощряется никоим образом, она не обсуждается в обществе, в СМИ. Если в советский период истории страны общественная деятельность рассматривалась как характеристика гражданина, присутствовали устойчивые институциональные формы для ее осуществления начиная с октябрьской звездочки и заканчивая партийным или государственным лидерством, — то в современных условиях гражданская активность остается невостребованной. Действующие общественные организации либо решают узкие задачи объединившихся в них людей, либо существуют формально. И низкий уровень активности граждан, и низкая эффективность деятельности общественных организаций — все это, вместе взятое, свидетельствует о наличии отчужденности данных субъектов от государства, от власти, от общественной жизни. Формирование гражданского общества в нашей стране и в таком ее регионе, как Вологодская область, — процесс сложный и длительный.

Наметилась тенденция к снижению активности граждан и в других сферах. Исследование, проведенное ИСЭРТ РАН в 2008–2010 гг. в рамках проекта «Социокультурный портрет региона» [9, 14], выявило, в частности, изменения в характере использования жителями области своего свободного времени.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	Февраль 2013 г.
Активное и скорее активное	27,1	23,0
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8
Затрудняюсь ответить	24,6	27,2

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2010–2013 гг.

Здесь тоже наблюдается снижение активности – реже посещаются общественные места, учреждения культуры при явном снижении спроса на культурные услуги. Причем эта тенденция носит повсеместный характер и не зависит от типа поселения. Жители области отдают предпочтение пассивным формам досуга, таким как просмотр телепередач, использование сети Интернет [16].

Можно наблюдать также снижение инновационной активности вологжан. Как отмечает куратор проекта «Социокультурный портрет региона» по Вологодской области д.э.н. А.А. Шабунова, «за последние 5 лет 14% жителей Вологодской области принимали участие в создании или внедрении чего-либо нового, из них 4% выступали в роли организатора, а 10% участвовали наравне с другими. Для каждого

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел?»* (в % от числа опрошенных)

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
<i>В Вашей семье</i>					
Да	77,9	80,4	82,0	+2	+4
Нет	13,3	10,5	10,5	0	-3
Индекс	164,6	169,9	171,5	+2	+7
Затрудняюсь ответить	8,8	9,1	7,5	-2	-1
<i>У Вас на работе</i>					
Да	52,7	49,1	48,3	-1	-4
Нет	27,8	29,5	31,8	+2	+4
Индекс	124,9	119,6	116,5	-3	-8
Затрудняюсь ответить	19,5	21,4	19,9	-2	0
<i>В Вашем доме, дворе, где Вы живёте</i>					
Да	38,0	37,2	38,2	+1	0
Нет	40,7	38,1	43,4	+5	+3
Индекс	97,3	99,1	94,8	-4	-2
Затрудняюсь ответить	21,3	24,7	18,4	-6	-3
<i>В Вашем городе, районе</i>					
Да	15,6	10,9	14,8	+4	-1
Нет	57,1	57,6	60,5	+3	+3
Индекс	58,5	53,3	54,3	+1	-4
Затрудняюсь ответить	27,3	31,5	24,7	-7	-3
<i>В нашей области</i>					
Да	9,2	5,8	8,2	+2	-1
Нет	63,5	61,4	66,0	+5	+3
Индекс	45,7	44,4	42,2	-2	-4
Затрудняюсь ответить	27,3	32,8	25,8	-7	-2
<i>В стране в целом</i>					
Да	9,8	4,9	7,8	+3	-2
Нет	62,9	60,9	66,2	+5	+3
Индекс	46,9	44,0	41,6	-2	-5
Затрудняюсь ответить	27,3	34,1	26,0	-8	-1

* Вопрос задаётся 1 раз в год.
Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2010–2014 гг.

пятого вологжанина вопрос остался непонятен. Вместе с тем следует отметить, что 14% – это своего рода норма активного участия в инновациях. Соответственно, инновационная активность населения в области близка к норме, в то же время низкий индекс инновативности говорит о том, что население недоиспользует свой потенциал» [17].

К числу негативных последствий низкого уровня институционального доверия можно отнести снижение уровня ответственности граждан за происходящее в стране, в регионе, городе и т.д. – чем шире масштаб социального пространства, тем ниже самооценка граждан, тем

выше уровень отчужденности от происходящего вокруг них. Люди ориентируются на свой малый круг: семью, друзей, работу.

Состояние отчужденности, сопровождающее низкий уровень институционального доверия, приводит к тому, что вологжане демонстрируют все более высокий уровень неготовности участия в общественной жизни страны, неверие в собственные силы. С данными *таблицы 4* в полной мере коррелируют данные *таблицы 5*, которые свидетельствуют о неверии вологжан в возможность повлиять на состояние дел вокруг себя. Более того, намечается снижение уровня данного показателя.

Таблица 5. Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013	к 2011
<i>В Вашей семье</i>					
Да	77,1	76,9	77,5	+1	0
Нет	12,7	12,8	13,2	0	+1
Затрудняюсь ответить	10,1	10,3	9,3	-1	-1
<i>У Вас на работе</i>					
Да	50,7	42,9	40,9	-2	-10
Нет	29,6	36,1	38,3	+2	+9
Затрудняюсь ответить	19,7	21,1	20,9	0	+1
<i>В Вашем доме, дворе, где Вы живете</i>					
Да	35,6	34,5	33,5	-1	-2
Нет	42,7	41,1	47,1	+6	+4
Затрудняюсь ответить	21,7	24,5	19,4	-5	-2
<i>В Вашем городе, районе</i>					
Да	12,3	7,1	9,4	+2	-3
Нет	62,1	65,7	68,6	+3	+6
Затрудняюсь ответить	25,7	27,2	22,0	-5	-4
<i>В нашей области</i>					
Да	7,7	3,0	4,1	+1	-4
Нет	66,6	69,1	73,3	+4	+7
Затрудняюсь ответить	25,7	27,9	22,5	-5	-3
<i>В стране в целом</i>					
Да	6,6	2,5	3,7	+1	-3
Нет	67,4	69,5	73,5	+4	+6
Затрудняюсь ответить	26,0	27,9	22,8	-5	-3
* Вопрос задаётся 1 раз в год.					
Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2010-2014 гг.					

Приведенные данные позволяют, с одной стороны, дополнить сведения относительно уровня доверия общественным институтам, а с другой – увидеть состояние дел в сообществах, членами которых являются люди. Именно здесь проявляют себя межличностные связи. В связи с этим представляет интерес оценка респондентами межличностного доверия, которое служит основанием институционального доверия (табл. 6). Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества, имеет в качестве среды своего существования рамки формальных и неформальных институтов. Именно поэтому оно становится основой для создания социальных сетей, содействует усилению доверия к действующим институтам. Персонифицированное доверие предстает как источник «чувства честности и аутентичности себя самого» [2]. Другими словами,

через механизм доверия минимизируется угроза, как сказал Гидденс, «утраты личностного смысла».

Следует различать оценку своей активности и готовность участвовать в деятельности каких-либо объединений (табл. 7). Поэтому наметившийся некоторый рост уровня готовности людей к взаимодействию, к объединению с другими можно трактовать двояко. Это, с одной стороны, тот потенциал, опираясь на который можно повысить эффективность структур гражданского общества. Здесь требуется работа активистов НКО и органов местного самоуправления, рассматриваемых нами как пограничная структура между гражданским обществом и государственной властью. Местное самоуправление отражает уровень объединения общества и государства, границы включения граждан в решение значимых для них государственных вопросов.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос:
«Кому Вы можете доверять?»* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Дата	Вологда	Череповец	Районы	Область
В наше время никому нельзя доверять	апр.14	26,8	24,6	30,3	27,9
	фев.13	25,1	21,6	32,5	27,9
	дек.11	27,9	23,3	24,0	24,7
	авг.10	18,7	22,6	31,3	26,1
Только самым близким друзьям и родственникам	апр.14	57,9	55,2	50,0	53,4
	фев.13	51,5	61,5	48,3	52,5
	дек.11	57,5	54,1	57,3	56,5
	авг.10	67,8	63,4	51,1	58,1
Большинству знакомых мне людей можно доверять	апр.14	11,2	15,2	11,1	12,2
	фев.13	19,6	14,8	13,3	15,2
	дек.11	11,8	20,7	15,7	16,1
	авг.10	10,9	12,5	13,8	12,8
Доверять нужно всем людям без исключения	апр.14	2,1	0,8	5,0	3,1
	фев.13	1,9	0,5	2,0	1,6
	дек.11	2,3	1,8	2,9	2,5
	авг.10	0,9	1,0	3,5	2,3

* Вопрос задается с 2010 г.
Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2010–2014 гг.

Таблица 7. Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	-5	-10
Индекс готовности к объединению	121,9	123,1	139,5	+16	+18
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	-7	+3

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области ИСЭРТ РАН, 2010–2014 гг.

С другой стороны, рост уровня готовности к объединению может означать повышение степени неудовлетворённости деятельностью органов МСУ и госорганов. Это потенциал для объединения с целью выражения своих, отличных от общих интересов.

Вопрос о том, какие социальные группы могут поддержать модернизационные процессы и станут их субъектами, — один из значимых. Выявить эти группы можно, изучив институциональное доверие в регионе. Выше мы отмечали, что в качестве опоры могут рассматриваться представители среднего класса. Как группу поддержки можно рассматривать жителей двух наиболее крупных городов области, являющихся её административными, культурными, промышленными центрами, — Вологды и Череповца. Именно эти горожане наиболее активны в своих оценках. Это свидетельствует о том, что они имеют достаточное представление о деятельности государственных структур и общественных организаций, так или иначе сталкивались с ними, наблюдали их деятельность. Около 70% горожан высказывают свое отношение к действующим институтам. Но почти 30% респондентов попали либо в категорию затрудняющихся ответить, либо никому не доверяющих, либо отказались от ответа на данный вопрос. Что касается сельской местности, то здесь доля выразивших свое доверие/недоверие к различным струк-

турам составляет менее половины (около 45%). Большая же часть населения воздерживается от оценки. Данный факт может свидетельствовать не только об апатичности селян, но и об отсутствии у них необходимой информации. Вполне возможно, что жители малых городов и сельских поселений не видят эффекта от деятельности оцениваемых структур, их влияния на условия жизни, не связывают их деятельность с изменениями в своей жизни к лучшему. Низкий уровень и оценок, и активности оценивания в сельской местности требует более глубокого анализа складывающейся ситуации и может быть свидетельством снижения уровня социального капитала у сообществ данного вида, отсутствия условий для реализации своих потенциальных возможностей в силу утраты или ограниченности материальных, социальных, культурных ресурсов [7]. Доверие способствует накоплению различных активов в обществе — и социальных, и политических, и экономических, и культурных. Именно они обеспечивают воспроизводство социума на конкретной территории.

В качестве примера рассмотрим те активы, которые формируются в политической сфере. Здесь поддержку имеют, как уже отмечалось, институты авторитарного характера: государство, силовики, церковь. Деятельность структур гражданского общества выражена слабо, однако статистика свидетельствует о существовании в регионе

значительного количества НКО. Так, по данным Общественной палаты Вологодской области, на ее территории зарегистрированы 1892 НКО. Среди них общественные объединения (507), профессиональные союзы (332), религиозные организации (140), региональные отделения политических партий (38), общественно-государственные объединения (17), общественные движения (14), общественные фонды (9) [10]. Хотя некоммерческие организации многочисленны, уровень доверия к ним со стороны населения – низок (табл. 8). Причин, на наш взгляд, несколько. Прежде всего, это ориентация деятельности НКО только на узкий круг граждан, чьи интересы они выражают. Ветеранские организации, организации инвалидов, филателистов, любителей животных и т.д. работают в основном с теми, кто входит в их состав по основному признаку (ветеран, инвалид, любитель). В их деятельности наблюдается замкнутость, ориентация на узкопрофильные интересы и неготовность объединяться с другими структурами для

решения общезначимых задач. Деятельность большинства организаций не имеет ориентации на широкую общественность. Вот почему мы получаем крайне низкие показатели при оценке населением деятельности НКО, видим низкую вовлеченность в них граждан, низкую информированность о существовании и деятельности этих организаций.

Это снижает и потенциал гражданского общества, и уровень социального капитала региона.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что для развития региона, для развертывания в нем эффективных модернизационных процессов необходима оценка имеющихся социальных ресурсов, и прежде всего социального капитала, основным показателем которого выступает доверие. Доверие нельзя рассматривать в статике. Оно представляет собой процесс весьма динамичный по своему характеру, многообразный по формам и социальным функциям. Носителями доверия выступают различные акторы. И для выстраивания

Таблица 8. Представления вологжан о деятельности общественных организаций (в % от числа опрошенных)

Знаете ли Вы о деятельности в Вологодской области некоммерческих (общественных) организаций (региональных отделений партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т.д.)?				
Лично сталкивался, определенно знаю	11,2	9,9	3,3	7,1
Что-то слышал	34,0	35,4	37,1	35,9
Ничего не знаю	35,3	42,3	31,9	35,5
Затрудняюсь ответить	19,5	12,4	27,6	21,5
Принимаете ли Вы участие в их деятельности или являетесь членом какой-либо из них?				
Являюсь членом организации	4,7	7,1	3,8	4,9
Принимаю участие как доброволец, волонтер	5,5	10,1	4,9	6,4
Не участвую и не состою	88,6	79,0	90,6	87,0
На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?				
Оказывают большое влияние	5,2	5,6	5,3	5,3
Оказывают незначительное влияние	22,6	23,0	20,0	21,5
Не оказывают никакого влияния	25,7	37,0	17,2	24,6
Затрудняюсь ответить	46,5	34,4	57,5	48,6
Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН (информационный выпуск 12 (1068), 2014 г.).				

модернизационной политики важно понять, какие социальные группы являются носителями модернизационного потенциала, насколько они готовы им воспользоваться. Важно понять и обратную сторону процесса: каков уровень доверия властных структур своим гражданам? Это даст возможность оценить уровень и характер существующей реципрокности. Изучение доверия населению со стороны власти позволило бы поставить в равное положение партнеров доверительных отношений.

В контексте этого возникает необходимость разработки и реализации программы, ориентированной на возрождение социального доверия, содержащей меры, способные повысить гражданскую активность. Такая программа должна иметь своим основанием социальную политику региональной власти. В этом документе должны быть выделены следующие направления её деятельности: обеспечение гражданам условий для создания достойной жизни и для

самореализации творческого (трудового) потенциала; обеспечение доступности качественного образования; минимизация социальных рисков и защита отдельных социальных групп; обеспечение социального партнерства и баланса экономической свободы и общественных интересов; формирование среднего класса и снижение уровня социальной поляризации; развитие местного самоуправления, являющееся основным показателем реальной демократии и приближения власти к народу.

Для разработки такой программы необходимо не только анализ ситуации, но и поиск способов воздействия на акторов: в одном случае — с целью повышения компетентности, стимулирования инновационной активности, а в другом — снижения уровня агрессивности. Итогом программы должна стать оценка достигнутого уровня доверительности, зрелости гражданского общества, степени достижения целей модернизации.

Литература

1. Беляева, Л.А. Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы [Текст] / Л.А. Беляева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 1. — С. 108-115.
2. Гидденс, Э. Последствия современности [Текст] / Э. Гидденс. — М: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — С. 211-218.
3. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru>
4. Гудков, Л. Социальный капитал и идеологические ориентации [Текст] / Л. Гудков // Pro et Contra. — 2012. — Май—июнь. — С. 6-31.
5. Дрегало, А.А. Социология региональных трансформаций [Текст]: в 2-х т. — Т. 2. Региональный социум 1999—2008: от разочарования к надежде: монография / А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский. — Архангельский Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. — 407 с. — С. 63.
6. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: 2-е изд., испр. и дополн. / С.Г. Кирдина. — Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. — 307 с.
7. Кожина, Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект [Текст] / Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. — 2013. — №3 (65). — С. 100-115.
8. Лапин, Н.И. О стратегии интегрированной модернизации [Текст] / Н.И. Лапин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 1. — С. 26-35.
9. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — 158 с.
10. Общественная палата Вологодской области // Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.op35.ru/>
11. Рязанцев, И.П. Территориальное поведение россиян [Текст] / И.П. Рязанцев, А.Ю. Завалишин. — М.: Академический проект «Гаудеамус», 2006. — С. 30.

12. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2012 г. [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.giarating.ru/>
13. Селигмен, А. Проблема доверия [Текст] / А. Селигмен: пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 200 с. – С. 21.
14. Социокультурный портрет региона: Типовая программа и методика [Текст] / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой // Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов», г. Москва, 27 июня – 2 июля 2005 г. – М: ИФ РАН, 2006.
15. Справочник по регионам России за 2013 г. Ноябрь 2013. АТОН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rcb.ru/data/analytics/>
16. Социокультурные аспекты развития территории [Текст] / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – С. 66-76.
17. Шабунова, А.А. Социокультурный портрет Вологодской области [Текст] / А.А. Шабунова // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 16–17 октября 2012 г.: в 2-х ч. – Ч. 1. – ЧГУ, 2012. – С. 44-58.
18. Штомпка, П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) [Текст] / П. Штомпка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6. – С. 119-126.
19. Штомпка, П. Доверие – основа общества [Текст] / П. Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.
20. Eisenstadt, Shmuel N. 2000. Multiple modernities. *Daedalus* 129 (1): 1–30.
21. Luhmann, N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // *Trust-Making and Breaking Cooperative Relations*. – Oxford: Basil Blackwell, 1988. – P. 94-107.

Guzhavina T.A.

Trust and its role in the modernization development of the region

Tat'yana Anatol'evna Guzhavina – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (78, Victory Avenue, Cherepovets, 162614, Russian Federation, Labch1@mail.ru)

Abstract. The purpose of this article is to analyze theoretical approaches to the concept of social trust, to assess the level of confidence, to show its role in the modernization and development of the region. According to the author, trust is a set of socially responsible and socially confirmed expectations of individuals in relation to other individuals, organizations, institutions, rules and regulations that constitute the fundamental content of life and support sustainability and cohesion of society. Based on the popular typology of trust proposed by Anthony Giddens, the author analyzes the state of institutional trust in the Vologda Oblast. Using the data of the public opinion monitoring carried out by ISEDТ RAS, the article analyzes the Vologda Oblast residents' trust in major political institutions. The author identifies factors that generate trust, studies the composition of the groups of people according to trust, and shows the effects of a low level of institutional trust. They are manifested in the lower level of social activity and in the fact that the people are not ready to unite and interact with each other. Besides, the author points out that civil society is atomized. The article also raises the problem of low efficiency of the structures of civil society, despite the fact that there is a significant amount of NCOs in the region, according to the statistics. Based on the data of ISEDТ RAS polls, the article points out an extremely low assessment of performance of NCOs, a low involvement of citizens in their activities and a low level of awareness concerning the existence and activities of these organizations. The author notes that the development of the region, and implementation

of effective modernization on its territory require not only assessment of available social resources and, first of all, social capital, the main indicator of which is the trust, but also the development of targeted policy to increase the level of trust in the regional community, to overcome the factors that generate and support a culture of distrust.

Key words: region, trust, institutional trust, distrust culture, modernization.

References

1. Belyaeva L.A. Regional'nyi sotsial'nyi kapital i mnozhestvennaya modernizatsiya v Rossii. K postanovke problemy [Regional Social Capital and Multiple Modernization in Russia. On Defining the Problem]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 1, pp. 108-115.
2. Giddens A. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya grupa "Praksis", 2011. Pp. 211-218.
3. *Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva* [State Support of Small and Medium Enterprises]. Available at: <http://vologda-oblast.ru>
4. Gudkov L. Sotsial'nyi kapital i ideologicheskie orientatsii [Social Capital and Ideological Orientation]. *Pro et Contra*, 2012, May–June, pp. 6-31.
5. Dregalo A.A., Ul'yanovskii V.I. *Sotsiologiya regional'nykh transformatsii: v 2-kh t. T. 2. Regional'nyi sotsium 1999–2008: ot razocharovaniya k nadezhde: monografiya* [Sociology of Regional Transformations: in 2 Volumes. Volume 2. Regional Society in 1999–2008: from Disappointment to Hope: Monograph]. Arkhangel'skii Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet, 2010. 407 p. P. 63.
6. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: 2-e izd., ispr. i dopoln.* [Institutional Matrices and the Development of Russia: 2nd Edition, Revised and Supplemented]. Novosibirsk: IE i OPP SO RAN, 2001. 307 p.
7. Kozhina T.P. Institutsional'noe doverie: regional'nyi aspekt [People's Confidence in Governmental and Public Institutions: Regional Aspect]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no.3(65), pp. 100-115.
8. Lapin N.I. O strategii integrirovannoi modernizatsii [On the Strategy of Integrated Modernization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 1, pp. 26-35.
9. Shabunova A.A., Gulin K.A., Lastochkina M.A., Solov'eva T.S. *Modernizatsiya ekonomiki regiona: sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Modernization of the Region's Economy: Socio-Cultural Aspects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 158 p.
10. *Obshchestvennaya palata Vologodskoi oblasti. Ofitsial'nyi sait* [Official Website of the Public Chamber of the Vologda Oblast]. Available at: <http://www.op35.ru/>
11. Ryazantsev I.P., Zavalishin A.Yu. *Territorial'noe povedenie rossiyan* [Territorial Behavior of the Russians]. Moscow: Akademicheskii proekt "Gaudeamus", 2006. P. 30.
12. *Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub"ektov RF. Itogi 2012g.* [Ranking of the Subjects of the Russian Federation according to their Socio-Economic Condition. The Results of 2012]. Moscow, 2013. Available at: <http://www.riarating.ru/>
13. Seligman A. *Problema doveriya* [The Problem of Trust]. Translated from English by I. Myurberg, L. Soboleva. Moscow: Ideya-Press, 2008. 200 p. P. 21.
14. Sotsiokul'turnyi portret regiona: Tipovaya programma i metodika [Socio-Cultural Portrait of the Region: a Model Program and Methodology]. Ed. by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. In: *Materialy konferentsii "Sotsiokul'turnaya karta Rossii i perspektivy razvitiya rossiiskikh regionov"*, g. Moskva, 27 iyunya – 2 iyulya 2005 g. [Proceedings of the Conference "Socio-Cultural Map of Russia and the Prospects of Development of Russia's Regions", Moscow, June 27 – July 2, 2005]. Moscow: IF RAN, 2006.
15. *Spravochnik po regionam Rossii za 2013 g. Noyabr' 2013. ATON* [Reference Book on the Regions for 2013. November 2013. ATON]. Available at: <http://www.rcb.ru/data/analytics/>
16. Shabunova A.A., Gulin K.A., Okulova N.A., Solov'eva T.S. *Sotsiokul'turnye aspekty razvitiya territorii* [Socio-Cultural Aspects of Development of the Territory]. Vologda: ISERT RAN, 2009. Pp. 66-76.
17. Shabunova A.A. Sotsiokul'turnyi portret Vologodskoi oblasti [Socio-Cultural Portrait of the Vologda Oblast]. In:

Sotsial'nyi kapital kak resurs modernizatsii v regione: problemy formirovaniya i izmereniya. Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 16–17 oktyabrya 2012 g. [Social Capital as a Resource of Modernization in the Region: Problems of Formation and Assessment. Materials of the Inter-Regional Research-to-Practice Conference, October 16–17, 2012.]. In 2 Parts. Part 1. ChGU, 2012. Pp. 44-58.

18. Sztompka P. Modernizatsiya kak sotsial'noe stanovlenie (10 tezisov po modernizatsii) [Modernization as Social Becoming (Ten Theses on Modernization)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.6, pp. 119-126.
19. Sztompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust: the Foundation of Society]. Translated from Polish by N.V. Morozova. Moscow: Logos, 2012. 440 p.
20. Eisenstadt Shmuel N. Multiple Modernities. *Daedalus*, 2000, no. 129 (1), pp. 1–30.
21. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. *Trust-Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford: Basil Blackwell, 1988. Pp. 94-107.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.13

УДК 321.01, ББК 66.033.1

© Афанасьев Д.В.

Общество и власть: поиск путей формирования взаимного доверия

**Дмитрий Владимирович
АФАНАСЬЕВ**

кандидат социологических наук, доцент, ректор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Череповецкий государственный университет (162614, г. Череповец, просп. Луначарского, д. 5, chsu@chsu.ru)

Аннотация. Статья рассматривает вопросы, связанные с низким уровнем политического доверия в современной России и последствиями этого для политического режима, а также с источниками политического доверия и путями его формирования. Основываясь на ключевых авторах и фундаментальных текстах по данной теме, статья суммирует наиболее важные теоретические и практические моменты. Подчеркнута особая ответственность власти за построение взаимного доверия в политике. Предложены некоторые пути формирования политического доверия, сфокусированные на информировании, обучении и вовлечении общества в совместную деятельность.

Ключевые слова: доверие, политическое доверие, источники и пути формирования политического доверия.

Формулировка «поиск путей формирования взаимного доверия» предполагает, что в настоящее время пути отсутствуют либо неэффективны. Проблемой, поставленной в центр данной статьи, является наличие регулярно фиксируемого социологами факта низкого уровня политического

доверия широких масс российского населения политическим институтам, органам власти и политическим деятелям России [1]. Иначе говоря, речь идет именно о политическом доверии, поскольку сторонами доверия в данном случае предполагаются «общество» и «власть»¹.

¹ Понятно, что сама по себе такая постановка слишком широка, поскольку эти крайне общие и многозначные категории скрывают широкий ряд различных феноменов, заслуживающих отдельного рассмотрения. Общество можно понимать и как население вообще, и как его социально и политически активную, вовлеченную часть — публику, и как гражданское общество — концепт столь же популярный, сколь и эмпирически трудноуловимый и т.д. Власть — еще более емкое понятие: и процесс, и состояние, и субъект. Однако для целей данной статьи широкое определение сторон политического доверия представляется оправданным без специальной дискуссии.

В нашей работе мы будем использовать следующие рамки: под «властью» мы будем понимать совокупность политических институтов, органов власти (политическую систему) и политических руководителей, а также чиновничество, как особую социально-профессиональную группу, под «обществом» — широкие массы населения России, периодически выступающие в качестве «электората» на выборах различного уровня и «респондентов» в социологических опросах.

Концепт доверия

Доверие в целом — презумпция, что объект доверия будет вести себя в целом в соответствии с положительными ожиданиями и ценностями субъекта доверия, убежденность в правильности и предсказуемости его действий, уверенность, которая делает возможными взаимное сотрудничество и принятие обязательств [2, 3]. Доверяя, человек, группа или организация будут частично или полностью освобождены от тревоги и необходимости контроля за поведением партнера. В этом смысле доверие является эффективным средством для снижения транзакционных издержек в любых социальных, экономических и политических отношениях.

Доверие, рассматриваемое в политическом плане, — так называемое политическое доверие имеет место, когда граждане оценивают власть и ее институты, политику в целом и/или отдельных политических лидеров как выполняющих обещания, эффективных, справедливых и честных. Политическое доверие, другими словами, является суждением граждан, что политическая система и политики отзывчивы к их интересам, соответствуют их ценностным установкам и будут делать то, что правильно, даже при отсутствии постоянного контроля за ними [4]; это вера общества в то, что будущая реальность (вследствие действий правящей группы) совпадет с социальными ожиданиями, а ресурсы будут

использоваться властью справедливо и во имя общего блага.

Недоверие к власти, соответственно, означает, что общество не считает распределение властью ресурсов справедливым и соответствующим общему благу, а саму элиту — нравственно полноценной. Чувствуя недоверие со стороны общества и опасаясь, что в кризисный момент она не сможет на него опереться, власть, в свою очередь, не доверяет обществу и стремится держать его в стороне от принятия действительно важных решений.

Аспекты доверия

Политическое доверие — это многоаспектный феномен, связанный с множеством других важных социально-политических конструктов. Назовем лишь ключевые из них.

Легитимность (правомочность, правомерность, оправданность, или диффузная поддержка — в терминах Д. Истона [5, 6]) — ощущение, что институты, органы власти сформированы, руководители избраны (назначены) и действуют (принимают и реализуют решения) на основе широко понимаемых норм права, доминирующей морали, общепринятых норм поведения. Этот аспект доверия укоренен в преобладающей культуре и истории общества, устойчив на протяжении времени и меняется, как правило, в результате глубоких социальных травм либо длительной постепенной адаптации к изменениям.

Эффективность (результативность, обязательность, профессионализм, компетентность, специфическая поддержка в концепции Д. Истона) — ощущение, что соответствующие институты, органы власти, политические руководители и исполнители могут добиваться или добиваются заявленных целей, знают и выполняют ожидания населения. Этот аспект доверия связан с ожидаемыми или воспринимаемыми результатами деятельности, носит более ситуативный, изменчивый характер.

Накладываясь, оба эти аспекта определяют конкретный уровень политического доверия в обществе в текущий момент, а также уровень политического доверия индивида.

Эти аспекты связаны «петлей обратной связи»: запас доверия позволяет управляющим принимать меры по повышению экономической и политической эффективности, а результативность укрепляет отношения доверия. Верно и обратное: политика, не приносящая положительных результатов, быстро истощает резервуар доверия к властям, что сужает возможности политического действия властей.

Важность политического доверия

Современные теории рассматривают политическое доверие как центральный элемент сети причинных связей, включающих политическую социализацию, эффективность институтов, политическую поддержку, участие граждан в политической жизни [7, 8]. В этих теориях доверие является важным измерением политической культуры, а политическое доверие воспринимается как отражение более обширного климата доверия, господствующего в обществе. Доверие, иначе говоря, это базовая эмоция «социального контракта» между управляющими и управляемыми — обещания в обмен на доверие и поддержку действий.

В целом доверие становится центральным показателем отношения общества к своей политике, необходимым условием жизнеспособности политической системы. Отношение между доверием власти и эффективным государственным управлением является циклическим: в то время как доверие к власти и ее представителям способствует эффективному управлению, эффективное управление, в свою очередь, рождает и укрепляет доверие во всех его вариантах.

Особенно важным наличие доверия становится в периоды глубоких социально-экономических и политических перемен, модернизационных сдвигов, проведения реформ. Кредит доверия — это «разрешение» власти на основе высокого доверия принимать в том числе непопулярные меры, основанное на ожидании, что они приведут, в конечном счете, к социальным или материальным выгодам, улучшению состояния дел. Если этого не происходит, то, как правило, резервуар поддержки быстро исчерпывается.

Определенный уровень недоверия и подозрительности по отношению к властям у части граждан служит необходимым условием здоровья политического режима нетоталитарного типа, потому является вполне функциональным и не должен рассматриваться как угроза политической стабильности [4; p. 46–48].

Откуда берется политическое доверие/недоверие

Согласно современным представлениям, на *макроуровне* доверие — это констелляция национальных ценностей и текущей оценки эффективности политической системы и ее элементов. В основе — степень совпадения интересов и ценностей субъекта и объекта политического доверия, оцениваемая через призму публичных заявлений, планов и программ объекта и ответственности деятельности объекта доверия сделанным ранее заявлениям. На *микроуровне* индивидуальное доверие формируется как в процессе межпоколенческой социализации, так и за счет опыта взаимодействия с другими, приобретенного индивидом [9].

Таким образом, в России корни недоверия кроются как в культурных особенностях россиян, так и обусловлены их негативной оценкой эффективности работы существующих институтов.

Переданный при социализации фрейм восприятия власти заставляет россиянина воспринимать любое взаимодействие с властью в принципе как проблему. А негативный личный опыт взаимодействия с конкретным политиком или чиновником дискредитирует в глазах гражданина всю власть и подкрепляет генерализированное недоверие.

Создание предпосылок политического доверия в России

Прежде всего, власть, правящая элита должны признать факт недоверия со стороны общества и осознать, что преодолеть политическое недоверие только с помощью пропаганды («пиара») невозможно. Даже при наличии высокоэффективной авторитарной пропагандистской машины высокий уровень доверия может сформироваться лишь как следствие мобилизующего потенциала объединяющей идеологии или системы ценностей. Как только такая идеология распадается, машина лишается «топлива».

Нельзя также полагаться на стихийное формирование доверия на основе самоорганизации гражданского общества [10]. Развитие гражданского общества в условиях радикального недоверия ведет к формированию контрэлиты, неспособной и нежелающей сотрудничать с властью. Недавние события на Украине — еще один пример и недвусмысленный урок.

Фундаментальные основания политического доверия

Внимательное изучение теоретических основ и эмпирических выводов из концепции политического доверия в отношении эффективного управления показывает, что политические лидеры, «власти» в широком смысле могут создать и сохранить доверие путем внедрения следующих общих стратегий:

- Показывать искреннюю заботу о благе общества, поддерживая единство между словами и делами и демонстрируя

приемлемое поведение, формируя **МОРАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ**.

- Стремиться эффективно представлять интересы своих избирателей, одновременно удерживая высшую цель служения общему благу. Это формирует **ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ** с акцентом на экономической эффективности и ее следствиях: создание благоприятной (безопасной, комфортной) социальной среды, защита граждан от внутренних и внешних угроз, обеспечение приемлемого уровня жизни.

- Реализовать политические реформы, такие как децентрализация и инновации в государственном управлении и т.д., с упором на политическую легитимность и реальную борьбу с коррупцией. Предотвращение коррупции и скандалов является непременным условием поддержания политического доверия. Коррупция (и ощущение коррупции) наносят такой ущерб доверию, который не может быть полностью устранен на протяжении длительного периода времени в будущем.

- В тандеме с политическими реформами провести социальные реформы, которые усилят представительство гражданского общества. Это укрепит **СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ** с акцентом на катализирующих эффектах социального капитала.

«Технологические» предпосылки и пути формирования доверия

Очевидно, что как проблема недоверия, так и задача восстановления доверия носят многоплановый и двусторонний характер. Формирование доверия невозможно только за счет действий одной стороны, например исключительно путем просвещения непросвещенных масс «сверху».

Обеим сторонам требуется делать шаги навстречу друг другу, поощряя формы сотрудничества и кооперации, в которых постепенно преодолеваются устойчивые стереотипы взаимного недоверия и формируются опыт, структуры, а за ним и культура взаимного доверия.

Обществу необходимо получить знание и прийти к пониманию специфики и результатов работы власти, научиться выдвигать и отстаивать не только требования, но и инициативы, нарабатывать формы участия — только так можно прийти к ощущению сопричастности государственным делам, приверженности единому делу и преодолению отчужденности. Власть должна пройти еще больший путь, используя широкий набор инструментов формирования доверия. Назовем лишь некоторые:

- информирование — обязательный, но далеко не единственный и тем более не всемогущий канал формирования доверия к власти и ее представителям;
- обучение — необходимая часть обеспечения участия граждан в обсуждении и решении профессиональных вопросов управления и решения социальных проблем;
- изучение, получение обратной связи, дающее знание, понимание интересов и ценностей общества;
- транспарентность процедур осуществления власти, принятия решений;
- создание инфраструктуры участия и вертикальных лифтов, поддержка социальных проектов и инициатив;
- снятие чрезмерных административных барьеров, упрощение и автоматизация рутинных процедур, исключение, где возможно, человеческого фактора, стандартизация делового поведения «фронт-офисов» — служащих, непосредственно работающих с населением;
- демонстрация властью и чиновниками правильного поведения, отсутствие «двойных стандартов», профилактика коррупциогенности процедур и нормативных актов;
- делегирование обществу полномочий, ресурсов и ответственности;
- вовлечение общества напрямую и через его активных представителей в раз-

нообразные формы коллективного обсуждения и принятия решений, контроля и оценки деятельности институтов, формирования органов власти.

Наиболее традиционный и во многом дискредитировавший себя, но остающийся для большей части населения единственным способом политического участия — участие в выборах. **Уверенность в соблюдении принципов справедливой и честной борьбы на выборах** наряду с самим фактом победы одной из сторон является для населения основанием для кредита доверия победителю, даже если конкретный избиратель и не голосовал за этого победителя. Сомнение в факте победы (подтасовка, манипуляции результатами) или убежденность в ее нечестном характере (использование незаконных методов борьбы, административного ресурса) служит источником недоверия, лишения поддержки и, в ряде случаев, активного протеста против сформированной власти.

Однако в современном контексте следует активно анализировать и использовать **нестандартные формы политического участия и выражения граждан**, в том числе на основе современных информационно-коммуникационных технологий, принять технологические инновации, чтобы сделать власти более эффективными, открытыми и доступными для граждан, обеспечить реальную прозрачность властных процедур и эффективные каналы политического участия, такие как **электронное правительство и электронное участие, «краудсорсинг»**.

Риском здесь является ведение всей этой деятельности властью в имитационном ключе, поддержание иллюзии эффективного участия населения. Разочарование в таких псевдодемократических формах происходит быстро и надолго вырабатывает у общества иммунитет к попыткам власти завоевать доверие.

Литература

1. Москвин, Л.Б. Власть и общество: проблема доверия / Л.Б. Москвин // Власть. — 2011. — № 9.
2. Sztompka, P. Trust: Cultural Concerns in *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences* / P. Sztompka. — Elsevier Science Ltd, 2001. — P. 15913-15917.
3. Штомпка, П. Доверие — основа общества / П. Штомпка. — М.: Логос, 2012. — С. 80.
4. Gamson, W. *Power and Discontent* / W. Gamson. — Homewood: Dorsey Press, 1968. — P. 43, 54.
5. Easton, D. A Reassessment of the Concept of Political Support / D. Easton // *British Journal of Political Science*. — 1975. — № 5. — P. 435-457.
6. Easton, D. Theoretical Approaches to Political Support / D. Easton // *Canadian Journal of Political Science*. — 1976. — № 9. — P. 431-448.
7. Hooghe, M., Zmerli, S. (eds.). *Political Trust. Why Context Matters?* — Colchester, Essex: ECPR Press, 2011.
8. Newton, K. Social and Political Trust in Established Democracies in Norris, P. (ed). *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government* / K. Newton. — Oxford: UK, Oxford University Press, 1999. — P. 169-187.
9. Mishler, W., Rose, R. What are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies // *Comparative Political Studies*. — 2001. — Vol. 34. — No. 1. — February. — P. 30-62.
10. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.

Afanas'ev D.V.

Power and society: search for the ways of formation of mutual trust

Dmitrii Vladimirovich Afanas'ev — Ph.D. in Sociology, Rector, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University” (5, Lunacharsky Avenue, Cherepovets, 162600, Russian Federation)

Abstract. The article considers the issues associated with the low level of political trust in modern Russia and its consequences for the political regime; it also considers the sources of political trust and the ways of its formation. The article summarizes the most important theoretical and practical aspects using the works of researchers specializing in this field and fundamental texts on the subject. The author emphasizes the special responsibility of the government for the building of mutual trust in politics. He suggests some ways to build political trust, focused on public awareness, education, and involvement of society in joint activities.

Key words: trust, political trust, sources and ways to develop political trust.

References

1. Moskvin L.B. *Vlast' i obshchestvo: problema doveriya* [Power and Society: the Issue of Trust]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 9.
2. Sztompka P. Trust: Cultural Concerns. In: *International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences*. Elsevier Science Ltd, 2001. Pp. 15913-15917.
3. Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust: the Foundation of Society]. Moscow: Logos, 2012. P. 80.
4. Gamson W. *Power and Discontent*. Homewood: Dorsey Press, 1968. Pp. 43, 54.
5. Easton D. A. Reassessment of the Concept of Political Support. *British Journal of Political Science*, 1975, no. 5, pp. 435-457.
6. Easton D. Theoretical Approaches to Political Support. *Canadian Journal of Political Science*, 1976, no. 9, pp. 431-448.
7. *Political Trust. Why Context Matters?* Ed. by M. Hooghe, S. Zmerli. Colchester, Essex: ECPR Press, 2011.
8. Newton K. Social and Political Trust in Established Democracies. In: *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*. Oxford: UK, Oxford University Press, 1999. Pp. 169-187.
9. Mishler W., Rose R. What are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies. *Comparative Political Studies*, 2001, vol. 34, no. 1, February, pp. 30-62.
10. *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Trust and Distrust in the Development of Civil Society]. Executive editors A.B. Kuprechenko, I.V. Mersyanova. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2013.

Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России

Аркадий Львович

МАРШАК

доктор философских наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, marshak_al@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается культурная идентичность как фактор и потенциал укрепления целостности российского государства. Приводится анализ современной социокультурной ситуации в России, раскрываются основы феномена современной культуры, её роли в обществе, приводятся основные направления исследования современной культуры как фактора целостности России.

Ключевые слова: культурная идентичность, нормы идентификации, продуктивность культуры как фактора целостности России.

«В чем смысл культурной суеты? –
В политике вооружений?
В удуше газовых сражений?
В братоубийственной резне?
В партийных спорах и грызне?
В мечтах о равенстве вселенском
С грозящим брату кулаком?
В неофилософах с их злом?
В омужествленном поле женском?
Тогда долой культуру эту...»

И. Северянин, 1925 г.

Понимание сущности идентификационных процессов в российском обществе без понимания содержания современной российской культуры, её черт и нынешнего

состояния невозможно. Являясь частью мирового цивилизационного процесса, российская культура не перестает сохранять своеобразие.

Интегрируя реальные образы культуры, продолжая стоять на службе интересов государства, в современных условиях культура отстает от задач государственного строительства и не соответствует усложняющимся процессам укрепления целостности России.

Вместе с тем, оценивая культурное состояние нашего общества, нужно учитывать приоритеты традиционных образцов культуры в ценностных социокультурных ориентациях наших людей. По данным исследований ВЦИОМ (2013 г.) одним из главных предметов гордости россиян являются отечественные культура и искусство. Так считают 75% опрошенных. Это дает основание полагать, что для России культура есть выражение национальной энергии и, следовательно, идентификационный потенциал для укрепления государственности и целостности государственного строя.

Рассматривая культуру в качестве идентификационного потенциала целостности российского общества, мы коснемся наиболее существенных сторон его проявления. При этом мы исходим из того, что современная российская культура многофункциональна, разнообразна и является способом определенного творчества, творческой деятельности человека, овеянной в культурных ценностях (продуктах) и духовности человека (согласно концепции культурной деятельности В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова). В соответствии с этим культура является мерой общественного прогресса, что проявляется через конкретные показатели культуры. Культурная жизнь воплощает на практике гуманистические цели развития общества. Они, в свою очередь, определяют ценности культурной социализации, приобщая личность к идентификационным процессам.

Для идентификационных процессов имеет большое значение анализ функцио-

нирования культуры в обществе, прежде всего с точки зрения культурного влияния различных социальных групп. Кроме того, для понимания роли культуры в идентификационном процессе укрепления целостности России имеет значение деятельность учреждений культуры, средств массовой информации и досуговая деятельность на уровне институтов и личных предпочтений граждан.

Среди важнейших социокультурных факторов, имеющих влияние на культурную идентификацию, выделим следующие.

Во-первых, культура способствует формированию норм творчества, что влияет на разработку новых направлений в искусстве, науке, благоприятствует инновационным открытиям в целом, развитию познания, освоению и преобразованию мира. Культура содействует освоению новых территорий, развитию средств связи, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для жизни. Однако это носит не только позитив, но и может иметь негативные последствия, в том числе такие, как экспансия природы, подрыв привычных культурных связей, проявление разного рода фанатизма, распространение образцов массовой культуры и вредного влияния средств масс-медиа.

Во-вторых, культурная идентификация реализуется в труде, отдыхе, продолжении рода. Особое место здесь занимает речевой канал коммуникации как выражение определенного уровня культуры. Первостепенное значение для этого вида идентификационных процессов имеют развитие и совершенствование русского языка. Русский язык приобретает сегодня важную форму идентификации, через которую обновляется язык различных профессий, речевой канал политиков, молодежных связей.

В-третьих, особенностью идентификационных процессов, происходящих сегодня в России, является то, что они осуществляются в условиях глобального накопления и хранения информации. В современном социокультурном пространстве наличествует множество различных информационных потоков. В этой связи культурная идентификация может способствовать обновлению устной и письменной речи, радио- и телекоммуникациям, распространению социального опыта нравственных и религиозных установок. Условия информационного взрыва, который переживает современное российское общество, с одной стороны, глобализируют эти процессы, а с другой стороны, создают дополнительные условия для новых рисков.

В-четвертых, культура позволяет формировать регулятивные и нормативные условия идентификации. Именно культура поддерживает устойчивость традиций, позволяет эффективно соотносить теорию идентификации с конкретными действиями, координирует различные виды и типы идентификационного потенциала общества. При помощи культуры вырабатываются нормы идентификации (технические, моральные, эстетические, природно-климатические или экологические), которые обеспечивают субъективные и объективные условия жизнедеятельности.

В-пятых, культура освобождает процесс идентификации от эмоциональной напряженности. Особую роль здесь играют виды художественной культуры – театр, кино, литература, живопись, музыка и пр. Эта гедонистическая составляющая серьезно проявляется при проведении различных видов досуговой деятельности. При этом особые идентификационные усилия требуются при решении вопросов экономизации культуры и её продуктивности в условиях рыночных отношений.

В-шестых, осуществление идентификации культуры в настоящих условиях, учет социокультурного содержания этих процессов формулируют задачи создания эффективных механизмов их защиты. Культурная безопасность может реализовываться через продукты материальной культуры (медицинские препараты, одежда, обувь, оружие, средства химической защиты) и через духовную культуру (досуг, адекватная музыка, живопись, технический дизайн и т.п.). В последнее время, когда мы оказываемся в обществе риска, культурная безопасность занимает все более приоритетное место в идентификационных процессах.

Используя культуру как идентификационный фактор укрепления целостности российского общества, нужно иметь в виду, что социальная парадигма этого явления предполагает выделение ряда уровней: концептуальный (методология исследований), эмпирический (конкретно-социологическое изучение сферы культуры) и прикладной (управление, экономика, организация учреждений культуры).

Концептуальный уровень характеризуется прежде всего сложностью содержания и многофункциональностью культуры как социосистемы. На этом уровне мы разрабатываем теорию идентификации с учетом системы специфических закономерностей функционирования культуры. В соответствии с этим возможна идентификация образа жизни, образования, науки, средств массовой информации, национальных отношений и даже религиозных воззрений. Разумеется, это связано с обновлением категориального аппарата и научного языка теории и социологии культуры, что, в свою очередь, опирается на социальный опыт культуры и процессы культурной самоидентификации общества.

Концептуальная конструкция и методологическое содержание социокультурной идентификации во многом определяются через эмпирическое содержание культуры как общественного института. Социологические исследования позволяют установить спектр эмпирических показателей и конкретных форм осуществления процесса идентификации при помощи культурной деятельности. Упор на эмпирику дает возможность определить содержание социокультурной системы того или иного института культурно-духовной сферы, раскрыть моральные ценности, эстетические нормы и параметры культурного поведения личности, необходимые для успешного проведения идентификации.

Это позволяет, в свою очередь, выйти на решения идентификационных задач прикладного характера, дать действенные конкретные предложения по совершенствованию целостности общества и управлению этими процессами.

Без культурного анализа общества, процесса функционирования культуры в обществе как важнейших условий познания всех социокультурных сторон жизни невозможно правильно и адекватно осуществлять саму идентификацию. Выстраивая идентификационную парадигму, нужно учитывать не только экономические факторы, но и четко определять неэкономические

составляющие этого процесса. Разумеется, здесь сегодня все большую роль играет культура. При этом надо отметить, что гуманистический характер идентификационных процессов в российском обществе делает культуру приоритетным фактором укрепления целостности России. Духовная составляющая общества в целом и отдельных её членов в частности оказывает существенное влияние на процессы идентификации, способствует эффективному решению идентификационной целостности общества.

Рассматривая культуру как идентификационный потенциал этих процессов, необходимо опираться на те образы культуры, которые традиционны для российского общества и в которых находят отражение исторически обоснованные морально-нравственные устои российского человека. Это одно из важных требований адекватного использования культуры как идентификационного потенциала.

Анализ реального состояния общества, его духовной и культурной жизни, использования результатов социологического осмысления этих процессов позволяет надеяться на успешное решение задач культурной идентификации как неременного условия дальнейшего становления целостности современного российского государства.

Литература

1. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) / М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2011. – 672 с.
2. Жданов, Ю.А. Сущность культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. – Ростов-на-Дону: Наука пресс, 2005. – С. 195-428.
3. Маршак, А.Л. Культура: социологические смыслы и социальные реалии. Предисловие академика РАН М.К. Горшкова / А.Л. Маршак. – М.: НИЦ «Академика», 2013.

Marshak A.L.

Cultural identity as a factor in strengthening the integrity of Russia

Arkadii L'vovich Marshak – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation, marshak_al@mail.ru)

Abstract. The article discusses cultural identity as a driving force and a reserve for strengthening the integrity of the Russian state. The author analyzes the modern social and cultural situation in Russia, reveals the foundations of the phenomenon of contemporary culture, its role in society; he outlines the main directions of research into modern culture as a factor promoting the integrity of Russia.

Key words: cultural identity, norms of identification, productivity of culture as a factor in the integrity of Russia.

References

1. Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian Society as It Is (the Experience of Sociological Diagnostics)]. Moscow: Novyi khronograf, 2011. 672 p.
2. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. *Sushchnost' kul'tury* [Essence of Culture]. Rostov-on-Don: Nauka press, 2005. Pp. 195-428.
3. Marshak A.L. *Kul'tura: sotsiologicheskie smysly i sotsial'nye realii* [Culture: Sociological Meanings and Social Realities]. Foreword by RAS Academician M.K. Gorshkov. Moscow: NITs "Akademika", 2013.

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.15
УДК 31+357, ББК 60.52+67.401

© Егорышев С.В.

Социологический анализ эффективности социального взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом и населением на уровне региона

**Сергей Васильевич
ЕГОРЫШЕВ**

доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (450071, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Менделеева, д. 215/4, nauka@vegu.ru)

Аннотация. В статье раскрываются возможности социологического анализа состояния и результатов социального взаимодействия правоохранительных органов с населением и институтами гражданского общества, а также обозначаются задачи, решаемые в ходе подобного анализа, проводимого на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан).

Ключевые слова: правоохранительные органы, гражданское общество, социальное взаимодействие, социальная эффективность, регион.

Реформа правоохранительной системы Российского государства в целом и отдельных её структур (МВД, ГУФСИН) и принятие в связи с этим нового законодательства, регулирующего общественные отношения в правоохранительной сфере (Федеральный закон «О полиции», вступивший в силу 1 января 2011 года), направлены на существенное повышение, прежде всего, социальной эффективности деятельности правоохранительных органов. Данная эффективность означает социально одобряемый уровень общественной безопасности и правопорядка на всех уровнях организации общества, высокую

удовлетворенность населения работой правоохранительных органов и доверие им, готовность, стремление и реальное содействие правоохранительным органам со стороны граждан и институтов гражданского общества.

Добиться социальной эффективности функционирования правоохранительных органов, как свидетельствует отечественный исторический и современный зарубежный опыт, возможно только на основе тесного взаимодействия правоохранительных структур государства с гражданским обществом и широкими слоями населения.

Подобное взаимодействие не только будет способствовать более успешному решению правоохранительными органами своих профессиональных задач (раскрытие, предотвращение, профилактика преступлений, розыск лиц, совершивших преступные деяния или ставших их свидетелями, жертвами и др.), но и закономерно отразится на изменениях в структуре, динамике и масштабе преступности, что приведёт, в конечном счёте, к достижению её социально терпимого уровня, к минимизации её наиболее социально опасных форм, существенному снижению массовости проявления.

Кроме того, тесное взаимодействие правоохранительных органов с гражданским обществом способствует развитию самого гражданского общества через самоорганизацию населения посредством объединений правоохранительной направленности и осуществления общественной правоохранительной деятельности.

Вместе с тем формирующийся на уровне законодательства, осознания необходимости и на практике потенциал взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом как необходимое условие становления и развития правового государства всё ещё не реализован. Подобное социальное взаимодействие преимущественно декларируется, нежели практически активно и повсеместно реализуется. Это объясняет сохраняющееся в общественном сознании недоверие правоохранительным органам. По нашим исследованиям¹, проведённым в 2010–2013

годах в Республике Башкортостан (выборка ежегодно составляла 1200 единиц), судебным органам в 2012 году доверяли 48,8% респондентов; органам прокуратуры – 49,2%, органам внутренних дел – 40,8%; Федеральной службе безопасности – 52,6% опрошенных).

Невысокий уровень доверия основан на неудовлетворённости состоянием правопорядка в республике (29,0% опрошенных в 2012 году и 31,4% – в 2013 году). В 2012 году 51,8% респондентов чувствовали себя защищёнными со стороны правоохранительных органов, а 32,2% такого чувства не испытывали; в 2013 году – 55,0 и 27,9% соответственно.

На таком уровне доверия и удовлетворённости результатами работы правоохранительных органов создать эффективный механизм социального взаимодействия между ними и гражданским обществом сложно. В 2010–2011 годах респонденты оценивали уровень взаимодействия населения республики с правоохранительными структурами как средний – 44,4 и 33,4% соответственно и как низкий – 35,9 и 43,4%. В 2013 году уровень этого взаимодействия считали средним 24,0%, а низким – 43,7% опрошенных.

Нереализованность потенциала взаимодействия с гражданским обществом обусловлена незавершённостью самой реформы правоохранительной системы государства, и прежде всего органов внутренних дел. Так, 52,2% опрошенных жителей республики в 2012 году и 37,8% – в 2013 году не видят серьёзных изменений в работе органов внутренних дел после принятия и начала реализации Федерального закона «О полиции». Существенные позитивные изменения ощущают только 12,6 и 15,8% опрошенных соответственно.

Проблема взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом и населением в деле обеспечения

¹ Социологическое исследование проводилось в Республике Башкортостан лабораторией Восточной экономико-юридической гуманитарной академии ежегодно в 2010–2013 гг. методом анкетного опроса. Объём выборочной совокупности составлял 1200 единиц. Выборка формировалась по пяти признакам: пол, возраст, место жительства, род занятий, образование респондентов. Приведённые проценты считаются от общего числа опрошенных.

правопорядка имеет выраженную региональную специфику решения. В зависимости от региона можно говорить о наличии и зрелости тех или иных социально-экономических, правовых и организационных условий развития подобного взаимодействия. Имеет региональные особенности и сама практика участия гражданского общества и населения в обеспечении общественной безопасности и правопорядка, равно как есть и региональные особенности криминогенной обстановки, её характеристик и динамики.

Это закономерно предполагает специальное, в том числе социологическое, изучение особенностей криминогенной обстановки в конкретном регионе, анализ факторов, определяющих эту обстановку именно в данном регионе, исследование особенностей деятельности правоохранительных органов региона, включая практику социального взаимодействия с гражданским обществом и населением в правоохранительной сфере и результаты этого взаимодействия.

Необходим также социологический анализ на региональном уровне меры зрелости условий (социальных, правовых и других), обуславливающих механизм взаимодействия.

Главными из этих условий выступают: зрелость гражданского общества; уровень правовой культуры и социальной активности населения, включая активность в сфере правоохраны; развитость практики социального взаимодействия населения и институтов гражданского общества с правоохранительными структурами; потенциальная готовность общественности и сотрудников правоохраны к сотрудничеству.

Важно также учитывать общие особенности взаимодействия правоохранительных органов с населением и специфику взаимодействия каждого из этих органов.

В ходе социологического анализа возможно решить следующие задачи:

- проанализировать состояние и особенности криминогенной ситуации в регионе и результативность работы правоохранительных органов по её стабилизации;
- рассмотреть отечественную и зарубежную практику взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества и населением в деле противодействия преступности и обеспечения правопорядка;
- охарактеризовать содержание и результаты реформы правоохранительных структур государства в контексте взаимодействия с гражданским обществом;
- проанализировать существующие и складывающиеся в регионе правовые основы и социальные условия формирования нового механизма взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества в противодействии преступности и обеспечении правопорядка;
- рассмотреть сложившиеся в республике формы и направления социального взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом и населением и оценить их эффективность с помощью разработанной системы критериев; при этом данная система должна содержать не только правовые, организационно-управленческие, но и социальные критерии эффективности;
- раскрыть содержание общественной правоохранительной деятельности через соотношение её общественных и профессиональных начал;
- обосновать пути повышения эффективности социального взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества в республике.

Вместе с тем всесторонне исследовать проблему эффективности взаимодействия правоохранительных органов с граждан-

ским обществом и населением силами одной социологической науки невозможно, так как эта проблема носит комплексный характер. Поэтому при её изучении важно

учитывать и использовать методологические подходы и методы юридической науки, политологии, социальной психологии, этики и педагогики.

Egoryshev S.V.

Sociological analysis of the efficiency of social interaction between law enforcement agencies, civil society and population at the regional level

Sergei Vasil'evich Egoryshev – Doctor of Sociology, Professor, Prorector for Research, Non-Governmental Educational Institution of Higher Professional Education “Eastern Academy of the Humanities, Economics and Law” (215/4, Mendeleev Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450071, Russian Federation, nauka@vegu.ru)

Abstract. The article describes the capabilities of sociological analysis of condition and results of social interaction between law enforcement bodies, population, and civil society institutions; it also sets out the tasks to be solved in the course of such analysis at the regional level (case study of the Republic of Bashkortostan).

Key words: law enforcement agencies, civil society, social interaction, social efficiency, region.

Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста

**Виолетта Руслановна
ШУХАТОВИЧ**

кандидат социологических наук, доцент, заведующий сектором,
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси
(220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2,
violetta_sh@mail.ru)

Аннотация. В статье обоснована актуальность социологического анализа феномена профессионального призвания. Профессиональное призвание рассматривается как характеристика человеческого потенциала. Предлагается рассматривать феномен призвания в числе неэкономических факторов экономического роста.

Ключевые слова: профессиональное призвание, человеческий потенциал, социальное самочувствие, трудовая мотивация, инновационное развитие общества.

В условиях инновационного развития общества формируется понимание значимости человеческого потенциала, возрастает внимание к вопросам трудовой мотивации, стимулам творческой и профессиональной активности, механизмам, формирующим духовную и эмоциональную связь человека с профессией, понимание стратегических целей профессии и социальных ценностей общества. В качестве источника мотивации инновационной активности и «точки роста» человеческого потенциала рассматривается феномен профессионального призвания.

Феномен призвания привлекает к себе внимание широкого круга специалистов.

Это явление отражает духовную связь человека с профессией и ассоциируется с глубокой преданностью избранному делу, высокой ответственностью и самоотдачей, бескорыстием и творческим отношением к труду.

Обращение к феномену профессионального призвания и его роли в обеспечении экономического роста обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, социологическое изучение факторов экономического роста основано на понимании того обстоятельства, что модернизация — это процесс, прежде всего иницируемый и направляемый человеческой деятельностью.

Во-вторых, модернизацию следует воспринимать как творческий процесс. Н. Луман акцентирует внимание на неочевидности решений в русле модернизации, существовании рисков рассогласованности функциональных систем (политических, финансовых и др.), в том числе связанных с включением в «мировое общество»¹. Модернизация не является понятным и однозначно позитивным процессом.

В-третьих, экономический рост не всегда выступает гарантом социального благополучия и психического здоровья. Э. Фромм приводит пример, когда на фоне экономического благополучия в США и ряде стран Западной Европы наблюдался высокий уровень самоубийств и убийств². Возможность решения проблемы ученый видит в необходимости преодоления отчуждения в труде, создании такой обстановки на производстве, при которой труд имел бы смысл, а работник участвовал бы в принятии решений.

В-четвертых, наблюдается постарение населения — рост численности пожилых людей. Встает вопрос о переосмыслении социальной роли пожилого человека в современном обществе. В исследованиях, проведенных российским ученым В. Доброхлебом, показано, что в России определенная доля старших возрастных когорт сохраняет ресурсный потенциал (здоровье, высокий уровень образования, интеллект, потребность продолжать трудовую деятельность, участвовать в общественных делах)³.

В-пятых, обращает на себя внимание тот факт, что современные социогуманитарные исследования в большей степени

ориентированы на изучение девиаций, в то время как вопросам нормы не уделяется достаточного внимания. Складывается практика объяснения состояний общества, соответствующих норме, посредством понятий, объясняющих отклонения. Факторы роста представляют, на наш взгляд, не меньшую исследовательскую ценность, чем факторы деградации.

В современных зарубежных публикациях особое значение придается этическим аспектам призвания. В частности, существует точка зрения, согласно которой профессия, которую выбирают вопреки призванию, перестает соответствовать общественной потребности, в соответствии с которой она возникла, то есть перестает выполнять свою социальную функцию. Так, автор многочисленных работ в области теологической и прикладной этики James M. Gustafson отмечает: «Рассмотрение профессии как призвания выявляет две черты: 1) высокий уровень развития мотивации и 2) более глубокое видение целей, которым профессия служит»⁴. По мнению ученого, «у профессии без призвания нет моральных и гуманистических корней, она теряет гуманистическую сущность и ограничивает видение целей, которым она (профессия) служит»⁵.

Мы разделяем научную позицию М.К. Горшкова, согласно которой гуманизация экономики рассматривается в качестве основного императива, лежащего в основе моделей экономического роста, а успехи модернизации российского общества связываются с оздоровлением социальной среды, духовным развитием общества и нравственным состоянием людей⁶.

¹ Модернизация / Н. Луман, А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева // Самоописание: пер. с нем. — М.: Логос, ИТДГК «Гнозис», 2009. — С. 233-239.

² Фромм Э. Здоровое общество. — ООО «Издательство АСТ», 2005.

³ Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. — 2008. — № 8. — С. 55-61.

⁴ Gustafson J.M. Professions as "Callings" // The Social Service Review. — 1982. — Vol. 56. — No. 4. — P. 509.

⁵ Там же. — С. 501.

⁶ Горшков А.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3 (33). — С. 46-48.

Профессиональное призвание рассматривается нами в качестве фактора экономического роста, духовного регулятора профессиональной деятельности и ассоциируется с нравственным и эмоциональным отношением к труду, развитой трудовой мотивацией и креативностью.

Методологическим основанием этих предположений явились теоретические положения работ классиков немецкой социологии М. Вебера, Г. Зиммеля и Ф. Тенниса, в которых раскрыты существенные черты феномена профессионального призвания⁷.

Приведем некоторые результаты исследований, проведенных автором.

1. Изучение распространенности призвания как идентификационной характеристики индивида показало высокую распространенность призвания как идентификационной характеристики индивида⁸.

При ответе на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию, способностям

⁷ Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 734; Зиммель Г. Избранное: пер. с нем. — В 2-х томах. Созерцание жизни. — М., 1996. — Т. 2. — С. 524.

⁸ Исследование, национальный опрос, проведено по методике автора Институтом социологии НАН Беларуси в рамках выполнения задания 5.01. «Социальные инновации — источник устойчивого развития белорусского общества: человеческий и организационный потенциал» ГКПНИ «Экономика и общество», науч. рук. д.с.н. С.А. Шавель (июль 2009 года, объем выборки — 2101 человек). Выборка случайная, маршрутная, с контролем квот населения в возрасте 16 лет и старше в соответствии с зоной проживания, полом, возрастом и образованием. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: в выборке пропорционально представлено население Минской (с выделением Минска), Могилевской, Витебской, Гродненской, Гомельской и Брестской областей; городское и сельское население; внутри областей пропорционально представлено население шести «зон» (1 — Минск и областные центры; 2 — города с численностью населения от 100 до 250 тысяч человек; 3 — города с численностью населения от 50 до 100 тысяч человек; 4 — города с численностью от 10 до 50 тысяч человек; 5 — поселки городского типа с населением менее 10 тысяч человек; 6 — сельское население). В каждой «зоне» пропорционально представлено население в соответствии с такими характеристиками, как пол, возраст, образование.

и склонностям?» чаще других отмечали соответствие профессии (основной деятельности) призванию, способностям и склонностям руководители и служащие (в % от числа опрошенных):

руководители

- высшего звена — 94,0;
- среднего звена — 79,8;
- низшего звена — 57,9;

служащие, специалисты

- производственной сферы — 65,5;
- непроизводственной сферы — 75,9;

дипломированные специалисты

- с высшим образованием — 63,2;
- со средним специальным образованием — 49,8.

Реже других отмечали соответствие профессии (основной деятельности) призванию, способностям и склонностям (в % от числа опрошенных):

- безработные — 23,2;
- домохозяйки — 22,9.

2. Результаты исследования, проведенного в 2011 году⁹, показали, что выбор профессии в соответствии со способностями, склонностями и призванием ассоциируется с более высокими показателями

⁹ Национальный опрос населения Беларуси проводился Институтом социологии НАН Беларуси в 2011 г. Объем выборки — 2101 человек. Выборка случайная маршрутная с контролем квот населения в возрасте 16 лет и старше в соответствии с зоной проживания, полом, возрастом и образованием. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: в выборке пропорционально представлено население Минской (с выделением Минска), Могилевской, Витебской, Гродненской, Гомельской и Брестской областей; городское и сельское население; внутри областей пропорционально представлено население шести «зон» (1 — Минск и областные центры; 2 — города с численностью населения от 100 до 250 тысяч человек; 3 — города с численностью населения от 50 до 100 тысяч человек; 4 — города с численностью от 10 до 50 тысяч человек; 5 — поселки городского типа с населением менее 10 тысяч человек; 6 — сельское население). В каждой «зоне» пропорционально представлено население в соответствии с такими характеристиками, как пол, возраст, образование. Из базы данных опроса была выделена группа молодежи в возрасте 20–29 лет, репрезентирующая население Беларуси данного возраста (363 человек).

Таблица 1. Значение Индекса удовлетворенности при ответе на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?»

Удовлетворены ли Вы?..	Индекс удовлетворенности		
	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашим способностям и склонностям?		
	Да, соответствует	Нет, не соответствует	Затрудняюсь ответить
Состоянием своего здоровья	0,424	0,329	0,385
Своим материальным положением	-0,341	-0,635	-0,422
Своей работой	0,428	-0,373	0,009
Взаимоотношениями в семье	0,729	0,473	0,609
Своей жизнью в целом	0,640	0,507	0,486

Таблица 2. Значение Индекса удовлетворенности при ответе на вопрос: «Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?»

Удовлетворены ли Вы?	Индекс удовлетворенности		
	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?		
	Да, соответствует	Нет, не соответствует	Затрудняюсь ответить
Состоянием своего здоровья	0,472	0,229	0,453
Своим материальным положением	-0,308	-0,575	-0,417
Своей работой	0,506	-0,236	0,094
Взаимоотношениями в семье	0,728	0,562	0,638
Своей жизнью в целом	0,667	0,529	0,547

удовлетворенности жизнью, работой, материальным положением, более высоким уровнем профессионального оптимизма. Индексы удовлетворенности в группе молодежи в возрасте 20–29 лет представлены в *таблицах 1 и 2*.

Индекс удовлетворенности может принимать значения от «1» до «-1», при этом значение индекса со знаком «+» показывает численный перевес положительных ответов, со знаком «-» – отрицательных. Значение индекса равно «1» соответствует 100% частоте ответов «удовлетворен», соответственно «-1» – 100% частоте ответов «не удовлетворен».

Индексы удовлетворенности рассчитаны по формуле:

$$I_{\text{удовл}} = (A - B)/100,$$

где А – частота ответов «удовлетворен»;

В – частота ответов «не удовлетворен».

Изучение показателей субъективного благополучия во взаимосвязи с индикаторами профессионального призвания показало эвристичность предложенного подхода и значительные возможности его практического использования.

Формат статьи не позволяет в полной мере представить результаты исследования.

В то же время масштабы распространенности феномена, устойчивость данных от исследования к исследованию, значительная ценностная нагруженность понятия «профессиональное призвание» позволяют предложить его к рассмотрению в рамках аксиоматического подхода.

Shukhatovich V.R.

Professional vocation: on the subject of non-economic factors in economic growth

Violetta Ruslanovna Shukhatovich – Ph.D. in Sociology, Professor, Sector Head, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Building 2, Surganov Street, Minsk, 220072, Belarus, violetta_sh@mail.ru)

Abstract. The article substantiates the relevance of sociological analysis of a phenomenon such as professional vocation. Professional vocation is considered a characteristic feature of human potential. The author proposes to study the phenomenon of vocation as part of non-economic factors in economic growth.

Key words: professional vocation, human potential, social well-being, work motivation, innovation development of society.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.17
УДК 314.4+316.4, ББК 60.561.6

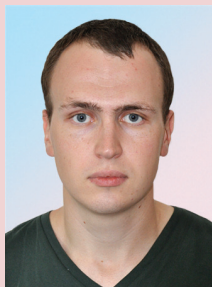
© Лебедева-Несевря Н.А., Цинкер М.Ю., Чигвинцев В.М.

Макросоциальные детерминанты и риски здоровью населения регионов России*

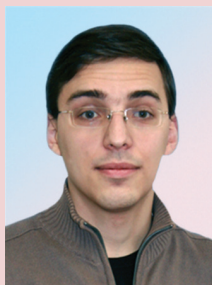
**Наталья Александровна
ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ**

кандидат социологических наук, доцент, заведующий лабораторией, Федеральное бюджетное учреждение науки Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения (614045, г. Пермь, ул. Монастырская, д. 82, natnes@fcrisk.ru)

**Михаил Юрьевич
ЦИНКЕР**

математик, отдел математического моделирования систем и процессов, Федеральное бюджетное учреждение науки Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения (614045, г. Пермь, ул. Монастырская, д. 82, natnes@fcrisk.ru)

**Владимир Михайлович
ЧИГВИНЦЕВ**

научный сотрудник, Федеральное бюджетное учреждение науки Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения (614045, г. Пермь, ул. Монастырская, д. 82, natnes@fcrisk.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа макросоциальных факторов, формирующих медико-демографическую ситуацию на территории России, с использованием методов математического моделирования. Получены регрессионные модели, позволяющие определить долевого вклад макросоциальных детерминант в негативное отклонение показателей здоровья населения. Осуществлен кластерный анализ, по результатам которого выделены 6 типов территорий, схожих по социально-экономической и медико-демографической ситуации.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-16-59016.

Для каждого типа территорий произведен расчет дополнительных случаев общей и младенческой смертности, детерминированных макросоциальными факторами. Реализована процедура оценки риска здоровью, связанного с действием социальных факторов макроуровня.

Ключевые слова: здоровье, смертность, макросоциальные факторы, медико-демографическая ситуация, риск.

Введение. Укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни населения Российской Федерации на протяжении многих лет называются ключевыми стратегическими приоритетами как общегосударственной, так и региональной политики. О важности решения демографических проблем, актуальности стабилизации и роста численности населения России неоднократно говорилось в посланиях Президента Федеральному Собранию [7, 8]. Ориентация на принятие неотложных мер в сфере демографии и здоровья населения декларируется в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [5]. Государственная программа развития здравоохранения РФ ставит своей целью увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 74,3 лет в 2020 году [1]. Решение поставленных в стратегических документах задач и достижение заявленных значений показателей требует принятия эффективных управленческих решений на всех уровнях власти в сфере обеспечения здоровья населения.

Контур управления популяционным здоровьем включает, в том числе, определение факторов, вносящих наибольший вклад в его формирование [2]. Среди всех управляемых детерминант здоровья особое значение придается тем из них, которые связаны со средой обитания – как природной, так и социальной. Доказанным является влияние экологического неблагополучия территорий, выраженного в загрязненности атмосферного воздуха, питьевой воды и почвы, на здоровье насе-

ления в целом и отдельных половозрастных групп [3, 4, 14, 17]. Неоспоримым также можно считать наличие воздействия макросоциальных и макроэкономических характеристик на состояние общественного здоровья [16, 18]. Однако количественная параметризация влияния факторов среды обитания – вопрос существенно более сложный и решаемый исключительно в привязке к конкретным территориям и актуальной ситуации. Подтверждение тому – расхождения в оценке вклада как социально-экономических [6], так и антропогенных факторов в формирование отклонений здоровья. Например, вклад загрязнения окружающей среды в популяционное здоровье варьируется, по данным различных исследователей, в диапазоне от 10 до 57% [13].

Цель исследования – установить приоритетные макросоциальные факторы, формирующие негативные тенденции в состоянии здоровья населения регионов России, для решения задач управления медико-демографической ситуацией и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия на территории.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили материалы Федерального информационного фонда данных социально-гигиенического мониторинга, дополненные данными Федеральной службы государственной статистики за период с 2009 по 2011 г. [10, 11].

Среди всех показателей, включенных в систему социально-гигиенического мониторинга (перечень утвержден приказом Федеральной службы по надзору в сфере

защиты прав потребителей и благополучия человека от 17 ноября 2006 г. №367), был осуществлен отбор показателей, описывающих макросоциальные детерминанты здоровья, по следующим критериям:

1) интегральность показателя, его способность целостно описать какую-либо детерминанту (уровень социально-экономического развития территории, уровень жизни населения, условия жизни населения);

2) наличие данных за исследуемый период по всем субъектам РФ. Исходный перечень показателей представлен в *таблице*.

Для оценки внутренних связей между показателями были проведены корреляционный и факторный анализ, позволивший разделить макросоциальные факторы на группы взаимосвязанных показателей, каждая из которых характеризовалась одним показателем.

По результатам корреляционного анализа было установлено следующее:

а) показатели «Удельный вес общей площади жилищного фонда, не оборудованной водопроводом», «Удельный вес общей площади жилищного фонда, не оборудованной канализацией» и «Удельный вес общей площади жилищного фонда, не

оборудованной отоплением» тесно связаны (x4, x5, x7); в дальнейший анализ включен показатель «Удельный вес общей площади жилищного фонда, не оборудованной канализацией» (x5);

б) показатели «Доля лиц с доходами ниже установленного прожиточного минимума» и «Отношение среднедушевых денежных доходов населения к установленному на территории прожиточному минимуму» (x6 и x11) зависимы; для последующего анализа оставлен интегральный показатель «Отношение среднедушевых денежных доходов населения к установленному на территории прожиточному минимуму» (x11);

в) показатели «Прожиточный минимум, установленный на территории», «Среднедушевые денежные доходы населения», «Отношение среднедушевых денежных доходов населения к установленному на территории прожиточному минимуму» и «Стоимость минимального набора продуктов питания» (x1, x8, x10 и x11) зависимы; данная группа показателей описывается интегральным показателем «Отношение среднедушевых денежных доходов населения к установленному на территории прожиточному минимуму» (x11);

Показатели макросоциальных факторов для регионов РФ

x1	Прожиточный минимум, установленный на территории, руб.
x2	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, кв. м
x3	Валовой региональный продукт (валовая добавленная стоимость) на душу населения, руб.
x4	Удельный вес общей площади жилищного фонда, не оборудованной водопроводом, %
x5	Удельный вес общей площади жилищного фонда, не оборудованной канализацией, %
x6	Доля лиц с доходами ниже установленного прожиточного минимума, %
x7	Удельный вес общей площади жилищного фонда, не оборудованной центральным отоплением, %
x8	Среднедушевые денежные доходы населения, руб.
x9	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
x10	Стоимость минимального набора продуктов питания, руб.
x11	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к установленному на территории прожиточному минимуму
x12	Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %

г) показатели «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя» (x_2), «Валовой региональный продукт на душу населения» (x_3) и «Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда» (x_{12}) не являются тесно связанными. Все показатели включены в анализ.

Состояние здоровья населения описывалось следующими медико-демографическими показателями: смертность населения (y_1), стандартизированный коэффициент смертности (y_2), младенческая смертность (y_3), общая заболеваемость населения по всем классам болезней (y_4), первичная заболеваемость населения по всем классам болезней (y_5), ожидаемая продолжительность жизни населения (y_6). Корреляционный анализ позволил установить наличие тесной обратной связи между стандартизированным коэффициентом смертности населения и ожидаемой продолжительностью жизни (значение коэффициента корреляции Пирсона составило $(-0,98)$ при $p < 0,05$), а также общей и первичной заболеваемостью населения (значение коэффициента корреляции Пирсона составило $0,9$ при $p < 0,05$). Установлена также слабая обратная связь общей и младенческой смертности (значение коэффициента корреляции Пирсона составило $(-0,40)$ при $p < 0,05$).

Результаты корреляционного анализа позволили отобрать для включения в кластерный анализ два медико-демографических показателя – стандартизированный коэффициент смертности (случаев на 100 тыс. населения) (y_2) и первичная заболеваемость населения (случаев на 1 тыс. населения) (y_5).

Общий алгоритм аналитической обработки данных представляет собой последовательность двух этапов. На первом этапе выполнялось моделирование связей между системой макросоциальных факторов и по-

казателями состояния здоровья населения с определением вкладов отдельных факторов. На втором этапе проводилась пространственная классификация и типологизация территории с выделением основных классов (кластеров) и их характеристик.

Между отобранными по итогам корреляционного анализа макросоциальными показателями ($x_2, x_3, x_5, x_{11}, x_{12}$) и медико-демографическими ответами ($y_1 - y_6$) определялись связи с использованием регрессионного анализа. Множественная линейная регрессионная модель, описывающая зависимость изменения медико-демографических показателей от совокупности макросоциальных факторов имеет вид:

$$y = \alpha_0 + \sum_{i=1}^n \alpha_i f_i(x_i), \quad (1)$$

где x_i – это управляющие факторы (макросоциальные показатели);

y – это отклик (медико-демографические показатели), который зависит от управляющих факторов;

α_i – параметры модели.

Макросоциальные факторы, входящие в модель, проверялись на мультиколлинеарность. Для каждой регрессионной модели определялся коэффициент детерминации R^2 (доля объясненной дисперсии), который показывает, насколько хорошо модель описывает зависимость между переменными. Из всех моделей были выбраны модели с наибольшими коэффициентами детерминации.

На основании полученных регрессионных моделей определялся долевым вкладом комплекса макросоциальных факторов в негативное отклонение показателя здоровья населения. Для определения вклада факторов в отклонение показателей здоровья необходимо использование минимальных уровней факторов. Минимальным

уровнем фактора (\hat{x}_i) являлось наилучшее значение показателя среди исследуемых территорий (субъектов РФ).

Был осуществлен расчет дополнительных случаев заболеваемости (смертности), определявшихся как разность между заболеваемостью (смертностью), установленной согласно регрессионным моделям для текущего значения макросоциальных факторов и минимальным, с поправкой на коэффициент детерминации модели:

$$\Delta y = [y(x_i) - y(\hat{x}_i)] \cdot R^2, \quad (2)$$

где Δy – дополнительные случаи заболеваемости (смертности);

R^2 – коэффициент детерминации.

По полученному в ходе исследования комплексу медико-демографических показателей и макросоциальных факторов осуществлялась кластеризация регионов с помощью вероятностного подхода (метод К-средних). Кластерный анализ позволил разделить субъекты Российской Федерации на шесть групп, схожих по значениям рассматриваемых факторов. Для каждого кластера рассчитывались средние, минимальные и максимальные значения показателей.

Результаты и их обсуждение. Регрессионный анализ зависимости медико-демографических показателей от макросоциальных факторов свидетельствует о наличии связи между стандартизированным коэффициентом смертности населения, уровнем жизни и условиями жизни на территории, описываемой уравнением:

$$y_2 = 13,89268 - 0,77648x_3 - 0,08877x_4, \quad (3)$$

где y_2 – стандартизированный показатель общей смертности;

x_3 – отношение среднедушевых денежных доходов населения к установленному на территории прожиточному минимуму;

x_4 – удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда.

Коэффициент детерминации равен 0,12, множественный коэффициент детерминации – 0,347.

Обнаруженная связь говорит о том, что при увеличении доли ветхого и аварийного жилья в общей площади жилищного фонда и сближении показателей среднедушевых доходов населения и прожиточного минимума стандартизированный показатель смертности населения на территории имеет тенденцию к росту.

Обнаружена также связь уровня младенческой смертности и показателя благоустроенности жилищного фонда, описываемая уравнением:

$$y_3 = 6,38942 + 0,27501x_4, \quad (4)$$

где y_3 – младенческая смертность;

x_4 – удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда.

Коэффициент детерминации равен 0,18, множественный коэффициент детерминации – 0,296.

По результатам кластерного анализа регионов РФ по комплексу макросоциальных и медико-демографических показателей выделены 6 типов территорий.

Первый тип – регионы с крайне напряженной медико-демографической и социальной ситуацией на фоне высокого уровня экономического развития. В данную группу вошли территории, обладающие богатыми природными ресурсами и, соответственно, значительной долей добывающей промышленности в структуре экономики: Магаданская область, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ. Это определило высокий уровень ВРП на душу населения –

646,14 тыс. руб., высокое отношение доходов к потребительской корзине — 2,99. Однако удельный вес ветхого и аварийного жилья на данных территориях составляет в среднем 10,2%. Уровень смертности высокий — 15,3 случая на 1 тыс., а заболеваемости — самый высокий среди всех групп (984,6 случ. на 1 тыс.).

Количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель), обусловленных действием макросоциальных факторов, в данном кластере варьируется от 0,21 случ. на 1 тыс. населения (Чукотский автономный округ) до 0,36 случ. на 1 тыс. населения (Республика Саха (Якутия)), что можно квалифицировать как средний уровень риска¹.

Количество дополнительных случаев младенческой смерти, связанных с действием макросоциальных факторов, на территориях данного кластера варьируется от 0,33 случ. на 1 тыс. новорожденных

¹ Характеристика риска возникновения нарушения здоровья населения была выполнена с учетом следующих критериев: а) риск равный или меньший 1×10^{-6} , что соответствует одному дополнительному случаю заболевания или смерти на 1 млн. экспонированных лиц, воспринимается людьми как пренебрежимо малый, не отличающийся от обычных, повседневных рисков (уровень *De minimis*). Подобный риск не требует дополнительных мероприятий по его снижению, уровень риска подлежит периодическому контролю; б) риск более 1×10^{-6} , но менее 1×10^{-4} соответствует предельно допустимому риску, т.е. верхней границе приемлемого риска. Данный уровень подлежит постоянному контролю. В некоторых случаях при таких уровнях риска могут проводиться дополнительные мероприятия по их снижению; в) риск более 1×10^{-4} , но менее 1×10^{-3} не приемлем для населения в целом. Появление такого риска требует разработки и проведения плановых оздоровительных мероприятий. Планирование мероприятий по снижению рисков в этом случае должно основываться на результатах более углубленной оценки различных аспектов существующих проблем и установлении степени их приоритетности по отношению к другим гигиеническим, экологическим, социальным и экономическим проблемам на данной территории; г) риск в течение всей жизни, равный или более 1×10^{-3} , не приемлем ни для населения, ни для профессиональных групп. Данный диапазон обозначается как *De manifestis Risk* и при его достижении необходимо давать рекомендации для лиц, принимающих решения о проведении экстренных мероприятий по снижению риска.

(Чукотский автономный округ) до 0,66 случ. на 1 тыс. новорожденных (Республика Саха (Якутия)). Риск также можно квалифицировать как средний. При данном уровне риска необходимы динамический контроль и углубленное изучение источников и последствий для решения вопроса о мерах управления риском.

К регионам первой группы можно было бы причислить и Ненецкий автономный округ, в целом имеющий ту же структуру социально-экономических и медико-демографических показателей, что и все территории первого кластера. Однако по двум показателям — ВРП на душу населения и уровень первичный заболеваемости населения — указанный регион отличается от остальных несравнимо высокими значениями. Так, ВРП на душу населения составляет в округе 3254,6 тыс. руб. (превышение среднего значения по кластеру в 5 раз), а заболеваемость — 1757,3 случая на 1 тыс. населения (превышение среднего значения по кластеру в 1,78 раза).

Высокие показатели заболеваемости населения можно объяснить такими причинами, как дискомфортные климатогеографические условия; низкая плотность населения; отсутствие дорог; сложные погодные условия в зимнее время для полётов санитарной авиации; наличие труднодоступных, малочисленных посёлков с населением, находящимся в длительной изоляции; наличие населения, ведущего кочевой образ жизни; наличие эндемичных очагов некоторых паразитарных болезней и предрасположенности к их распространению, обусловленной менталитетом коренных и малочисленных народов Севера; благоприятные условия для распространения некоторых социально значимых болезней, снижения физиологических резервов организма, приводящего к различным заболеваниям [9, 15].

Второй тип — регионы с выраженными медико-демографическими проблемами, формирующимися на фоне среднего уровня социально-экономического развития территорий.

Для регионов данного типа характерна смертность на уровне 12,8 случаев на 1 тыс. населения (разброс значений — от 11,2 случ. на 1 тыс. населения в Астраханской области до 14,3 случ. на 1 тыс. населения в Камчатском крае), а заболеваемость — на уровне 871,6 случ. на 1 тыс. населения (диапазон значений — от 673,8 случ. на 1 тыс. населения в Псковской области до 1098,5 случ. в Республике Карелия). При среднем уровне ВРП на душу населения регионов (190,5 тыс. руб.) фактический его уровень жизни достаточно низкий: отношение среднедушевых доходов населения к прожиточному минимуму, установленному на территории, равно 2,53. Кроме того, высок удельный вес аварийного и ветхого жилья — 4,59%.

Данный кластер является самым насыщенным — в него вошли 33 субъекта РФ. Основу кластера составляют регионы центральной части России (Владимирская область, Вологодская область, Ивановская область, Кировская область, Костромская область, Новгородская область, Псковская область, Смоленская область, Тверская область, Ульяновская область, Ярославская область) и Поволжья (Астраханская область), республики Марий Эл, Чувашия. Сюда вошли также некоторые регионы Урала (Пермский край, Республика Удмуртия, Республика Коми, Курганская область, Оренбургская область), Сибири (Алтайский край, Забайкальский край, Кемеровская область, Красноярский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Томская область, Иркутская область), Дальнего Востока (Камчатский край, Приморский край и Хабаровский край) и Северо-Запада России (Архангельская область и Республика Карелия).

Отметим, что большинство обозначенных регионов отличается невысоким качеством жизни населения.

Так, согласно информации ООО «Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг», составившего на основе 64 показателей рейтинг российских регионов по качеству жизни населения в 2012 г., только 3 региона второго кластера вошли в первую «тридцатку» (Ярославская область заняла 13 место, Томская область — 24 место и Пермский край — 29 место). Большинство территорий заняли места в четвертой и пятой десятках [12].

Количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель), обусловленных действием макросоциальных факторов, в данном кластере варьируется от 0,2 случ. на 1 тыс. населения (Кемеровская область) до 0,31 случ. на 1 тыс. населения (Республика Марий Эл), что можно квалифицировать как средний уровень риска.

Количество дополнительных случаев младенческой смерти, связанных с действием макросоциальных факторов, на территориях данного кластера варьируется от 0,05 случ. на 1 тыс. новорожденных (Ульяновская область) до 0,46 случ. на 1 тыс. новорожденных (Республика Коми). На части территорий риск следует квалифицировать как низкий (Ульяновская область, Чувашская Республика, Смоленская область, Алтайский край). На прочих — как средний.

Третий тип — регионы умеренного благополучия, без ярко выраженных медико-демографических или социально-экономических проблем.

От регионов второго типа данная группа отличается несколько меньшими показателями смертности (11,52 случ. на 1 тыс.) и существенно более низким уровнем заболеваемости (785,8 случ. на 1 тыс.). Отношение доходов к прожиточному минимуму выше среднего — 3,13, доля ветхого и аварий-

ного жилья низкая – 2,05%, ВРП на душу населения находится на среднем уровне – 191,2 тыс. руб.

Группа регионов второго типа включает 22 субъекта РФ. Причем специфики, связанной с географическим расположением территорий, не обнаружено. Сюда входят, во-первых, регионы центра России, расположенные к югу, западу и северо-западу от Москвы, – Брянская область, Белгородская область, Калужская область, Калининградская область, Краснодарский край, Курская область, Липецкая область, Московская область, Мурманская область, Орловская область, Ростовская область, Самарская область, Тамбовская область, Тульская область, Республика Северная Осетия – Алания. Во-вторых, поволжские и уральские регионы – Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область и Челябинская область. В-третьих, регионы Сибири – Новосибирская область, Омская область.

Многие из данных регионов по сравнению с другими субъектами РФ отличаются высоким качеством жизни населения. Так, Московская область занимала в рейтинге качества жизни населения в 2012 г. 3 место, Республика Татарстан – 4, Краснодарский край – 5, а Белгородская область – 6 место [12].

Количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель), обусловленных действием макросоциальных факторов, в данном кластере варьируется от 0,1 случ. на 1 тыс. населения (Республика Татарстан) до 0,24 случ. на 1 тыс. населения (Тульская область). Риск находится на среднем уровне.

Количество дополнительных случаев младенческой смерти, связанных с действием макросоциальных факторов, на территориях данного кластера варьируется от 0,01 сл. на 1 тыс. новорожденных (Курская область) до 0,27 сл. на 1 тыс. ново-

рожденных (Тульская область). Для большинства территорий данного кластера риск находится на низком уровне (предельно допустимый риск). Исключение составляют Тамбовская область, Тульская область, Новосибирская область, Калужская область и Республика Северная Осетия-Алания. На данных территориях риск следует считать средним.

Четвертый тип – территории относительно благополучия с высоким уровнем социально-экономического развития и сравнительно благоприятными для РФ медико-демографическими показателями. В регионах, вошедших по результатам кластеризации в данную группу, практически самый низкий уровень смертности населения – 9,86 случая на 1 тыс. населения (значение варьируется от 7,4 в г. Москве до 11 в Тюменской области). Уровень первичной заболеваемости при этом представляется достаточно высоким – 913 случаев на 1 тыс. населения; диапазон значений – от 717 (г. Москва) до 1193 (Ямало-Ненецкий автономный округ). Однако высокие уровни первичной заболеваемости не характерны для большинства территорий анализируемого кластера. Основной вклад в формирование высоких значений вносит Ямало-Ненецкий автономный округ.

Для территорий данной группы характерен самый высокий уровень ВРП на душу населения (926,310 тыс. руб., что в 2 раза превышает среднее значение показателя в следующем по уровню социально-экономического развития кластере), а также самое высокое среднее отношение душевых доходов к потребительской корзине – 3,97. Доля ветхого и аварийного жилья в общем жилом фонде составляет 4,64%.

К этому типу относятся города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Отметим, что названные территории отличаются в целом высоким уровнем качества жизни населения. Практически все они (за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа) вошли в топ рейтинга по качеству жизни населения в 2012 г., заняв места в первой восьмерке [12].

Количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель), обусловленных действием макросоциальных факторов, в данном кластере варьируется от 0,01 случ. на 1 тыс. населения (г. Москва) до 0,21 случ. на 1 тыс. населения (Ханты-Мансийский автономный округ). Для городов Москвы и Санкт-Петербурга риск находится в границах предельно допустимого, а для Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов риск оценен как средний.

Количество дополнительных случаев младенческой смерти, связанных с действием макросоциальных факторов, на территориях данного кластера варьируется от 0,01 случ. на 1 тыс. новорожденных (г. Москва) до 0,47 случ. на 1 тыс. новорожденных (Ямало-Ненецкий автономный округ). Опять же для городов федерального значения уровень риска можно квалифицировать как низкий, для прочих регионов данного кластера — как средний.

Пятый тип — регионы с относительно благополучной медико-демографической ситуацией, формирующейся на фоне невысокого уровня социально-экономического развития.

Основные характеристики: низкий уровень смертности (10,95 случ. на 1 тыс.) и низкий уровень заболеваемости (627 случ. на 1 тыс.) населения; самое низкое среднее отношение душевых доходов населения к потребительской корзине — 2,36, практически самый низкий уровень ВРП на душу населения — 128,8 тыс. руб. (ниже — только в республиках Дагестан и Ингушетия), но при этом невысока доля ветхого и аварий-

ного жилья — 1,85%. Данная группа представлена регионами центральной части и юга России. Сюда вошли Рязанская область, Волгоградская область, Воронежская область, Пензенская область, Саратовская область, республики Адыгея, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Мордовия и Чеченская, Ставропольский край.

Среди регионов второй группы пограничное положение занимает Ленинградская область, характеризующаяся наиболее высокими показателями ВРП на душу населения (293,3 тыс.). Однако по прочим показателям регион в целом репрезентирует указанную группу. Например, для Ленинградской области характерен относительно низкий показатель соотношения доходов населения и прожиточного минимум (2,83). В Воронежской области и Республике Адыгея, также входящих в данную группу, показатель составляет 2,8 и 2,7 соответственно. Для сравнения: в г. Санкт-Петербурге значение показателя находится на уровне 4,34 (превышение над значением по Ленинградской области в 1,5 раза).

Количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель), обусловленных действием макросоциальных факторов, в данном кластере варьируется от 0,2 случ. на 1 тыс. населения (Воронежская область) до 0,33 случ. на 1 тыс. населения (Республика Калмыкия). Во всех случаях риск оценен как средний.

Количество дополнительных случаев младенческой смерти, связанных с действием макросоциальных факторов, на территориях данного кластера варьируется от 0,02 сл. на 1 тыс. новорожденных (Ставропольский край) до 0,12 сл. на 1 тыс. новорожденных (Пензенская, Ленинградская, Рязанская и Саратовская области). На восьми территориях данного типа уровень риска низкий, а на пяти — средний.

Наконец, *шестой тип характеризуется крайне низким уровнем социально-экономического развития, но при этом наиболее благополучной медико-демографической ситуацией*. Смертность здесь находится на уровне 7,9 случ. на 1 тыс., а заболеваемость – на уровне 885 случ. на 1 тыс. При этом ВРП на душу населения составляет лишь 75,3 тыс. руб., отношение доходов к прожиточному минимум – 2,9, а удельный вес аварийного и ветхого жилья – 19,4%. В данную группу вошли лишь два субъекта РФ – Республика Дагестан и Республика Ингушетия.

Дополнительные случаи смерти (стандартизированный показатель) в Республике Дагестан составляют 0,31 сл. на 1 тыс. населения (средний уровень риска), в Республике Ингушетия – 0,48 сл. на 1 тыс. населения (также средний уровень риска). На обеих территориях зафиксированы крайне высокие значения показателя дополнительных случаев младенческой смертности, детерминированных макросоциальными факторами (0,9 случ. на 1 тыс. новорожденных).

Выводы. Медико-демографическая ситуация в современной России во многом определяется действием социальных детерминант. Ключевым социальным фактором, формирующим смертность населения (стандартизированный показатель), выступает уровень благосостояния граждан, являющийся производным от уровня социально-экономического развития территории. Именно поэтому в г. Москве, регионе с высокими доходами населения и наибольшей разницей между среднедушевыми доходами и установленным прожиточным минимумом, количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель), детерминированных социальными факторами, минимально. Младенческая смертность определяется в большей степени условиями, нежели уровнем жизни

населения. Показатель благоустроенности жилищного фонда является ключевым среди всех социальных показателей, влияющих на уровень младенческой смертности на территории.

Принятие эффективных управленческих решений в сфере охраны здоровья населения предполагает опору на актуальные данные о состоянии и динамике медико-демографической ситуации на территории, а также специфике влияния макрофакторов на показатели заболеваемости и смертности. Кроме того, требуются адекватные инструменты обоснования оптимального распределения материальных и иных ресурсов общества на различные виды деятельности, связанные с сохранением и укреплением здоровья граждан.

Установление ведущих факторов, формирующих медико-демографическую ситуацию, может служить отправной точкой для выбора приоритетов как государственной, так и региональной политики в области управления здоровьем населения. Разработка стратегий социально-экономического развития регионов, формирование целевых комплексных программ может отталкиваться от понимания того, какие факторы риска снижения качества человеческого капитала требуют незамедлительного реагирования, а в отношении каких меры противодействия могут носить несколько отсроченный характер.

Российские регионы заметно отличаются уровнем общественного здоровья, что указывает на неоднородность условий жизни и качества среды обитания (как природной, так и социальной). Комплексный анализ медико-демографических показателей, социально-экономического развития, уровня и условий жизни населения субъектов РФ позволил выделить территории, на которых количество дополнительных случаев смерти (стандартизированный показатель) и младенческой смертности,

детерминированных макросоциальными факторами, наибольшее. В первую очередь речь идет о республиках Тыва, Ингушетия и Дагестан.

Политика, ориентированная на сохранение и укрепление здоровья граждан в регионах, не может быть одинаковой. Принимая важность комплексного подхода к

управлению здоровьем, необходимо все же признать значимость целенаправленного точечного воздействия на отдельные макрофакторы риска, связанные с социальной средой обитания, минимизация которых позволит достичь оптимальных результатов при реализации задачи сохранения здоровья граждан.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: утверждена распоряжением Правительства РФ от 24 декабря 2012 г. № 2511-р // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70290076/>
2. Дартау, Л.А. Теоретические аспекты управления здоровьем и возможности его реализации в условиях Российской Федерации [Текст] / Л.А. Дартау // Проблемы управления. – М., 2003. – № 2. – С. 43-52.
3. Зайцева, Н.В. Анализ управляемых факторов риска неинфекционной патологии в Пермском крае [Текст] / Н.В. Зайцева, П.З. Шур, Д.А. Кирьянов // Уральский медицинский журнал. – 2010. – № 2. – С. 23-24.
4. Комплексные вопросы управления рисками здоровью в решении задач обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия на муниципальном уровне / Н.В. Зайцева, П.З. Шур, И.В. Май, А.С. Сбоев, О.П. Волк-Леонович, Т.В. Нурисламова // Гигиена и санитария. – 1999. – № 3. – С. 3.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365/>
6. Лисицын, Ю.П. Образ жизни как основа здоровья. Анализ факторов риска заболеваемости [Текст] / Ю.П. Лисицын // Медицинская газета. – 2010. – № 19. – С. 12.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990>
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123798>
9. Прохоров, Б.Б. Социально-экономические особенности федеральных округов России и здоровье населения / Б.Б. Прохоров // Научные труды / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2008. – Т. 6. – С. 680-703.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2011. – С. 54-376.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2012. – С. 54-345.
12. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. 2012 г. // Официальный сайт РИА Рейтинг. – Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html>
13. Сидоренко, Г.И. Приоритетные направления научных исследований по проблемам оценки и прогнозирования влияния факторов риска на здоровье населения [Текст] / Г.И. Сидоренко, Е.Н. Кутепов // Гигиена и санитария. – 1994. – № 8. – С. 3-5.
14. Скачкова, М.А. Состояние здоровья детей дошкольного возраста в условиях экологического неблагополучия [Текст] / М.А. Скачкова, Е.Г. Карпова, Н.Ф. Тарасенко, Н.М. Лаптева и др. // Российский педиатрический журнал. – 2005. – № 3. – С. 11-15.
15. Состояние здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности Ямало-Ненецкого автономного округа за 2012 г. // Официальный сайт Департамента здравоохранения Ямало-Ненецкого автономного округа. – Режим доступа: <http://depzdrav.yanao.ru/sites/default/files/dzo/reports/report-2012.doc>

16. Adler, N.E. Socioeconomic Status and Health: The Challenge of the Gradient [Text] / N.E. Adler, T. Boyce, M.A. Chesney, S. Cohen, S. Folkman, R.L. Kahn, et al. // *American Psychologist*. – 1994. – 49. – 15-24.
17. Bull-Kamanga, L. From everyday hazards to disasters: the accumulation of risk in urban areas [Text] / L. Bull-Kamanga, K. Diagne, A. Lavell et al. // *Environment and Urbanization*. – 2003. – Vol. 15. – № 1. – P. 193-204.
18. Marmot, M. Social Determinants of Health [Text] / M. Marmot, R. Wilkinson. – New York: Oxford University Press, 1999.

Lebedeva-Nesevrya N.A., Tsinker M.Yu., Chigvintsev V.M.

Macro-social determinants and public health risks in Russia's regions

Natal'ya Aleksandrovna Lebedeva-Nesevrya – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Laboratory Head, Federal State-Financed Scientific Institution “Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies” (82, Monastyrskaya Street, Perm, 614045, Russian Federation, natnes@fcrisk.ru)

Mikhail Yur'evich Tsinker – Mathematician, Department for Mathematical Modeling of Systems and Processes, Federal State-Financed Scientific Institution “Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies” (82, Monastyrskaya Street, Perm, 614045, Russian Federation, natnes@fcrisk.ru)

Vladimir Mikhailovich Chigvintsev – Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution “Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies” (82, Monastyrskaya Street, Perm, 614045, Russian Federation, natnes@fcrisk.ru)

Abstract. The article presents the results of the comprehensive analysis of the macro-economic factors that determine the medical and demographic situation in Russia, using the methods of mathematical modeling. The authors have constructed regression models to determine the proportional contribution of macro-social determinants to a negative deviation of population health indicators. The authors have carried out the cluster analysis and highlighted six types of territories with similar socio-economic and demographic situation. They have also calculated additional cases of general and infant mortality determined by macro-economic factors for each type of territories. In addition, the authors have assessed health risks associated with the effect of social factors at the macro-level.

Key words: health, mortality, macro-social factors, medical and demographic situation, risk.

References

1. Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii “Razvitie zdravookhraneniya”: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 24 dekabrya 2012 g. № 2511-r [The State Program of the Russian Federation “Development of Health Care”: Approved by the RF Government Resolution of December 24, 2012 No. 2511-r]. *Informatsionno-pravovoi portal “Garant”* [Information-Legal Portal “Garant”]. Available at: <http://base.garant.ru/70290076/>
2. Dartau L.A. Teoreticheskie aspekty upravleniya zdorov'em i vozmozhnosti ego realizatsii v usloviyakh Rossiiskoi Federatsii [Theoretical Aspects of Health Control and Its Implementation Possibilities in Russian Federation]. *Problemy upravleniya* [Control Sciences], 2003, no.2, pp. 43-52.
3. Zaitseva N.V., Shur P.Z., Kir'yanov D.A. Analiz upravlyaemykh faktorov riska neinfektsionnoi patologii v Permskom krae [Analysis of Managed Risk Factors in Non-Communicable Pathologies in Perm Krai]. *Ural'skii meditsinskii zhurnal* [The Ural Journal of Medicine], 2010, no.2, pp. 23-24.
4. Zaitseva N.V., Shur P.Z., Mai I.V., Sboev A.S., Volk-Leonovich O.P., Nurislamova T.V. Kompleksnye voprosy upravleniya riskami zdorov'yu v reshenii zadach obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya na munitsipal'nom urovne [Comprehensive Issues of Health Risk Management in Ensuring Sanitary and Epidemiological Well-Being at the Municipal Level]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 1999, no.3, p. 3.

5. Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r [The Concept for Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period until 2020: Approved by the RF Government Resolution of November 17, 2008 No. 1662-r]. *Informatsionno-pravovoi portal "Garant"* [Information-Legal Portal "Garant"]. Available at: <http://base.garant.ru/194365/>
6. Lisitsyn Yu.P. Obraz zhizni kak osnova zdorov'ya. Analiz faktorov riska zaboлеваemosti [Lifestyle as the Foundation of Health. The analysis of Disease Risk Factors]. *Meditinskaya gazeta* [Medical Newspaper], 2010, no. 19, p. 12.
7. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 12 dekabrya 2012 g. [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on December 12, 2012]. *Ofitsial'nyi sait kompanii "Konsul'tantPlyus"* [Official Website of the Company "ConsultantPlus"]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990>
8. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 22 dekabrya 2011 g [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on December 22, 2011]. *Ofitsial'nyi sait kompanii "Konsul'tantPlyus"* [Official Website of the Company "ConsultantPlus"]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123798>
9. Prokhorov B.B. Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti federal'nykh okrugov Rossii i zdorov'e naseleniya [Socio-Economic Specifics of Russia's Federal Districts and the Health of Its Population]. *Nauchnye Trudy. Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Papers. The Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 2008, vol. 6, pp. 680-703.
10. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2011: Statisticheskii sbornik* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2011: Statistical Collection]. Moscow: Rosstat, 2011. Pp. 54-376.
11. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012: Statisticheskii sbornik* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2012: Statistical Collection]. Moscow: Rosstat, 2012. Pp. 54-345.
12. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni. 2012 g. [2012 Ranking of the Russian Regions by Quality of Life]. *Ofitsial'nyi sait RIA Reiting* [Official Website of RIA Rating]. Available at: <http://riarating.ru/infografika/20121218/610486725.html>
13. Sidorenko G.I., Kutepov E.N. Prioritetnye napravleniya nauchnykh issledovaniy po problemam otsenki i prognozirovaniya vliyaniya faktorov riska na zdorov'e naseleniya [Priority Directions of Scientific Researches on the Issues of Assessment and Prediction of the Influence of Risk Factors on Population Health]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 1994, no.8, pp. 3-5.
14. Skachkova M.A., Karpova E.G., Tarasenko N.F., Laptva N.M. et al. Sostoyanie zdorov'ya detei doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh ekologicheskogo neblagopoluchiya [Health Status of Preschool Children in Conditions of Environmental Problems]. *Ros. ped. Zhurn* [Russian Journal of Pedagogy], 2005, no.3, pp. 11-15.
15. Sostoyanie zdorov'ya naseleniya i organizatsii zdavookhraneniya po itogam deyatel'nosti Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga za 2012 g. [Health Status and Health Care according to the performance results of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug for 2012]. *Ofitsial'nyi sait Departamenta zdavookhraneniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Official Website of the Department of Health of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Available at: <http://depzdrav.yanao.ru/sites/default/files/dzo/reports/report-2012.doc>
16. Adler N.E., Boyce T., Chesney M.A., Cohen S., Folkman S., Kahn R.L. et al. Socioeconomic Status and Health: The Challenge of the Gradient. *American Psychologist*, 1994, no.49, pp. 15-24.
17. Bull-Kamanga L., Diagne K., Lavell A. et al. From Everyday Hazards to Disasters: the Accumulation of Risk in Urban Areas. *Environment and Urbanization*, 2003, vol. 15, no.1, pp. 193-204.
18. Marmot M., Wilkinson R. *Social Determinants of Health*. New York: Oxford University Press, 1999.

Эффективность реализации областной целевой программы лечения пациентов с артериальной гипертензией на региональном уровне (опыт Вологодской области)

**Георгий Германович
РАПАКОВ**

кандидат технических наук, доцент, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, grapakov@yandex.ru)

**Геннадий Трофимович
БАНЩИКОВ**

доктор медицинских наук, главный внештатный терапевт, Департамент здравоохранения Вологодской области, Бюджетное учреждение здравоохранения Вологодской области Вологодская областная клиническая больница (160000, г. Вологда, ул. Предтеченская, д. 19, vologdauzo@inbox.ru)

Аннотация. Авторами публикации выполнено мониторинговое медико-социологическое исследование, объектом которого является система организации лечения пациентов с артериальной гипертензией (АГ) на территориальном уровне. Опрос осуществлялся среди врачей в 2010 г. Результаты проведенной экспертизы представлены в виде набора заполненных карт экспертной оценки. Рандомизированная выборка (338 человек) создавалась методом случайного отбора. Ошибка выборки не превышает 5% ($\alpha = 0,95$). Репрезентативные данные проанализированы для оценки качества реализации программы «Профилактика и лечение артериальной гипертензии среди населения Вологодской области» и обеспечения аналитической поддержки при принятии управленческих решений. Выполнена оценка демографического и экономического ущерба от потерь здоровья населения Вологодской области, вызванных болезнями системы кровообращения. Предложены мероприятия по совершенствованию практики медицинского обслуживания в целях повышения уровня использования трудового и жизненного потенциала населения.

Ключевые слова: артериальная гипертензия; факторы риска; целевая программа; карты экспертной оценки; экономическая и социальная эффективность лечения, анализ данных, принятие решений.

В структуре общей смертности населения 54–56% занимают болезни системы кровообращения (БСК). В 2010 г. смертность в Российской Федерации (на 100 тыс. чел. населения) от БСК составила: от инфаркта – 47,2; инсульта – 154,7; от артериальной гипертензии – 17,9. Но артериальная гипертензия (АГ) является важнейшим фактором риска развития БСК, в том числе: ишемической болезни сердца и цереброваскулярной болезни.

Материалы научных исследований показывают высокую распространенность АГ среди взрослого населения. В разных странах и регионах она составляет 35–40%. Однако в официальной медицинской статистике заболеваемость АГ, фиксируемая по данным обращаемости, значительно ниже, чем распространенность при проведении научных исследований, что нашло свое отражение в федеральных и региональных нормативно-правовых актах [12; 14; 15; 16].

И с этой точки зрения важен тот факт, что с 1998 года действует целевая программа «Профилактика и лечение артериальной гипертензии среди населения Вологодской области» (ОЦП). Реализация целевой программы позволила выявлять пациентов с АГ на более ранних стадиях. Этому во многом способствовала разработанная в области технология внедрения системы раннего выявления больных АГ врачами территориальных поликлиник – модель ВВыявления, УЧета и Контроля за больными АГ (ВЫУЧКА). Благодаря целенаправленной работе врачей первичного звена число выявленных больных АГ увеличилось с 22 549 в 1998 г. до 105 476 в 2010 г. [2; 20].

По данным медицинской статистики Департамента здравоохранения Вологодской области, проведенные мероприятия позволили стабилизировать смертность от БСК.

Целью настоящего исследования является оценка качества реализации программы «Профилактика и лечение артериальной гипертензии среди населения Вологодской области».

Исследования, проводимые в различные годы в России, в том числе в Вологодской области, показали, что число случаев выявления больных АГ зависит от используемых методов: сплошное, семейное, выборочное исследование. Значительно меньше выявляется больных АГ врачами первичного медицинского звена по обращаемости в амбулаторно-поликлинические учреждения.

На полноту выявления больных АГ в лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) влияет укомплектованность врачами первичного медицинского звена. Значимым фактором является обучение населения в школах здоровья, мотивация личной ответственности за его состояние, комплаентность (степень соответствия между поведением пациента и полученными рекомендациями).

Базовыми нормативными актами, обеспечивающими динамическое наблюдение за больными АГ, являются амбулаторная карта больного по форме № 025у, утвержденная приказом МЗ РСФСР от 04.10.1980 г. № 1030, и карта диспансерного наблюдения. Приказом МЗ РФ от 23.01.2003 г. № 4 «О мерах по совершенствованию организации медицинской помощи больным артериальной гипертензией в Российской Федерации» была рекомендована карта динамического наблюдения за больными АГ (форма 140/4-02, приложение № 3).

Департаментом здравоохранения Вологодской области утверждена карта экспертной оценки эффективности лечения пациента с АГ, которая дает возможность оценить эффективность мероприятий по снижению сердечно-сосудистого риска.

Экспертизу проводит врач, заведующий отделением, заместитель главного врача ЛПУ, сотрудник Территориального фонда обязательного медицинского страхования.

Выполнение экспертизы способствует:

- более полному выявлению больных АГ на ранних стадиях заболевания;
- оценке лечащим врачом у пациента основных факторов риска, поражения органов-мишеней, а также ассоциированных клинических состояний;
- снижению влияния конкретных факторов риска;
- достижению пациентом целевого уровня артериального давления.

Карта экспертной оценки позволяет врачу первичного звена улучшить организацию лечебно-профилактической работы по диспансерному наблюдению за пациентами с АГ.

Карта содержит 21 пункт и представляет собой разновидность социологической анкеты с номинальными признаками. Шесть переменных являются категориальными (двухзначными номинальными). Пятнадцать рассматриваются как переменные с многомерными откликами (многозначные номинальные). Признак снижения влияния основных факторов риска при обработке указывается как многомерная дихотомия для шести переменных. Стадия артериальной гипертензии (первая, вторая, третья) и степень риска сердечно-сосудистых осложнений (от низкого до очень высокого) определяются в соответствии с рекомендациями Всероссийского научного общества кардиологов (ВНОК). Наблюдение специалистами в поликлинике устанавливается по наличию или отсутствию их записей в амбулаторной карте. Информация об основных факторах риска, ассоциированных клинических состояниях у конкретного пациента также определяется на основе сведений его

амбулаторной карты. При заполнении учитывается возможность отсутствия данных (*not available – NA*).

Оценка эффективности выполняется с использованием порядковой (ординальной) шкалы, содержащей баллы от 0 до 5. Лучшим считается наибольший балл. В соответствии с инструкцией оцениваются 10 признаков. После суммирования выставляется интегральная оценка эффективности:

- эффективность достаточная (30 и более баллов);
- эффективность недостаточная (16–29 баллов);
- лечение неэффективно (15 и менее баллов).

Рассмотренный подход является базовым и носит индивидуальный характер по отношению к пациенту. Наиболее частой задачей, при решении которой приходится иметь дело с номинальными признаками, является обработка анкет по типу социологических исследований. Совокупность заполненных карт экспертной оценки содержит различные комбинации признаков, которые проявляются с разной частотой.

При проведении исследования в 2010 г. Департамент здравоохранения Вологодской области разослал в свои учреждения карты экспертной оценки эффективности лечения пациента с АГ (по данным амбулаторной карты больного № 025у). Было получено 338 анкет из ЛПУ муниципальных образований области. Из них в регистр АГ были включены 86,1% (291 анкета).

Для $n = 338$ и точности оценки в пределах от 0,01 до 0,1 был проведен расчет квантилей и их порядков (надежности обеспечения заданной точности). Расчет показал, что объем сформированной выборки обеспечивает необходимую точность оценки в пределах 0,05 с доверительной вероятностью $\alpha = 0,95$. Точность не ниже 5% от доли объектов с интересующими

свойствами представляется вполне разумной и соответствует требованиям, предъявляемым к исследованиям подобного рода¹.

Изучение источников и их анализ сопоставлялся с целями и методами, представленными в литературе.

Проведена сравнительная оценка качества оказания первичной медицинской помощи для пациентов с АГ в различных амбулаторных медицинских учреждениях Санкт-Петербурга [3]. В результате экспертной оценки амбулаторных карт выявлены различия в качестве заполнения. Основными недостатками названы: отсутствие записей об обследовании пациентов, о консультировании по факторам риска сердечно-сосудистых осложнений АГ. Более высоким качеством оказания помощи отличаются учреждения, организованные по типу общей врачебной практики.

Результаты первого обследования, проведенного в рамках целевой Федеральной программы «Профилактика и лечение артериальной гипертонии в Российской Федерации», представлены в [1]. Репрезентативные случайные выборки создавались по гнездовому плану среди мужчин и женщин в возрасте от 15 до 75 лет, проживающих в 7 федеральных округах. Распространенность артериальной гипертонии составила: среди женщин – 40,4%, мужчин – 37,2%. Осведомленность о наличии: женщины – 80,3%, мужчины – 75%. Лечатся: женщины – 63,1%, мужчины – 53,1%. Из них лечатся эффективно: женщины – 22,5%, мужчины – 20,5%. По числу назначений лидируют ингибиторы АПФ (ПАПФ) – 70,7%.

¹ Объем выборки зависит от необходимой точности, достоверности результата и плана построения выборки. Кроме простых планов случайного отбора используют сложный дизайн построения выборки: расслоение совокупности; стратифицированный, квотируемый и кластерный выбор, а также многоступенчатый отбор [4; 5; 9]. Выбор конкретного плана выборки часто определяется финансовыми и организационными ограничениями при проведении исследования.

Вопросам влияния социальных факторов на распространенность и лечение АГ на региональном уровне (в Якутии) посвящена работа [10].

В исследованиях, посвященных влиянию психосоциальных факторов на развитие «гипертонии на рабочем месте», рассматривается возникновение АГ в зависимости от профессии, образа жизни и факторов риска, включая хронические стрессы и синдром эмоционального выгорания [6].

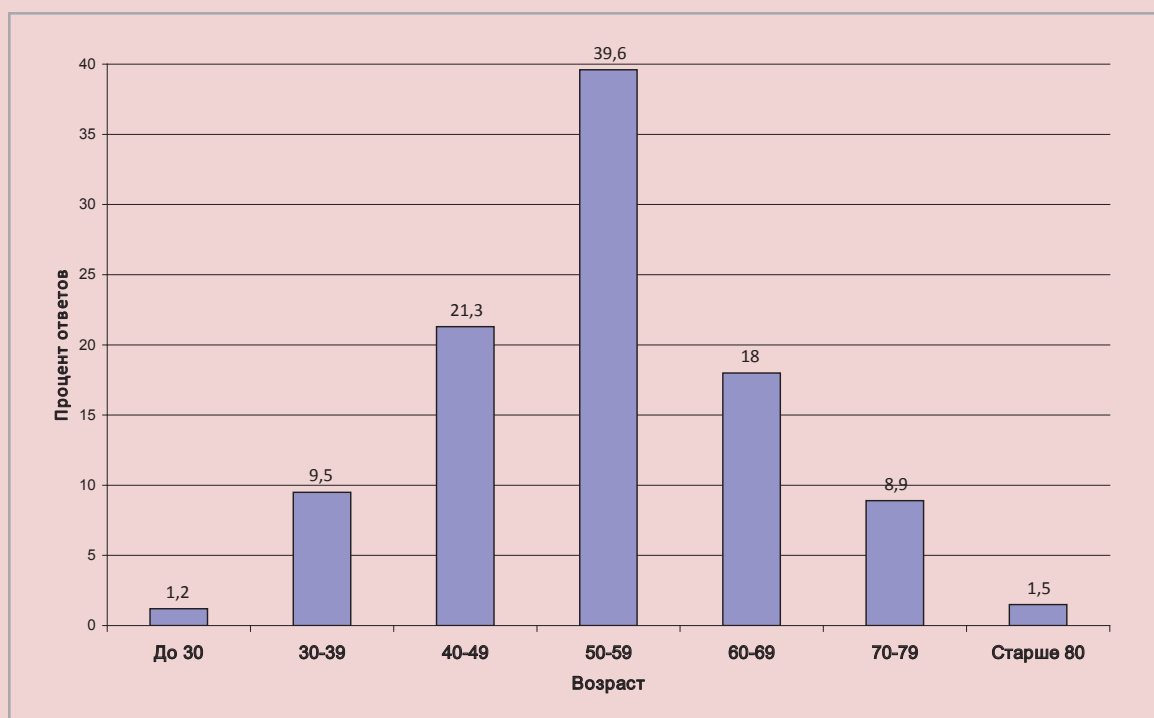
Использование современных технологий социологического исследования как научного наблюдения в качестве методической основы медико-социологического мониторинга позволяет оценивать значимость медико-социальных проблем, проводить ситуационный анализ и повышает качество принятия управленческих решений. Разработка комплексных индикаторов дает возможность количественно оценить популяционное здоровье региона, социально-экономическую эффективность здравоохранения и качество медицинской помощи [21; 22; 23].

Сравнение опубликованных работ с нашими исследованиями показало, что значительная часть результатов имеют большее сходство. Тем самым подтверждается значимость, актуальность и достоверность проведенных измерений.

Что же конкретно установлено нами?

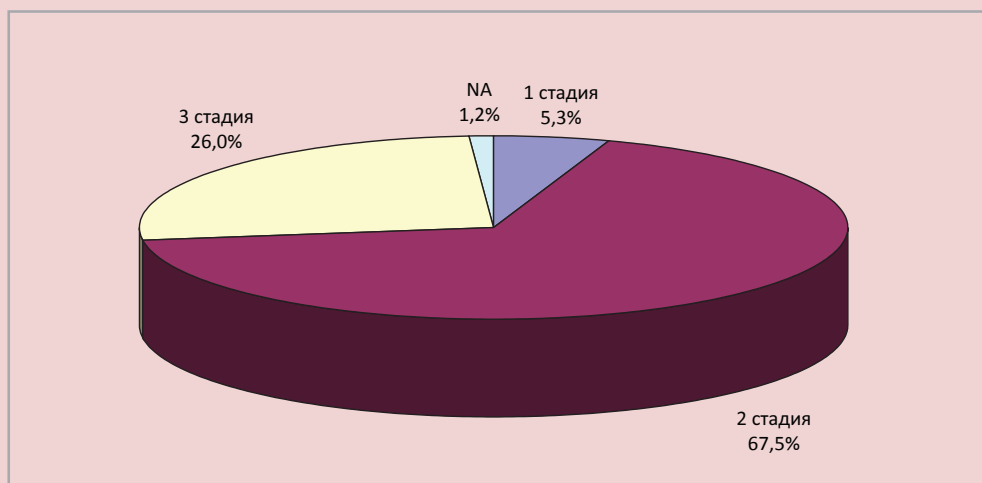
Во-первых, выявлено, что с наращиванием возраста количество пациентов с АГ увеличивается нелинейно (*рис. 1*): в период 30–39 лет – в 7,9 раза, в период от 30–39 до 40–49 лет – в 2,2 раза, и в период от 40–49 до 50–59 лет – в 1,9 раза. К возрасту 50–59 лет суммарный процент составляет 71,6% (242 анкеты) от числа ответов. Распределение ответов по возрасту показывает, что максимальное число – 39,6% пациентов с АГ (134 анкеты) – приходится на возраст 50–59 лет.

Рисунок 1. Распределение больных АГ по возрасту, в %*

* Здесь и далее удельный вес значимых показателей указывается в процентах к общему количеству полученных ответов.

Рисунок 2. Распределение пациентов по стадиям АГ (рекомендации ВНОК 2008 г.), в %

Во-вторых, у 67,5% (320 анкет) пациентов отмечены изменения со стороны одного или нескольких органов-мишеней (рис. 2).

В-третьих, 43,5% (147 анкет) больных имеют средний риск сердечно-сосудистых осложнений, а 49,4% (167 анкет) – высокий и очень высокий (рис. 3).

Рисунок 3. Распределение пациентов по уровню риска сердечно-сосудистых осложнений (рекомендации ВНОК 2008 г.), в %

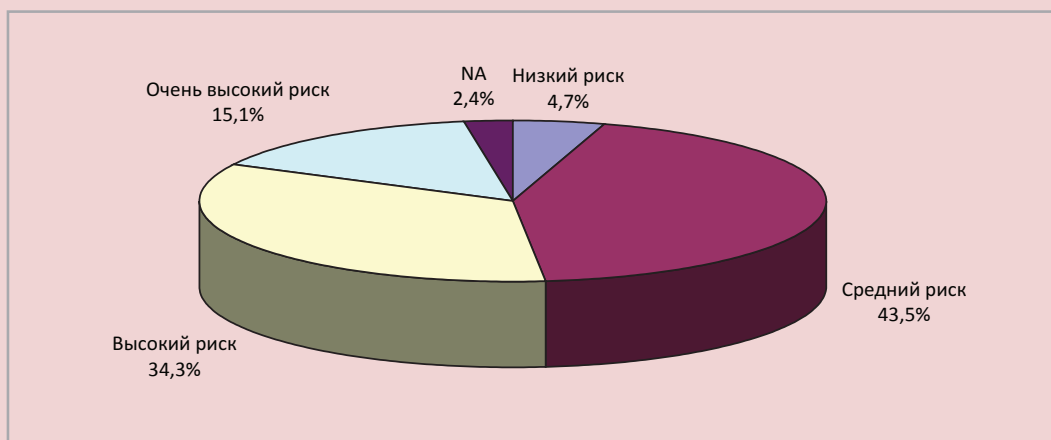
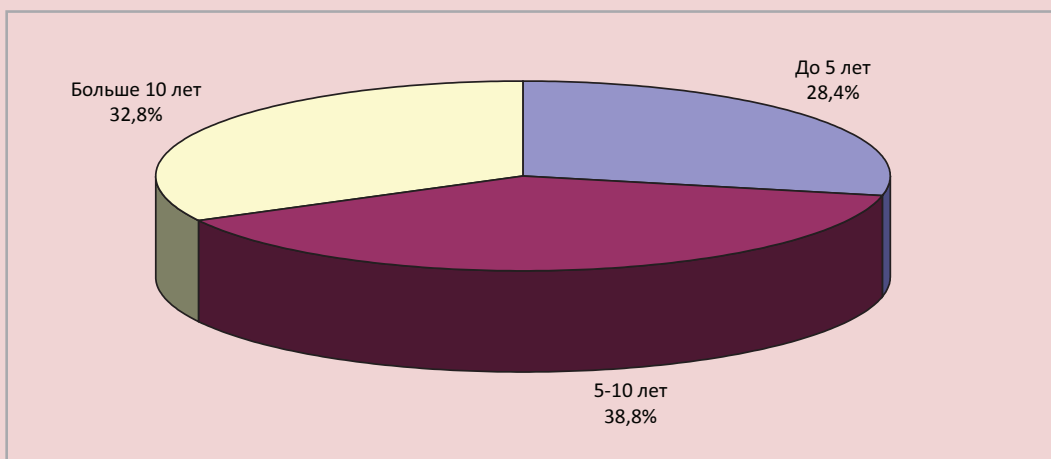

Рисунок 4. Распределение пациентов по длительности заболевания, в %

В-четвертых, у 38,8% (131 анкета) пациентов длительность заболевания составляет от 5 до 10 лет (рис. 4).

Выяснено также, что 82,2% (278 анкет) имеют тонометр; 89,3% (302 анкеты) больных состоят под диспансерным наблюдением; 55% (186 анкет) наблюдаются в поликлинике терапевтом, 18,3% (62 анкеты) — семейным врачом, 22,5% (76 анкет) — несколькими специалистами. Случаи обследования неврологом и сосудистым хирургом не отмечены.

В-пятых, установлено, что среди данных об основных факторах риска АГ нет сведений об алкоголе. У 54,4% (184 анкеты) больных присутствуют 2–3 фактора. По 12,6% (43 анкеты) данных нет (рис. 5).

В-шестых, для 27,8% (94 анкеты) пациентов отмечено наличие двух и более ассоциированных клинических состояний. Обращает на себя внимание высокий процент отсутствия данных — 40,3% (136 анкет) (рис. 6).

Рисунок 5. Основные факторы риска АГ, в %

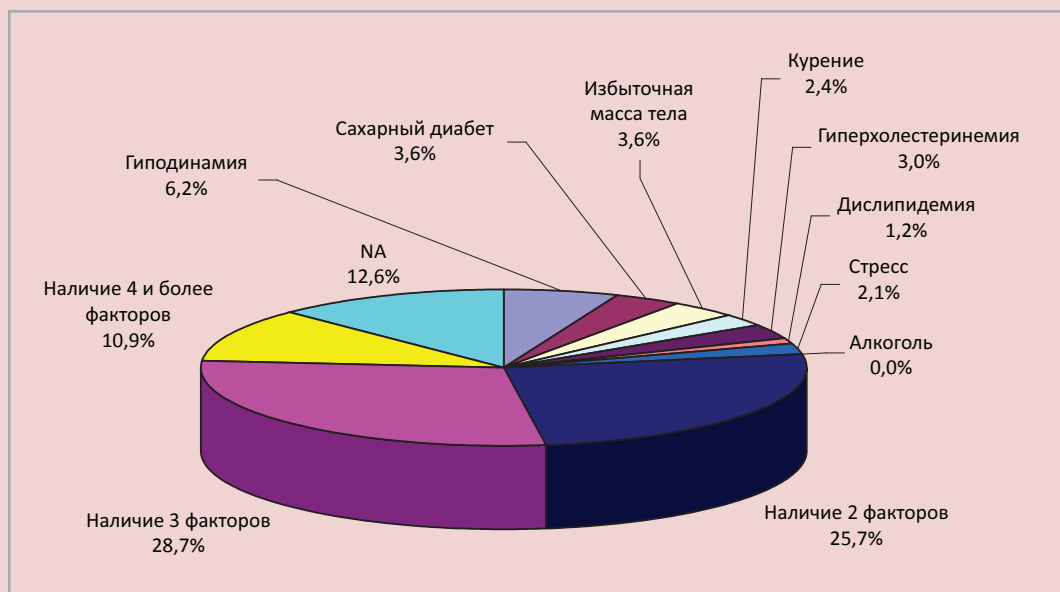
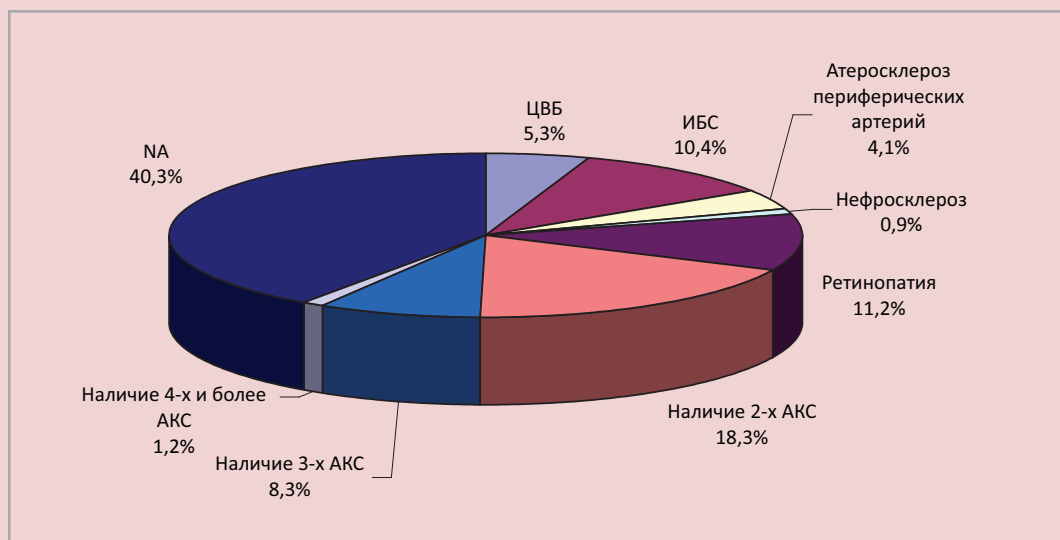

Рисунок 6. Распределение пациентов по удельному весу ассоциированных клинических состояний, в %

В 82,2% случаев антигипертензивная терапия была назначена в поликлинике.

В-седьмых, для 93,5% (316 анкет) больных антигипертензивная терапия проводится постоянно (рис. 7).

В-восьмых, в 28,7% антигипертензивная терапия выполняется одним препаратом, причем для 18,3% от общего

числа пациентов (и, соответственно, для 63,8% случаев использования одного препарата) назначаются ингибиторы АПФ (рис. 8).

Комбинированная антигипертензивная терапия отмечена в 70,4% случаев (238 анкет). Два препарата назначают для 42,9% больных (145 анкет) – в 60,9% случаев ис-

Рисунок 9. Удельный вес пациентов, применяющих комбинированную антигипертензивную терапию, в %

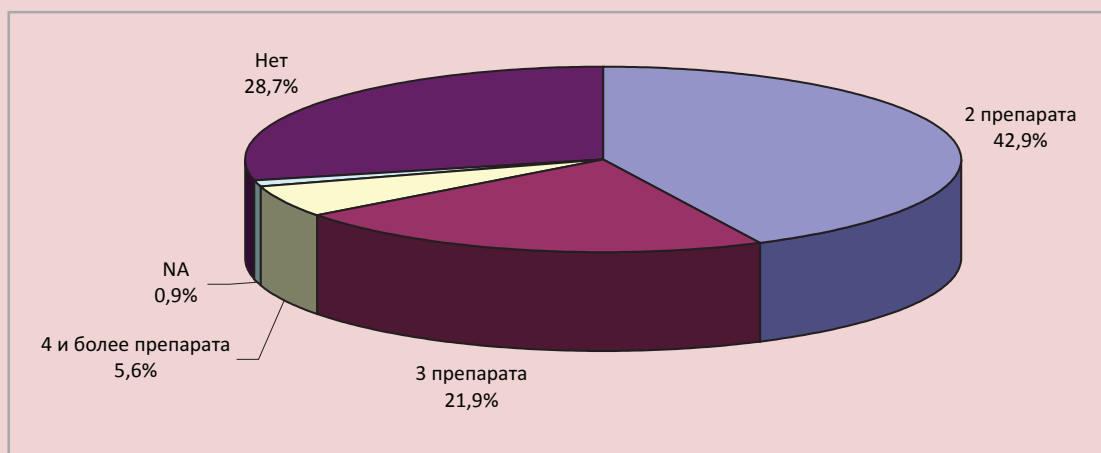
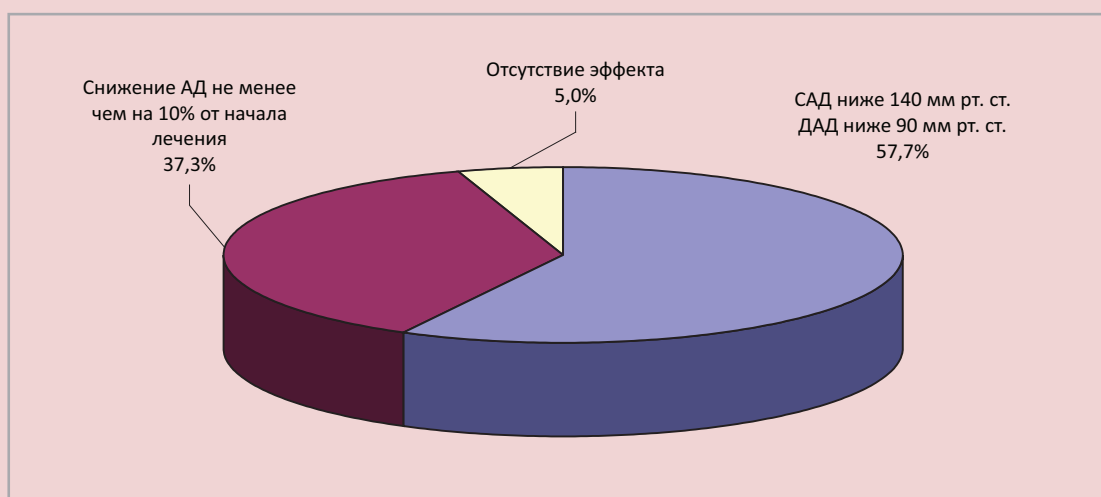

Рисунок 10. Распределение пациентов по достижению целевого уровня артериального давления, в %

Результаты анализа выборки для признака «Снижение влияния основных факторов риска» сведены в *таблице 1*.

Как видно из данных таблицы, относительно благоприятно обстоит дело с физическими нагрузками (30 мин. ежедневно): снижение риска отметили 49,7% пациентов (168 анкет). Хуже – с употреблением алкоголя: для 85,2% (288 анкет) снижение риска отсутствует. Зафиксировано противоречие: в пункте № 10 карты экспертной оценки среди данных об основных факторах риска

АГ сведений об алкоголе нет. Очевидно, что причина диссонанса носит когнитивный характер. Для оставшихся четырех факторов снижение риска отсутствует для 72,8–79% больных (246–267 анкет).

Уменьшение влияния факторов риска АГ отмечено только у 4 пациентов из 338 обследованных (1,18%).

Карты экспертной оценки свидетельствуют, что, хотя сведения о немедикаментозной терапии были доведены до 84,3% пациентов (285 анкет), их использование

Таблица 1. Влияние основных факторов риска у больных АГ

Типы снижения влияния	Основные факторы риска					
	Физические нагрузки (30 мин. ежедневно), %, число анкет	Нормализация сахара в крови, %, число анкет	Снижение массы тела при нарушении жирового обмена, %, число анкет	Отказ от курения, %, число анкет	Нормализация липидного обмена, %, число анкет	Употребление алкоголя не более 120-150 мл в неделю или отказ, %, число анкет
Снижение влияния присутствует	49,7% (168)	21% (71)	27,2% (92)	23,1% (78)	24% (81)	14,8% (50)
Снижение влияния отсутствует	50,3% (170)	79% (267)	72,8% (246)	76,9% (260)	76% (257)	85,2% (288)

Таблица 2. Оценка эффективности диспансеризации больных АГ

Группы пациентов по интегральной эффективности лечения	%, число анкет	Оценка эффективности
5-15 баллов	0,89% (3)	Лечение неэффективно
16-29 баллов	16,27% (55)	Эффективность недостаточна
30-45 баллов	82,84% (280)	Лечение достаточно эффективно

больными АГ является недостаточным. Исследования [28] показали, что эффективная немедикаментозная терапия позволяет снизить систолическое артериальное давление на 11 мм рт. ст. и диастолическое – на 6,8 мм рт. ст. Самосохранительная активность граждан должна стать социально привлекательной и выгодной для общества, а самосохранительное поведение – нормой [7; 11; 27].

Итоги анализа выборки по балльной оценке эффективности лечения пациентов с АГ представлены в *таблице 2*.

Как видно из указанной таблицы, эффективная антигипертензивная терапия (30 и более баллов) отмечена для 82,84% пациентов (280 анкет). Таким образом, несмотря на достигнутую реализацию ОЦП, в лечении остается большой резерв выявления и снижения факторов риска АГ на ранних стадиях.

Для оценки экономического ущерба от потерь здоровья населения Вологодской области, обусловленных БСК, использовалась методология, представленная в работах [24, 25, 26]. Расчет экономических затрат в полной мере затруднен. Он требует полноценного учета многочисленных социально-экономических факторов и достоверной статистической информации за длительный период времени.

В *таблицах 3 и 4* приводится оценка величины упущенной выгоды за 2009–2010 гг., вызванной болезнями системы кровообращения, в связи с временной нетрудоспособностью и выплатами по социальному страхованию, пенсий по инвалидности и преждевременной смертностью трудоспособного населения. Итоговое значение упущенной выгоды только по этим двум показателям за год составляет 1,5 млрд. рублей.

Таблица 3. Выгода, упущенная в связи с временной нетрудоспособностью вследствие болезней системы кровообращения (Вологодская область)*

Показатель	2009 г.	2010 г.
Количество дней временной нетрудоспособности по БСК	534360	485840
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб.	16566	18536
Средняя выплата в расчете на день	552	618
Стоимость одного дня по социальному страхованию, руб.	276,10	308,93
Выгода, упущенная за год, млн. руб.	442,5	450,2
* Рассчитано на основании данных сб.: Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2010 год. – Вологда: ДЗО, 2011; и данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.		

Таблица 4. Выгода, упущенная в производстве ВРП из-за уменьшения численности занятых в экономике в связи с преждевременной смертностью трудоспособного населения вследствие болезней системы кровообращения*

Показатель	2009 г.
Смертность населения в возрасте 15-59 лет. (БСК)	6221,2
Валовой региональный продукт в текущих основных ценах на душу населения, руб.	176179,00
Упущенная выгода в производстве ВРП за год, млн. руб. (БСК)	1096,045
* Рассчитано на основании данных сб.: Демографический ежегодник Вологодской области. – Вологда: Росстат, 2011; и данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.	

Таблица 5. Потерянные годы потенциальной жизни (ПГПЖ) в результате преждевременной смертности трудоспособного населения Вологодской области в 2010 году*

Возрастные группы	Область		Город		Село	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15-19	2064	384	1008	288	1056	96
20-24	6192	1419	3569	903	2623	516
25-29	8094	2394	4902	1596	3192	798
30-34	10131	2772	6699	1848	3432	924
35-39	10192	3304	6692	2212	3500	1092
40-44	11178	2990	7268	1840	3910	1150
45-49	14292	4410	8478	2700	5814	1710
50-54	15067	4407	8736	2600	6331	1807
55-59	11272		6960		4312	
Итого ПГПЖ	88482	22080	54312	13987	34170	8093
Диспаритет	4,01		3,88		4,22	
* Рассчитано на основании данных сб.: Демографический ежегодник Вологодской области. – Вологда: Росстат, 2011.						

Одним из основных критериев здоровья населения является показатель «потерянные годы потенциальной жизни».

Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области ожидаемая продолжительность жизни в 2004–2009 гг. находилась в диапазоне от 62,8 до 67,3 года со средним значением 65,42 года (для женщин – 73,22 и для мужчин – 58,6 года).

Всемирная организация здравоохранения в качестве базового рекомендует рассматривать уровень продолжительности жизни 65 лет.

Результаты расчета ПППЖ для Вологодской области в 2010 г. по методикам [17, 26] представлены в *таблице 5*.

Как видно из таблицы, вследствие преждевременной смертности трудоспособного населения в 2010 г. в области было потеряно 110 562 года потенциальной жизни, а следовательно, и значительная сумма валового регионального продукта.

Средовые факторы стимулируют безразличное отношение граждан к своему состоянию. Федеральный закон Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ в части статьи 27 «Обязанности граждан в сфере охраны здоровья», п. 1 указывает: «Граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья. Необходима смена социальной парадигмы, переход к системе охраны здоровья и формирование культуры здорового образа жизни. Дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы позволит мотивировать осознанную ответственность члена общества за свое здоровье».

Корректировка факторов риска развития БСК, эффективная немедикаментозная терапия и самосохранительное поведение населения являются важнейшим условием сокращения преждевременной смертности населения, препятствующей модернизации экономики, повышению производительности труда и устойчивому развитию России.

Литература

1. Артериальная гипертония: распространенность, осведомленность, прием антигипертензивных препаратов и эффективность лечения среди населения РФ / С.А. Шальнова, Ю.А. Баланова, В.В. Константинов и др. // Российский кардиологический журнал. – 2006. – № 4. – С. 45.
2. Баншиков, Г.Т. Артериальная гипертония: эпидемиологическая ситуация и оптимизация ее контроля в первичном звене здравоохранения областного центра: автореф. дис. ... докт. мед. наук: 14.00.06 / Г.Т. Баншиков. – М., 2004. – 42 с.
3. Возможные способы оценки качества ведения пациентов с артериальной гипертензией в амбулаторных условиях / И.Е. Моисеева, О.Ю. Кузнецова, Е.В. Фролова, С.Л. Плавинский // Российский семейный врач. – 2009. – № 3. – Т. 13. – С. 17.
4. Джессен, Р. Методы статистических обследований / Р. Джессен: пер. с англ. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 478 с.: ил.
5. Джонсон, Н. Статистика и планирование эксперимента в технике и науке / Н. Джонсон: пер. с англ. – М.: Мир, 1980. – Т. 1. – 610 с. – 1981. – Т. 2. – 520 с.
6. Еникеев, А.Х. Артериальная гипертония на рабочем месте / А.Х. Еникеев, Ю.Н. Замотаев, Ю.А. Кремнев // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова. – 2009. – № 1. – Т. 4. – С. 112.
7. Иванова, Л.Ю. Самосохранительное поведение взрослого населения и подростков / Л.Ю. Иванова // Социология медицины. – 2010. – № 2. – С. 31.
8. Информационный бюллетень Территориального фонда обязательного медицинского страхования Вологодской области. – Вологда, 2012. – № 1.

9. Кокрен, У. Методы выборочного исследования / У. Кокрен: пер. с англ. — М.: Статистика, 1976. — 440 с.
10. Корнильева, И.В. Влияние социальных факторов на распространенность и лечение артериальной гипертензии в Якутии / И.В. Корнильева, К.И. Иванов, С.А. Шальнова // Социология медицины. — 2005. — № 2. — С. 49.
11. Назарова, И.Б. Доступность системы здравоохранения (медицинской помощи) и самосохранительная активность граждан / И.Б. Назарова // Социология медицины. — 2006. — № 2. — С. 43.
12. О мерах по совершенствованию организации медицинской помощи больным артериальной гипертензией в РФ [Электронный ресурс]: приказ Минздрава РФ от 24.01.2003 № 4 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система / компания «КонсультантПлюс».
13. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2010 г. / Департамент здравоохранения. — Вологда, 2011.
14. Профилактика и лечение артериальной гипертензии в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральная целевая программа: утв. пост. Правительства РФ от 17 июля 2001 г. № 540 (128) // КонсультантПлюс: справ.-правовая система / компания «КонсультантПлюс».
15. Профилактика и лечение артериальной гипертензии и атеросклероза среди населения Вологодской области на 1998–2002 годы [Электронный ресурс]: областная целевая программа: утв. пост. Законодательного Собрания от 18.03.98. № 97 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система / компания «КонсультантПлюс».
16. Профилактика и лечение артериальной гипертензии среди населения Вологодской области на 2009–2011 годы [Электронный ресурс]: ведомственная целевая программа: утв. пост. Правительства Вологодской области от 28 июня 2010 г. № 739 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система / компания «КонсультантПлюс».
17. Эффективность здравоохранения региона / кол. авт.: В.А. Ильин (рук.) и др. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. — 189 с.
18. Рапаков, Г.Г. Организация системы раннего выявления больных артериальной гипертензией и доступность антигипертензивных средств в Вологодской области: опыт использования кластерного анализа / Г.Г. Рапаков, Г.Т. Банщиков // Архив внутренней медицины. — 2013. — № 4. — С. 16.
19. Рапаков, Г.Г. Интеллектуальный анализ данных в здравоохранении региона (на материалах Вологодской области): монография / Г.Г. Рапаков, Г.Т. Банщиков. — Вологда: ВоГУ, 2014. — 79 с.
20. Реализация программы «Профилактика и лечение артериальной гипертензии в Российской Федерации на региональном уровне (опыт г. Вологды)» / Г.Т. Банщиков, А.А. Коляничко, А.И. Попугаев и др. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2004. — № 3. — С. 43.
21. Решетников, А.В. Медико-социологический подход к исследованию качества медицинской помощи / А.В. Решетников, М.М. Астафьев // Социология медицины. — 2005. — № 1. — С. 32.
22. Решетников, А.В. Место социологии медицины в системе научного знания / А.В. Решетников // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. — М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.
23. Решетников, А.В. Организация и проведение медико-социологического мониторинга / А.В. Решетников // Экономика здравоохранения. — 2002. — № 3. — С. 79.
24. Шабунова, А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография / А.А. Шабунова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 408 с.
25. Шабунова, А.А. Общественное здоровье и здравоохранение территорий / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, О.Н. Калачикова; под рук. А.А. Шабуновой. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 284 с.
26. Шабунова, А.А. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2008. — № 4. — С. 53.
27. Шипиловская, О.А. Влияние медицинских работников на самосохранительное поведение сельских жителей / О.А. Шипиловская // Вестник ВЭГУ. — 2011. — № 2. — С. 156.
28. Эффективность немедикаментозной коррекции артериальной гипертензии в общей врачебной практике / Е.В. Фролова, С.Л. Плавинский, И.Е. Моисеева и др. // Кардиология. — 2004. — № 2. — Т. 44. — С. 35.

Rapakov G.G., Banshchikov G.T.

Efficiency of implementation of the regional target program for the treatment of patients with arterial hypertension at the regional level (experience of the Vologda Oblast)

Georgii Germanovich Rapakov – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation, rapakov@yandex.ru)

Gennadii Trofimovich Banshchikov – Doctor of Medicine, Chief Non-Staff Physician, Vologda Oblast Department of Healthcare, State-Financed Healthcare Institution of the Vologda Oblast “Vologda Oblast Clinical Hospital” (19, Predtechenskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation, vologdauzo@inbox.ru)

Abstract. The authors have performed a monitoring medico-sociological research aimed to study the system for organizing the treatment of patients with arterial hypertension (AH) at the territorial level. The survey was conducted among physicians in 2010. The results of this examination are presented as a set of filled-in expert assessment charts. The randomized sample (338 people) was effected by random selection. Sampling error does not exceed 5% ($\alpha = 0.95$). The authors have analyzed the representative data in order to assess the quality of implementation of the program “Prevention and treatment of arterial hypertension in the Vologda Oblast population” and provide analytical support in management decision-making. The authors have also assessed the demographic and economic losses due to health deterioration caused by diseases of the circulatory system. In addition, the authors have proposed several measures to improve health care practices in order to enhance the efficiency of using people’s labor and life potential.

Key words: arterial hypertension, risk factors, target program, expert assessment charts, economic and social efficiency of treatment, data analysis, decision making.

References

1. Shal’nova S.A., Balanova Yu.A., Konstantinov V.V. et al. Arterial’naya gipertoniya: rasprostranennost’, osvedomlennost’, priem antigipertenzivnykh preparatov i effektivnost’ lecheniya sredi naseleniya RF [Arterial Hypertension: Prevalence, Awareness, Anti-Hypertensive Pharmaceutical Treatment, Treatment Effectiveness in Russian Population]. *Rossiiskii kardiologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Cardiology], 2006, no. 4, p. 45.
2. Banshchikov G.T. *Arterial’naya gipertoniya: epidemiologicheskaya situatsiya i optimizatsiya ee kontrolya v pervichnom zvene zdravookhraneniya oblastnogo tsentra: avtoref. dis. dokt. med. nauk: 14.00.06* [Hypertension: Epidemiological Situation and the Optimization of its Control in Primary Healthcare Institutions of the Oblast Center: Doctor of Medicine Dissertation Abstract]. Moscow, 2004. 42 p.
3. Moiseeva I.E., Kuznetsova O.Yu., Frolova E.V., Plavinskii S.L. Vozmozhnye sposoby otsenki kachestva vedeniya patsientov s arterial’noi gipertenziei v ambulatornykh usloviyakh [Possible Ways of Assessing the Quality of Management of Patients with Arterial Hypertension in the Outpatient Setting]. *Rossiiskii semeinyi vrach* [Russian Family Doctor], 2009, no. 3, vol. 13, p. 17.
4. Jessen R. *Metody statisticheskikh obsledovaniy* [Statistical Survey Techniques]. Translated from English. Moscow: Finansy i statistika, 1985. 478 p.
5. Johnson N. *Statistika i planirovanie eksperimenta v tekhnike i nauke* [Statistics and Planning of the Experiment in Science and Technology. Methods of Data Processing]. Translated from English. Moscow: Mir, 1980. Vol. 1. 610 p. 1981. Vol. 2. 520 p.
6. Enikeev A.Kh., Zamotaev Yu.N., Kremnev Yu.A. Arterial’naya gipertoniya na rabochem meste [Arterial Hypertension in the Workplace]. *Vestnik Natsional’nogo mediko-khirurgicheskogo tsentra im. N.I. Pirogova* [Bulletin of Pirogov National Medical Research Center], 2009, no. 1, vol. 4, p. 112.
7. Ivanova L.Yu. Samosokhranitel’noe povedenie vzroslogo naseleniya i podrostkov [Self-Preservation Behavior in Adults and Children]. *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2010, no. 2, p. 31.

8. Informatsionnyi byulleten' Territorial'nogo fonda obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya Vologodskoi oblasti [Newsletter of the Territorial Fund of Compulsory Medical Insurance of the Vologda Oblast]. Vologda, 2012. No. 1.
9. Cochran U. *Metody vyborochnogo issledovaniya* [Sampling Techniques]. Translated from English. Moscow: Statistika, 1976. 440 p.
10. Kornil'eva I.V., Ivanov K.I., Shal'nova S.A. Vliyanie sotsial'nykh faktorov na rasprostranennost' i lechenie arterial'noi gipertenzii v Yakutii [The Impact of Social Factors on the Prevalence and Treatment of Hypertension in Yakutia]. *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2005, no. 2, p. 49.
11. Nazarova I.B. Dostupnost' sistemy zdravookhraneniya (meditsinskoi pomoshchi) i samosokhranitel'naya aktivnost' grazhdan [Accessibility of the Health System (Medical Care) and Self-Preservation Activity of Citizens]. *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2006, no. 2, p. 43.
12. O merakh po sovershenstvovaniyu organizatsii meditsinskoi pomoshchi bol'nym arterial'noi gipertenzii v RF: prikaz Minzdrava RF ot 24.01.2003 № 4 [About the Measures on Improvement of Organization of Medical Aid Provided to the Patients with Arterial Hypertension in the Russian Federation: the Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of January 24, 2003 No. 4]. *Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference-Legal System].
13. Osnovnye pokazateli deyatelnosti uchrezhdenii zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti za 2010 g. [2010 Key Performance Indicators of Health Institutions in the Vologda Oblast]. *Departament zdravookhraneniya* [Department of Healthcare]. Vologda, 2011.
14. Profilaktika i lechenie arterial'noi gipertonii v Rossiiskoi Federatsii: Federal'naya tselevaya programma: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17 iyulya 2001 g. № 540 (128) [Prevention and Treatment of Arterial Hypertension in the Russian Federation: Federal Target Program: Resolution of the RF Government of July 17, 2001 No. 540 (128)]. *Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference-Legal System].
15. Profilaktika i lechenie arterial'noi gipertonii i ateroskleroza sredi naseleniya Vologodskoi oblasti na 1998–2002 gody: oblastnaya tselevaya programma: postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya ot 18.03.98. № 97 [Prevention and Treatment of Arterial Hypertension and Atherosclerosis in the Vologda Oblast Population for 1998–2002: Regional Target Program: Resolution of the Legislative Assembly of March 18, 1998 No. 97]. *Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference-Legal System].
16. Profilaktika i lechenie arterial'noi gipertonii sredi naseleniya Vologodskoi oblasti na 2009–2011 gody: vedomstvennaya tselevaya programma: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 28 iyunya 2010 g. № 739 [Prevention and Treatment of Arterial Hypertension in the Vologda Oblast Population for 2009–2011: Departmental Target Program: Resolution of the Vologda Oblast Government of June 28, 2010 No. 739]. *Konsul'tantPlyus: sprav.-pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference-Legal System].
17. *Effektivnost' zdravookhraneniya regiona* [Effectiveness of Healthcare in the Region]. Team of authors supervised by V.A. Ilyin. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2006. 189 p.
18. Rapakov G.G., Banshchikov G.T. Organizatsiya sistemy rannego vyyavleniya bol'nykh arterial'noi gipertenziei i dostupnost' antigipertenzivnykh sredstv v Vologodskoi oblasti: opyt ispol'zovaniya klasternogo analiza [Organization of a System of Early Detection of Patients with Arterial Hypertension and Availability of Antihypertensive Drugs in the Vologda Oblast: Experience of the Use of Cluster Analysis]. *Arkhiv" vnutrennei meditsiny* [Archive of Internal Medicine], 2013, no. 4, p. 16.
19. Rapakov G.G., Banshchikov G.T. *Intellektual'nyi analiz dannykh v zdravookhranении regiona (na materialakh Vologodskoi oblasti): monografiya* [Data Mining in Health Care in the Region (on the Materials of the Vologda Oblast): Monograph]. Vologda: VoGU, 2014. 79 p.
20. Banshchikov G.T., Kolin'ko A.A., Popugayev A.I. et al. Realizatsiya programmy "Profilaktika i lechenie arterial'noi gipertonii v Rossiiskoi Federatsii na regional'nom urovne (opyt g. Vologdy)" [The Implementation of the Program "Prevention and Treatment of Arterial Hypertension in the Russian Federation at the Regional Level (the Experience of Vologda)]. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika* [Cardiovascular Therapy and Prevention], 2004, no. 3, p. 43.
21. Reshetnikov A.V., Astaf'ev M.M. Mediko-sotsiologicheskii podkhod k issledovaniyu kachestva meditsinskoi pomoshchi [Medico-Sociological Approach to the Study of the Quality of Health Care]. *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], 2005, no. 1, p. 32.
22. Reshetnikov A.V. Mesto sotsiologii meditsiny v sisteme nauchnogo znaniya [Place of the Sociology of Medicine in the System of Scientific Knowledge]. *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, 2008.

23. Reshetnikov A.V. Organizatsiya i provedenie mediko-sotsiologicheskogo monitoringa [Organization and Implementation of Medico-Sociological Monitoring]. *Ekonomika zdavookhraneniya* [Health Economics], 2002, no. 3, p. 79.
24. Shabunova A.A. *Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika: monografiya* [Population Health in Russia: State and Dynamics: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 408 p.
25. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdavookhranenie territorii* [Public Health and Health Care in the Territories]. Supervised by A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2010. 284 p.
26. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N. Ekonomicheskaya otsenka poter' trudovogo potentsiala naseleniya [Economic Assessment of the Loss of Labor Potential of the Population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2008, no. 4, p. 53.
27. Shipilovskaya O.A. Vliyanie meditsinskikh rabotnikov na samosokhranitel'noe povedenie sel'skikh zhitelei [Influence of Health Workers on Self-Preservation Behavior of Rural Residents]. *Vestnik VEGU* [Bulletin of VEGU], 2011, no. 2. p. 156.
28. Frolova E.V., Plavinskii S.L., Moiseeva I.E. et al. Effektivnost' nemedikamentoznoi korrektsii arterial'noi gipertenzii v obshchei vrachebnoi praktike [Effectiveness of Non-Pharmacological Treatment of Arterial Hypertension in General Medical Practice]. *Kardiologiya* [Cardiology], 2004, no. 2, vol. 44, p. 35.

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.19
УДК 37.01:613(470.12), ББК 51.240.0(2Рос-4Вол)

© Касимов Р.А., Разварина И.Н.

Апробация модели формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства на муниципальном уровне

**Риза Ахмедзакиевич
КАСИМОВ**

кандидат педагогических наук, директор, Государственное учреждение здравоохранения Вологодский областной центр медицинской профилактики (160001, г. Вологда, ул. Мира, д. 9, vosmp-vologda@yandex.ru)

**Ирина Николаевна
РАЗВАРИНА**

старший лаборант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, irina.razvarina@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена поиску методологических и управленческих подходов, нацеленных на сохранение детского здоровья. В контексте этого направления авторами представлена развернутая характеристика формирования здоровьесберегающего образовательного пространства, которое рассматривается как сложная многоуровневая и многоотраслевая система. В работе определены принципы, методы, механизмы становления процесса здоровьесбережения на уровне муниципальных образований.

Предметом исследования являются предпосылки, условия и ресурсы формирования здоровьесберегающего образовательного пространства. Объект исследования — участники образовательного процесса (обучающиеся, учителя, родители) и представители административно-управленческого аппарата местных органов самоуправления. Цель исследования — сравнение эффективности применения различных концептуально-методологических подходов к формированию здоровьесберегающего пространства и уровня включенности муниципалитета.

В ходе проведения эксперимента была апробирована оценка моделей формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства (РЗОП) и приобщения к здоро-

вому образу жизни, разработанная авторами. Уделено значительное внимание обоснованию оптимального выбора стратегии управления при внедрении технологий здоровьесбережения на муниципальном уровне. Показано решающее значение конструктивного межведомственного взаимодействия систем образования и здравоохранения, органов власти для результативной деятельности в данном направлении.

Ключевые слова: детское здоровье, здоровьесберегающее образовательное пространство, комплексный системно-синергетический подход, здоровьесберегающие активности, межведомственное взаимодействие.

В Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы поставлена важнейшая задача повышения качества образования через сохранение и укрепление здоровья и внедрение здоровьесберегающих форм и технологий в педагогический процесс. Состояние здоровья несовершеннолетних граждан в настоящее время является одним из значимых показателей благополучия государства.

В связи с этим количественные и качественные характеристики физического и психологического статуса детей отражают реальную ситуацию состояния детского здоровья [1, 5, 9, 10, 11]. Демографический кризис и снижение уровня жизни населения, произошедшие в России еще в девяностых годах прошлого столетия (табл. 1), оказали негативное влияние на все показатели здоровья детей. Общая заболеваемость

Таблица 1. Естественное движение населения в Вологодской области (ВО) и Российской Федерации (РФ)

Год	Численность населения*, тыс. чел.		Общий коэффициент рождаемости, ‰		Общий коэффициент смертности, ‰		Естественная убыль (прирост), ‰	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
1990	147 969,4	1 354,1	13,4	13,4	11,2	12,0	2,2	1,4
1992	148 538,2	1 352,5	10,7	10,2	12,2	13,1	-1,5	-2,9
1995	148 375,8	1 336,2	9,3	8,7	15,0	16,4	-5,7	-7,7
1999	147 214,8	1 304,7	8,3	8,0	14,7	16,1	-6,4	-8,1
2000	146 596,9	1 295,0	8,7	8,8	15,3	16,0	-6,6	-7,2
2001	145 976,5	1 284,5	9,0	9,4	15,6	17,4	-6,6	-8,0
2002	145 306,5	1 272,7	9,7	10,1	16,2	18,4	-6,5	-8,3
2003	144 648,6	1 261,4	10,2	10,4	16,4	19,8	-6,2	-9,4
2004	144 067,3	1 250,8	10,4	10,7	16,0	19,1	-5,6	-8,4
2005	143 518,8	1 240,4	10,2	10,5	16,1	18,8	-5,9	-8,3
2006	143 049,6	1 230,4	10,4	10,9	15,2	17,1	-4,8	-6,2
2007	142 805,1	1 222,8	11,3	11,6	14,6	15,9	-3,3	-4,3
2008	142 742,4	1 217,0	12,1	12,0	14,6	16,3	-2,5	-4,3
2009	142 785,3	1 211,2	12,4	12,4	14,2	16,2	-1,8	-3,8
2010	142 849,5	1 204,8	12,5	12,5	14,2	16,8	-1,7	-4,3
2011	142 960,9	1 199,9	12,6	13,0	13,5	15,7	-0,9	-2,7
2012	143 201,7	1 197,4	13,3	14,0	13,3	15,1	-0,02	-1,1

* В среднем за год.

Источники: Единая межведомственная информационно-статистическая система [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь–декабрь 2012 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/edn12-12.htm

населения в возрасте от 0 до 14 лет увеличилась в стране в 2000–2010 годах на 31%, в Вологодской области – на 38% [2, 3].

В настоящее время нормативно-правовое обеспечение охраны здоровья школьников представлено широким спектром законодательных актов всех уровней. Основные положения здоровьесбережения данной категории населения отражены в статье 41 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273 [8].

Важное, а в большинстве случаев и ведущее значение имеет включение в процесс организации охраны здоровья детей не только управлений образования, медицинских учреждений, но и органов власти на местах. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 24.09.2003 г. № 131-ФЗ к вопросам местного значения относится и создание благоприятных условий для комплексного развития и жизнедеятельности детей. Данное положение обуславливает необходимость расширения межведомственного взаимодействия всех субъектов на уровне муниципалитета, заинтересованных в этом направлении деятельности.

Поэтому с 2004 года в Вологодской области проводится эксперимент по апробации модели оценки эффективности регионального здоровьесберегающего образовательного пространства (РЗОП) с различным уровнем включенности муниципалитета в данный процесс.

Вологодская область состоит из 26 муниципальных районов и 2 городских округов. В рамках существующих программ активное участие в формировании РЗОП принимают следующие муниципалитеты: Вологодский, Череповецкий, Кирилловский, Великоустюгский, Грязовецкий, Харовский, Вожегодский, Тотемский, Нюксенский, Никольский, Тарногский, Чагодощенский, Кадуйский.

Для проведения эксперимента были выбраны Вожегодский и Харовский районы. Они имеют характерную для большинства районов экономическую специализацию, демографическую, административную структуру (административные центры большей части районов области относятся к малым городам). В дальнейшем это позволит экстраполировать полученные результаты на все территориальные единицы региона.

Нами были выделены основные компоненты сформированности регионального здоровьесберегающего образовательного пространства: **организационно-правовые, социально-педагогические, информационные** (рисунки). Классификация уровней сформированности РЗОП была составлена на основе анализа национальной и региональных, а также зарубежных концепций и стратегий охраны и укрепления здоровья населения. Оценка эффективности формирования здоровьесберегающего образовательного пространства проведена на основе анализа динамики его компонентов.

Одним из основных показателей эффективности формирования благоприятного для здоровья детского населения пространства является уровень здоровья, мониторинг которого осуществляют учреждения Государственной статистики. Однако этот итоговый показатель не может дать сведения о результативности внедрения целевых технологий. Поэтому требуются такие индикаторы, которые могли бы показать зависимость эффективности данного процесса от конкретных мер, принимаемых субъектами организации здоровьесберегающего образовательного пространства. Важно, чтобы оценочные критерии и показатели его развития были достаточно информативны, доступны для интерпретации, чтобы они охватывали весь спектр анализируемых данных. В связи с этим уровень сформированности регионального

здоровьесберегающего образовательного пространства целесообразно оценивать по следующим критериям: **высокий, средний и низкий**. Такая градация позволит сделать анализ эффективности этого процесса комплексно, с учетом всех компонентов. Уровень сформированности РЗОП определялся по коэффициентам оценки эффективности нормативно-правовых, социально-педагогических и информационных критериев и показателей методом сравнения полученных результатов [4].

По решению местных органов исполнительной власти в сфере образования в эксперимент были включены все общеобразовательные школы Вожегодского района, самостоятельно приняли решение войти в него пять школ Харовского. Координация и оценка результатов проводилась

управлениями образования при научно-методическом сопровождении со стороны ГУЗ «Вологодский областной центр медицинской профилактики». Эксперимент заключался в исследовании здоровьесберегающего пространства в муниципальном образовании как центре единой профилактической среды. Целью исследования стало сравнение эффективности применения технологий здоровьесбережения в рамках следующих подходов: синергетического (в Харовском) и системного (в Вожегодском районе).

К 2004 году состояние здоровья обучающихся школ экспериментальных районов характеризовалось как неблагоприятное. Регистрировались не только значительные доли курящих и употребляющих алкоголь, но и случаи употребления наркотиков;

выявлена тенденция школьников к утрате духовных и нравственных ценностей (в т.ч. и здорового образа жизни), обусловившая снижение физической активности, повышение уровня заболеваемости. Однако в районе, сельских поселениях, учреждениях образования не было разработано программ по охране здоровья детей.

Заметим, что проведению эксперимента предшествовала реализация на региональном, муниципальном и местном уровнях комплекса мероприятий, которые определили развитие здоровьесберегающих процессов в указанных районах:

- в соответствии с Постановлением Губернатора Вологодской области «О концепции долгосрочной политики охраны и укрепления здоровья населения Вологодской области “Вологодская область – Здоровье-21”» от 15.05.2000 № 416, главной задачей стала охрана и укрепление здоровья детского населения;

- в 2002 году, в соответствии с этим документом, принят к исполнению «Стратегический план охраны и укрепления здоровья населения Вологодской области на 2002–2010 годы»;

- в период с 1999 по 2002 год, при поддержке международной программы ЕС «Тасис», «Система профилактических мер и здоровья населения России», программа ВОЗ «Школа укрепления здоровья», показавшая высокую эффективность, была реализована в трех экспериментальных школах (общеобразовательные школы № 18 и 24 и № 3 г. Тотьмы);

- в 2003 году на областной межведомственной конференции, посвященной итогам проекта ВОЗ «Школа укрепления здоровья», состоявшейся в г. Тотьме с участием руководителей управлений образования, приняты рекомендации по изучению данного опыта и использованию его в здоровьесберегающей деятельности учреждений образования на местах;

- в период с 2004 по 2014 год в муниципальных образованиях области регулярно проводились межведомственные обучающие конференции (всего – 31) по разработке и реализации программ формирования здорового образа жизни среди детского и взрослого населения;

- на базе АОУ ВО ДПО «Вологодский институт развития образования» и ГУЗ «Вологодский областной центр медицинской профилактики» были организованы семинары по развитию здоровьесберегающих технологий в профильных учреждениях для их руководителей;

- проводились семинары для учителей и школьного актива по разработке здоровьесберегающих программ. В сельские учреждения образования выезжали специалисты Вологодского областного центра медицинской профилактики, других профильных профилактических центров и диспансеров системы здравоохранения, а также сотрудники лаборатории здоровья и центра профилактики наркозависимости у детей и подростков АОУ ВО ДПО «Вологодский институт развития образования».

Региональные концепция и стратегический план по охране и укреплению здоровья населения, опыт реализации здоровьесберегающих школьных программ с международным участием, обучающие мероприятия стали методической базой для развития здоровьесберегающих процессов в учреждениях образования Вожегодского и Харовского районов.

Опытно-экспериментальное исследование включало: констатирующую часть, формирующую, сравнительно-аналитическую составляющие и выводы.

Для сохранения и укрепления здоровья обучающихся, формирования среди них здорового образа жизни необходимо было расширить спектр профилактической деятельности фельдшерско-акушерских пунктов и отделений и кабинетов медицинской

профилактики, которые были созданы по решению администрации районов и сельских поселений. Медицинские работники прошли целевую подготовку по программам профилактической направленности, в их должностные обязанности было включено проведение первичной профилактики неинфекционных заболеваний среди детского населения, то есть расширилось качественное наполнение функций и деятельности медицинских учреждений. В том числе по таким направлениям, как:

- координация взаимодействия медицинских служб и образования в рамках здоровьесбережения;

- информационное и методическое обеспечение реализации здоровьесберегающих программ в школах с привлечением региональных профилактических центров и диспансеров;

- мониторинг реализации здоровьесберегающих программ в учреждениях образования;

- оценка эффективности развития здоровьесберегающей деятельности в учреждениях образования во взаимодействии с управлением образования района и областным центром медицинской профилактики.

С целью реализации этих направлений формируется сеть медицинских структур, задачей которых является охрана и укрепление детского здоровья. Следующим этапом стало объединение ресурсов различных секторов общества и их действий в этом направлении, повышение ответственности за здоровье детей всех участников образовательного процесса в школе, расширение функций медицинских структур.

Таким образом структуры медицинской профилактики в результате синергетического воздействия начинают выполнять функции центров ответственности за здоровье. В районе создается двухуровневая сеть центров ответственности: на

муниципальном уровне – это отделение медицинской профилактики в поликлинике Центральной районной больницы; в сельских поселениях – кабинеты медицинской профилактики при участковых больницах или ФАПах. В ходе реализации центрами ответственности своих функций определились их основные задачи:

1. Вовлечение представителей власти всех уровней в процесс формирования здорового образа жизни в учреждениях образования.

2. Подготовка заседаний межведомственных координационных советов по проблемам охраны и укрепления здоровья.

3. Координация деятельности межведомственных рабочих групп по разработке программ формирования здорового образа жизни среди детского населения в образовательных организациях.

4. Содействие и оказание методической помощи в разработке и реализации программ формирования здорового образа жизни в школах.

5. Взаимодействие с управлением образования района по вопросам организации педагогического сопровождения программ формирования здорового образа жизни, распространение через СМИ информационных материалов о здоровье и здоровом образе жизни среди обучающихся.

6. Мониторинг развития и методическое сопровождение здоровьесберегающих программ в учреждениях образования.

7. Оценка эффективности здоровьесберегающих программ, реализуемых учреждениями образования.

Анализ деятельности центров ответственности за здоровье показал, что они способны эффективно реализовывать свои функции при условии взаимодействия: с органами местной власти; муниципальным управлением и учреждениями образования; другими ведомствами, общественными

организациями и представителями бизнеса, заинтересованными в решении проблем здоровья детей; родителями обучающихся; волонтерскими группами, движениями за здоровое поколение; средствами массовой информации.

С учётом предмета и экспериментального характера исследования оценка проведенных целевых мероприятий выполнялась методом анкетирования. Целевую аудиторию составляли обучающиеся школ среднего и старшего звена, их родители и учителя. Отбор учебных заведений осуществлялся при помощи генератора случайных чисел в программе Excel. Исследованием было охвачено 3 общеобразовательные школы Вожегодского района и 4 – Харовского, в т.ч. 25% обучающихся 5–7-х и 8–11-х классов с учетом соотношения между школьниками районного центра (46–48%) и села (52–54%). Взрослое население представляли родители обследуемых детей и педагоги образовательных организаций каждого из районов. Период проведения эксперимента: 2004/2005, 2007/2008, 2013/2014 учебные годы (табл. 2). Статистическая обработка баз данных осуществлялась в ППП SPSS. Инструментарий исследования разработан на базе стандартного опросника международной программы интегрированной профилактики неинфекционных заболеваний Всемирной организации здравоохранения «CINDI» («CINDI–ДЕТИ», «CINDI–

ВЗРОСЛЫЕ») с изменениями и дополнениями, внесенными авторами, исходя из целей и задач исследования.

В рамках апробации модели РЗОП основные условия эффективности формирования здоровьесберегающего образовательного пространства позволила охарактеризовать динамика развития **организационно-правового компонента:**

1. Нормативно-правовые критерии:

– количество разработанных и реализуемых концепций охраны и укрепления здоровья детского населения (на региональном и муниципальном уровнях);

– количество разработанных и реализуемых долгосрочных межведомственных стратегий (программ, планов) охраны и укрепления здоровья детского населения (на региональном и муниципальном уровнях);

– количество разработанных и реализуемых годовых межведомственных планов по охране и укреплению здоровья детей в муниципальных образованиях и сельских поселениях;

– количество разработанных и реализуемых региональных и муниципальных межведомственных целевых программ формирования здорового образа жизни детей и подростков.

Оценка эффективности формирования регионального здоровьесберегающего пространства по критериям и показателям, характеризующим нормативно-правовую

Таблица 2. Объем выборки исследования, человек

Численность	Год проведения исследования		
	2004/2005 уч. год	2007/2008 уч. год	2013/2014 уч. год
Обучающиеся (Вожегодский район)	246	241	116
Обучающиеся (Харовский район)	227	232	120
Учителя (Вожегодский район)	64	55	9
Учителя (Харовский район)	63	60	10
Родители (Вожегодский район)	214	203	116
Родители (Харовский район)	207	226	120

базу, может осуществляться по коэффициенту наполняемости, который определяется отношением количества разработанных нормативно-правовых актов к требуемому их количеству либо в регионе, либо в муниципальном образовании, либо в сельском поселении.

2. Организационно-структурные критерии:

- количество созданных и функционирующих региональных, муниципальных и сельских межведомственных координирующих органов по проблемам здоровья детского и взрослого населения;

- количество региональных и муниципальных центров медицинской профилактики;

- количество отделений (кабинетов) медицинской профилактики в медицинских организациях;

- количество дошкольных учреждений, реализующих программу формирования здорового образа жизни;

- количество школ, реализующих программу формирования здорового образа жизни;

- количество организаций и предприятий, реализующих программу формирования здорового образа жизни на рабочих местах (организации и предприятия численностью от 100 человек и более в городе и от 50 человек и более – в сельской местности).

Оценка эффективности формирования РЗОП по критериям и показателям, характеризующим развитие структур, участвующих в реализации программы формирования здорового образа жизни, может выполняться по коэффициенту участия, который определяется отношением количества структур, реализующих программы формирования здорового образа жизни, к общему количеству структур данного типа либо в регионе, либо в муниципальном

образовании, либо в сельском поселении (либо к требуемому количеству).

Динамика развития **социально-педагогического компонента** характеризует эффективность процесса и результат формирования ЗОЖ у субъектов образовательного процесса.

На первом этапе оценка эффективности развития социально-педагогического компонента осуществлялась по показателям, которые были выявлены на основе анализа теоретического материала и опытно-экспериментальной работы в учреждениях образования, и такому критерию оценки, как охват обучающихся, учителей и родителей профилактическими мероприятиями. Учитывались следующие показатели:

- количество профилактических мероприятий, реализуемых медицинскими учреждениями, и охват ими участников образовательного процесса на региональном и муниципальном уровнях;

- количество профилактических мероприятий, реализуемых учреждениями образования, и охват ими субъектов образовательного процесса на региональном и муниципальном уровнях;

- количество профилактических мероприятий, реализуемых другими учреждениями, и охват ими школьников, педагогов и родителей на региональном и муниципальном уровнях;

- количество участвующих в эксперименте, прошедших обучение здоровому образу жизни.

Оценка активности участия муниципальных образований в формировании здоровьесберегающего образовательного пространства проводилась путем мониторинга годовых планов по охране и укреплению здоровья населения муниципальных образований и сельских поселений, обучению здоровому образу жизни.

Для сравнительной оценки активности участников образовательного процесса исследуемого пространства учтено количество проведенных мероприятий и численность обученных ЗОЖ в абсолютных цифрах (за месяц, квартал и год).

На втором этапе критериями эффективности формирования ЗОЖ были определены: динамика физической активности, динамика медицинской активности, динамика психологической активности.

Развитие **информационного компонента** характеризует эффективность процесса информационной поддержки формирования здоровьесберегающего образовательного пространства.

Критерий оценки – объем информации на телевидении, радио и в печати, способствующей формированию здорового образа жизни. Показатели:

- количество вышедших телепередач, опубликованных статей, рубрик на такие темы, как поведенческие факторы риска заболеваний, здоровый образ жизни (региональные, муниципальные телеканалы);
- количество бюллетеней, газет, журналов, освещающих тему поведенческих факторов риска и ЗОЖ, вышедших в свет в региональных и муниципальных издательствах, и их тираж;
- количество выходов социальной рекламы о факторах риска заболеваний и о ЗОЖ (региональные, муниципальные СМИ);
- количество единиц наружной социальной рекламы о факторах риска заболеваний, о ЗОЖ и продолжительность их демонстрации в днях (в региональном центре, муниципальном образовании, сельском поселении).

Оценка эффективности формирования здоровьесберегающего образовательного пространства по критериям, характеризующим объем информации о здоровом образе жизни, распространяемой через СМИ, осуществляется путем их монито-

рования. Для этого был введен коэффициент достаточности информационной поддержки.

Нужно сказать, что дополнительным источником информации, необходимой для анализа процесса формирования здорового образа жизни в школе, стали данные о количестве школьников, отнесенных к тем или иным группам здоровья, о количестве уроков, пропущенных по болезни, и о количестве дней по больничным листам у учителей за текущий учебный год и в сравнении с предшествующим годом. Для этих же целей могут определяться и сопоставляться объективные показатели здоровья школьников, полученные по результатам диспансеризации и медицинских осмотров, а также по данным официальной статистики.

Здоровьесберегающие активности родителей и учителей – это теоретические знания и практические навыки по ЗОЖ. Главная задача взрослых – воспитать их у детей, привить не только знания, умения, но и осознание потребности в постоянном контроле состояния своего здоровья.

Полученные данные позволили оценить эффективность формирования здорового образа жизни среди обучающихся и их ближайшего окружения – родителей и учителей, динамику развития здоровьесберегающего образовательного пространства как в масштабе образовательной организации, так и муниципального образования в целом.

Судя по данным анализа заболеваемости обучающихся Харовского и Вожегодского районов, развитие в учебных заведениях программ «Здоровьесберегающая школа» положительно повлияло на укрепление здоровья детей. По итогам эксперимента в Харовском районе был отмечен рост физической, экологической и психологической активности у обучающихся школ, реализующих здоровьесберегающие программы.

Исследование процесса формирования здоровьесберегающего образовательного пространства в двух муниципальных образованиях Вологодской области – Харовском и Вожегодском районах – в рамках синергетического и системного подходов подтвердило гипотезы, выдвинутые в нашей работе, и показало эффективность деятельности муниципальных органов образования по формированию здорового образа жизни подрастающего поколения на принципах как синергетического, так и системного подходов.

Вместе с тем анализ результатов формирования здоровьесберегающего образовательного пространства позволил выявить преимущества синергетического подхода в реализации задач формирования здорового образа жизни обучающихся учреждений образования Харовского района в сравнении с системным подходом в решении этих же задач в учреждениях образования Вожегодского района (табл. 3).

По результатам эксперимента в Харовском районе отмечен рост физической,

экологической и психологической активности у учащихся школ, реализующих здоровьесберегающие программы. В Вожегодском районе наблюдается рост только двух видов активностей – физической и медицинской.

В число объективных показателей, характеризующих состояние здоровья детей, входят группы здоровья, установленные в соответствии с рекомендациями Института гигиены детей и подростков. К I группе здоровья относятся дети, которые или не имеют отклонений по всем критериям здоровья, или имеют незначительные отклонения, не влияющие на состояние здоровья и не требующие специальной коррекции. Ко II группе относят здоровых детей с высокойотягощенностью по биологическому, генеалогическому, социальному анамнезам и с риском развития у них хронических заболеваний. К III группе относят детей с хроническими заболеваниями или с врожденной патологией. Могут выделяться IV и V группы, к которым относятся дети с редкими и тяжелыми хроническими

Таблица 3. Сравнительный анализ формирования здоровьесберегающего образовательного пространства в муниципальных образованиях по динамике видов здоровьесберегающих активностей в учреждениях образования Харовского и Вожегодского районов

№ п/п	Виды здоровьесберегающих активностей	Динамика формирования видов здоровьесберегающих активностей	
		Учреждения образования Харовского района	Учреждения образования Вожегодского района
1.	Физическая	+	+
2.	Экологическая	+	0
3.	Медицинская	0	+
4.	Психологическая	+	0
5.	Духовно-нравственная	0	0
6.	Сумма показателей результативности: - рост активностей	3	2
	- активности без изменений	2	3
	- снижение активностей	-	-
Условные обозначения динамики формирования активностей: «+» – рост или тенденция к росту видов активностей; «-» – снижение или тенденция к снижению видов активностей; «0» – динамика видов активностей без изменений.			

заболеваниями, составляющие незначительную часть обучающихся или проходящие обучение в специализированных учебных заведениях. Для облегчения процесса оценки эффективности здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях на практике, как правило, используются первые три группы здоровья детей.

Объективные данные о состоянии здоровья обучающихся школ Харовского и Вожегодского районов, полученные в результате выборочного изучения медицинских карт и отчетно-учетной документации о здоровье детей, представлены в *таблице 4*.

За период с 2004 по 2007 г. число детей с I группой здоровья в учебных заведениях Вожегодского района увеличилось на 8%,

в Харовском районе данный показатель снизился на 8%. Позитивные изменения в Вожегодском районе достигнуты за счет притока более здоровых детей в средние классы из начальных. Соответственно, количество детей со II группой здоровья снизилось (на 12%) в Вожегодском районе и возросло (на 15%) в Харовском. Причем доля детей с третьей группой здоровья в Вожегодском районе увеличилась на 4%, а в Харовском – уменьшилась на 8%, что доказывает незначительные преимущества в реализации здоровьесберегающих программ в школах Харовского района.

В 2004–2007 гг. количество случаев отсутствия на рабочем месте по болезни учителей снизилось в обоих районах незначительно (*табл. 5*): на 4 случая в Воже-

Таблица 4. Динамика здоровья обучающихся школ Вожегодского и Харовского районов в соответствии с группами здоровья

Район	Группа здоровья	9 класс		10 класс		11 класс		Темп прироста (+ или -)
		2004/2005 уч. год		2005/2006 уч. год		2006/2007 уч. год		
		Количество	%	Количество	%	Количество	%	
Вожегодский	1	85	30,5	42	32,1	48	38,4	7,9
	2	180	64,5	81	61,8	66	52,8	-11,7
	3	14	5,0	8	6,1	11	8,8	3,8
Харовский	1	82	28,8	37	25,8	24	21,1	-7,7
	2	121	42,4	70	49,0	66	57,8	15,4
	3	82	28,8	36	25,2	24	21,1	-7,7

Таблица 5. Динамика заболеваемости учителей школ Вожегодского и Харовского районов (2004–2007 гг.)

Показатели временной нетрудоспособности	2004/2005 уч. г.	2005/2006 уч. г.	2006/2007 уч. г.
<i>Вожегодский район</i>			
Количество случаев	89	99	85
Количество дней	789	986	902
Средняя длительность одного случая, дней	8,9	10,0	10,7
<i>Харовский район</i>			
Количество случаев	99	105	84
Количество дней	827	885	833
Средняя длительность одного случая, дней	8,3	8,5	9,9
Примечание: Показатели нетрудоспособности сотрудников на 100 работающих.			

годском районе и на 15 — в Харовском. Вместе с тем количество рабочих дней, пропущенных по болезни, и средняя длительность одного случая увеличились в Вожегодском районе на 113 дней и 1,8 дня соответственно, в Харовском — на 6 дней и 1,6 дня.

Количество случаев и дней временной нетрудоспособности преподавателей в 2004/2005 учебном году в Харовском районе превышало такие же показатели в Вожегодском; в 2006/2007 уч. г. наблюдалась противоположная ситуация.

При оценке участия родителей и учителей в формировании здорового образа жизни среди обучающихся школ оказалось, что более активны в данном процессе родители и педагоги. Причем в Харовском районе заинтересованных в активном участии в охране здоровья детей больше, чем в Вожегодском.

В ходе исследования было установлено, что факторами, снижающими эффективность мероприятий, направленных на укрепление здоровья и профилактику заболеваний учителей, стали следующие:

— средний возраст работающих учителей: в Вожегодском районе — 57 лет; в Харовском — 54;

— высокая распространенность хронических заболеваний и низкий уровень диспансерного наблюдения и лечения преподавателей. Так, по собственной инициативе проходят диспансеризацию всего 7% учителей в Вожегодском районе и 15% — в Харовском. Значительно повышается активность диспансеризации учителей, если в ней участвуют директора школ. Уровень диспансеризации педагогов, проводимой с частотой один раз в год, вырос в Вожегодском районе до 65%, в Харовском — до 67%.

В 2004–2007 годах проведен опрос 119 вожегодских и 123 харовских учителей о распространенности среди них курения.

Результаты выявили, что доля курящих учителей сократилась в Вожегодском районе с 8 до 2%, в Харовском — с 29 до 5%. Следует отметить, что отказ от курения учителей в этих муниципальных образованиях повлиял и на снижение распространенности курения среди подростков. В Вожегодском районе за три года доля курящих школьников снизилась на 5%, а к 2014 году — на 17%. В Харовском районе за период с 2007 по 2014 год снижение составило 3%.

Наиболее значимым фактором, определяющим эффективность формирования здоровьесберегающего образовательного пространства, является степень вовлеченности в этот процесс лиц, принимающих решения. Чтобы выявить зависимость результатов формирования здоровьесберегающего образовательного пространства на муниципальном уровне от компетентности в вопросах здоровья и вовлеченности в этот процесс руководителей органов местного самоуправления, в 2004 году был проведен анкетный опрос. В Вожегодском и Харовском районах опрошено по 13 экспертов, представляющих органы исполнительной власти на местах: главы администраций, их заместители.

Как показало исследование, руководители местных органов исполнительной власти относят к опасным для здоровья населения такие факторы, как:

— курение (соответственно 77 и 33% руководителей администрации Вожегодского и Харовского районов);

— чрезмерное употребление алкоголя (85 и 87% соответственно);

— низкий уровень жизни (85 и 80%).

Все руководители Вожегодского и Харовского районов, участвовавшие в опросе, считают, что здоровье подрастающего поколения зависит прежде всего от семьи. К числу значимых факторов, от которых зависит здоровье детей, 70% руководителей

администраций Вожегодского и 53% – Харовского районов отнесли также школу. Важную роль медицинских учреждений в поддержании и укреплении здоровья подрастающего поколения отметили соответственно 39 и 33%.

Вышеизложенное характеризует достаточную компетентность и активность руководителей местной администрации, содействующих формированию здоровьесберегающего образовательного пространства в своих муниципальных образованиях, что привело к позитивным результатам, достигнутым учреждениями образования экспериментальных районов.

По итогам эксперимента констатирован факт наличия на территории Харовского и Вожегодского районов основных признаков формирования здоровьесберегающего образовательного пространства:

- выполнение субъектами образовательного процесса функции координации процесса формирования здорового образа жизни;
- развивающиеся взаимосвязи между субъектами образовательного процесса в рамках формирования здорового образа жизни;
- создание здоровьесберегающей среды в образовательных организациях.

Исследование показало, что здоровьесберегающие процессы являются результатом либо системообразующего управления (системный подход), либо самоорганизующегося процесса (синергетический подход). Уровень сформированности здоровьесберегающего образовательного пространства в Вожегодском районе, где реализован системный подход, характеризуется как средний, в Харовском районе, где реализован синергетический подход, – как высокий. Нужно отметить неоднозначность применения синергетического подхода, как сильные, так и слабые стороны данного процесса.

Сильные стороны:

- процесс разработки здоровьесберегающих программ не ограничен директивными указаниями вышестоящих органов образования и типовыми моделями, что дает возможность осуществления деятельности по формированию здорового образа жизни в учреждениях образования;
- решение о разработке и реализации здоровьесберегающих программ принимает сам школьный коллектив, что формирует коллективную ответственность за результаты программы;
- возникают возможности внедрения в учебном заведении новых здоровьесберегающих технологий с привлечением внешних научных ресурсов.

Слабые стороны:

- нет единого научно обоснованного подхода к реализации здоровьесберегающей деятельности в учреждениях образования;
- нет системы взаимодействия по обмену опытом между образовательными учреждениями, реализующими здоровьесберегающие программы;
- варианты выбора оптимальной модели программы ограничены малым количеством школ, реализующих здоровьесберегающие программы.

Анализ реализации таких программ в вышеуказанных школах показал, что основной акцент в содержании мероприятий сделан на сохранении и укреплении здоровья детей в период обучения в школе. В меньшей степени отражаются задачи формирования здорового образа жизни.

Основные технологии, сохраняющие здоровье детей, включали модульное, проблемное, проектное, социокультурное и саморазвивающее обучение.

Широко применялись также игровые технологии и групповые методы обучения.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Эффективность формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства определяется комплексом организационно-педагогических, социально-педагогических, информационно-педагогических условий, которые могут оцениваться в количественных показателях.

2. Параметры эффективности формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства тесно взаимосвязаны:

— с развитием основных признаков формирования исследуемого пространства;

— с процессом формирования здорового образа жизни у субъектов образовательного процесса и с его основными компонентами, видами здоровьесберегающей активности: физической, экологической, медицинской, психологической и духовно-нравственной.

3. Выбор стратегии управления и определение роли системы образования, здраво-

охранения, органов власти в ней — ключевые задачи эффективной, результативной деятельности по формированию здоровьесберегающего пространства на уровне муниципалитета, региона.

4. Высокая степень включенности местных органов исполнительной власти в процесс формирования здоровьесберегающего образовательного пространства является одним из главных условий эффективности данного направления деятельности.

5. Синергетический подход при постановке задач по формированию у детей школьного возраста здорового образа жизни в целом более эффективен, чем системный. Вместе с тем оба подхода дают позитивные результаты в формировании здорового образа жизни, в укреплении здоровья обучающихся и учителей. Поэтому сочетание их элементов (комплексный системно-синергетический подход) при формировании здоровьесберегающего образовательного пространства представляется наиболее оптимальным для достижения поставленной цели.

Литература

1. Дети реформ [Текст] / ред.-сост.: Н.М. Римашевская (науч. ред.), Л.Г. Луныкова, З.А. Хоткина. — М.: Институт экономических стратегий, 2011. — 304 с.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>;
3. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь—декабрь 2012 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/edn12-12.htm
4. Касимов, Р.А. Формирование регионального здоровьесберегающего образовательного пространства [Текст]: монография / Р.А. Касимов. — Вологда: Издательский центр ВИРО, 2007. — 164 с.
5. Копейкина, Н.А. Проблемы сохранения здоровья школьников [Текст] / Н.А. Копейкина // Проблемы развития территории. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — № 60. — С. 44-52.
6. О Федеральной целевой программе развития образования на 2006—2010 годы [Текст]: Постановление Правительства РФ от 23.12.2005 г. № 803.
7. О Федеральной целевой программе развития образования на 2011—2015 годы [Текст]: Постановление Правительства РФ от 07.02.2011 № 61.
8. Об образовании в Российской Федерации [Текст]: Закон РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ.
9. Римашевская, Н.М. Здоровье школьников: тенденции и определяющие факторы [Текст] / Н.М. Римашевская, А.А. Шабунова // Народонаселение. — 2011. — № 4. — С. 4-16.

10. Шабунова, А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика [Текст]: монография / А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
11. Шабунова, А.А. Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территории [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5 (17). – С. 101-115.
12. Школы здоровья в России [Текст] / В.Р. Кучма, Л.М. Сухарева, И.К. Рапопорт [и др.]. – М.: Научный центр здоровья детей РАМН, 2009. – 128 с.

Kasimov R.A., Razvarina I.N.

Evaluation of the efficiency of regional health-preserving educational space formation

Riza Akhmedzakievich Kasimov – Ph.D. in Pedagogy, Director, State Healthcare Institution “Vologda Oblast Center for Medical Prophylaxis” (9, Mira Street, Vologda, 160001, Russian Federation, voempvologda@yandex.ru)

Irina Nikolaevna Razvarina – Senior Research Assistant, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, irina.razvarina@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of preserving children’s health. The author presents detailed characteristics of health-preserving educational space formation. It is regarded as a complex multilevel and multispectral system. The article defines the principles, methods, mechanisms of the health-preserving process on the municipal level.

The subject of research includes the background, conditions and resources of health-preserving educational space formation. The participants of educational process (students, teachers, parents) and representatives of local authorities are the object of the research. The study aims to evaluate the efficiency of health-preserving educational space formation within various conceptual and methodological approaches and the degree of involvement of the municipal authorities.

In the course of the experiment the author tests the method of estimating the models of regional health-preserving educational space formation and healthy lifestyle training, developed by the author. The article pays considerable attention to the justification of choosing the optimal strategy within the implementation of health preserving technologies on municipal level. It shows the crucial role of constructive inter-agency cooperation between the education system, health care and the authorities for effective and productive activities in this sphere.

Key words: children’s health, health-preserving educational space, a comprehensive systematic and synergetic approach, health-preserving activity, inter-agency cooperation.

References

1. *Deti reform* [Children of reforms]. Compiled and edited by N.M. Rimashevskaya, L.G. Lunyakova, Z.A. Khotkina. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2011. 304 p.
2. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema* [Unified Interdepartmental Statistical Information System]. Available at: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>;
3. *Estestvennoe dvizhenie naseleniya v razreze sub’ektov Rossiiskoi Federatsii za yanvar’–dekabr’ 2012 goda* [Natural Movement of the Population in in the Subjects of the Russian Federation in January–December 2012]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/edn12-12.htm

4. Kasimov R.A. Formirovanie regional'nogo zdorov'esberegayushchego obrazovatel'nogo prostranstva: monografiya [The Formation of Regional Health-Preserving Educational Space: Monograph]. Vologda: Izdatel'skii tsentr VIRO, 2007. 164 p.
5. Kopeikina N.A. Problemy sokhraneniya zdorov'ya shkol'nikov [Problems of Preserving Schoolchildren's Health]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2012, no. 60, pp. 44-52.
6. *O Federal'noi tsevoi programme razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gody: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.02.2011 № 61* [On the Federal Target Program for Development of Education for 2006–2010: Resolution of the Russian Government of December 23, 2005 No. 803].
7. *O Federal'noi tsevoi programme razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gody: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.02.2011 № 61* [On the Federal Target Program for Development of Education for 2011–2015: Resolution of the Russian Government of February 07, 2011 No. 61].
8. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: Zakon RF ot 29.12.2012 g. № 273-FZ* [On Education in the Russian Federation: the Law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273-FZ].
9. Rimashevskaya N.M., Shabunova A.A. Zdorov'e shkol'nikov: tendentsii i opredelyayushchie factory [Health of Schoolchildren: Trends And Determinants]. *Narodonaselenie* [Population], 2011, no. 4, pp. 4-16.
10. Shabunova A.A. *Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika: monografiya* [Health of Russia's Population: the State and Dynamics: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 408 p.
11. Shabunova A.A., Leonidova G.V. Chelovecheskii kapital – indikator ustoichivogo razvitiya territorii [Human Capital as an Indicator of Sustainable Development of the Territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no. 5 (17), pp. 101-115.
12. Kuchma V.R., Sukhareva L.M., Rapoport I.K. et al. *Shkoly zdorov'ya v Rossii* [Health Schools in Russia]. Moscow: Nauchnyi tsentr zdorov'ya detei RAMN, 2009. 128 p.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.20
УДК 352/354, ББК 67.401

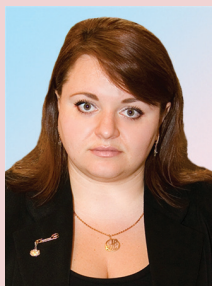
© Иванова Г.Н., Андросенко Н.В.

Применение инструментов стандартизации для совершенствования деятельности органов исполнительной власти

**Галина Николаевна
ИВАНОВА**

кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, заместитель генерального директора, Федеральное бюджетное учреждение Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (ФБУ «Тест-С.-Петербург») (190103, г. Санкт-Петербург, ул. Курляндская, д. 1, ivanovarustest@gmail.com)

**Наталья Витальевна
АНДРОСЕНКО**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, заместитель генерального директора, Федеральное бюджетное учреждение Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (ФБУ «Тест-С.-Петербург») (190103, г. Санкт-Петербург, ул. Курляндская, д. 1, natulina2007@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повышения качества государственных услуг посредством развития стандартизации. Характерной чертой современной стандартизации является установление требований не только к показателям, но и к процессам, в том числе к процессам управления. А от качества управления работой во многом зависит устойчивость развития региона и страны, качество жизни населения. Сегодня необходимо создать современную систему государственного управления, работающую для граждан и в интересах граждан.

В ряде стран для повышения качества работы госорганов применяются системы, основанные на национальных и международных стандартах, а также на моделях национальных премий по качеству. Опыт применения подобных систем показал, что необходимым условием повышения качества деятельности органов исполнительной власти является внедрение современных методов управления качеством, в частности систем управления качеством.

В настоящее время в России создан Технический комитет 115 «Устойчивое развитие административно-территориальных образований» (АТО), возглавляемый генеральным директором

ФБУ «Тест—С.-Петербург» академиком РАН В.В. Окрепиловым. Задачей ТК 115 является выработка критериев оценки деятельности органов управления АТО и создание систем управления АТО. Технический комитет 115 является «зеркальным» по отношению к международному ТК 268 «Устойчивое развитие сообществ».

В настоящее время в ТК ведутся работы по созданию национальных стандартов, уточнению терминологии и формированию единого понятийного аппарата, разработке системы показателей эффективности работы органов управления и методик внедрения механизмов управления качеством в них. В завершающей фазе находится обсуждение проекта национального стандарта «Системы менеджмента качества — Руководящие указания по применению ИСО 9001:2008 в органах государственной исполнительной власти». В стандарте учтена специфика деятельности органов государственной исполнительной власти. Это поможет ускорить темпы внедрения современных методов управления качеством в данной сфере.

Одним из направлений совершенствования системы менеджмента качества в органах государственной исполнительной власти является ее применение для снижения коррупционных рисков. В статье рассматривается система менеджмента противодействия коррупции, разработанная на базе системы менеджмента качества. Приведена модель подобной системы, описан цикл ее функционирования.

Ключевые слова: стандартизация, инновации, государственные услуги, устойчивое развитие, системы управления качеством, система менеджмента противодействия коррупции.

Социально-экономическое развитие нашей страны в настоящее время переходит на новый этап, характеризующийся возросшим интересом к осмыслению понятия «устойчивое развитие» как фундаментального явления, определяющего всю жизнедеятельность человека. Тому есть несколько причин. В первую очередь, это глобализация. Она приводит к тому, что регионы страны все чаще выступают как отдельные экономические субъекты, взаимодействуя между собой, а порой и конкурируя. Например, в вопросах привлечения инвестиций. Степень устойчивости развития региона становится важным критерием при принятии потенциальным инвестором решения о вложении средств.

Можно говорить о возникновении своеобразной цепной реакции качества. Люди ищут, где лучше жить, а инвестор — где выгоднее вкладывать. Регионы с высоким уровнем качества жизни, как правило, отличаются высокой устойчивостью раз-

вития, а следовательно, они более инвестиционно привлекательны. Инвестиции же, в свою очередь, способствуют росту качества жизни, что приводит к росту устойчивости развития. И наоборот, в регионах с низкой инвестиционной привлекательностью постепенно происходит падение качества жизни. Преодолеть данную тенденцию можно только мерами на уровне государства.

Как известно, устойчивое развитие обеспечивается путем создания и применения инноваций в экономике, социальном развитии и экологии. Результаты инновационного процесса — это всегда повышение уровня качества. Иными словами, качество — база устойчивого развития. Высокое качество продукции — это стабильная работа предприятий, а высокое качество жизни граждан — это социальная стабильность, повышение конкурентоспособности каждого конкретного региона и всей страны [4].

Следует отметить, что основы качества должны быть установлены правовыми и нормативными документами, в том числе и стандартами.

Исследования, проведенные в зарубежных странах, показали, что деятельность в области стандартизации оказывает большое влияние на развитие промышленности и бизнеса. При взаимодействии поставщиков и потребителей стандарты обеспечивают такие экономические преимущества, как снижение расходов на бизнес-операции и оценку возможностей рынка, повышение качества и конкурентоспособности продукции, устранение рыночных барьеров.

В качестве одного из основных элементов технического регулирования в условиях рыночной экономики стандартизация может обеспечить вклад в экономический рост, превышающий соответствующие показатели от внедрения патентов и лицензий. Так, в результате исследований, проведенных в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона, было выявлено, что эффективное применение технического нетарифного регулирования позволяет увеличить долю прибыли в среднем на 0,26% ВВП, тогда как прибыль от мер тарифного регулирования не превышает 0,14%. Большинство исследований показали, что преимущества от стандартизации можно оценить как вклад в валовую прибыль компании на уровне 0,15–5% годовых доходов от продаж [2].

По данным исследований, проведенных в странах-членах ВТО (Германия, Великобритания, Канада, Австралия и Франция), влияние стандартизации на рост ВВП составляет более 27%, на рост производительности труда – 30%.

Результаты исследования, проводившегося недавно экспертами ISO и специалистами пивоваренной компании «Балтика», показали, что применение стандартов наряду с целым рядом качественных пре-

имуществ позволяет экономить 5,8% затрат пяти основных бизнес-процессов: закупки, логистика, производство, дистрибуция и сервисное обслуживание.

По оценкам ISO суммарные выгоды от использования стандартов для большинства случаев варьируются на уровне от 0,5 до 4% годового дохода компаний от продаж.

Следует выделить характерную черту современной стандартизации – установление требований не только к показателям, но и к процессам, в том числе к процессам управления. Без инноваций в управлении становятся малоэффективными инновации в других отраслях человеческой жизнедеятельности.

Необходимость инноваций в управлении очевидна. Повышение эффективности и качества государственного управления является одним из важных условий ускорения социально-экономического развития России. Ведь сегодня большинство наших граждан оценивают качество оказания государственных и муниципальных услуг как низкое и среднее [1], в то время как общество ожидает и требует от государственных органов власти управления высокого качества, а именно:

- строгого соблюдения законности;
- эффективного и ответственного управления;
- предоставления высококачественных административных и управленческих услуг всему населению в целом и каждому гражданину в отдельности;
- высокой квалификации специалистов, осуществляющих управление.

Одним из главных условий для удовлетворения указанных требований служит учет интересов главного потребителя услуг – гражданина. Необходимо создание современной системы государственного управления, работающей для населения и в интересах населения. Иными словами, в органах государственной власти нужна си-

стема эффективного рабочего менеджмента, обеспечивающего создание ценностей, удовлетворяющих потребителей. Такая система будет способствовать повышению доверия граждан к органам власти, а значит, улучшению всей системы государственного управления, корректному менеджменту ресурсу, что приведет к устойчивому развитию, повышению стабильности общества.

Однако к настоящему времени еще не разработаны стандарты, регламентирующие качество государственных и муниципальных услуг. Методики и системы не дают возможность его оценить. Тем не менее в ряде стран действуют различные системы управления качеством госуслуг, основанные на национальных и международных стандартах, а также на моделях национальных премий по качеству. Такие системы позволяют органу власти достигать результативности и эффективности деятельности, а также формировать национальные рейтинги ведомств. В частности, в 39 странах применяется модель оценки менеджмента в организациях, финансируемых из государственного или муниципального бюджета (Common Assessment Framework – CAF), пользователи которой отмечают, что эта модель является наиболее доступной для восприятия, дешевым и адаптированным к бюджетной сфере методом менеджмента качества. Можно назвать также британский «Стандарт добросовестного управления в сфере государственных услуг», латиноамериканскую модель совершенства, канадскую модель оценки качества и эффективности деятельности органов власти, австралийскую модель превосходства. Премии по качеству в сфере государственного управления учреждены в Великобритании, Дании, Франции, Малайзии, Болгарии, Ирландии и ряде других стран [5].

Опыт применения моделей и премий показал, что необходимым условием достижения комплексного эффекта повышения качества деятельности органов

исполнительной власти является внедрение современных методов управления качеством, в частности создание систем менеджмента качества (СМК).

Судя по данным научных исследований, страны, где происходит массовое внедрение систем менеджмента качества в органах государственной и муниципальной власти, имеют высокое значение индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), который принято считать показателем качества жизни. В этом нет ничего удивительного. Повышение качества управления позволяет принимать более эффективные решения, которые выполняются с меньшими затратами, оказывать более качественные услуги. Это напрямую влияет, например, на здоровье граждан, что, естественным образом, сказывается на увеличении продолжительности жизни, то есть на повышении одной из составляющих ИРЧП.

Предпосылками для таких действий являются особенности, характерные для современного менеджмента качества:

- универсальность построения, когда единая схема и структура применяется для разных областей жизнедеятельности человека;
- универсальность применения, когда единые методы управления качеством в соответствии с принципом «качество не имеет границ» применяются в любом виде деятельности человечества, для предприятий и организаций любых размеров и любой формы собственности в любой экономической и политической системе, охватывают все экономическое пространство.

Использование систем управления качеством для повышения качества услуг органов власти началось в 70-е годы прошлого века в США. А сегодня они внедряются во многих странах мира [3]. Около 3 тысяч органов государственной и муниципальной власти в различных странах мира применяют СМК в своей деятельности.

Лидерами по этому направлению являются Италия, США, Китай, Япония, Испания, Польша, Швейцария, Португалия, Мексика (рис. 1).

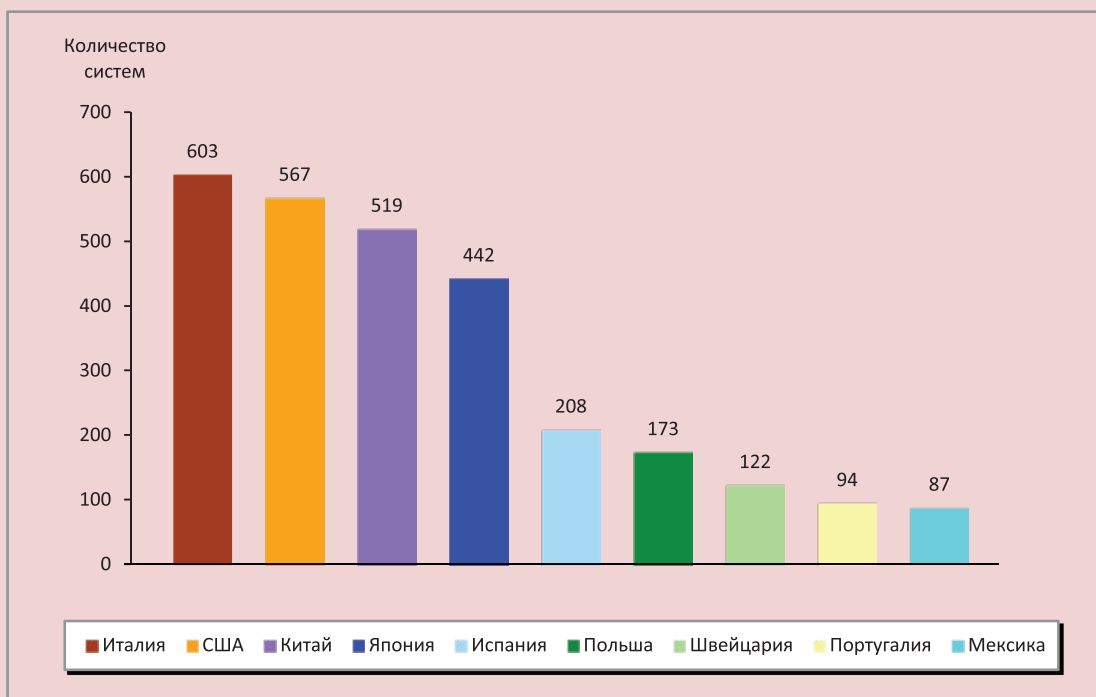
В настоящее время и в России осознается необходимость внедрения стандартов на системы менеджмента в органах государственной власти. Например, стандарт ИСО 9001 внедрен как в центральном аппарате Федеральной антимонопольной службы, так и в ее территориальных органах (в 2012 г. – 5 территориальных органов, в 2013 г. – 6). Стандарт активно используется в администрации г. Шахты, правительстве и муниципальных образованиях Чувашской Республики, правительстве и органах исполнительной власти Калининградской области и т.д.

Однако темпы внедрения систем менеджмента качества в органах государственной власти невысоки. Это может быть объяснено тем, что стандарт ИСО 9001 изначально-

но был ориентирован на организацию, ведущую коммерческую деятельность, и не в полной мере отражает специфику государственной и муниципальной службы.

К такой специфике можно отнести, например, то, что органы государственной власти не выбирают миссию и потребителя. У них отсутствует конкуренция и отраслевая специфика. В то же время в органах исполнительной власти ценности и личностные качества сотрудника влияют на качество услуги не в меньшей степени, чем его профессиональные знания. Принципы взаимодействия с внешней средой и подходы к нему необходимо формировать исходя из задачи «прозрачности и информационной открытости». Необходимо также формировать принципы, подходы и методы создания корпоративной культуры, отвечающей в том числе и этическим требованиям к современному чиновнику.

Рисунок 1. Внедрение систем менеджмента качества в органах государственной и муниципальной власти

Кроме того, требуется определить подходы к работе по всему циклу жизни сотрудника — от кандидата на должность до увольнения, включая и достижение пенсионного возраста.

Следует отметить, что понимание важности развития стандартизации как важнейшего фактора повышения эффективности управления существует на международном уровне. В начале 2012 года был создан новый технический комитет — ИСО/ТК 268 «Устойчивое развитие в сообществах». Главными задачами ТК являются выработка критериев оценки деятельности органов управления сообществ и создание систем управления сообществами. Под сообществом понимается административно-территориальное образование, целью которого является обеспечение безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений. То есть под сообществом мы можем понимать и муниципальное образование, и город, и область.

В настоящее время в России создан национальный ТК 115 «Устойчивое развитие административно-территориальных образований», возглавляемый генеральным директором ФБУ «Тест—С.—Петербург» академиком РАН В.В. Окрепиловым. Технический комитет является «зеркальным» по отношению к ТК 268: их задачи являются аналогичными. В состав ТК 115 входят два подкомитета (ПК1 и ПК2) в соответствии с основными направлениями работы, то есть в их задачи входит разработка методологии системного подхода к управлению качеством в административно-территориальных образованиях и разработка показателей эффективности и методов оценки деятельности. В рамках ТК

ведутся работы по созданию национальных стандартов, уточнению терминологии и формированию единого понятийного аппарата, разработке системы показателей эффективности работы органов управления и методик внедрения механизмов управления качеством в них. В настоящее время в завершающей фазе находится обсуждение проекта национального стандарта «Системы менеджмента качества — Руководящие указания по применению ИСО 9001:2008 в органах государственной исполнительной власти».

По сравнению с международным стандартом ИСО 9001:2008 национальный стандарт обладает рядом особенностей. Так, во введение включен дополнительный пункт, в котором сформулированы 12 основных принципов системы менеджмента качества в органах государственной исполнительной власти. Формулировка семи из них взята из международных стандартов ИСО 9000:2005 и ИСО 9004:2009, но содержание раскрыто с учетом особенностей данной сферы деятельности. Формулировка восьмого принципа изменена на «Взаимовыгодные отношения с заинтересованными сторонами». Остальные 4 принципа: «Оперативность», «Самоанализ и саморазвитие», «Прозрачность деятельности», «Этичность поведения» — являются новыми.

В проекте указывается, что система менеджмента качества — средство, с помощью которого органы государственной исполнительной власти могут планировать и осуществлять свои действия, направленные на удовлетворение потребностей и ожиданий заинтересованных сторон, а также на обеспечение постоянного высокого качества предоставляемых ими услуг. Она представляет собой комплекс планов, процессов, процедур и ресурсов, необходимых для достижения целей в области качества и направленных на обеспечение постоянного улучшения предоставляемых услуг.

В проекте конкретизировано применение процессного подхода. То есть основное внимание должно сосредотачиваться не на функциях, выполняемых подразделениями и сотрудниками, а на основных процессах, последовательно объединяющих отдельные виды деятельности и нацеленных на конечные результаты работы органа государственной исполнительной власти. При этом главными выступают не вертикальные (иерархические) связи, а горизонтальные (между функциональными подразделениями). Этот вид связей менее стабилен и потому в большей степени может затруднять достижение запланированных результатов.

Для облегчения создания и внедрения СМК были разработаны соответствующие методические рекомендации. В них определено, что основными этапами разработки и внедрения СМК являются: проектирование СМК, документирование СМК, внедрение СМК и (при необходимости) подготовка к сертификации. Данная работа должна быть организована по следующим принципам: ответственность и лидирующая роль руководства, всеобщее обучение и вовлечение персонала, последовательность выполнения работ, инновационность. Относительно последнего принципа можно пояснить, что разработка и внедрение СМК являются нововведением затрагивающим все аспекты деятельности и уровни управления органа государственной исполнительной власти. Поэтому при планировании, разработке и внедрении СМК следует учитывать то, насколько адекватно орган исполнительной власти в целом и отдельные его составляющие будут реагировать на нововведения.

Необходимым условием управления качеством служит периодическая внешняя и внутренняя оценка. На основании исследований, проведенных под руководством академика РАН В.В. Окрепилова, была разработана концепция Националь-

ной рейтинговой оценки ведомств исполнительной власти Российской Федерации, представляющая собой комплексный механизм для измерения уровня эффективности и потенциала деятельности ведомств исполнительной власти на базе интегрированной оценки, объединяющей качественные и количественные показатели.

Данная система включает в себя не только показатели результативности и достижения непосредственных результатов – для граждан (потребителей), для персонала, для общества, но и ключевые индикаторы возможностей, помогающие оценить потенциал государственных органов, их готовность и восприимчивость к преобразованиям. В их числе можно назвать такие, как лидирующая роль руководства, планирование деятельности, персонал, сотрудничество и ресурсы, процессы, осуществляемые ведомством.

За основу национальной рейтинговой оценки взята модель САФ, которая была существенно доработана с учетом российской специфики и передовых российских практик. В частности, была использована модель премий Правительства Российской Федерации в области качества [6].

Система предлагает:

- методики проведения диагностической самооценки и экспертной оценки деятельности аппаратов ведомств исполнительной власти России;
- инструментарий для определения сильных и слабых сторон в деятельности ведомств, подходы к разработке и реализации мероприятий по совершенствованию и повышению качества и эффективности деятельности;
- методы определения лучших образцов деятельности, сбора и обработки информации об успешном опыте в сфере государственного управления и механизмы предоставления этой информации через многоуровневую базу данных.

Сильная сторона данной системы оценки заключается в том, что она проводится не случайно, не по результатам проведенных проверок каких-то разовых сигналов, жалоб, а регулярно, по заранее установленным критериям эффективности.

Одним из направлений совершенствования системы менеджмента качества является ее применение для снижения коррупционных рисков. Это позволяет значительно улучшить использование имеющихся ресурсов при реализации антикоррупционных мер. В сущности речь идет о внедрении системы менеджмента противодействия коррупции (СМПК). СМПК строится с учетом требований не только стандартов ИСО серии 9000, но и требований британского стандарта BS 10500:2011 «Спецификация систем менеджмента противодействия коррупции», что позволяет этой системе являться неотъемлемой частью общей системы менеджмента качества, а основные принципы менеджмента качества, применяемые в органе государственной власти, дополняются принципами по противодействию коррупции.

Необходимым условием внедрения СМПК в органе государственной власти является выработка единого подхода к менеджменту рисков, в том числе коррупционных рисков, которые могут встретиться при исполнении органом государственной власти своих функций. Это означает, что необходимо единое определение, например, таких понятий, как «риск», «коррупционный риск», разработка методов и процедур, связанных с их управлением. При этом следует учитывать не только требования законодательства РФ, но и внешнюю и внутреннюю среду органа государственной власти, требования заинтересованных сторон (например, граждан), а также профессиональную этику сотрудников органа.

На этих определениях следует основывать программу противодействия коррупции и ежегодные планы.

Для облегчения процесса внедрения СМПК в органе государственной власти следует определить, будет ли противодействие коррупции являться самостоятельным процессом. В противном случае требуется определить, в какие идентифицированные процессы системы менеджмента качества входят антикоррупционные мероприятия. Тем самым будет обеспечена наглядность связи между целями и реализуемыми мероприятиями.

В перечень документации системы менеджмента качества целесообразно включить внутренние и внешние нормативно-правовые акты, методические документы по борьбе с коррупцией. Структура документации, кроме Миссии, Политики и целей, может быть дополнена элементом СМПК, например этическим кодексом.

Цели в области качества могут быть дополнены измеримыми целями, отражающими снижение коррупционных рисков в органе государственной исполнительной власти. Тем самым происходит расширение политики в области качества и распространение ее на межличностные отношения.

В соответствии с п. 4.1 BS 10500 в органе государственной власти необходимо принять и документировать антикоррупционную политику, которая должна быть только кратким заявлением о том, что в органе государственной власти запрещены взятки и принимаются разумные и соответствующие меры для предотвращения взяточничества, а также для выявления, анализа и решения вопросов, связанных со случаями взяточничества. Но антикоррупционную политику можно отразить и в принятом этическом кодексе.

В том и другом случае информацию о том, что в органе государственной власти разработана и принята антикоррупционная

политика или же она отражена в Этическом кодексе, необходимо довести до сведения не только сотрудников, но и всех заинтересованных сторон (в первую очередь, граждан). Причем уровень коррупции может быть использован как характеристика качества государственной услуги.

Отчет о функционировании системы менеджмента качества может включать в себя анализ выполнения мероприятий по противодействию коррупции. Таким образом, с учетом дополнений, сведения о функционировании системы менеджмента качества должны отражать, что:

- деятельность и процессы системы менеджмента качества соответствуют политике в области качества, кадровой политике, этическому кодексу (антикоррупционной политике), согласованы с ценностями органа государственной власти и его миссией, позволяют достичь целей в области качества;

- проведенные корректирующие и/или предупреждающие действия являются результативными;

- качество оказываемых услуг соответствует требованиям граждан;

- происходит снижение значимых рисков, связанных с коррупцией;

- повышается результативность процессов и общего функционирования системы менеджмента качества;

- система менеджмента качества обеспечена соответствующими ресурсами.

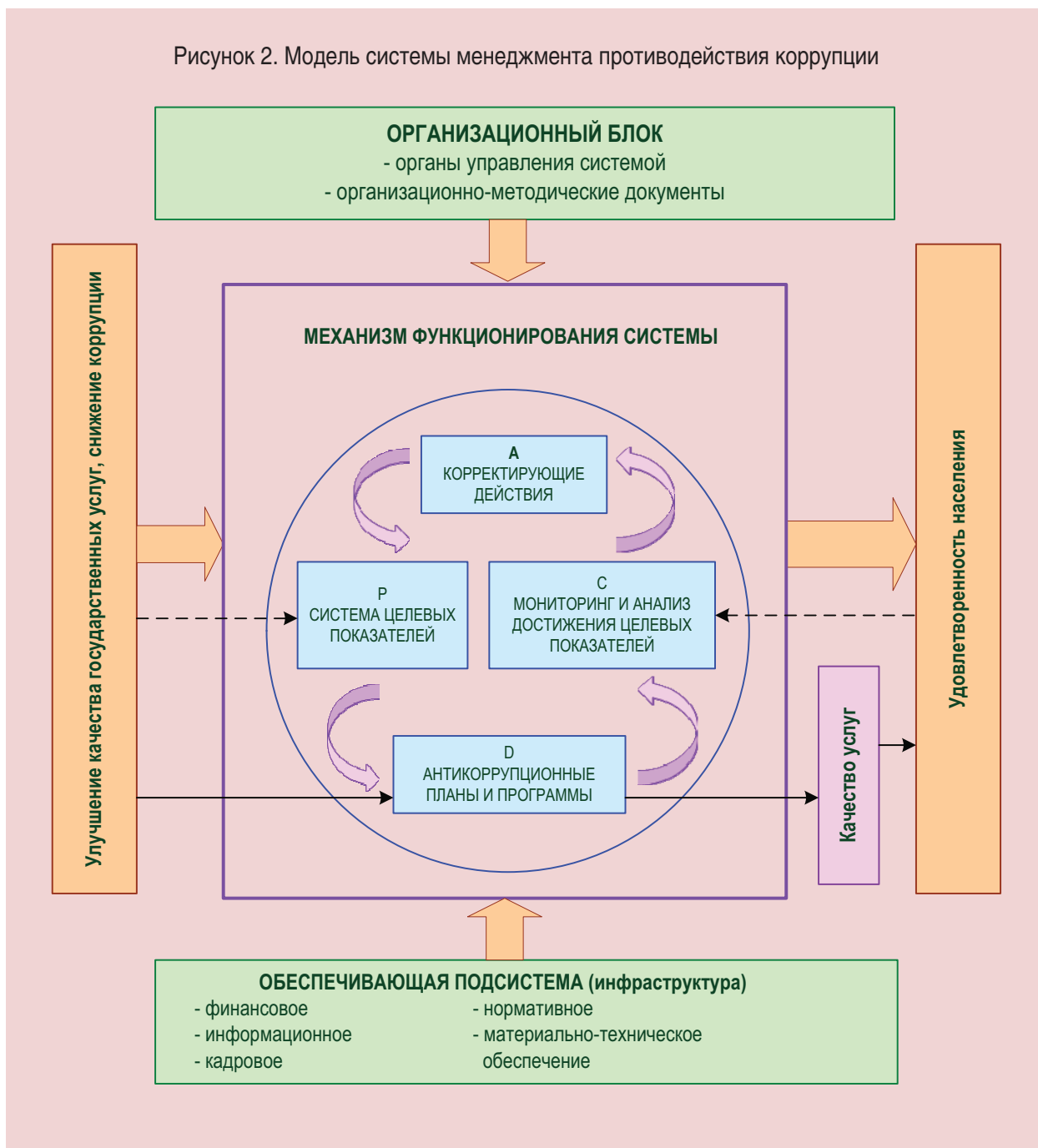
Следует отметить, что и сам процесс разработки и внедрения СМК должен происходить с учетом антикоррупционной политики. Например, анализ функциональных обязанностей, ответственности и полномочий персонала, вовлеченного в разработку и функционирование СМК, должен проводиться с учётом коррупционных рисков. Ответственное должностное лицо, на которое возложены функции по координации антикоррупционных

действий, должно проводить анализ антикоррупционных мероприятий, оценку их результативности; осуществлять контроль за соблюдением сотрудниками органа государственной власти антикоррупционной политики; гарантировать, что антикоррупционная политика и соответствующие локальные акты соответствуют действующему законодательству; обеспечить информирование сотрудников организации об установленных требованиях в части противодействия коррупции.

Последнему положению следует уделить особое внимание, поскольку именно сотрудники органа государственной власти на практике должны осуществлять антикоррупционную политику. В этой связи необходимо расширить требования к компетентности служащего, включив в них знание и соблюдение не только миссии и ценностей службы, принципов политики в области качества, кадровой политики, но и этического кодекса (антикоррупционной политики). В ходе обучения у сотрудников необходимо создать четкое представление о созданной в организации системе менеджмента для реализации антикоррупционной политики и о том, какие риски и ущербы для деятельности органа государственной власти могут наступить в результате взяточничества, а также о том, при каких обстоятельствах возникает угроза взятки, что делать для избежания подобной угрозы.

Поскольку система менеджмента противодействия коррупции разработана на базе системы менеджмента качества, то модель подобной системы будет сходна с общей моделью СМК по стандарту ИСО 9001 (рис. 2).

Организационный блок модели включает в себя руководство органом государственной власти и соответствующие организационно-методические документы, органы управления системой.

Второй блок – механизм функционирования системы, который состоит из следующих основных элементов:

- система целевых показателей, отражающих динамику снижения коррупционных рисков;
- целевые антикоррупционные планы и программы;

- мониторинг и анализ достижения целевых показателей;
- корректирующие действия.

Третий блок – обеспечивающая система (инфраструктура). В данном случае под инфраструктурой понимается финансовое, нормативное, информационное, материально-техническое, кадровое обеспечение

функционирования системы. Сюда же следует отнести и правовую базу (законодательство РФ).

В соответствии с общей теорией управления СМПК имеет «вход» и «выход». «Входом» системы являются нужды и требования населения региона. В данном конкретном случае имеется в виду потребность в повышении качества государственных услуг посредством борьбы с коррупцией. «Выходом» является удовлетворенность населения, достигнутая посредством реализации всех предусмотренных мероприятий и действий.

Цикл функционирования СМПК начинается с формирования целевых показателей, которые должны наглядно отразить результаты борьбы с коррупцией. Поэтому эти показатели могут быть выражены как в числовой, так и в описательной форме. Например, ими могут выступить общее количество учебных часов для сотрудников, или же общее число правонарушений, или же установление регулярного анализа возможности коррупционных рисков, возникающей в процессе функционирования органа государственной власти.

Для достижения запланированных показателей необходимо разработать и реализовать соответствующие целевые планы и программы, которые и определяют, кто, что и когда должен делать.

Выполнение программ оценивается путем сопоставления текущих значений

показателей с установленными в планах значениями. Такое сопоставление проводится как путем внутреннего аудита деятельности органа государственной власти, так и путем мониторинга удовлетворенности потребителей.

Результаты анализа дают необходимую информационную основу для определения существующих тенденций, прогнозирования появления новых потребностей и нужд, а также дают возможность принятия решения о необходимости следующего этапа — корректирующих действий. Проведением корректирующих действий заканчивается один цикл функционирования СМПК и начинается следующий. Действия проводятся для усиления борьбы с коррупцией, а следовательно, для ускорения выполнения планов и программ. Улучшения могут выражаться, например, в увеличении объемов информирования сотрудников, ужесточении наказания, совершенствовании внутренней нормативно-правовой документации и т.д.

Можно надеяться, что комплексный системный подход к решению проблемы повышения качества государственных услуг обеспечит формирование мобильной современной системы государственного управления, что самым благоприятным образом отразится на конкурентоспособности отечественной экономики и благополучии граждан.

Литература

1. Иванова, Г.Н. Устойчивое развитие административно-территориальных образований / Г.Н. Иванова // Стандарты и качество. — 2013. — № 5 (911).
2. Окрепилов, В.В. Перспективы развития стандартизации как инструмента инновационного развития / В.В. Окрепилов // Проблемы прогнозирования. — 2013. — № 1 (136).
3. Окрепилов, В.В. Повышение качества государственных услуг посредством внедрения систем менеджмента качества / В.В. Окрепилов // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2012. — № 6.
4. Окрепилов, В.В. Устойчивое развитие административно-территориальных образований в обеспечении качества жизни / В.В. Окрепилов // Национальные концепции качества: опыт и перспективы европейской интеграции: сб. мат. межд. науч.-практ. конф. — СПб.: Культ-информ-пресс, 2013.

5. Окрепилов, В.В. Совершенствование государственного управления посредством разработки и внедрения систем менеджмента качества в органах исполнительной власти / В.В. Окрепилов, А.Ю. Цариковский. – СПб.: Наука, 2014.
6. Самооценка деятельности организаций на соответствие критериям премии Правительства Российской Федерации в области качества 2012 года (для организаций с численностью работающих не более 250 человек): Рекомендации. – М.: ВНИИС, 2012.

Ivanova G.N., Androsenko N.V.

Application of standardization tools to improve the performance of executive authorities

Galina Nikolaevna Ivanova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Research Associate, Deputy Director General, Federal Budgetary Institution State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing in St. Petersburg and Leningrad Region (Test-St. Petersburg) (1, Kurlyandskaya Street, Saint Petersburg, 190103, Russian Federation, ivanovarustest@gmail.com)

Natal'ya Vital'evna Androsenko – Ph.D. in Economics, Research Associate, Deputy Director General, Federal Budgetary Institution State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing in St. Petersburg and Leningrad Region (Test-St. Petersburg) (1, Kurlyandskaya Street, Saint Petersburg, 190103, Russian Federation, natulina2007@mail.ru)

Abstract. The article considers the issues of improving the quality of public services through the development of standardization. The establishment of standards not only for performance, but also for processes, including management processes, is a characteristic feature of modern standardization. And management quality is very important for sustainable development of the region, country, and also for the quality of life. At present, it is necessary to create a modern system of public administration, working for the citizens and in the interests of the citizens.

In order to enhance the quality of government institutions' performance, several countries use the systems based on national and international standards, as well as on the models of national quality awards. The experience in the use of such systems has shown that a necessary condition for improving the performance quality of executive authorities consists in introduction of modern methods of quality management, including quality management systems.

Nowadays Russia has established the Technical Committee 115 "Sustainable development of administrative-territorial units" (ATU), headed by Academician V.V. Okrepilov, Director General of the FBI "Test-St. Petersburg". The task of the TC 115 is to develop criteria for assessing the activity of ATU management bodies and to create systems for ATO management. Technical Committee 115 "mirrors" the international TC 268 "Sustainable development in communities".

Currently TC are working to create national standards, clarify terminology, establish a common conceptual framework, develop a system of performance indicators for management bodies, and methodologies for implementation of quality management techniques in them. The discussion of the draft national standard "Quality management systems – guidance on the application of ISO 9001:2008 in the executive power bodies" is in the final phase. The standard takes into account the specifics of activity of state executive authorities. This will help accelerate the introduction of modern methods of quality management in this sphere.

One of the directions for the improvement of the quality management system in the bodies of state executive power is its application to reduce corruption risks. The article considers the management system for combating corruption, developed on the basis of the quality management system. The authors describe the model of such a system and its cycle of operation.

Key words: standardization, innovations, public services, sustainable development, quality management system, management system for combating corruption.

References

1. Ivanova G.N. Ustoichivoe razvitie administrativno-territorial'nykh obrazovaniy [Sustainable Development of Administrative-Territorial Units]. *Standarty i kachestvo* [Standards and Quality], 2013, no. 5 (911).
2. Okrepilov V.V. Perspektivy razvitiya standartizatsii kak instrumenta innovatsionnogo razvitiya [Prospects of Development of Standardization as a Tool of Innovation Development]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], 2013, no. 1 (136).
3. Okrepilov V.V. Povyshenie kachestva gosudarstvennykh uslug posredstvom vnedreniya sistem menedzhmenta kachestva [Improving the Quality of Public Services through the Implementation of Quality Management Systems]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov* [Bulletin of Saint-Petersburg University of Economics and Finance], 2012, no. 6.
4. Okrepilov V.V. Ustoichivoe razvitie administrativno-territorial'nykh obrazovaniy v obespechenii kachestva zhizni [Sustainable Development of Administrative-Territorial Units in the Provision of the Quality of Life]. *Natsional'nye kontseptsii kachestva: opyt i perspektivy evropeiskoi integratsii: sb. mat. mezhd. nauch.-prakt. Konf* [National Quality Concepts: Experience and Prospects of European Integration: Collection of Materials of the International Research-to-Practice Conference]. Saint Petersburg: Kul't-inform-press, 2013.
5. Okrepilov V.V., Tsarikovskii A.Yu. *Sovershenstvovanie gosudarstvennogo upravleniya posredstvom razrabotki i vnedreniya sistem menedzhmenta kachestva v organakh ispolnitel'noi vlasti* [Improvement of Public Administration through the Development and Implementation of Quality Management Systems in the Bodies of Executive Power]. Saint Petersburg: Nauka, 2014.
6. Samootsenka deyatel'nosti organizatsii na sootvetstvie kriteriyam premii Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii v oblasti kachestva 2012 goda (dlya organizatsii s chislennost'yu rabotayushchikh ne bolee 250 chelovek): Rekomendatsii [Assessment by the Organizations of Their Own Performance for Compliance with the Criteria for the 2012 Award of the Government of the Russian Federation in the Field of Quality (for Organizations Employing Less Than 250 People): Recommendations]. Moscow: VNIIS, 2012.

Методология оценки транспортной обеспеченности территории для целей доступности социальных услуг

**Эльвина Степановна
КУРАТОВА**

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, kuratova@iespn.komisc.ru)

Аннотация. Процесс формирования рациональной транспортной сети и развития транспортных средств должен проходить под знаком достижения социально-территориальной справедливости, понимаемой как гарантия транспортной доступности социальных услуг, роста и экономии свободного времени человека, снижения степени неопределенности хозяйственной деятельности в части, зависящей от транспортных факторов. К приоритетам оценки транспортной обеспеченности автором отнесены затраты времени движения от населенных пунктов до центров социальных услуг и круглогодичное транспортное сообщение. Каждый вид социальных услуг имеет нормативные величины транспортной доступности, соответствующие потребностям конкретного региона, и на них опирается стратегическое планирование сферы услуг. Так, норматив времени оказания неотложной медицинской помощи равен 40 мин. Уровень транспортной дискриминации определяется как доля населения, проживающего за пределами нормативного времени. Автором предложена формула определения средневзвешенных затрат времени, которое необходимо пользователю транспорта для достижения определенного пункта прибытия (например, медицинского учреждения, школы и т.д.) из любых других пунктов отправления. Оценка транспортной обеспеченности дана на примере районов Республики Коми, в расчет включены все населенные пункты, учтены расстояния до районных центров, состояние путей сообщения, преграды для круглогодичного сообщения, транспортные средства передвижения, включая гужевой (пеший) ход, скорость движения и ряд других факторов. Результаты разработанной методологии дифференциации могут быть использованы для межбюджетного регулирования и распределения средств Фонда финансовой поддержки муниципальных образований по показателю транспортного удорожания стоимости бюджетных услуг через коэффициенты транспортной обеспеченности.

Ключевые слова: транспортная обеспеченность, средневзвешенные затраты времени, доступность и удорожание стоимости бюджетных услуг.

Транспорт создает условия для экономической самостоятельности и развития субъектов Российской Федерации, в т.ч. муниципальных образований районов, поселений и населенных пунктов, а эффект в случае развития транспортной инфраструктуры получают население и хозяйствующие субъекты. Транспортная отдаленность многих населенных пунктов от центров социальных услуг является одним из важнейших факторов, влияющих на уровень жизнедеятельности населения и расходы бюджетов и производства.

Процесс формирования рациональной транспортной сети и развития транспортных средств должен проходить под знаком достижения двух целей:

1) социально-территориальной справедливости, понимаемой как гарантия транспортной доступности социальных услуг (образование, культура, медицина, торговое, бытовое обслуживание, пассажирские перевозки и т.д.), роста и экономии свободного времени человека [2];

2) снижения степени неопределенности (риска) хозяйственной деятельности в части, зависящей от транспортных факторов. При этом важно сокращение удельных затрат времени на грузовые перевозки.

Задача увеличения «прозрачности» выравнивания территорий должна решаться посредством совершенствования методики формализованного учета параметров периферийности. Показатели транспортной *обеспеченности территории* востребованы в нормативах удорожания бюджетных расходов, используемых через корректировку бюджетной обеспеченности населения для распределения фондов поддержки административно-территориальных образований разного уровня: от субъектов федерации до населенных пунктов.

К приоритетам оценки транспортной обеспеченности территории для целей доступности социальных услуг относим:

- учет затрат времени движения от населенных пунктов до центров социальных услуг;
- круглогодичное транспортное сообщение.

Показатель транспортной доступности предлагается определять как средневзвешенную затрату времени, которое необходимо пользователю транспорта для достижения определенного пункта прибытия (медицинского учреждения, школы, учебного заведения, клуба, торговой точки, населенного пункта и т.д.) из любых других пунктов отправления (населенных пунктов и т.д.).

Для всех видов услуг существуют нормативные величины транспортной доступности, которые должны соответствовать потребностям конкретного региона и, что особенно важно, которые необходимо учитывать при дальнейшем развитии каждой сферы услуг. Например, норматив времени оказания неотложной медицинской помощи в Республике Коми равен 40 мин, что соответствует 30 км пути для транспортного средства скорой помощи. В этой сфере услуг уровень транспортной дискриминации определяется как доля населения, проживающего за пределами данного нормативного времени. По предварительным расчетам, в пределах городских округов уровень дискриминации значительно ниже, чем в муниципальных районах и поселениях. Нормативы транспортной доступности следует учитывать при выборе места строительства новых школ, туристических баз и других объектов сферы услуг.

Для услуг по пассажирским перевозкам уровни транспортной обеспеченности и транспортной доступности совпадают. Здесь по расписанию движения транспортных средств пользователь может определить затраты времени от пункта отправления до пункта прибытия и выбрать тот вид транспорта, тот вариант поездки и

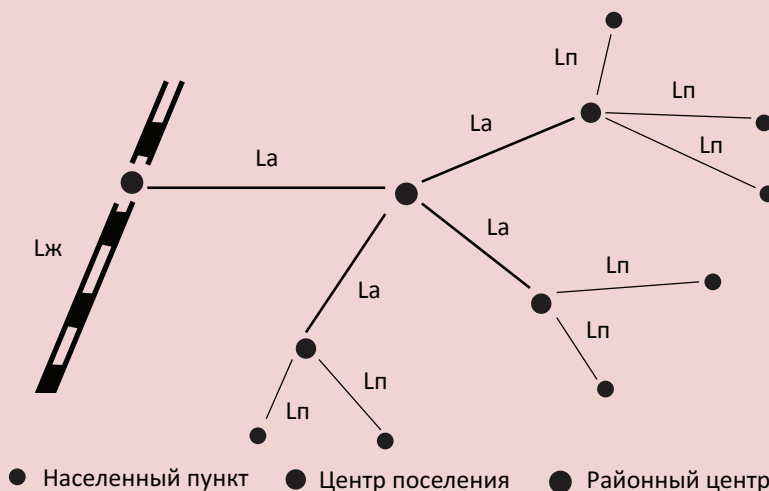
маршрут пешего (гузевого) хода, который ему будет соответствовать по всем параметрам (затратам времени, денежных средств, уровню обслуживания и т.д.).

Рассмотрим более детально вопросы внутренней транспортной обеспеченности территории при определении транспортной доступности населенных пунктов поселений. Обычно в поселениях реальные подходы к формированию транспортной сети и ее прогнозированию на уровне поселений не разрабатывались, что можно объяснить внешними и внутренними факторами. К внешним относятся недооценка роли транспортной инфраструктуры и остаточный принцип ее финансирования. Внутренний фактор связан с многоотраслевым составом транспортной инфраструктуры, отсутствием единого заказчика, эксплуатацией объектов транспортной инфраструктуры различными ведомствами, наличием различных стандартов и подходов к развитию транспортной инфраструктуры в разных ведомствах (сельскохозяйственных, лесных, нефтяной, газовой промышленности и т.д.).

Транспортная доступность населенных пунктов характеризуется удаленностью и наличием преград в движении. Как показано на *рисунке 1*, удаленность раскрывается через показатели расстояния населенных пунктов до центров поселений, а их, в свою очередь, — до центров муниципальных районов, железнодорожных станций, центра субъекта Российской Федерации. При учете преград принимаются во внимание удаленность (близость) от магистральных авто- и железнодорожных трасс, виды верхнего покрытия автомобильных дорог, сезонные автодороги (зимники), обеспечивающие связь населенных пунктов хотя бы зимой, наличие водных переправ, точнее, способов их преодоления, автобусного сообщения.

Расположение населенных пунктов на транспортных магистралях, примыкающих к ним ветках автодорог и в зонах их непосредственного влияния является важнейшим фактором транспортно-географического положения, определяющим возможности дальнейшего их роста и развития.

Рисунок 1. Схема пространственной организации транспорта

Жизнедеятельность населения зависит от сезонности транспортных связей. Весной и осенью в периоды ледохода и ледостава проблемными становятся значительные перерывы движения. В летнее время реки пересекаются паромами, катерами и лодками, зимой — машинами по льду. Постоянная связь устанавливается лишь в зимний период со строительством зимников и ледовых переправ. Ежегодное устройство и зимнее содержание сезонных автодорог и ледовых переправ обходится дорого.

Автобусная маршрутная сеть и пригородные поезда сокращают временную связь населенных пунктов. При расстоянии от «рядового» населенного пункта до центра поселения или района в 30 км (6 часов «туристического» хода) включается возможность регулярных пешеходных связей. Мелкие и средние населенные пункты охватываются автобусным сообщением лишь в том случае, если через них проходит маршрут или они находятся на расстоянии не более 5 км (на расстоянии 1 часа пешего хода). Проблемами в маршрутных связях являются интенсивность автобусного и железнодорожного сообщения, количество рейсов, следующих в том или ином направлении, что сопряжено с потерями времени на ожидание. Население вынуждено пользоваться попутным грузовым транспортом.

Наличие и характер преград, приводящих к снижению скорости и сезонности транспортной связи, сильно различаются по муниципальным районам. С учетом параметров транспортной обеспеченности можно выделить муниципалитеты с круглогодичной (с небольшими исключениями), ограниченной и дискриминационной (при крайне неблагоприятных дорожных условиях) транспортной связью населенных пунктов.

Круглогодичное транспортное сообщение обеспечивают транзитные коммуникации, проходящие по территории посе-

лений и охваченные железнодорожной, автомобильной и иной сетью путей сообщения. Сюда же можно отнести поселения, центры которых не пересекаются маршрутной сетью, но населенные пункты расположены компактно вблизи магистралей, имеются местные дороги с подъездами к федеральным и территориальным трассам.

Ограниченное транспортное сообщение характеризуется наличием речных преград, требующих наведения понтонов, ледовых переправ, необходимостью приобретать паромы, лодки и низким уровнем развития транспортной сети (преобладание зимников). Здесь необходима инвестиционная поддержка для инфраструктурного оснащения территории.

Дискриминационное транспортное сообщение характеризуется малой долей дорог с твердым покрытием, большой протяженностью зимников, отсутствием переправ. Эти поселения нуждаются в инвестиционной поддержке для инфраструктурного оснащения.

Для расчета средневзвешенных затрат времени в пределах поселений, локальных систем, районов, столицы и т.д. с учетом наличия (отсутствия) автобусного, железнодорожного и других видов сообщений и средней скорости транспортных средств и пешего (гузевого) хода нами предложена формула¹:

$$T_i = \frac{\sum_1^n (t_a \times l_a + t_n \times l_n + t_{жс} \times l_{жс})}{\sum_1^n (l_a + l_n + l_{жс})},$$

где

n — число населенных пунктов в рассматриваемом регионе;

¹ Приведенные измерители транспортной обеспеченности через протяженность транспортных линий являются общепризнанными показателями в системе ООН и сопоставимы по странам мира.

l_a – протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием от n -ого населенного пункта до центра социальных услуг, поселения, локальной системы, района, столицы и т.д.;

t_a – затраты времени, связанные с поездками автобусными и иными транспортными средствами;

l_n – протяженность грунтовых автомобильных дорог от n -ого населенного пункта до центра социальных услуг, поселения, локальной системы и т.д.;

t_n – затраты времени на пеший (гужевой) ход;

l_x – протяженность железной дороги от n -ого населенного пункта до центра социальных услуг, поселения, локальной системы, района, столицы и т.д.;

t_x – затраты времени, связанные с железнодорожными поездками.

В нашем исследовании для оценки транспортной обеспеченности районов Республики Коми использована предложенная формула расчета средневзвешенных затрат времени. В расчет включены все населенные пункты (более 700), учтены расстояния от населенных пунктов до районных центров, состояние путей сообщения, преграды для круглогодичного сообщения, транспортные средства передвижения, гужевой и пеший ход, скорость движения и ряд других факторов. Информационной основой для оценки транспортной обеспеченности послужили данные об административно-территориальном делении Республики Коми, данные Дорожного агентства о состоянии автомобильных дорог, транспортных предприятий – о маршрутных сетях, данные о зимниках, водных переправах, характеристике транспортных средств, скоростях их движения и другие источники.

Основным наземным транспортом, связывающим населенные пункты Республики Коми с центрами муниципальных образований, является автомобильный.

Сеть государственных автомобильных дорог общего пользования разделена на федеральную – в границах республики (0,3 тыс. км) и территориальную – в пределах районов (6,7 тыс. км), из них 0,9 тыс. километров дорог имеют грунтовое покрытие [1]. Транспортные связи внутри поселений осуществляются в основном по грунтовым дорогам и автозимникам местного подчинения.

Как показано на *рисунке 2*, населенные пункты с круглогодичной доступностью пересекаются маршрутной сетью, населенные пункты расположены компактно и имеют паромные и понтонные переправы. Здесь актуально строительство местных автодорог с подъездами к федеральным и территориальным трассам, дающим выход к районным центрам, столице и железнодорожным станциям.

Группа населенных пунктов с ограниченной доступностью характеризуется наличием речных преград, требующих наведения понтонов, ледовых переправ, необходимостью приобретать паромы, катера, лодки и очень низким уровнем развития транспортной сети (преобладание зимников). Это достаточно многочисленная группа, нуждающаяся в инвестиционной поддержке для инфраструктурного оснащения своей территории.

Населенные пункты с дискриминационной доступностью характеризуются большой протяженностью зимников, отсутствием переправ, что осложняет социально-экономическое положение населения. Это наиболее удаленные и внутренне слабо связанные населенные пункты, требующие значительных финансовых вливаний в транспортную сеть.

Судя по *рисунку 3*, можно определенно говорить о транспортной дискриминации населения Усть-Цилемского (17 часов), Вуктыльского (15 часов), Усинского (12 часов), Троицко-Печорского (11 часов),

Рисунок 2. Транспортная доступность населенных пунктов Республики Коми

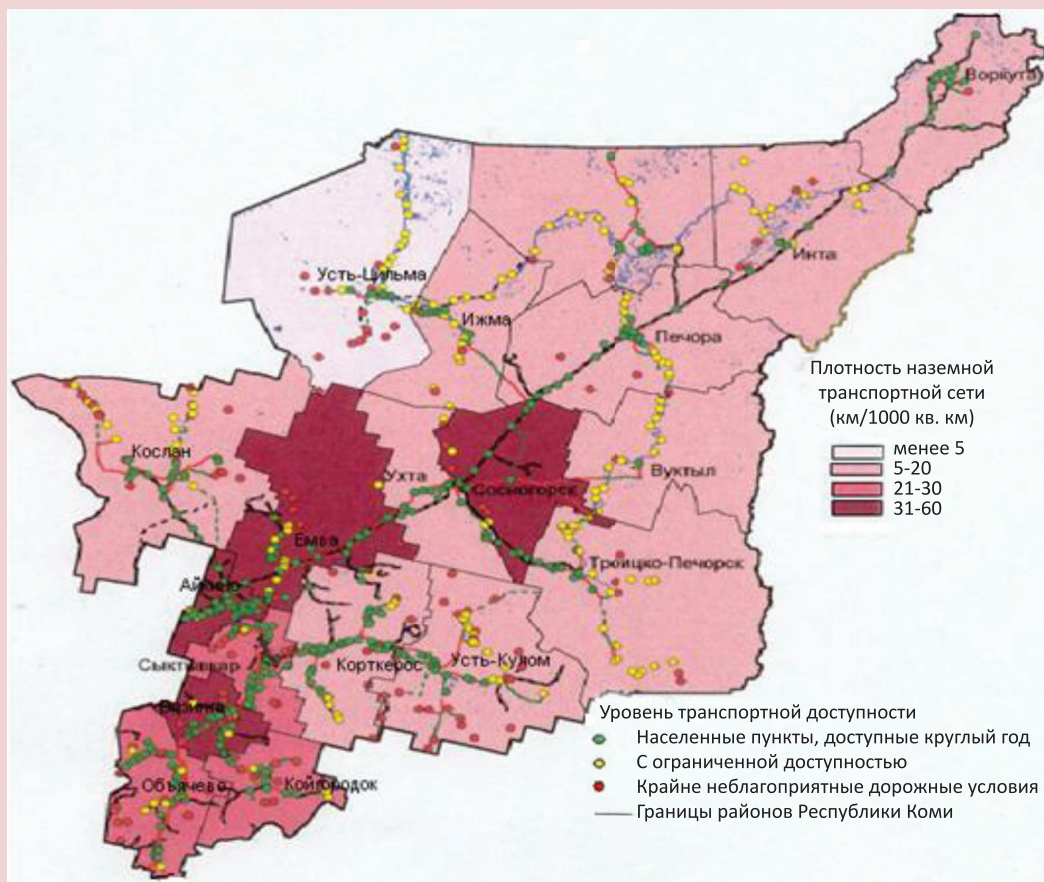
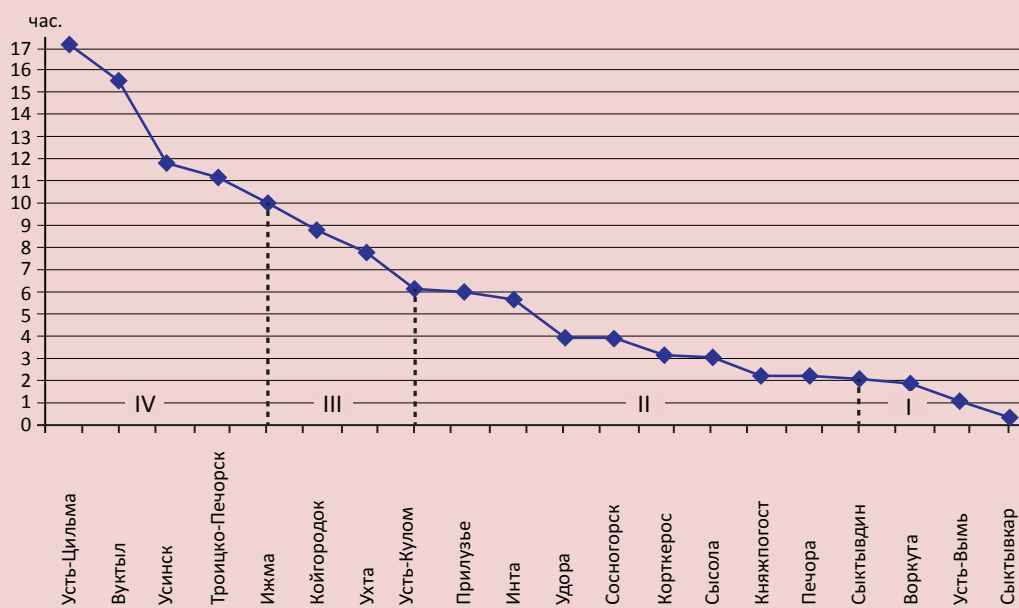

Рисунок 3. Средневзвешенные затраты времени на перемещение населения в пределах отдельных районов Республики Коми

Ижемского (10 часов), Койгородского, Усть-Куломского, Интинского, Удорского и других районов.

Для группировки районов по типам транспортной обеспеченности используются наиболее характерные для Республики Коми временные периоды (таблица).

Оптимальная транспортная обеспеченность предполагает возможность установления тесных культурно-бытовых и хозяйственных связей, общность использования трудовых ресурсов, социальной инфраструктуры. Высокая транспортная обеспеченность достигается наличием железнодорожной и автодорожной магистралей, притрассовым положением многих населенных пунктов, хорошим автобусным и другими видами сообщений.

Допустимая транспортная обеспеченность предполагает возможным развитие сферы услуг и производства. Для этой группы характерна относительно развитая сеть наземных дорог, в ее составе муниципалитеты, расположенные в прижелезнодорожной зоне, и небольшое количество населенных пунктов вне зоны транспортного тяготения. Здесь необходимо завершение и поддержание в рабочем состоянии подъездных автомобильных дорог к трассам, а также улучшение автобусного сообщения.

Предельная транспортная обеспеченность предполагает временной интервал достижения районного центра 6–10 часов. Это сельские районы с большой удаленностью населенных пунктов. В дискрими-

национную обеспеченность (10–18 часов) попадают самые периферийные муниципальные образования.

Снижение материального благосостояния жителей села, удорожание поездок на общественном транспорте, сокращение и изначальное отсутствие автобусных маршрутов, неудовлетворительное состояние дорог делают затруднительными для многих сельчан поездки даже в районный центр, не говоря о столице. И потому важно обеспечить развитие всех без исключения сельских поселений независимо от их типа и численности жителей с выделением «опорных» сельских населенных пунктов, выполняющих функции центров социальных услуг.

Как отмечалось, дифференциация транспортной обеспеченности районов может быть использована для межбюджетного регулирования и распределения средств Фонда финансовой поддержки муниципальных образований по показателю транспортного удорожания стоимости бюджетных услуг через коэффициент транспортной обеспеченности $K_i = (1 / T_i)$ соответственно формуле:

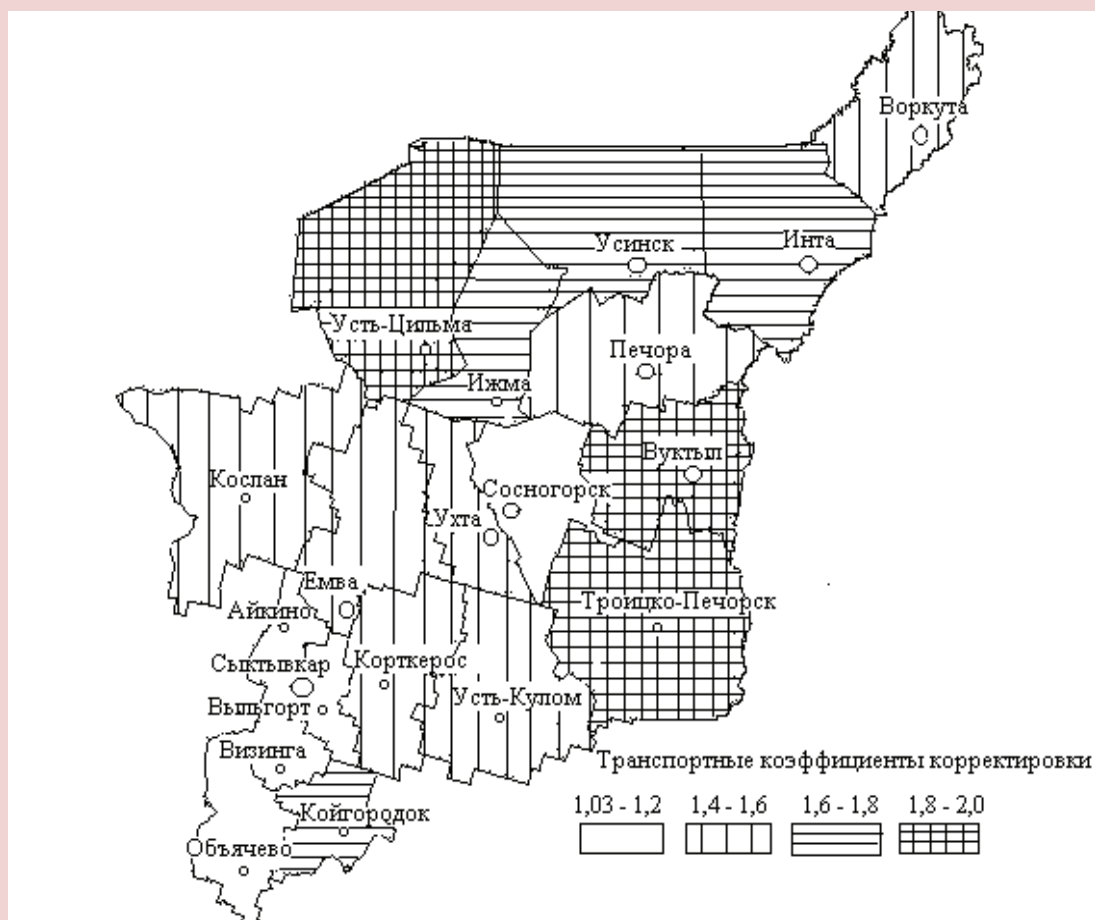
$$K_i^{y\dot{d}op} = 1 + T_i \times (1 / T_{i\ max}) .$$

Как показано на рисунке 4, пределы транспортной корректировки потенциальной стоимости бюджетных услуг по районам Республики Коми составляют от 1,03 до 2 пунктов. Расчеты коэффициентов транспортной обеспеченности и транс-

Тип транспортной обеспеченности

Средневзвешенные затраты времени в достижении центра	Обеспеченность	Тип
От 0,1 до 2 часов	Оптимальная	I
От 2,1 до 6 часов	Допустимая	II
От 6,1 до 10 часов	Предельная	III
Превышают 10 часов	Дискриминационная	IV

Рисунок 4. Транспортная корректировка потенциальной стоимости бюджетных услуг в муниципальных районах Республики Коми

портной корректировки стоимости бюджетных услуг были выполнены по запросу Министерства финансов РК для корректировки межбюджетного регулирования и распределения средств Фонда финансовой поддержки муниципальных образований республики.

Количественная оценка транспортной обеспеченности региона позволила сделать следующие выводы:

- востребованность результатов оценки транспортной доступности велика в силу большого удорожающего влияния транспортного фактора на объем и стоимость предоставления услуг населению;

- впервые проведенная оценка доступности на уровне населенных пунктов с учетом влияния барьеров (отсутствия дорог с твердым покрытием, разрывов транспортной сети, связанных с речными преградами, обусловивших ограниченность автобусных маршрутов и уровень «магистрализации») конкретизировала представление об удаленности и связанности населенных пунктов в рамках районов субъекта РФ;

- полученные результаты представленной версии оценки выявили преобладание районов с предельной и дискриминационной доступностью.

Повышение социального статуса и эффективности рыночных процессов в экономике Республики Коми не представляется возможным без государственной поддержки развития транспортной сети. Основным направлением совершенство-

вания транспорта республики является усиление связи населенных пунктов с центрами социальных услуг, поселений, центрами районов, последних — со столицей и ближайшими железнодорожными станциями.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Коми, 2013: статистический сборник / Комистат. — Сыктывкар, 2013. — 440 с. — Транспорт, раздел 16.
2. Транспортный маркетинг / под ред. д.э.н., проф. В.Г. Галабурды. — М.: Маршрут, 2006. — 450 с.

© Kuratova E.S.

Methodology for assessing the transport security of the territory for the availability of social services

El'vina Stepanovna Kuratova — Doctor of Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia, kuratova@iespn.komisc.ru)

Abstract. The formation of a rational transport network and the development of vehicles should be marked by the achievement of socio-territorial justice, which is understood as a guarantee of transport accessibility of social services, increase and economy of man's free time, reduction in the degree of uncertainty of economic activity in the part that depends on transport factors. According to the author, the priorities of the assessment of transport security include the duration of the trip from the settlements to the centers of social services and year-round transportation. Each type of social services has normative values of transport accessibility, corresponding to the needs of a particular region, and they are the basis for strategic planning in the services sector. For instance, the standard time for provision of emergency medical aid is 40 minutes. The level of transport discrimination is defined as the proportion of the population living outside the standard time. The author proposes a formula for determining the weighted average costs of time that a transport user needs for reaching a certain destination (e.g., hospital, school, etc.) from any other departure point. Transport security is assessed on the example of the Komi Republic; the calculation includes all its settlements, considers the distance to the regional centers, condition of roads, obstacles to year-round road communications, transport vehicles, including animal-drawn transport, and going on foot, the speed of movement and other factors. The results of the developed differentiation methodology can be used for interbudgetary control and distribution of resources of the Fund of financial support of municipal formations according to the rate of transport increase in the cost of public services through the coefficients of transport security.

Key words: transport security, weighted average costs of time, availability and rise in the cost of public services.

References

1. *Statisticheskii ezhegodnik Respubliki Komi, 2013: statisticheskii sbornik* [Statistical Yearbook of the Republic of Komi, 2013: Statistical Collection]. Komistat. Syktyvkar, 2013. 440 p.
2. *Transportnyi marketing* [Transport Marketing]. Ed. by V.G. Galaburda, Doctor of Economics, Professor. Moscow: Marshrut, 2006. 450 p.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

DOI: 10.15838/esc/2014.5.35.22

УДК 330.59(470.12), ББК 65.9(2Рос-4Вол)-94

© Россошанский А.И., Белехова Г.В.

Благосостояние населения как показатель модернизационного потенциала территории*

**Александр Игоревич
РОССОШАНСКИЙ**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, alexanderrossy@mail.ru)

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, belek-galina@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования благосостояния населения как основы модернизационных процессов. На основе комплексного анализа статистических и социологических данных выделены особенности материального положения жителей России и Вологодской области в части формирования и использования денежных доходов, а также обозначена доля населения, объективно готового к процессам модернизации экономики.

Выявлены наметившиеся позитивные тенденции увеличения включенности населения в кредитно-сберегательные модели. Однако масштабы происходящих изменений не столь велики и захватывают лишь незначительную часть высокообеспеченного населения.

Для оценки региональных особенностей была выполнена группировка субъектов РФ по уровню доходного неравенства населения и другим параметрам благосостояния, влияющим на модернизационный потенциал территории. Судя по показателям выделенных четырех групп регионов, наибольшим социально-экономическим потенциалом модернизации обладают субъекты с высоким доходным неравенством.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00898а «Оценка влияния неравенства доходов на уровень и темпы социально-экономической модернизации регионов».

Авторы приходят к выводу, что в сложившихся условиях модернизация невозможна без создания легитимной компетентной власти, способной к радикальной демократизации и укреплению основных общественных институтов, а формирование той части населения, которая объективно готова к модернизационным преобразованиям экономики и общества, напрямую зависит от наличия условий, способствующих достижению достойного материального положения людей.

Ключевые слова: благосостояние населения, доходы и расходы, социально-экономическое неравенство, модернизация.

В современном мире модернизация становится приоритетом для тех стран и регионов, которые стремятся наращивать экономическое развитие, поскольку широко признано, что совершенствование, прогрессивность и инновации выступают важными движущими силами роста. Поэтому уже на протяжении нескольких лет проблематика модернизации экономики является актуальной и в нашей стране. При этом многие научные работы направлены на оценку степени готовности российского населения к модернизации. Разнообразие подходов в таких исследованиях определяется как конечными целями, так и оперируемыми данными.

К примеру, Е.М. Аврамова [1] указывает на то, что вывод о готовности общества к модернизации можно сделать, основываясь на информации о наличии массового слоя с относительно высоким уровнем материальной обеспеченности.

М.К. Горшков [5], опираясь на результаты мониторинга общественного мнения, показывает влияние социального неравенства на системную модернизацию экономики страны, которое, по его мнению, проявляется в утверждении устойчивой «культуры неравенства», усилении апатии и гражданской пассивности определенных слоев населения, формировании климата конфронтации, нетерпимости и политического экстремизма.

Н.Е. Тихонова [13] на основе выделения нормативно-нравственных систем населения в части базовых принципов взаимоотношений в системе «личность—общество—

государство» выделяет модернистски ориентированные группы, которые затем оцениваются с точки зрения потенциального вклада каждой в процессы модернизации. Неоднозначность полученных выводов, а также расхождение оценок исследователей в отношении готовности российского общества к модернизации и предопределило необходимость рассмотрения данного вопроса.

В широком смысле модернизация сводится к формированию сильной в экономическом, политическом, военном, научном и иных отношениях страны при росте благосостояния ее населения [10], выступающем одновременно и как необходимое условие формирования модернистского потенциала, и как результат прогрессивных преобразований. Поэтому рост благосостояния может быть рассмотрен в качестве одного из основных критериев при определении той части населения, которая готова включиться в осуществление модернистских процессов.

В течение последних нескольких лет довольно часто говорится об устойчивом росте денежных доходов населения и расширении его материальных возможностей. Связывается это в том числе и с осуществлением модернистско-ориентированных государственных программ. Однако ситуация не столь однозначна, о чем свидетельствует анализ уровня, структуры и распределения денежных доходов.

Действительно, за 2000–2012 гг. среднедушевые денежные доходы россиян заметно увеличились (*табл. 1*).

Так, в Вологодской области в 2012 году они составили 18 125 рублей, что больше уровня начала рассматриваемого периода в 2,6 раза (в сопоставимой оценке). По Российской Федерации наблюдается рост в 2,9 раза. Такая динамика обусловлена как стабильным увеличением заработной платы (особенно работников бюджетной сферы), так и значительным повышением пенсионного обеспечения начиная с 2008 года.

Об увеличении доходов говорят и данные социологических опросов, проводимых на территории Вологодской области¹ (табл. 2). Доля населения, относимого по

оценке собственных доходов к обеспеченным и богатым, возрастает, а относимого к нищим и бедным – снижается. Данные тенденции особенно ярко проявились в 2004–2008 годах. Так, удельный вес «нищих» и «бедных» сократился более чем в полтора раза (причем существенно уменьшилась доля «нищих», достигнув в 2008 году минимального значения за весь период наблюдений – 3%). К 2013 году доминирующей стала группа «малообеспеченных» (55% против 31,5% в 2000 году). Доля группы «обеспеченных» составила 11% населения области против 4% соответственно. «Нищие» и «бедные» – треть

Таблица 1. Динамика доходов населения Российской Федерации и Вологодской области в 2000–2012 гг.*

Показатели	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2000 г., раз
<i>Российская Федерация</i>									
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	7991	15005	19109	20259	20775	20978	22061	23058	2,89
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	7787	15824	20614	23056	22929	23963	25250	26629	3,42
Средний размер начисленных месячных пенсий, руб.	2431	4373	4725	6085	6386	8453	8742	9154	3,77
Коэффициент фондов, раз	13,9	15,2	16,8	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	–
Коэффициент Джини	0,395	0,409	0,422	0,421	0,421	0,421	0,417	0,420	–
<i>Вологодская область</i>									
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	6856	12077	15741	15995	14849	15597	16397	18125	2,64
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	8683	16289	19362	20608	20270	20770	21467	22649	2,61
Средний размер начисленных месячных пенсий, руб.	2966	4820	5643	6098	7706	8751	9018	9414	3,17
Коэффициент фондов, раз	8	8,7	12,6	12,5	11,5	11,7	11,4	12,0	–
Коэффициент Джини	0,318	0,329	0,383	0,382	0,370	0,373	0,369	0,376	–
* Показатели доходов населения представлены в сопоставимых ценах 2012 года. Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 717 с.									

¹ Мониторинг общественного мнения осуществляется Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН, г. Вологда) с 1996 г. методом раздаточного анкетирования по месту жительства респондентов. Периодичность опроса – 1 раз в два месяца. Объем выборки – 1500 человек (в год – 9 тыс. чел.). Опрашиваются лица в возрасте 18 лет и старше в двух крупных городах и восьми районах Вологодской области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Таблица 2. Распределение населения Вологодской области по оценке собственных доходов в 2000–2013 гг. (в % от общего числа респондентов)

Год	Группы населения по оценке собственных доходов				
	Нищие	Бедные	Малообеспеченные	Обеспеченные	Богатые
2000	16,0	46,8	31,5	4,2	1,4
2001	14,3	44,8	32,7	6,1	2,1
2002	13,0	41,6	36,0	6,3	3,1
2003	12,8	39,5	37,3	7,9	2,5
2004	10,0	37,3	43,2	7,1	2,4
2005	6,5	35,5	47,8	8,8	1,4
2006	4,4	35,3	49,1	9,6	1,6
2007	4,9	31,3	51,0	10,8	2,1
2008	3,2	27,2	58,2	9,1	2,3
2009	6,2	33,7	51,9	7,1	1,1
2010	5,5	30,3	54,1	8,6	1,5
2011	4,5	29,4	53,9	10,5	1,7
2012	3,7	28,8	55,9	10,2	1,5
2013	4,9	27,5	55,2	11	1,4
2013 г. к 2000 г., раз*	-3,27	-1,7	1,75	2,62	1

* Прирост (+), сокращение (-).

Источник: данные социологических опросов населения Вологодской области, проведенных ИСЭРТ РАН в 2000–2013 гг.

(против 63% в 2000 году), а удельный вес группы «богатых» граждан после несущественных колебаний установился на уровне 2000 года² (1,4%).

Стабилизация социально-экономической ситуации и растущий уровень доходов положительно повлияли и на **социальное настроение населения**: по данным мониторинга ИСЭРТ РАН, для жителей Во-

логодской области становится все более характерным нормальное, ровное состояние (69% в 2013 г. против 29% в 1998 г.), а не напряжение, раздражение, страх и тоска, как в конце 1990-х гг. (26,5% против 64% соответственно; *рис. 1*).

Однако такой положительный тренд социального настроения характерен лишь для усредненных данных по населению. Оценка эмоционального состояния жителей региона в разрезе доходных групп показывает, что позитивные суждения наименее обеспеченных слоев граждан начали проявляться несколько позже (с 2005 года, тогда как в группе наиболее обеспеченных – с 1999 года), были менее распространены (в среднем 41% против 69% среди наиболее обеспеченных) и продлились сравнительно недолго, установившись в 2013 году на уровне среднеобластных значений 2000 года (45%; *рис. 2 и 3*).

² Классификация сформирована на основе ответов респондентов на вопрос: «Какая из оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?» Респонденты, давшие ответ «Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги», были отнесены к категории «нищие», «Денег хватает только на продукты питания» – «бедные», «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом» – «малообеспеченные», «Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна» – «обеспеченные», «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать» – «богатые».

Рисунок 1. Динамика психологического состояния населения Вологодской области в 1998–2013 гг. (в % от общего числа респондентов)

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, 1998–2013 гг.

Рисунок 2. Динамика психологического состояния 20% наименее обеспеченных жителей Вологодской области в 1998–2013 гг. (в % от общего числа респондентов)

Примечание. Рамкой выделены данные по варианту «прекрасное, нормальное состояние».

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, 1998–2013 гг.

Рисунок 3. Динамика психологического состояния 20% наиболее обеспеченных жителей Вологодской области в 1998–2013 гг. (в % от общего числа респондентов)

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, 1998–2013 гг.

Кроме того, несмотря на положительную динамику средних показателей уровня денежных доходов, можно отметить, что социальная поляризация и дифференциация, возникшие вследствие форсированного роста самых высоких доходов, не уменьшаются, а продолжают нарастать, что подтверждается неизменной повышательной динамикой коэффициентов фондов и Джини (см. табл. 1).

Основу денежных поступлений населения России, как и во всех индустриальных странах, составляют трудовые доходы – заработная плата и предпринимательский доход. Ключевую роль здесь играет оплата труда: согласно официальным статистическим данным в последнее десятилетие в структуре доходов населения Вологодской области она составляет около 50%, хотя её вес постепенно снижается (52% в 2000 г.,

47% – в 2012 г., табл. 3)³. Следует отметить существенный прирост вклада социальных трансфертов в общий объем денежных поступлений населения. Их доля стала значительно повышаться с 2008 года (17,3%), достигнув в 2012 году четверти совокупного дохода. Связано это с тем, что увеличение социальных выплат явилось одной из попыток Правительства РФ выравнять доходную обеспеченность на различных этапах жизненного цикла домохозяйств. Причём наращивание объема социальных выплат происходило как за счёт социальных пособий, так и за счёт пенсий.

Однако, как свидетельствует коэффициент замещения, **размер пенсионных выплат** невелик и по-прежнему не обеспечивает адекватную замену заработной платы,

³ В среднем по России в 2012 году доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения составила 65,7%.

Таблица 3. Структура доходов населения Вологодской области в 2000–2012 гг.

Источники доходов	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Доходы	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе:								
оплата труда	52,1	55,7	49,2	52,8	49,7	48,0	48,6	47,1
доходы рабочих и служащих от предприятий и организаций (кроме оплаты труда)	2,5	1,6	1,7	1,7	1,6	1,5	1,8	1,9
от предпринимательской деятельности	10,1	10,1	8,8	10,0	11,5	10,9	10,6	9,3
социальные выплаты	14,8	17,7	15,4	17,3	21,3	24,7	24,7	24,9
доходы от собственности	4,3	6,0	4,9	3,9	3,1	3,3	3,1	4,0
от продажи валюты	2,3	1,4	0,8	0,7	1,5	1,0	0,7	0,6
прочие доходы	13,9	7,5	19,2	13,6	11,3	9,6	10,5	12,2
Источник: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – М., 2013. – 371 с.								

и это служит одним из барьеров модернизации. В России коэффициент замещения определяется как соотношение средней величины трудовых пенсий и среднемесячной заработной платы, в международной практике – как соотношение размеров назначенных пенсий и предпенсионной зарплаты. Следует отметить, что ни тот, ни другой показатель не дают полную характеристику ситуации: первый ничего не говорит о дифференциации размеров пенсий или их связи с величиной заработной платы и стажем, а второй не учитывает изменение пенсий после их первоначального назначения. Международная организация труда (МОТ) предлагает считать целевой величиной пенсий по старости 40% от утраченного заработка. Но данный стандарт, принятый еще в 1952 г. в принципиально иной социально-экономической ситуации, потерял свою актуальность, что доказывают международные сравнения (табл. 4).

В среднем по странам-участницам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) коэффициент замещения составляет 58%. Его величина существенно варьируется даже в группе развитых стран, входящих в ОЭСР. Макси-

мальные коэффициенты замещения часто наблюдаются в странах с доходами ниже среднего, а минимальные – в наиболее богатых странах. Так, в Греции показатель в 1,5 раза выше, чем в Великобритании, Японии или США (без учета добровольного страхования) [4].

В России соотношение средних размеров пенсии и зарплаты впервые превысило 35% в 2010 г., но по итогам 2012 г. оно составило 34%. В Вологодской области значение коэффициента замещения несколько больше, чем по стране в целом, – 43% в 2012 году (рис. 4). Однако достигнутый уровень показателя всё ещё уступает уровню многих иностранных государств. Например, в развитых странах (Германия, Бельгия), где наблюдается относительно низкий, сопоставимый с российским, уровень коэффициента замещения по «обязательным» пенсиям, как правило, широко распространена система добровольного пенсионного страхования, что обеспечивает высокий общий уровень пенсионных выплат. И лишь в немногих странах (Мексика, Южная Корея, Япония) полный коэффициент замещения (с учетом добровольных схем) сопоставим с российским.

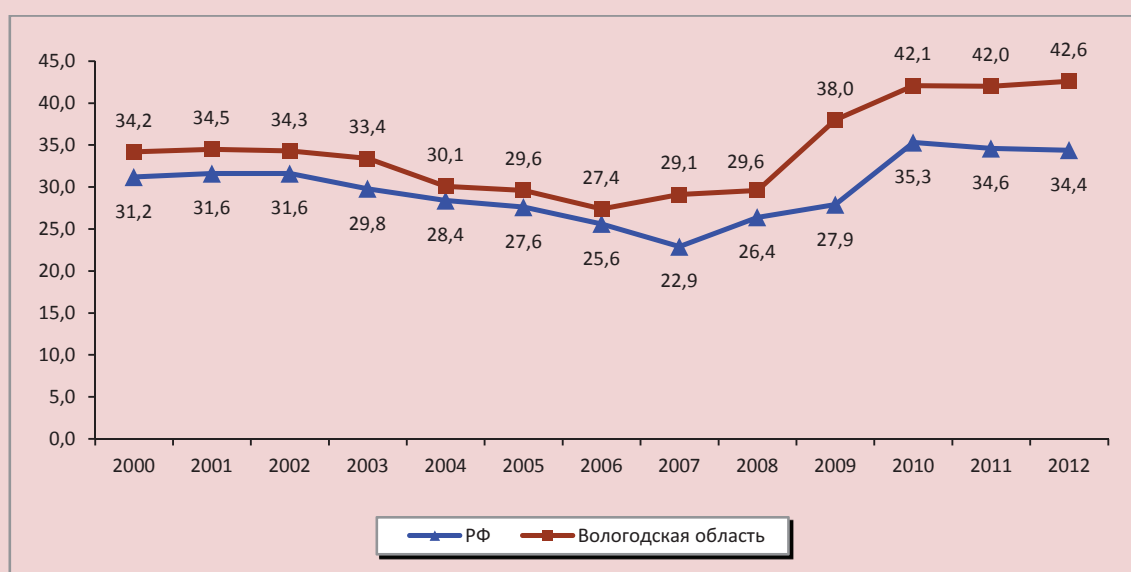
Таблица 4. Значения коэффициентов замещения по странам в 2013 г.

Страна	Коэффициент, %	Страна	Коэффициент, %
Нидерланды	91,4	Канада	51,0
Израиль	86,7 (76,8)*	Новая Зеландия	50,1
Дания	83,7	Польша	48,8
Австрия	76,6	Чили	45,5 (36,6)
Испания	73,9	Мексика	44,7
Исландия	73,8	Ирландия	44,2
Венгрия	73,6	Корея	43,9
Италия	71,2	Германия	42,0
Словацкая Республика	67,9	Бельгия	41,4
Турция	66,8	США	41,0
Греция	64,0	Словения	40,6
Австралия	60,2 (55,8)	Великобритания	37,9
Чешская Республика	59,9	Япония	37,5
Люксембург	59,3	<i>В среднем по ОЭСР</i>	<i>57,9 (57,2)</i>
Франция	59,1	Саудовская Аравия	100 (87,5)
Швейцария	58,4 (57,6)	Аргентина	96,2 (88,9)
Швеция	55,6	Китай	82,5 (65,1)
Эстония	55,3	Индия	60,4 (56,3)
Португалия	55,0	Бразилия	57,5 (52,3)
Финляндия	54,8	Индонезия	14,1 (13)
Норвегия	52,3	ЮАР	11,8

* 86,7 (76,8) – для мужчин и женщин соответственно.

Источник: Pensions at a Glance 2013 [Electronic resource]: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries. – Available at: <http://www.oecd.org/pensions/pensionsataglance.htm>

Рисунок 4. Динамика коэффициента замещения в Российской Федерации и Вологодской области в 2000–2012 гг.

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 717 с.

Поскольку сейчас лишь небольшое число российских граждан используют практики дополнительного пенсионного обеспечения, то можно прогнозировать сохранение сравнительно низкого по сравнению с зарубежным уровнем пенсий по старости, а также вполне вероятное сокращение материальных возможностей пожилых людей.

Важным индикатором модернизационного успеха является **доля предпринимательских доходов** в общей структуре доходов населения. Развитие предпринимательства рассматривается большинством экспертов как «драйвер» модернизации. Однако в период наиболее быстрых темпов экономического роста роль указанного вида доходов несколько снизилась, и в настоящее время их доля составляет чуть более 9% (как по РФ, так и по Вологодской области).

Согласно данным опросов ИСЭРТ РАН, доля населения Вологодской области, основным видом деятельности которого является предпринимательство, достигает не более 6%. При этом, во-первых, большинство включено в предпринимательскую практику через личное подсобное хозяйство (ЛПХ), а во-вторых, для представителей высокодоходной группы не характерен доход от продажи сельскохозяйственной продукции. Здесь стоит подчеркнуть, что ведение ЛПХ не является признаком модернизационного развития.

Степень готовности населения к модернизационным процессам можно оценить и по **доле доходов от собственности**. Судя по данным Росстата, в целом по стране доходы от собственности и финансовых активов составляют лишь 5–10% общего объема доходов населения, а по Вологодской области они ещё ниже. Причем в динамике показатель уменьшается — до 4% в 2012 году (см. табл. 3).

Таким образом, формирование доходов на основании новых принципов, отличных от тех, которые действовали в советский период, характерны лишь для 3–5% жите-

лей области (в России — около 8%). В то же время 20–25% населения развитых стран характеризуют доходы от собственности и предпринимательства как значимые источники своих денежных поступлений [12]. Учитывая, что в постперестроечные годы совокупная доля этих видов доходов достигала 20–23% (например, 22,9% по России и 20,4% по Вологодской области в 1995 г.), можно говорить о возможных резервах увеличения вклада указанных видов поступлений в общую структуру доходов населения РФ. Хотя в последние годы в нашей стране не происходило каких-либо институциональных или экономических изменений, позволяющих увеличить данные показатели.

Еще одним залогом успешности модернизации является широкая вовлеченность населения в **процессы инвестирования и кредитования**. Организованные сбережения граждан традиционно служат источником внутренних инвестиций в национальную экономику, а поэтому их объем можно считать ресурсом экономического развития территории. Увеличение вложений граждан в банковские вклады и другие сберегательные инструменты свидетельствует о росте доверия населения как к учреждениям финансового сектора, так и к государству в целом, что, в свою очередь, благоприятствует ориентации экономики на «длинные» деньги и переходу к инновационному типу развития. Значима и социальная роль сбережений: это и «запас прочности» в ситуации кризиса, и вспомогательный фонд для реализации долгосрочных стратегий экономического поведения, связанных с инвестициями в образование, здоровье, а в конечном счете — в развитие человеческого потенциала. Кредитное поведение, влияющее, наряду со сберегательным, на объем внутреннего спроса, способствует активизации экономической деятельности. То есть чем сложнее и разнообразнее обозначенные практики финансового по-

ведения населения, тем больший положительный эффект это несет для экономики и социальной сферы [7].

В структуре расходов населения Вологодской области за рассматриваемый двенадцатилетний период сбережения стабильно составляют около 5–6% расходов. Увеличилась по сравнению с началом 2000-х гг. доля обязательных платежей и взносов, к которым относятся и платежи населения по кредитам. Заметно вырос удельный вес расходов населения на покупку недвижимости: с 0,7% в 2000 г. до 2,6% в 2012 г.

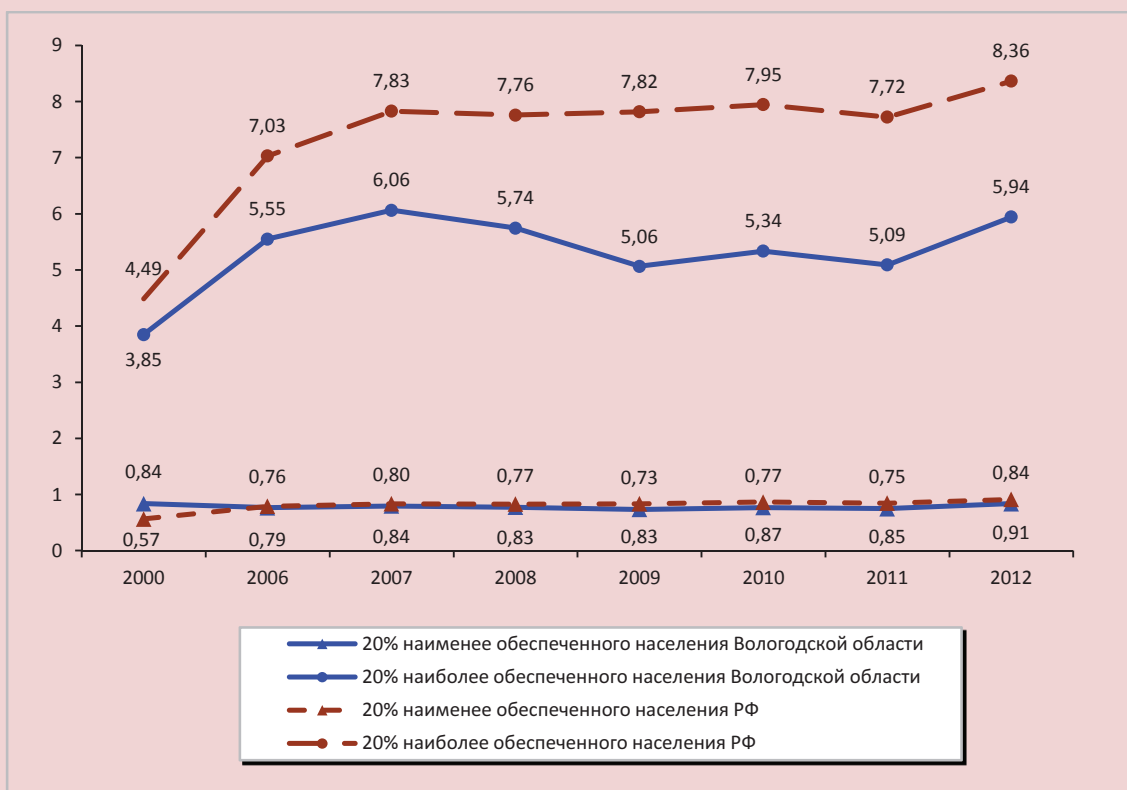
По результатам опросов ИСЭРТ РАН включенность населения в кредитно-сберегательные модели, после заметного расширения в 2001–2004 гг., стабилизировалась

на уровне 20–30%: в 2013 г. сбережениями располагали 24% жителей области, а около 30% использовали банковские кредиты [3].

Однако следует констатировать тот факт, что большинство домохозяйств либо не имеют сбережений и кредитов, либо реализуют самые простые формы сберегательного и кредитного поведения. Сходные тенденции финансового поведения прослеживаются и по России в целом [1].

Включенность населения в более сложные формы финансового поведения ограничена их материальным состоянием. Положительная динамика доходов с начала 2000-х годов нивелируется незначительным снижением неравенства населения по материальному признаку. Как видно из данных *рисунка 5*, за более чем десятилетний

Рисунок 5. Отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму в разрезе доходных групп населения за период с 2000 по 2012 г., раз*

* Рассчитано по: Российский статистический ежегодник: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 717 с.; Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сборник / Вологдастат. – М., 2013. – 371 с.

период доходы наименее обеспеченной части населения, и в Вологодской области, и в России в целом оставались почти на неизменном по сравнению с прожиточным минимумом уровне, который составлял 80–90% его величины.

Для оценки региональных особенностей по вышерассмотренным параметрам благосостояния, влияющим на успешность модернизационных процессов, был проведен корреляционно-регрессионный анализ и сформирована группировка субъектов РФ по степени доходного неравенства населения. Все стоимостные показатели по регионам были приведены в сопоставимый вид с помощью показателя стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Связь показателей описывается следующим уравнением множественной регрессии:

$$y = 6,84 + 0,0003178x_1 - 0,00000000008214x_2 + 0,001865x_3 + 0,000319x_4 - 0,0000000000004839x_5$$

$$F = 19,893; P < 0,00000$$

$$R = 0,757; R^2 = 0,573$$

где y — коэффициент фондов, раз;

x_1 — среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.;

x_2 — среднемесячный размер назначенных пенсий, руб.;

x_3 — доля предпринимательского дохода в общем объеме дохода населения, %;

x_4 — доля доходов от собственности в общем объеме дохода населения, %;

x_5 — средний размер вклада (депозита) физических лиц на рублевых счетах в Сбергательном банке РФ, руб.

Парные коэффициенты корреляции не превышали величины 0,8, т.е. факторные признаки отобраны корректно и между ними отсутствует тесная зависимость. Значение коэффициента множественной детерминации $R^2 = 0,573$ свидетельствует о том, что изменение коэффициента фондов

на 57,3% обусловлено влиянием изменения уровней включенных в уравнение факторов и, соответственно, на 42,7% — влиянием изменения других факторов.

На основе значений коэффициента фондов были выделены четыре ярко выраженные группы регионов. Распределение строилось на основе международных значений коэффициентов фондов таким образом, что первые три группы сопоставимы с граничными значениями коэффициентов стран ОЭСР (такими, как Великобритания — 13,8 раза, США — 15 раз), а четвертая группа — стран Латинской Америки (коэффициент фондов представлен на уровне от 18 раз и более).

В целом наблюдается схожая для всех групп тенденция: с увеличением коэффициента фондов от группы к группе увеличиваются уровень доходов, а также размер вкладов в сберегательном банке. Однако имеются и некоторые отличия (табл. 5).

Характеризуя первую группу, подчеркнем, что значения отобранных показателей ниже среднероссийского уровня, за исключением лишь доли предпринимательских доходов и размера пенсий. К регионам данной группы относятся в основном слаборазвитые, депрессивные территории, такие как Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, в которых ВРП на душу населения находится на уровне стран третьего мира. Примечательно, что к данной группе относится и Вологодская область. Несмотря на то, что показатели дифференциации доходов населения на протяжении более чем десятилетнего периода значительно ниже среднероссийских, размер заработной платы в регионе не дотягивает до общестранового уровня. Вместе с тем необходимо отметить негативные последствия финансово-экономического кризиса для области, изменившего её статус с региона-донора на регион-реципиент [9].

Таблица 5. Группы субъектов РФ по степени неравенства населения*

Субъекты РФ	Характеристика регионов	2007	2012
<i>1 группа субъектов РФ (28 субъектов)</i>			
Тверская обл. (11,2), Волгоградская обл., Костромская обл., Респ. Алтай, Респ. Карелия, Ивановская обл., Владимирская обл., Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Тыва, Алтайский край, Вологодская обл., Респ. Мордовия, Кировская обл., Респ. Ингушетия, Чувашская Респ., Псковская обл., Еврейская авт. обл., Смоленская обл., Респ. Северная Осетия–Алания, Саратовская обл., Камчатский край, Рязанская обл., Удмуртская Респ., Респ. Калмыкия, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Хакасия, Тульская обл., Ленинградская обл. (12,9)	Коэффициент фондов, раз	11,2	12,1
	Среднемесячная заработная плата работников, руб.	10743	20376
	Среднемесячный размер пенсий, руб.	3871	9215
	Доля предпринимательского дохода, %	11,8	10,1
	Доля доходов от собственности, %	4,0	2,5
	Средний размер вклада (депозита) физических лиц в сберегательном банке РФ, руб.	4521	9520
<i>2 группа субъектов РФ (29 субъектов)</i>			
Ставропольский край (13,1), Пензенская обл., Хабаровский край, Архангельская обл., Респ. Марий Эл, Амурская обл., Оренбургская обл., Томская обл., Приморский край, Ярославская обл., Калининградская обл., Чеченская Респ., Ульяновская обл., Курская обл., Мурманская обл., Брянская обл., Липецкая обл., Респ. Адыгея, Ростовская обл., Курганская обл., Челябинская обл., Калужская обл., Орловская обл., Забайкальский край, Астраханская обл., Нижегородская обл., Респ. Саха (Якутия), Воронежская обл., Кемеровская обл. (14,9)	Коэффициент фондов, раз	13,9	13,8
	Среднемесячная заработная плата работников, руб.	12242	22804
	Среднемесячный размер пенсий, руб.	3782	9454
	Доля предпринимательского дохода, %	11,2	9,8
	Доля доходов от собственности, %	5,2	2,7
	Средний размер вклада (депозита) физических лиц в сберегательном банке РФ, руб.	4768	11276
<i>3 группа субъектов РФ (19 субъектов)</i>			
Новгородская обл. (15), Респ. Дагестан, Респ. Бурятия, Белгородская обл., Сахалинская обл., Тамбовская обл., Новосибирская обл., Иркутская обл., Магаданская обл., Чукотский авт. округ, Московская обл., Краснодарский край, Омская обл., Респ. Коми, Респ. Татарстан, Красноярский край, Респ. Башкортостан, Пермский край, Свердловская обл. (17,7)	Коэффициент фондов, раз	16,0	16,2
	Среднемесячная заработная плата работников, руб.	13107	25354
	Среднемесячный размер пенсий, руб.	3883	9333
	Доля предпринимательского дохода, %	11,8	9,8
	Доля доходов от собственности, %	4,8	2,9
	Средний размер вклада (депозита) физических лиц в сберегательном банке РФ, руб.	5014	11045
<i>4 группа субъектов РФ (4 субъекта)</i>			
г. Санкт-Петербург (19,5), Самарская обл., Тюменская обл., г. Москва (27,3)	Коэффициент фондов, раз	22,9	21,6
	Среднемесячная заработная плата работников, руб.	15445	31759
	Среднемесячный размер пенсий, руб.	3577	8932
	Доля предпринимательского дохода, %	8,6	5
	Доля доходов от собственности, %	8,2	7,2
	Средний размер вклада (депозита) физических лиц в сберегательном банке РФ, руб.	7268	16776
* Регионы ранжированы по значению коэффициента фондов за 2012 год. Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сборник / Росстат. – М., 2013. – 990 с.			

Во вторую группу вошли относительно развитые субъекты: слабоосвоенные территории с экспортно-ресурсной направленностью и так называемые аграрные регионы. Значения показателей, характеризующих уровень жизни населения, здесь несколько выше, что нивелируется повышением неравенства населения по материальной принадлежности.

Третья группа представляет собой более урбанизированные региональные образования Центра, Северо-Запада, Урала и Сибири. В число указанных регионов входит и Республика Дагестан, в которой высокая дифференциация доходов обеспечивается за счет высокой доли социальных трансфертов населению.

Четвертая группа субъектов, для которой характерна наиболее высокая степень неравенства населения (сюда вошли города Москва и Санкт-Петербург, Самарская и Тюменская области), также имеет отличительные особенности. Во-первых, это высокие значения размера среднемесячной заработной платы и банковского вклада (значение по этой группе превышает значение в соседней, третьей, группе в 1,2 и 1,5 раза соответственно). Во-вторых, низкая доля предпринимательского дохода в структуре доходов населения. В-третьих, значимая роль доходов от собственности (7,7% против 2,8–3,7% в других группах).

Стоит отметить, что согласно исследованиям ИСЭРТ РАН [6] субъекты, вошедшие в 3 и 4 группы, в большинстве своем обладают наибольшим социально-экономическим потенциалом модернизации, отражающим то, насколько имеющиеся в регионах производственные отношения, приоритеты развития, социальные программы направлены на решение задач модернизации.

Таким образом, показатели благосостояния служат объективными индикаторами модернизационного потенциала террито-

рии. С одной стороны, активное внедрение и использование инноваций во всех сферах общественной жизни, требующее соответствующей квалификации и активности работников, непременно сопровождается ростом материального благополучия (как за счет повышения зарплат, так и за счет более широкой социальной поддержки).

Однако, с другой стороны, усложняющиеся процессы производства и модели отношений предъявляют новые качественные требования к человеческому капиталу и создают новые факторы дифференциации, усиливая социально-экономическую поляризацию населения. До сих пор крайне малы значения показателей, учитываемых и важных при формировании слоя людей, которые не просто понимают необходимость модернизации, но и являются активными проводниками прогрессивных идей и моделей поведения. Так, в Вологодской области совокупная доля обеспеченных и богатых людей по оценке собственных доходов составляет 12,4%, получение предпринимательского дохода характерно лишь для 2,7% населения, доходов от собственности – для 1,9%.

Российские исследователи, изучающие подобные вопросы, склоняются к различным выводам. Так, Е.М. Аврамова отмечает, что небольшой рост материального благосостояния населения, наблюдающийся в последнее время, не сопровождается расширением социально-экономических возможностей. По ее мнению, современная социально-экономическая ситуация «...латентно нестабильна и не имеет явного общественного стимула к модернизации» [1]. М.К. Горшков отмечает, что «социальные неравенства создают климат конфронтационности и нетерпимости, препятствуют достижению национального согласия, порождая при этом резкий разрыв между обществом и властью», тем самым замедляя системную модернизацию,

развитие экономики, блокируя ее переход к инновационной стадии [5].

Поэтому политика, направленная на повышение благосостояния, а далее – экономической и гражданской активности населения, не может основываться только на росте заработной платы в определенных сферах деятельности и увеличении социальных трансфертов. Тем более что действующая в настоящее время система распределительных отношений не только не позволяет выделить резервы для реализации вышеуказанных действий и не способствует снижению социально-экономического неравенства, но и усиливает существующие диспропорции (о чем сви-

детельствуют расчеты полученного нами уравнения множественной регрессии).

Следовательно, для того чтобы способствовать уверенному и согласованному движению российских регионов по пути модернизационных преобразований, необходима четкая государственная позиция и дальновидная политика, учитывающая интересы производства и инноваций, нацеленная на улучшение качества жизни, повышение экономической активности населения (в том числе в наукоемких и бюджетных отраслях), что в идеале будет способствовать наиболее полной реализации модернизационного потенциала территорий страны.

Литература

1. Аврамова, Е.М. Рост материальной обеспеченности населения: благодаря чему и с какими последствиями? [Текст] / Е.М. Аврамова // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 1. – С. 5-15.
2. Агеева, С.Д. Неравенство в ресурсных экономиках федеративного типа [Текст] / С.Д. Агеева // *Регион: экономика и социология*. – 2013. – № 2 (78). – С. 66-88.
3. Белехова, Г.В. Кредитное поведение населения: современные аспекты (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] / Г.В. Белехова // *Вопросы территориального развития*. – 2014. – № 1 (11). – ежим доступа : <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=3490>
4. Бутов, В.И. Основы региональной экономики [Текст] : учеб. пособие / В.И. Бутов, В.Г. Игнатов, Н.П. Кетова. – Ростов-н/Д : Март, 2000. – 448 с.
5. Горшков, М.К. Социально-политическое измерение модернизации российского общества [Текст] / М.К. Горшков // *Гуманитарий Юга России*. – 2012. – № 1. – С. 23-32.
6. Гулин, К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов [Текст] / К.А. Гулин // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2012. – № 4. – С. 42-58.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. [Текст] / под редакцией А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. – М. : ПРООН в РФ, 2011. – 146 с.
8. Зарубина, Н.Н. Человеческие ресурсы российской модернизации: к новой парадигме исследования [Текст] / Н.Н. Зарубина // *Вестник МГИМО-Университета*. – М. : МГИМО(У). – 2010. – № 6 (15). – С. 7-14.
9. Костылева, Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование [Текст] : монография / Л.В. Костылева; под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. – 223 с.
10. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы [Текст] : сборник статей и материалов. – Выпуск 2 / под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с.
11. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст] : монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
12. Овчарова, Л.Н. Изменения в доходах и потреблении российских домашних хозяйств: от бедности к среднему классу [Текст] / Л.Н. Овчарова, А.И. Пишняк, Д.О. Попова // *SPERO*. – 2013. – № 18. – С. 7-36.
13. Тихонова, Н.Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России [Текст] / Н.Е. Тихонова // *Тerra economicus*. – 2012. – Том 10. – № 1. – С. 135-146.
14. Шабунова, А.А. Уровень жизни населения как индикатор модернизационных процессов [Текст] / А.А. Шабунова, А.И. Россошанский // *В мире научных открытий*. – 2013. – № 12.1 (48). – С. 127-150.

Rossoshanskii A.I., Belekhova G.V.

Welfare of the population as an indicator of modernization potential of the territory

Aleksandr Igorevich Rossoshanskii – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, alexanderrossy@mail.ru)

Galina Vadimovna Belekhova – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, belek-galina@yandex.ru)

Abstract. The article presents the results of a research into population's welfare as the basis of modernization processes. The authors carried out a comprehensive analysis of statistical and sociological data and highlighted the specifics of welfare in Russia and in the Vologda Oblast in terms of formation and use of money income; they also revealed the proportion of the population who are objectively ready to economic modernization.

The authors revealed the emerging positive trends that show increasing involvement of the population in the savings-and-credit models. However, the scale of changes is not so great, and it covers only a small part of highly well-off population.

In order to assess regional specifics, the authors grouped the RF subjects according to the level of income inequality of the population and other parameters of welfare that have an impact on the modernization potential of a territory. Judging by the indicators of the selected four groups of regions, the largest socio-economic potential of modernization is observed in the subjects with high income inequality.

The authors have come to a conclusion that under the current circumstances modernization is possible only in the presence of legitimate and competent authorities capable of radical democratization and the strengthening of basic social institutions; besides, the formation of that part of the population, which is objectively ready for modernization transformation of the economy and society depends directly on the presence of conditions that promote the achievement of decent financial welfare of the people.

Key words: welfare of population, incomes and expenses, socio-economic inequality, modernization.

References

1. Avraamova E.M. Rost material'noi obespechennosti naseleniya: blagodarya chemu i s kakimi posledstviyami? [The Growth of Financial Welfare of the Population: due to What and with What Consequences?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2013, no.1, pp. 5-15.
2. Ageeva S.D. Neravenstvo v resursnykh ekonomikakh federativnogo tipa [Disparities in the Resource Economies of a Federative Type]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2013, no.2(78), pp. 66-88.
3. Belekhova G.V. Kreditnoe povedenie naseleniya: sovremennye aspekty (na primere Vologodskoi oblasti) [Borrower Behavior of the Population: Modern Aspects (Case Study of the Vologda Oblast)]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no.1(11). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=3490>
4. Butov V.I., Ignatov V.G., Ketova N.P. *Osnovy regional'noi ekonomiki: ucheb. posobie* [The Essentials of Regional Economics: Textbook]. Rostov-on-Don: Mart, 2000. 448 p.
5. Gorshkov M.K. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie modernizatsii rossiiskogo obshchestva [Socio-Political Dimension of the Modernization of Russian Society]. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2012, no.1, pp. 23-32.

6. Gulin K.A. K voprosu o sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii rossiiskikh regionov [On the Issue of Socio-Economic Modernization of Russian Regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no.4, pp. 42-58.
7. *Doklad o razviti chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2011 g.* [Report on Human Development in the Russian Federation for 2011]. Ed.by A.A. Auzan and S.N. Bobylev. Moscow: PROON v RF, 2011. 146 p.
8. Zarubina N.N. Chelovecheskie resursy rossiiskoi modernizatsii: k novoi paradigme issledovaniya [Human Resources of the Russian Modernization: towards a New Research Paradigm]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Herald of MGIMO-University], 2010, no.6(15), pp. 7-14.
9. Kostyleva L.V. *Neravenstvo naseleniya Rossii: tendentsii, faktory, regulirovanie: monografiya* [Inequality of the Population of Russia: Trends, Factors, and Regulation: Monograph]. Under the supervision of V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor. Vologda : ISERT RAN, 2011. 223 p.
10. *Modernizatsiya Rossii: usloviya, predposylki, shansy: sbornik statei i materialov* [Modernization of Russia: Conditions, Prerequisites, Chances: a Collection of Articles and Materials]. Issue 2. Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Tsentr issledovani postindustrial'nogo obshchestva, 2009. 272 p.
11. Shabunova A.A., Gulin K.A., Lastochkina M.A., Solov'eva T.S.. *Modernizatsiya ekonomiki regiona: sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Modernization of the Region's Economy: Socio-Cultural Aspects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 158 p.
12. Ovcharova L.N., Pishnyak A.I., Popova D.O. *Izmeneniya v dokhodakh i potreblenii rossiiskikh domashnikh khozyaistv: ot bednosti k srednemu klassu* [Changes in Income and Consumption of Households in Russia: from Poverty to the Middle Class]. *SPERO*, 2013, no.18, pp. 7-36.
13. Tikhonova N.E. Chelovecheskii potentsial rossiiskikh modernistov i perspektivy modernizatsii v Rossii [Human Potential of the Russian Modernists and Prospects for Modernization in Russia]. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 1, pp. 135-146.
14. Shabunova A.A., Rossoshanskii A.I. Uroven' zhizni naseleniya kak indikator modernizatsionnykh protsessov [Standard of Living of the Population as an Indicator of Modernization Processes]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the World of Scientific Discoveries], 2013, no.12.1(48), pp. 127-150.

О роли эволюционной и институциональной теории в решении проблем региональной экономики

IV Всероссийская летняя школа молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики

Актуальность и острота проблем, стоящих перед страной и регионами, требуют от федеральных и региональных органов государственной власти активизации деятельности по поиску путей их решения и применения широкого спектра методов и инструментов управления социально-экономическими процессами.

В последние десятилетия в управлении социально-экономическими процессами является общепризнанным институциональный подход. С 1970–1980-х годов его всё активнее стала применять мировая экономическая наука. Согласно этому подходу институты в самом широком понимании рассматриваются как формальные и неформальные «правила игры», упорядочивающие и структурирующие человеческую

деятельность. Стоит отметить, что представители институционального направления в экономической науке неоднократно получали Нобелевскую премию по экономике (Р. Коуз, Д. Норт, Р. Фогель).

Интерес к эволюционной и институциональной экономике устойчиво растет и в России. Как справедливо подметил Л.И. Абалкин, на современном этапе развития «применение универсальных схем финансовой стабилизации, неизбежно игнорирующих своеобразие конкретно-исторических условий той или иной страны, оказывается малопродуктивным... Не менее важны для роста и такие параметры, как исторические традиции, духовный склад населения, система ценностных установок, уровень правосознания, словом, все то, что

выступает в качестве институциональных слагаемых социально-экономической системы¹.

Как показывает практический опыт, управление социально-экономическим развитием региона с позиций институционального подхода требует, во-первых, включения в предмет исследования институтов, определяющих «правила игры» и мотивацию деятельности социальных субъектов.

Во-вторых, необходимо учитывать взаимосвязь политических и экономических институтов².

В-третьих, при управлении развитием должны быть подвергнуты детальному анализу эндогенные и экзогенные факторы формирования институциональной среды. К эндогенным обычно причисляют собственно экономические факторы развития хозяйственных систем разного уровня, и прежде всего экономическую эффективность технического прогресса. Этим объясняется, в частности, специальное обсуждение проблем регионального научно-технического потенциала. К экзогенным относятся внеэкономические социальные

и политические факторы регионального развития, имеющие определяющее значение при функционировании общественных институтов.

В-четвертых, необходимо уяснить взаимосвязи и противоречия формальных и неформальных институтов. Таким образом, следует согласиться с А. Мовсесяном в том, что «...для построения эффективной экономической системы в России необходимо создать адекватные современному уровню технологического и экономического развития институты, учитывающие исторически сложившиеся традиции и правила экономической деятельности»³.

С целью организации исследований фундаментальных проблем эволюционной экономической теории, включая вопросы методологии, институциональных и структурно-технологических изменений, социально-экономической динамики и воспроизводственных процессов, в 1994 году в г. Москве был создан Центр эволюционной экономики, руководителем которого является академик РАН В.И. Маевский. В работе Центра принимают активное участие известные российские экономисты — действительные члены Российской академии наук С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, В.Л. Макаров, В.М. Полтерович, А.Я. Рубинштейн и др., представляющие ведущие академические учреждения: Институт экономики РАН, Центральный экономико-математический институт РАН и др.

Важным направлением работы Центра является популяризация эволюционной методологии в экономических исследованиях. Начиная с 2008 г. Центр инициирует проведение Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики.

¹ Абалкин Л.И. Институционально-эволюционная теория и ее прикладные аспекты // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С. 4-5.

² К политическим институтам, регулирующим региональные политико-экономические взаимодействия в России, Т.И. Заславская, в частности, относила административно-территориальное деление государства, властную вертикаль органов регионального управления во главе с Центром. По ее мнению, «политический институт властной иерархической вертикали региональных органов во главе с центром постоянно совершенствуется. При сохранении общего принципа взаимодействия между уровнями региональной иерархии его развитие идет в направлении более свободного порядка установления взаимных прав и обязанностей звеньев управления с учетом интересов населения, проживающего на их территориях, а также усиления договорного начала при установлении компетенций разных уровней регионального управления». См.: Социальная траектория современной России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. — Новосибирск: Наука, 1999. — 272 с.

³ Мовсесян А. Институциональный подход к стратегии социально-экономического развития // Экономист. — 1998. — № 4. — С. 24-29.

Четвертая Всероссийская летняя школа молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики, организованная Центром эволюционной экономики и Институтом социально-экономического развития территорий РАН, состоялась в г. Вологде в период с 9 по 12 сентября 2014 г. Открывая сессию, академик РАН *В.М. Полтерович* и д.э.н., профессор *В.А. Ильин* подчеркнули важность данного мероприятия для региона и города, повышенный интерес к нему не только молодых ученых, но и практиков.

В работе Школы участвовали в качестве лекторов ведущие российские ученые – представители эволюционного и институционального направления экономической науки, в числе которых академики РАН

В.И. Маевский, *В.М. Полтерович*, члены-корреспонденты РАН *Б.Г. Клейнер* и *Е.В. Попов*, доктора наук *Б.А. Ерзнкян*, *Р.М. Качалов*, *С.Г. Кирдина*, *В.Н. Лившиц*, *Р.М. Нуреев*.

С лекциями по практическому применению институционального подхода в региональной экономике выступили сотрудники Института социально-экономического развития территорий РАН – доктора экономических наук *Т.В. Ускова* и *А.А. Шабунова*. Тематика лекций представлена в *таблице*.

Их слушателями стали представители научных и высших учебных заведений из таких городов, как Москва, Сыктывкар, Апатиты, Екатеринбург, Вологда, Череповец, представители Правительства Вологодской области и Администрации г. Вологды.

Тематика лекций в рамках Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики

№ п/п	Лектор	Тема лекции
1.	<i>Маевский В.И.</i> – директор Центра эволюционной экономики Института экономики РАН, академик РАН	Основные положения новой теории воспроизводства
2.	<i>Полтерович В.М.</i> – заместитель директора Московской школы экономики МГУ, заведующий сектором макроэкономики Института экономики РАН, почетный профессор Российской экономической школы, академик РАН	Экономические реформы: предпосылки успеха и причины неудач
3.	<i>Клейнер Г.Б.</i> – заместитель директора ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН	Какая экономика нужна России?
4.	<i>Попов Е.В.</i> – ректор Высшей экономической школы при Институте экономики УрО РАН, член-корреспондент РАН	Трансакционная теория институтов
5.	<i>Ерзнкян Б.А.</i> – заведующий лабораторией стратегии экономического развития ЦЭМИ РАН, д.с.н., профессор	Эволюция институтов, социальных структур и кодов
6.	<i>Качалов Р.М.</i> – заведующий лабораторией издательской и маркетинговой деятельности ЦЭМИ РАН, д.э.н., профессор	Регулирование риска институциональных деформаций
7.	<i>Кирдина С.Г.</i> – заведующий сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики РАН, д.с.н., профессор	Особенности эволюционно-институциональной теории в России
8.	<i>Лившиц В.Н.</i> – заведующий лабораторией анализа эффективности инвестиционных проектов Института системного анализа РАН, д.э.н., профессор	О необходимости смены парадигмы государственной политики России Оценка эффективности инвестиционных проектов
9.	<i>Нуреев Р.М.</i> – заведующий кафедрой макроэкономики ФГБОУ ВПО Финансовый университета при Президенте РФ, д.э.н., профессор	Олимпийский политически-деловой цикл: тенденции развития
10.	<i>Ускова Т.В.</i> – заместитель директора по научной работе Института социально-экономического развития территорий РАН, д.э.н.	Современные институты развития территорий: теоретические основы и практика
11.	<i>Шабунова А.А.</i> – заместитель директора по научной работе Института социально-экономического развития территорий РАН, д.э.н.	Демографическое развитие России: трансформация институтов

Участники мероприятия высоко оценили уровень его организации, а также итоги работы Летней школы: средние оценки составили 9,6 и 9,5 балла соответственно (по 10-балльной шкале).

Полезность данного мероприятия слушатели Школы видят прежде всего в возможности встречи и обмена мнениями с ведущими учёными в области эволюционной и институциональной экономики, а также расширения кругозора и получения новых знаний и в возможности их практического применения.

В последний день работы Летней школы состоялась Всероссийская конференция молодых исследователей «Эволюционная и институциональная экономика: вопросы теории и практики». В рамках конференции были организованы три секции.

Участниками секции № 1 стали более тридцати человек, которые обсудили широкий спектр вопросов развития экономических и финансовых институтов России.

Значительное число докладов было посвящено проблемам производственной сферы. В частности, младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) *А.Н. Анищенко* представила анализ эффективности государственной поддержки АПК в муниципальных образованиях Вологодской области. Старший научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты) кандидат экономических наук *А.А. Биев* рассмотрел проблемы предстоящей газификации Мурманской области. Научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты) кандидат экономических наук *А.А. Гасникова* остановилась на особенностях энергоснабжения в регионах Севера. Младший научный сотрудник

Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар) аспирант *М.А. Шишелов* обосновал факторы роста эффективности функционирования лесной промышленности. О влиянии ценовых пропорций в развитии сельского хозяйства России слушатели узнали из доклада научного сотрудника Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (г. Москва) *Д.А. Ползикова*. Современным институтам развития регионального плодово-ягодного комплекса был посвящён доклад младшего научного сотрудника, заместителя заведующего отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) *В.С. Ускова*. Проблемы устойчивости бюджетной системы региона и пути их решения рассмотрел младший научный сотрудник этого института *А.В. Галухин*.

Два выступления затрагивали проблемы инвестиционного развития регионов. Преподавателем Вологодского государственного университета *Н.Ю. Атаевой* был дан анализ инвестиционной активности в регионе и обоснованы перспективы инвестиционной деятельности, а *А.Н. Чанаргиной*, научным сотрудником Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты), раскрыты институциональные условия трансформации сбережений в инвестиционный ресурс региона.

Участники секции обсудили также институциональные аспекты управления на муниципальном уровне. Это направление исследования было освещено в выступлениях младших научных сотрудников Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда): *Н.В. Ворошилов* обосновал необходимость

использования институтов развития в зависимости от уровня социально-экономического развития территорий; *С.А. Кожевников* обозначил проблемы внедрения института государственно-частного партнерства в жилищно-коммунальном хозяйстве региона; *А.А. Зачесов* рассказал о роли института социального корпоративизма в трансформации городской среды. Проблему влияния рисков хозяйственной деятельности на становление институтов затронули в своих докладах аспиранты Института экономики РАН (г. Москва) *М.С. Круглова* и *А.И. Волынский*.

На заседании секции № 2 рассматривались проблемы формирования технологического уклада в условиях глобализации. В работе секции приняли участие более 20 молодых исследователей из Москвы, Череповца, Вологды.

Младший научный сотрудник, заместитель заведующего отделом инновационной экономики Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) *Е.А. Мазилев* раскрыл современные методы и механизмы развития промышленности в регионе. Об институтах инновационного развития региональных социально-экономических систем шла речь в выступлениях представителей этого Института – младшего научного сотрудника *В.Н. Маковеева* и заместителя заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах кандидата экономических наук *Р.Ю. Селименкова*.

Преподаватель Вологодского государственного университета кандидат экономических наук *А.А. Щербакова* проинформировала слушателей о возможности оптимизации трансакционных издержек при коммерциализации технологий. Проблемам развития туристской и автодорожной инфраструктуры были посвящены вы-

ступления младших научных сотрудников Института социально-экономического развития территорий РАН *А.В. Величкиной* (г. Вологда) и *А.С. Еремеевой* (г. Череповец). Опытом реализации механизма государственно-частного партнерства в г. Вологде, идеологии социального корпоративизма поделился начальник департамента стратегического планирования и инвестиционной политики Администрации г. Вологды кандидат экономических наук *К.А. Задумкин*. Экологические проблемы регионального развития и управление природными рисками были затронуты в докладах младшего научного сотрудника Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) *А.П. Кузнецова* и старшего научного сотрудника Института народнохозяйственного прогнозирования РАН кандидата экономических наук *Н.Е. Терентьева*. Младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) *Н.П. Кашинцев* познакомил слушателей с результатами моделирования социального самочувствия населения региона.

В заседании секции № 3, на которой обсуждалась роль теории эволюционной и институциональной экономики в решении социальных проблем, участвовали более двадцати человек, из них тринадцать выступили с докладами.

Научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) кандидат экономических наук *К.Н. Калашников* остановился на специфике маркетинга на рынке медицинских услуг. О функционировании социальных институтов рассказали младшие научные сотрудники этого Института: *А.В. Попов* – о МРОТ как инструменте регулирования трудового поведения населения; *А.И. Россошанский* – о взаимосвязи

социально-экономического неравенства населения по доходам и качества модернизационных процессов; *А.М. Панов* — об аспектах институционализации трудоустройства и занятости населения.

Заведующий лабораторией исследования социальных процессов Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) кандидат экономических наук *М.В. Морев* изложил основные тенденции социального здоровья российского общества. Младшие научные сотрудники данного института *А.В. Короленко* и *В.Н. Барсуков* рассмотрели негативные качественные изменения в демографических процессах, а *Л.Н. Фахрадова* — качество и уровень жизни социально незащищенных категорий; *О.Ю. Мазепина* дала расширенную трактовку качества жизни населения как экономической категории.

Роль новой институциональной экономической теории в контексте современной экономической парадигмы раскрыла аспирант Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург) *Д.М. Казакова*. Преподаватель Вологодского государственного университета кандидат экономических наук *В.С. Орлова* обосновала направления развития лечебно-оздоровительного туризма. Из доклада младшего научного сотрудника Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда) *Е.Д. Разгулиной* участники собрания узнали о такой форме взаимодействия власти и бизнеса, как социальное партнерство. Аспирант Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина *О.В. Барашкова* высказала предложения по проблемам повышения эффективности использования ресурсного потенциала сельскохозяйственных предприятий молочного животноводства.

На наш взгляд, следует отметить важное практическое значение данного мероприя-

тия. Его проведение позволяет расширить межрегиональные научные контакты; апробировать методы эволюционного и институционального анализа; внедрять результаты научных исследований в образовательный процесс. Об этом также свидетельствуют оценки участников конференции — 9,6 балла из десяти.

В целом, по итогам конференции ее участники резюмировали, что институциональные преобразования России в период рыночных трансформаций требуют глубокого переосмысления научным сообществом актуальных вопросов формирования нового технологического уклада, развития экономических, финансовых и социальных институтов, межрегионального сотрудничества в условиях глобализации, перспектив социально-экономического развития страны. При этом немаловажным аспектом решения данных задач является широкое привлечение молодых ученых к разработке теоретико-методологических подходов и методов эволюционной и институциональной экономической теории для анализа современных проблем российского общества. Исходя из необходимости решения этих задач, участники конференции рекомендуют следующее.

Научному сообществу — продолжить исследовательскую работу по разработке методологических подходов и методического инструментария эволюционной и институциональной экономической теории, направленных на модернизацию и реструктуризацию экономики регионов с акцентом на ускоренном развитии отраслей и производств, составляющих основу нового технологического уклада.

Региональным органам государственной власти — в управлении социально-экономическим развитием территорий более активно применять современные институты развития, обеспечивающие комплекс-

ное развитие экономики и территорий, наращивание собственных налоговых поступлений и укрепление доходной базы, шире использовать потенциал центров территориального развития, способствующих расширению доступа большинства населения к качественным услугам образования и здравоохранения.

Органам представительной и исполнительной власти, научно-исследовательским учреждениям, высшим учебным заведениям — усилить аналитическую, экспертную и организационную деятельность по поиску наиболее эффективных институциональных форм и методов управления социально-экономическими процессами.

Необходимо развивать взаимодействие между органами власти, бизнес-сообществом, наукой и СМИ, распространять имеющийся на местах положительный опыт формирования социально-экономических институтов и управления ими.

Участники конференции высоко оценивают результаты совместной работы и считают целесообразным проведение подобных мероприятий на регулярной основе. Есть основания полагать, что знания и опыт, полученные участниками Летней школы и научно-практической конференции, будут способствовать экономической и социальной модернизации российских регионов.

Т.В. Ускова

*доктор экономических наук,
заместитель директора ИСЭРТ РАН по науке*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 1940100000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Пресса России»: подписной индекс **41319**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> журнал										41319	
	(индекс издания)											
	«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»											
	(наименование издания)								Количество комплектов:			
	на 20__ год по месяцам:											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
(фамилия, инициалы) Тел.												
Доставочная карточка												
ПВ		место литер		на <u>газету</u> журнал		41319						
(индекс издания)												
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»												
(наименование издания)												
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов				
		пере-адресовки		руб.		коп.						
на 20__ год по месяцам:												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 28.10.2014.
Дата выхода в свет 31.10.2014.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,8. Тираж 1000 экз. Заказ № 292.
Свободная цена.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru